

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + Make non-commercial use of the files We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + Refrain from automated querying Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + Maintain attribution The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + Keep it legal Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

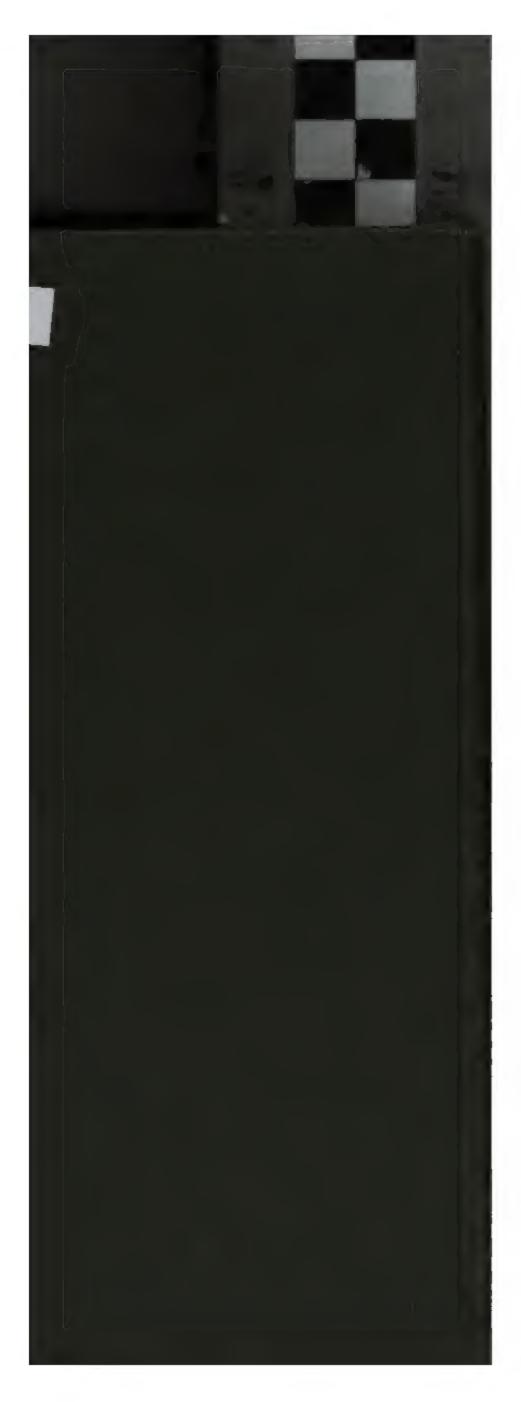
- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
 Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
 - В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
 - Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

University of Michigan Shraries,

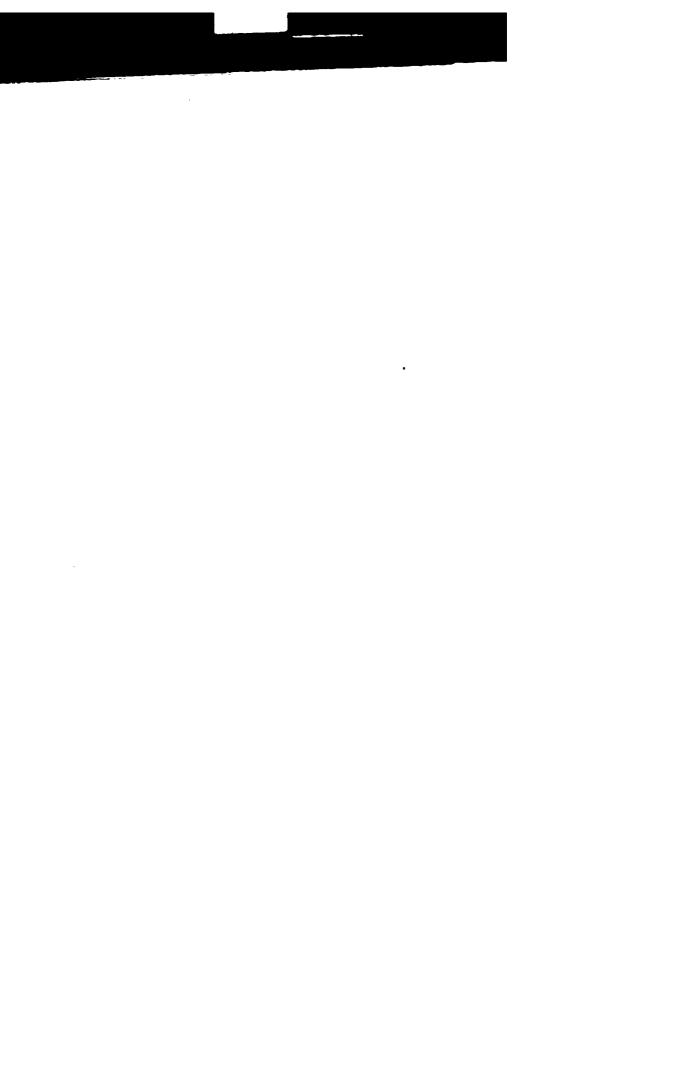

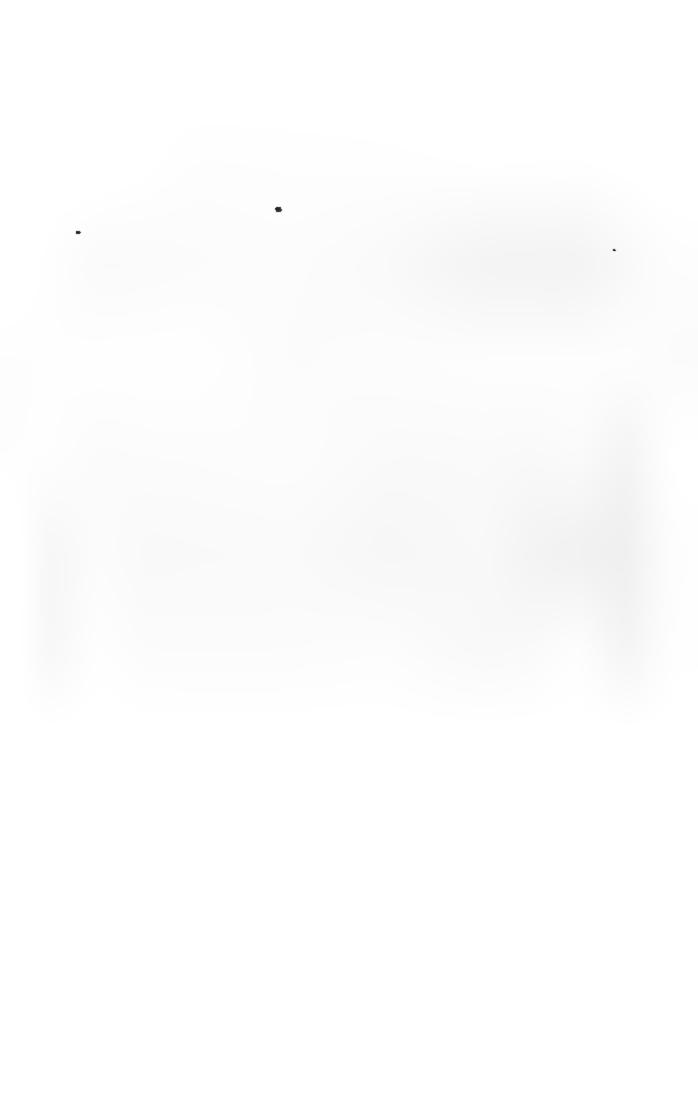

•		

•

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerox by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1962

полное собрание

COUMHEHIÑ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

254-1

05-276423.

COUNHEHIA Kukolnik, Nestor Vasil evich. BECTOPA RYKOIBHURA.

Noewemu u Pasckasm.

I

C-HETEPBYPTS.

Heratano by theorpaois II. Chimona.

1851.

891.78 K949 1851a V.1

печатать позволяется,

съ тъмъ, чтобы по напечатанін представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число вкасмиляровъ. С.-Петербургъ 23 Іюля 1851 года.

Цевсоръ Ал. Крылосъ.

Abdoman Mempobna

AXPPHOXIL

I.

- «А что, Волчокъ, воротился Тихонъ Пикитичъ отъ Государя?...» спросилъ князь Петръ Пвановичъ Прозоровскій у круглаго карлика, который лежалъ на окиъ, какъ котъ, и прищурясь, грълся на солнышкъ....
 - «Охохохъ! Петруша!» отвъчалъ карликъ:» Такое безвременье! ночи не спимъ; пишемъ, да иншемъ; Государь сто разъ на день спрашиваетъ: а туть еще въ мопастыръ такъ тъсно!... въ одной кельъ и бояринъ и я думаемъ, и дьяки пишутъ, и допросы чишимъ, а объдать изволь въ трапезу: а отецъ Сильвестръ такой скупой; вчера былъ пятокъ, и рыбы не далъ; какъ будто и мы монахи съ Андрюшкой; я еще, чай, проживу, а ужъ дьякъ Андрюшка не выдержитъ. Ужъ когда Успъніе было!... Отецъ Сильвестръ и на осепь не глядитъ; печекъ пе топитъ; видишь, у него па монастыръ лъто, а за оградой морозъ.»
 - «Полно, Волчокъ, стерпится, слюбится; къ Рождеству, дастъ Богъ, въ Москву перевдемъ....» сказаль князь, улыбаясь.

- «Къ Рождеству, Петруша?» завопиль карликъ: «Умру, ей Богу, умру....» И заплакалъ. Вошло пъсколько человъкъ и князь оставиль карлика, который полежалъ, позъвалъ, да съ горя и заспулъ.
 - «А, генераль, давно ли изъ Москвы?
 - «Съ часъ съ мъста» отвъчалъ Гордонъ.
 - «Были у Государя?»
 - «Былъ...»
 - «Пу, что въ Москвъ?»
 - «Очень смънию, князь.»
- «Какъ смъшно?... то есть, весело, хотъли вы сказать?»
- «Пътъ, нътъ! Ни какая опибка не есть? Очень смъшно: Царевна велитъ Стръльцамъ на походъ, а Стръльцы илакають, ломають руки, ходятъ въ церкви; бояры дълають одинъ другому визитъ, день и ночь, и ни на какое дъло ръшиться не могутъ. Я получилъ указъ и пошелъ кланяться къ Василю Василичу Голицыну. Старий человъкъ въ Москвъ, и отъ Государя еще абшидъ не имъетъ! Онъ меня посылалъ кланяться къ Софъъ Алексъеннъ и къ Ивану Алексъевичу.... Я отвъчалъ: имъйте милость, киязъ, меня извинитъ; я не могу: въ указъ не есть сказано. И я прямо отъ васъ къ солдатамъ, и потомъ въ Троицкой Монастырь. Адъё!»

Вошелъ бояринъ Борпсъ Алексъевичъ Голицыпъ. За пимъ толпа разнаго рода сановниковъ, стрълецкій полковникъ Циклеръ, и другіе.

- «Что, пе возвращался Тихонъ Никитичъ?.... спросилъ бояринъ.
 - «litte eme.»
- «Плохо, плохо!... Чъмъ все это кончится?» сказаль боярипъ, ходя по узкой компатъ, гдъ една давали ему дорогу присутствовавшіе, прижимаясь къ стънкамъ.
 - «Что плохо, бояринъ?» спросилъ кпязь.
- «Плохо, плохо. Миру не будеть.... Бъда, какъ человъкъ въ осьмиадцать лътъ, а умъ въ сорокъ!...»
- «Да отчегожъ бъда?»
- «Упрямится! Миру не бывать. Слушать ничего не хочеть!... Судить всъхъ, да и только; всъхъ судить по отцеву закону нещадно; и сестру царевну, и князь-Василья Васильича Голицыпа, и леонтья Романовича Пеплюева, всъхъ, всъхъ!... Удивилъ! Просто удивилъ! Патріарха хотълъ судить, да Іокимъ покаялся и, что царевна говорила, все выдалъ.... Плохо! плохо!...
 - «Да отчего же плохо?»
- «Да оттого илохо, киязь, что я за Василія больно боюсь....»
- Свой своему по-неволь другь; оно такъ, Борисъ Алекскевичь, да пе бойся: киязь Василій на честпой службъ выросъ, ума ему не занимать; гръшцаго совъта не подастъ.
- «То-то и бъда, что совътовалъ царевиъ въ Польшу бъжать....»
 - «Въ Польшу! закричали всв.

- «Ну, нечего сказать!» съ грустью сказаль князь: опростоволосился.... Да върно ли это?»
- Патріархъ выдалъ. А какъ патріархъ сказалъ такъ и Татьяна Михайловна, и Мареа и Марья Алексъевны повинились, что слышали.... Вся надежда на Тихона Инкитича: судить-то придется ему....»
- «Въстимо ему; да только Тихонъ Инкитичь, какъ самъ знасшь, не милостивецъ: что опъ, что уложенье, всё равно....
 - «Авось уломаемъ. Только помогите.»

Двери отворились и вст замолчали. Вошель боярина Тихонъ Инкитичъ Стръишевъ. Величіе и доброта, смъшанныя съ глубокою грустью, остияли окладистое, красивое лице боярина; дьяки песли за вимъ бумаги. Волчокъ вскочилъ съ окпа и подбъжалъ къ нему. Стръишевъ, гладя его по головкъ, съ привътною, но принужденною улыбкою, сказалъ предстоявнимъ: «Здравствуйте, добро пожаловать!... Ие я, неволя задержала.... Богъ милостивъ....» — и усълся въ большія кресла, которыя съ трудомъ дотащилъ до него Волчокъ, приговаривая: «Пу кресла! Знать ихъ за трудъ старцы таскають.»

«Полковникъ!» сказалъ Стръшневъ грозпо, и Циклеръ поблъдиълъ. Хотя опъ по суду и остался оправданнымъ, но върность его была сомнительна, в послъдствія оправдали сомнъція:» Знаю, все зпаю, да хорошо, что повинился. Гръхъ великъ, такъ ступай, да Богу молись, да гляди, чтобъ опять не поскользнулся. Видитъ Богъ, подымать не стану. А за Лихонцевъ, если не суду, такъ Богу, отвътишь; всего трое изъ цълаго полка; не досмотрълъ; гдъ глаза были?... Андрюшка, роспись!

Дьякъ подаль большую книгу, гдв вписаны были имена преступниковь, преданныхъ суду, подъпредсъдательствомъ боярина Стръшиева.

«Много крови, много!... Да авось послъдній разъ. Приложи руку, Циклеръ; смотри, чтобы не отрубили, коли по сыску не то сыщемъ.... Ступай!»

Циклеръ расписался въ справедливости своихъ показаній и ушель; за нимъ отпустиль бояринъ почти всъхъ гостей. Остались: бояринъ Голицынъ, князь Прозоровскій и гепералъ Гордонъ.

- «Князь Петръ Пвановичь!» сказалъ Стръпіневъ, обращаясь къ Прозоровскому: «Тебъ есть нарядъ въ Москву.... Поъзжай и возьми Шакловитаго....»
- «Да какъ же я его возьму? Опъ въ палатахъ у Царевны. Слышно, спрятанъ; не выдастъ.»
- «Ты ужъ только новзжай; а не выдасть, хужо будеть. Его на судъ зовутъ: такъ и скажи; а что по суду окажется, Богъ зпаеть, не въдомо. Князь Петръ Ивановичъ, подымайся; время но терпитъ....»
 - «Да развъ Государь указаль?»
- «Пе мит же тебт указывать! Возьми ратныхъ людей у генерала, а стръльцамъ върить нельзя.... Да поклопись отъ меня Голицыну и скажи, что Богъ милостивъ. Пусть прихвориетъ на-время, когда совстмъ отстать старику пе приходится;

только, чтобы гръха берегся; а то ужь никто не номожеть; а на мой судъ пускай не идеть; слягу въ постель, а друга не помилую.«

Послв такого. откровеннаго разговора, Борису Алексъевнчу Голицыну, дальнему сроднику киязя Василья Васильевича, нечего было дълать у Стръшнева, и онъ ущель, нотупивъ голову, вмъстъ съ Прозоровскимъ. Остался одинъ только Гордонъ.

- «Генералъ, что ты сияль уже начало?»
- «Имълъ счастіе.»
- «Къ палатамъ царскимъ Государь стражи указать не изволиль; такъ ты пожалуй поставь своихъ надежныхъ, знаешь, такъ, гдъ-нибудь, по близости отъ налать; да чтобы миъ опи съ царскаго порога глазъ не спускали. Пошмаешь ли?»
 - «Я понимаю» отвъчалъ Гордонъ.
 - «Опъ пичего не боится, а мит старику отъ страха за Псго такъ и спа пътъ; а не то, я самъ буду торчать на порогъ.»
 - «Мы съ капитанами будемъ пе отходить.»
 - «Ладио, ладио, генераль. Да, воть, сегодня привезли злодъевь: сдадуть тебъ по этому списку.... Держи ихъ по-кръпче....»
 - «Они уже есть у капитана фонъ-Энке. Тамъ и три Лихонца.... Матушка ихъ просила меня, чтобы говорить съ Государемъ и съ вами объ пихъ....»
 - «Да что туть говорить! Падо колесовать, да и только. Такихъ злодъевъ можеть миловать Государь, а наше дъло законъ. Пускай бъеть челомъ Государю. Да гдъ опа?»

- «Здясь.»
- «Что ты, гепераль, хочень ей доброе двло сдълать? Такъ пропусти на монастырь; въ твоей власти; да пусть и сторожить Государя завтра у собора передъ объдней. Авось помилуеть!
 - «Я буду ей это сказать.»
- «Скажи, скажи.... Богъ милостивъ.... Прощай!»

Гордонъ ушелъ, а Тихонъ Пикитичъ погрузился въ чтеніе бумагь. Безмольно и педвижно торчали за его креслами два дьяка, а Волчокъ спаль на солнышкъ.

II.

Тронцко-Сергіевскій Мопастырь со встям посадами и окрестностями, въ ноловинъ сентября 1689 года, походилъ болъе на шумпую и мпоголюдиую столицу нежели па тихую обитель иноковъ. праздникъ былъ у Тропцы, не молельщики стеклись со всъхъ предъловъ Руси къ петлънпымъ мощамъ чудотворца: нътъ, ръшалось государственпое дъло; больше: ръшалась судьба Россіи. Въ зданіяхъ на монастыръ, проживали Петръ Алексъевичъ съ Государьшей родительшицей, тетка государева, Татьяна Михайловпа, съ двумя сестрами Петра, патріархъ и нъкоторые важивнийе сановники. Архимандрить Сильвестръ съ братьею переселился въ служебныя избы, очистивъ гостямъ свои кельи; на посадахъ жили бояре и разнаго рода чиновиые люди; стрълецкіе полки въ полв

простирались станомъ вилоть до Хатькова Монастыря: тамъ, въ монастырской гостиницв, твспилась разпородная толна приходящихъ; кто ни шель пи вхаль, сворачиваль къ Хатькову, желая сначала тайкомъ освъдомиться о тронцкихъ дълахъ; лаже послы царевны Софін, Бутурлинъ и князь Троекуровъ, не получивъ согласія Петра на свиданіе съ царевной, возвращались тъмъ же путемъ; по, къ огорчепію, пе могли пабрать добрыхъ слуховъ; напротивъ, они съ трудомъ пробирались и по большой московской дорогъ, покрытой поъздами и пъщеходами; ихъ вездъ встръчали и провожали насмъшками. Пародъ въдалъ, что царевна кается и, вмъстъ съ Петромъ, не вършлъ ея искренности. Акть обвиненія торжественно и всенародно былъ прочитанъ, въ присутствін Государя, съ крыльца тронцкихъ царскихъ налать. Орудія казин давно уже были выставлены въ полъ, не подалеку отъ монастырской ограды и наводили тренеть на любонытныхъ По такова звърская природа человъка: на-завтра любонытные спова тъснились около страшныхъ орудій и снова съ тренетомъ расходились. Со для на день ожидали трагическаго представленія; узнавали о времени; каждый произвольпо назначаль день и часъ; по казпь не могла совершиться безъ Шакловитаго, начальника стрълецкаго приказа и главнаго орудія честолюбивой Софін, и — толкамъ не было конца.

Одна только женщина не любопытствовала, не входила иъ толки. Поздно за полночь пришла она къ воротамъ Тронцкаго Монастыря и всъ надежды

ел рушились. Въ ворота пропускали только техъ, которые были лично знакомы нъмецкимъ капитанамъ или старшимъ сановникамъ. Опасеніямъ н распросамъ усердныхъ Ивмцевъ пе было конца: они входили во всъ подробности домашией жизни, во всв отношенія и связи, даже въ генеалогію приходящихъ. Мпогіе молельщики, случайно понавшіе въ тронцкое дело, изъ усердія Пемцевъ сидъли подъ кръпкой стражей, а ночью подвергались подозрительнымъ допросамъ. На одитхъ женщинъ не падали ихъ сомнънія, и воть ночему Авдотья Петровна Лихончиха могла просидъть у Тронцкихъ воротъ всю почь и утро. Пе мало бояръ, окольшичихъ, думпыхъ дьяковъ, прошло съ посадовъ на монастырь; каждый затыкаль уши, когда Авдотья Петровна просила покровительства, и это не риторическая фигура, итть, просто затыкалъ уши и, пробъгая въ ворота, кричалъ: «Не слышу, не слышу!» Имя трехъ Лихопцевъ наводило этоть ужась; они, вместе съ начальникомъ стрълецкаго приказа Шакловитымъ, вмъстъ съ Резаповымъ, Гладкими, Петровымъ и Чермнымъ, ъздили въ Преображенское на странный нодвигъ, разрушенный върностью двухъ стръльцовъ, Өсоктистова и Мельнова, которые увъдомили киязя Бориса Голицына о преступномъ умыслъ. Розыскное дъло было уже прочитано; сомпъний не оставалось; казпь была неизбъжна. Прівхаль изъ Москвы гепералъ Гордонъ и Лихончиха бросилась ему въ ноги.

^{— «}Я буду сказать.... сотвъчаль гепераль:»

Тихопу Пикитичу, а его Величеству не смъю; не мое дъло. Я сожалью тебя, по помочь не могу; поди па гостипищу; воть тебъ одипъ рубль; тамъ ожидай, я буду за тобой прислать, если Тихопь Пикитичъ будетъ позволять съ нимъ видъться.»

— «Благодатель ты мой, ангель ты мой, дай Богь теба... дай Богь всякаго счастія... благополучія!... дай Богь теба... не имать датей!...» въ слезахь вопила Лихопчиха; Гордонъ быль уже далеко; Авдотья Петровна всё-еще его благословияла, цалуя рубль и объщая положить его на раку чудотворца, если поможеть преклопить сердце царево на милость.

III.

Къ вечеру много людей собралось у монастырской гостиницы, всегда тихаго пристаница смиренныхъ молельщиковъ, а тенерь шумнаго въча безчисленныхъ толковъ, надеждъ, сказокъ и предсказаній. Въче шумъло на площадкъ передъ гостиницей, потому что въ комнатахъ жили придворные. Авдотья Петровна гръла старыя кости на заходящемъ солнышкъ; то молилась, то глядъла на дорогу къ монастырскимъ воротамъ; люди скоро замътили и старушку и душевную ея тоску и, больше изъ любопытства, нежели изъ состраданія, спросили: «Кого ты поджидаешь, матушка?»

^{— «}Пъмецкаго боярина; объщалъ прислать за миой.»

^{— «}Мало ему и безъ тебя дъла! Да и за тобой-

то посылать ему какая нужда! Пынче въ монастырь и старицъ не пускають: а ужъ такую старуху!...»

Люди смъялись.

- «Безъ дъла и бояръ пе пускаютъ, а за дъломъ и нищаго къ Государю пропустятъ.»
 - «За дъломъ?... за какимъ дъломъ?» Лихопчиха сказала, и люди разбъжались.

Старуха качала имъ во-слъдъ съдою головой, но въ то же время увидъла Гордопа, съ трудомъ встала, и, молча, съ невыразимымъ страхомъ, ожидала геперала; въ смущенномъ сердцъ думала она: «А что, если не за тобой, Авдотья?...»

— «Пу! « сказалъ генералъ: «Тихонъ Пикитичъ ни какую падежду не имъетъ. (Старуха упала на кольши и воздъвъ руки къ небу дослушала ръчь Гордона). А мы будемъ дълать такъ. Завтра, передъ объдней, приходи къ собору и жди на крыльцъ Государя. Я прикажу пустить тебя пройти.... Проси государя имътъ милость....»

Пстаруха безъ словъ повалилась на земь. Гордонъ ушелъ отъ благодарности; но вскоръ явился
нъмецкій солдатъ, отвелъ Авдотью Петровну въ
сторожевую избу, па посадъ, усадилъ на скамью,
пакормилъ чъмъ Богъ послалъ, и старушка, утомлешая продолжительною дорогою и душевною бурею, уснула, въ первый разъ послъ трехъ-дневной
безсонищы.

IV.

Колокола гудъли; благонестивые со всъхъ сто-

ронъ стремились къ разнымъ вратамъ монастыря, но пеумолимые Пъмцы отсылали ихъ въ церкви на посадахъ; не многіе, пользуясь или знакомствомъ или покровительствомъ сильныхъ, успели пройти на монастырь, но и оть этихъ не многихъ было тъсно и душно, не только въ соборномъ храмъ, но и вдоль по всей площадкъ отъ дворца до собора. Ожидали Государя. Архимандрить Сильвестръ въ полномъ облачении приготовился встрътить юнаго Царя; народъ жаждаль увидъть обожаемую надежду великихъ дълъ: тогда еще не видно было ни одного облачка, которое бы объщало страшную и благодътельную бурю, которая потрясла и осиъжила дряхлую Россію; невъдали, какими путями вознесется Петръ на престоль величія, по вършли, что юноша Царь есть предпазначенный строитель Россін; вършли, не условясь; вършли, глядя на красоту Государя, на орлиныя очи, на разумъ ръдкій, па волю жельзной твердости.... Безмольно, съ обнаженными головами, ожидали люди. Вдругъ въ толпъ раздался крикъ: «Къ самому Государю!» Толна невольно раздвинулась, и Авдотья Петровна остановилась у паперти.

— «Отойди, старушка, туть стоять не приходится....» сказаль послушникъ.

Лихоичиха не повиновалась.

- «Пошла прочь, баба!» закричалъ потъшный, и замахнулся тростью.
- «Убей, убей!» отвъчала она: «видить Богъ, спасибо скажу; только тебъ же, радость ты моя, и хорошть меня прійдотся.»

- «Пу, ступай съ Богомъ!» примолвилъ потънный, смягчая голось.
- «Пивите милость оставить ее!...» сказаль Гордонъ подходя къ потъшному: «Она вамъ и шикому не дълаетъ ин какое безпокойство.»

Раздался трезнопъ, толна попалилась на колтпа съ громкими и продолжительными ура! Петръ Алексъевичъ, безъ шанки, шелъ скорыми шагами, одинъ-одинехонекъ, кланяясь привътпо на объ стороны; архимандритъ Сильвестръ съ духовенствомъ и боярами появился на паперти и, воздъвъ руки, хотълъ начатъ привътственную ръчь.... Вдругъ изъ толны подиялась дряхлая, высокая женщина; слезы въ два ручья лились по лицу изрытому морщинами; губы, посинъвъ, дрожали; протянувъ руки къ Государю, она величественио, тихо, сдълала три шага впередъ и рухнулась къ ногамъ Петра безъ словъ, безъ стона.

Государь отступиль. Па лицъ его было написапо недоумъніе; онъ оглянулся.... возль никого не было.

- «Что тебъ надо, бабушка?» спросиль опъ, собственными царскими руками поднимая несчастную; одинъ Гордонъ, сбъжавъ съ наперти, осмълился помочь Государю.
- «Помилуй!...» могла только простопать Лихончиха, и спова повалилась къ ногамъ Государя.

Странно. Государь стояль неподвижно, не стараясь освободиться оть докучливой старухи, съ совершеннымъ споконствиемъ и спустя пъсколько миновений, спросиль ласково:

- «Пу, что бабушка, горе маленько отлегло, какъ поплакала? Говори же теперь, что надо?»
- «Помилуй дътей моихъ, солнышко наше, Государь православный, пенаглядный ты нашъ! Пе оставь старухи спротой безпомощной! Помилуй дътей моихъ!...»
 - . •Да кто твои дъти?
 - «. Інхонцы, батюшка-Государь!»

Парь нахмурился; по лицу пробъжало судорожное движение; Онъ отступилъ и, сказавъ отрывисто — «Пе властенъ, не властенъ!» — пошелъ впередъ. Ръчь архимандрита была очень коротка, и Государь съ духовенствомъ и боярами вступиль во храмъ.

«Паріо Пебесшій!» кричала старуха, пе вставая съ кольнъ во время ръчи Сильвестровой и обративъ глаза и руки къ собору: «Паріо Пебесный! ущедри сердце Царя нашего милостью, да помилуєть дътей моихъ, яко ты помиловалъ враговъ своихъ!»

Въ это время подходили къ собору Государыня родительница, Татьяна Михайловна, Марья и Мароа Алексъевны, и иткоторые сановники. Пельзя было идти дальше. Старуха на тъспой мощеной дорожкъ, по которой только и можно было пройти свободно, продолжала громко молиться. Вдохновенная горемъ, она ноходила на юродивую; пародъ со страхомъ глядълъ на нее. Глубокая печаль и сумасшестве — сосъди, и часто, не лишаясь разсудка, человъкъ въ глубокой печали говоритъ несвязно. Старушка усълась на мощеной дорожкъ; глаза

осунило сердечное пламя; она поглядвла на толпу и улыбиулась.... улыбиулась, ѝ всв отворотились. Стало страшно.

«Пошли молиться!» сказала Лихончиха, обращаясь къ толпъ: «чего зъваете?» Пошли молиться, а не то и вамъ придется на старости сидъть на голой плитъ и плакаться за дътей вашихъ! И я ли не молилась? — Сергій Радопежскій, чудотворецъ и заступникъ нашъ!» возвысивъ голосъ, кричала старуха: «повъдай Государю, какъ я каждый разъ, что подастъ мив Богъ сына, приходила пъшкомъ изъ Москвы къ честнымъ мощамъ твоимъ и каждый разъ, отъ достатка, все, что можпо было, все несла къ тебъ. И о чемъ я молилась, ты знаешь, чудотворецъ!... скажи Государю!»

Въ это время пъмецкая стража подошла къ по-счастной и тащила ее съ дорожки.

- «Пе тропь, Пъмецъ! Спроси у мепя, каково сердцу, когда отъ него дътей отрывають: а Государь не отецъ, что ли?»
- «Да пропусти Государыню!» толковаль ей Капитань.

. Інхончиха не понимала и стратно вопила.

- «Не тронь, не тронь! Государю пажалуюсь.»
- «Оставьте ес!» сказаль Государь, выходя съ Гордопомъ изъ собора:» Скажи мив, что могу тебъ я сдълать добраго, и отпусти меня къ объднъ.»
 - «Отдай детей, Государь!»
- «Не могу! Они злодъи. По мив, пожалуй! Я и такъ простилъ ихъ и за пихъ же пришелъ

молиться, да отпустить имъ Господь гръхи и не лишить царствія небеспаго.... Пе могу. Богь можеть все, а я не могу. П Богь меня поставиль царемъ на то, чтобы въ земномъ царствъ Его жила справедливость; а отъ прихоти ни казинть ни миловать не смъю.

— «Батюшка, Государь, за милость Господь не казинть. Всъхъ трехъ дътей бояре осудили. Злодъи они, и жизни не хватить, ин ихъ, ин моей, смертный гръхъ выплакать, и постомъ и молитвою очиститься передъ Богомъ и передъ людьми! Да взгляни, Государь, па мою безпомощную старость! Много ли мпъ на этомъ свътъ маяться? Милостыпи просить не умъю, а погляди на руки: не до работы.... А умирать придется, что собанъ въморозъ, на чистомъ полъ; пекому глазъ закрыть; пекому честной землъ предать.... Батюшка Государь, помилуй!»

Государь обпаруживалъ петерпъпіе, паконецъ, принявъ грозный видъ, сказалъ: «Слушай старуха! Пеняй па себя. Когда бы изъ-молоду дътей въстрахъ Божіемъ держала, да добру учила, не дожила бы до стыда и горя.»

Старуха до-той-поры сидъла, не могла отъ слабости подпяться; по упрекъ одушевилъ ее; собранъ послъднія силы, Лихопчиха встала, подошла къ Государю и сложивъ руки на груди, сказала тихо:

«Папраслина, Государь! У меня на дому дурнаго слова дъти не слыхали; какъ умеръ отецъ, я ихъ нуще глазу берегла ото всякаго зла; въ церковь водила; на домъ дьячокъ ходилъ, грамотъ училь, поученья изъ кингъ читаль, и по всей слободъ дъти мон указкой были. Выростила; старшему по осьмпадцатому, младшему но шестнадцатому годку пошло. Полно баловать, сказала я, пора Богу и Государю служить.... Одълась, одъла дътей, да въ то же утро и повела ихъ въ приказъ. Всъхъ трехъ въ Стръльцы отдала. «Что ты Авдотья Петровна дълаешь? говорили состди: • такихъ добрыхъ дътей, да еще и всъхъ трехъ, въ Стръльцы отдала!» — На то я ихъ добру и учила, чтобы опи на царскую службу были годпы, говорила я, и Бога благодарила, что помогъ такъ дътей поставить и Государямъ угодить. Такъ не я ужъ виновата, что въ Стръльцахъ испортились; не у меня подъ пачаломъ дуни ихъ гръхомъ погубили. Отдай ихъ, Государь, матери; вмъстъ каяться будемъ.... Государь, помилуй!»

И старуха упала и обвила руками ноги царскія.

• Ну, что дълать! • со вздохомъ сказаль Государь: «Господи, прости моему прегръщенно! Всъхъ не могу простить; выбери себъ одного, возьми и ступай съ Богомъ. Гордонъ, отпусти съ нею того сына, котораго она выберетъ. »

Государь возвратился въ церковь. Старуха лежала безъ чувствъ. Итмецкіе ратпики понесли ев къ оградъ; за ними задумчиво слъдовалъ Гордонъ.

٧.

[«]Что, Порохъ? гремя цъпями, сказалъ Семенъ

Лихонецъ: я маленько вздремнулъ. Звонили на достойную?»

- «Пе мъшай, Сова, дай «Върую» окончить....» отвъчалъ Алексъй, младиній Лихопецъ, и молчапів воднорилось, изръдка возвышался шепоть молитвы, и тотъ скоро затихъ.
- «Падо быть сегодпя праздникъ какой; цълый депь служатъ. Такъ, знаешь, непокойно, когда другіе молятся!»
 - · -- «Молись и ты Сова....»
- -Легко сказать! Пе даромъ совою прозвали: цълую почь не вздремнулъ; было время намолиться....»
 - «II я тоже!»
 - '«II я тоже!» сказали другіе два брата.
- «Да и пе такъ оно легко и заснуть, коли подъ ногами вода, а жельзо въ бока лъзетъ. Охъ! хоть бы выспаться передъ смертью....»
- «Пътъ, Выонъ! По мнъ, такъ покушать; спать и безъ того выспишься; жаль только, что врознь съ головой.
- «Далско не отскочить; не стрълецкой рукой спимать будуть...» отвъчалъ Сергъй, или такъ прозваный Стръльцами, Выопъ.
- «А слышали, братцы....» сказаль Алексъй: «какъ дьякъ запкался, когда читалъ попменный розыскъ?»
- «Какъ же не слытать! Да меня, знаеть, зависть брала; чай, этотъ дьякъ передъ тъмъ быка проглотилъ: знай облизывался....»

— «А ужъ правду сказать, мы-то имъ диво показали; на насъ только и смотръли....»

«Да чего трусить! А ужъ какъ розыскъ прочли и сказали, что Лихопцамъ только головы прочь, такъ я и рукой махнулъ и не удержался, громко сказалъ: «Ну коли только, такъ спасибо» и набольшому боярину въ поясъ поклопился.»

Поверги! они смъялись; они шутили падъ смертью, когда уже пришли къ ней на очную ставку и можеть-быть, одпо мгновеніе осталось до послъдней улики. И для пихъ бъжала бъдпая старуха изъ Москвы въ Троицу, боясь опоздать, распрацивая въ каждой деревушкъ: «Что? у Троицы еще ни чего пе было?» И за нихъ она молила такъ настойчиво Государя!... Пътъ! не за нихъ, за дътей родныхъ молила Авдотья Петровпа, въ душъ проклиная преступниковъ и преступленье.

«Слышъ, Порохъ, ъсть несутъ! Издали чую.»

И въ самомъ дълъ люди приближались къ жельзной двери; ключъ щелкиулъ: двери не отворялись....

«Пе могу, не могу! Дай, бояринь, схожу къ Государю; авось всъхъ трехъ помилуетъ.»

Гордопъ улыбнулся, и качая головою, примол-

- «Пътъ, больше ни какая милость не есть; я и па это пе имълъ пи какую падежду. Пойдемъ. Время дорого....»
- «Постой! постой! не отворяй. Одпого обрадую, двухъ убыю. Дай съ духомъ собраться....»
 - «Точно, матушка, время пътъ.»

Гордонъ сказалъ, махнулъ рукою: желъзныя двери завизжали, и Авдотъя Петровна уже висъла на шев Алексъя: опъ первый попался ей на пути.... Злодъп, по невольному чувству, услышавъ голосъ матери, встали; смертная блъдпость покрыла ихъ страшпыя лица; слезъ не было: они давно уже разучились плакать.

Ивсколько времени продолжалась намая встрача... Отступивъ и держа сыпа за плечи, старуха старалась всмотраться въ лицо и спросила едва слышно: «Алексай, ты ли!» Въ отватъ ни слова. «Семенъ! Семенъ!» И старуха обвила руки около старинаго, и раздались рыданія, и нолились слезы. «Сережа?» И третій изверть былъ въ объятіяхъ несчастной. По они не чувствовали сладости свиданія, горечи раскаянія: одинъ ужасъ вселяло въ иихъ присутствіе грознаго ангела, принедшаго казнить ихъ небеснымъ оружіемъ. Они молчали.

Гордонъ быль тронуть; по свиданіе было слишкомъ продолжительно, и Гордонъ отворачиваясь, чтобы скрыть слезу, дурно украшающую вониственное лице, сказаль: — «Пу, матушка, надо кончить. Котораго?...»

— «Котораго?» закричала она, опомпилась и пеописанный ужасъ разлился по старому челу: «Котораго!... (Вопросъ какъ-будто постепенно возрасталъ въ душъ несчастной старухи; съ нимъ росъ и ужасъ). — Семена, Семена! закричала она и снова бросилась обнимать его. Первенецъ ты мой; отецъ въ походъ пошель, какъ ты родился; ты былъ миъ все; и мужа тобой по-

мппала, и Богу при тебъ молилась, и спа не зпала у твоей колыбели...»

«Пу, такъ Семена!» сказалъ Гордопъ.

— «Пъть, нъть; постойте! А Сережа? а Алета... Чъмъ виповаты, что пе первенцы? А ужъ
какъ я любила Сережу! И какой уминца былъ! И
лучие бы мпъ добрыхъ людей послушать, въ приказъ отдать, чтобы дъяки письму учили... И опъ
то меня больше всъхъ любилъ! Бывало въ церковь; тъ пойдутъ или пътъ, а Сережа всегда удосужится; на рыпокъ, тоже. Къ сосъдямъ кто
проведетъ, кто за старухой прійдетъ? Сережа! Пе
было ни у кого въ околицъ другаго Сережи....

«Ну, такъ Сережу!

— «Алешенька, голубчикъ ты мой! II отецъ тебя благословить не успъль; за мъсяцъ до родовъ отошелъ: и ужъ плакала я съ тобой и надъ тобой!... Пе отдамъ я тебя, Алешенька, будь покоенъ; ты мое послъдисо пенаглядное дитятко: ужъ вмъстъ намъ и умирать!...»

«Да ръшай же, старуха!» нетвердымъ голосомъ сказалъ Гордонъ.

— «Бояринъ! не могу; не могу, бояринъ; видить Богь, не могу. Пусти къ Государю, пусти къ нашему солнышку. Что ощ ему!... У него столько пароду; пусть миъ дътей отдасть. Пусти!...»

И старуха рвалась къ дверямъ.

«Пельзя!» сказаль Гордонь, оправясь. И старуха задрожала всъмь тъломъ. «Одного, и скоръй, а то я самъ буду выбирать и съ дъломъ конецъ!»

— «Одного! одного!... и скоръй! А то и этого, пожалуй, отымуть! Сеня мой, Сережа, Алеша!...»

И старуха металась отъ одного къ другому, обнимала, цъловала, по ръшиться не могла. Любовь матери, какъ благодать, проникаетъ въ души самыя черныя, и Алексъй не выдержалъ, глядя на свою старуху: долго боролся съ сердцемъ, накопецъ громко заплакалъ и какъ-будто всъ условились: старуха, Гордонъ, пъмецкіе ратники, Семенъ и Сережа, разомъ зарыдали.

Услышавъ плачъ генерала, чуткая мать уже стояла передъ нимъ на колъпахъ и жалобно стопала:

- «Умилосердись!»

«Пътъ, я пе могу, матунка. Если бы я былъ государемь, ин одного бы не простиль, милость велика, и я буду все кончить. Жребій!...»

Бросили жребій, три камия: Гордонъ сдълалъ настчки на каждомъ, положилъ ихъ въ свою шляну и, подавая старухъ, сказалъ:

— «Вынимай.

Старуха вынимала камень, съ выражениемъ странной надежды: ей казалось, что Богъ номожетъ ей выпуть всъхъ трехъ.... Выпула, вскриквула — Алексъй! и упала безъ чувствъ.

«Уходи, Порохъ, сказалъ Семенъ, да мать возьми; не то очнется, онять ударится въ слезы; чего добраго, умретъ.

Гордонъ приказалъ вынести старуху на чистый воздухъ и не пускать въ темпицу. Съ Алексъя между-тъмъ спимали цъпи, распиливали кандалы

во всвхъ свидътеляхъ этого страшнаго случая. Несчастная мать, какъ-будто свыше пораженная неописаннымъ ужасомъ, выпрямилась и бодро, безъслезъ, безмолвная, долго стояла надъ мертвецомъ. Медленно рука ея отдълялась отъ груди и остановилась, какъ-будто указуя на трупъ злодъя.

Первый пачаль говорить Гордопъ.

- «Погоди, старушка! Дъло очень трудно. Я пойду и буду докладывать Его Величеству. Ты не виповата. Государь, върно, будеть тебъ прощать другаго сына.»

«Пе надо!» съ величественною простотою сказала Авдотья Петровна.»

- «Какъ, пе надо?...»
- «Окаянная грънница!» продолжала она совершенно покойно, покачивая головою: «На старость въры не хватило! Вздумала мъннаться въ дъла Господнія! Понимаень ли, бояринъ...» прибавила она, показывая на небо: «дъти мои осуждены ужо и тамъ! Разумъень ли? Это судъ Божій....»
 - «Чего же ты хочень, матунка?»
- «Пичего, добрый бояринъ, ровно пичего! Пътъ, есть просьба! Позволь мит взять тъло сына.... Да что я?... Въдь опо и такъ мое.»

И бросплась подымать Алексъя; по Гордонъ не допустиль: приказаль нести тъло своимъ ратин-камъ въ гостиницу, далъ старухъ три серебренные рубля на похороны, и пошелъ къ налагамъ царскимъ. Ворота отворились: начался выпосъ; дождь ударныъ ливьмя, и скоро кровь преступника

не въдомо куда попесли быстрыя волпы удалой Коплуры.

VII.

Государь съ Государыней родительницей, теткой Татьяной Михайловной, сестрами и бояриномъ Тихономъ Пикитичемъ Стръппевымъ сидъли за объденнымъ столомъ. Пе было веселія и въ царской бестдъ. Государь быль насмуренъ, и на всъхъ отпечатывалась тъпь тоски государевой.

— «Пе хвали меня, Тихонъ Пикитичъ! «сказалъ Петръ:» Пе подумалъ. Старуха разжалобила. Мнъ всё какъ-то не ловко. Такой вины я отпустить не могъ, не долженъ. Лихонцы преступники не расканные. И на допросахъ, какъ разбойники оставались печувствительными; и съ духовинкомъ были не искрении.... И прощенный умпожитъ только зло; ему добромъ не житъ...»

Государь не успълъ кончить: вбъжалъ любимець Его, Иванъ Михайловичъ Голицынъ, тогда еще иъжный юноша, отъ котораго перешла къ потомству повъсть, нами описаниая.

— «Что съ тобой, Ваня?» спросилъ Государь съ безнокойствомъ.

Блъдный, дрожа всъмъ тъломъ, Голицынъ инчего не могъ сказать; слова путались.

— «Я видъль... головой о камень.... умерь на мъстъ....»

Государь всталь. Вошель Гордонь, и объясииль дью. Петрь уналь на кольии передь образомъ Государь и спутники остановились; старуха примвтила ихъ, узнала Царя, и пала ницъ.

- «Богъ помощь, матушка!... куда и откуда?... вставай, полно чипиться» сказалъ Государь.
- «Домой съ могилы, надёжа-Государь...» отвъчала старуха.
 - «Съ какой могилы?»
 - «Да у дътокъ была!»
 - «А кто твои дътки?
 - «Лихопцы батюшка-Государь!»
 - «А гдъ же опи?
- `«Въ сырой землъ, ненаглядный ты мой: вотъ ужъ надо быть четвертая недъля пошла; стара стала, батюшка, и память плоха; да у меня на косякъ зарублено.... Каждый день, какъ прійду, и зарублю.»
 - «Зачъмъ же ты къ шмъ ходишь?»
- «Что ты это, батюшка Государь! Да кто же за пихъ молиться-то будетъ?... А тебъ въдомо, какіе опи злодъи: такъ ужъ если я ихъ у Бога пе вымолю, то павърное съ шими на томъ свътъ не увижусь...»
 - «Чъмъ же ты живень сама?»
- «ПЦепки по улицамъ собираю, да бъдпымъ ноину, кому на дрова депегъ не хватаетъ.
 - «А гдъ живень сама!»
- «Домъ свой, батюшка Государь; мужпинъ домъ; вчера я была въ приходъ и попу сказала: какъ умру, такъ возьми, батюшка, домъ пашъ па церковь, да молись за души гръшниковъ Лихон-цевъ.»

- «Послушай, старуха, мнъ жаль тебя; я хочу тебя пристроить!»
- «Богъ пристроитъ, надёжа-Государь, а тебъ деньги по-пужнъе нашего. А за милость твою царскую благодарствую.... Позволь пожку поцъловать.»

И не ожидая дозволенія, старуха почтительно коспулась устами царскаго сапога и отступила съ глубокимъ благоговъніемъ.

- «Какъ хочешь, матушка, а я къ тебъ булу!...» сказаль Государь и тропулся въ путь.
- «Милости просимъ, солнышко мое! милости просимъ!... На похороны!» сказала старуха во слъдъ Государю, и ношла своей дорогой.

X.

. Поздио ввечеру, когда совстмъ уже смерклось, къ дому Лихончихи подкатилась новая царская одноколка, впослъдствіи единственный любимый экипажъ Петра Великаго. Въ домъ всъ двери были отперты; произительный холодъ и сырость обдали гостей. Сосъди, примътивъ, что Государь вошель въ домъ Лихоичихи, гдъ съ пъкотораго времени вовсе не видали огия, поспъщили, кто со свъчей, кто съ фонаремъ къ старой Авдотьъ. Но ея уже не было, ни дома, ни впъ дома. Она переселилась въ лучшую обитель.

— «Примърная мать!» сказалъ Государь. «Гепералъ, Богъ лишилъ ее дътей: заступимъ ихъ мъсто!»

Лихончиха.

- «Я буду съ этимъ заниматься, Ваше Вел чество! Позвольте мив принимать похороны и мой кошть!»
- «По-поламъ, генералъ!» отвъчалъ Государ кръпко сжавъ руку върпаго своего слуги: «Мы проводимъ ее на могилу дътей, и первые бросил землю на гробъ доброй матери.»

жанъ батистъ людо.

Mcmopuneckas Moswemb.

ГЛАВА І.

триста ливровъ.

Казимиръ д'Аворъ скончался въ 1735 году, въ тебольшомъ Французскомъ городкъ Троа, оставивъ стыну своему, шестильтиему Антонію д'Аворъ, • тромпое паслъдство, состоявшее изъ многихъ по-» стій и домовъ въ Парижъ, Троа и другихъ го-Р Дахъ и въ движимости, простиравшейся цъйою п тьсколько сотъ тысячь ливровъ. При смерти п тешнаго Казимира д'Авора находились ближайшів АВЗ его сосъда: съ пракой стороны улицы: Парламентскій Адвокать Жань Батисть Людо, ученый человъкъ, о которомъ шиже, а съ лъвой: также Парламентскій Адвокать Симонъ Пуккаръ, о коемъ также будетъ говорено ниже.... Оба попали къ Умирающему нечаянно; прибъжали на плачь и **Брикъ отчаяннаго ребенка и прислуги; . Іюдо изъ** любопытства, Пуккаръ не безъ расчета и немного пораньше Людо.

— «Любезные состап!...» только и успълъ сказать имъ умирающій слабымъ голосомъ: «Пе оставьте вашимъ покровитеьствомъ и совътами бъднаго моего Антонія!»

- «Хорото, хорото!» отвъчалъ разсъянный Людо: «Вотъ какъ умрете, такъ увидите какой я чудесный сосъдъ! Мнъ еще не случалось быть сосъдомъ сироты. Я сдълаю опытъ и нанишу трактатъ о послъдствіяхъ. Что это вы? Умираете, совсъмъ умираете? Это любонытно! Станемъ наблюдать.»
- «Ахъ г. Людо!» замътилъ шепотомъ Пуккаръ: «Какой вы счастливый человъкъ! Вы можете спосить самыя сильныя ощущенія безъ малъйшаго призпака, что вы ихъ чувствуете.»
- «За чъмъ же я философъ и ученый! Мяв некогда чувствовать, мнъ надо паблюдать!»
- «Вотъ то-то и есть, г. Людо! Вамъ некогда чувствовать, вы должны наблюдать, а я, но званію опекуна, долженъ озаботиться, чтобы ни булавка не пропала изъ достоянія спроты. Въ подобныхъ случаяхъ, вы знаете, слуги, носторонніе люди, всъ спъщать воспользоваться!»

Пуккаръ говорилъ съ такимъ простодушіемъ, что всякій, а тъмъ болъе Людо, не могъ бы ему не повърить.

- «Такъ чего же вы зъваете!» сказалъ Людо, но довърчиво оглядываясь; но въ компатъ никого небыло: «Бъгите, распоряжайтесь и не мъщаите миъ наблюдать надъ разлукой души съ тъломъ. Воть видите, я и невидълъ какъ душа почтеннаго сосъда улетъла. И представьте, это сомпой случается не впервые. Всякій разъ я прозъваю душу.»
 - «Въ слъдующій разъ, г. Людо, въ слъдующій

разъ вы пепремънно ее увидите.... Но теперь приступныть къ опечатацію имъпія, согласно съ волей усопшаго, которую онъ намъ объявиль на одръ смерти....»

- «Ла, покойникъ говорилъ что-то объ этомъ. Пе припомните ли, что опъ говорилъ!»
- «Какъ вы забывчивы, г. Людо! Право удивительно, что съ такими учеными свъденіями, вы ин мало не соединяете житейскихъ знаній....»
- — «Да, это со мной случается!» сказаль Людо, нъсколько смутясь и покрасивиъ: «по, сдвлайте иплость, папомпите, что говорилъ покойникъ, я тотчасъ вспомпю....»
- «Какъ же! Просиль вась не оставлять покровительствомъ и совътами бъднаго Антонія....»
- «Точно такъ, точно такъ! Слово въ слово! Удивительная намять! Воть мив чего недостаетъ, чтобы блистать въ парламентъ краскоръчіемъ; я сочино ръчь дома очень хорошо, отмънно хорошо, приду въ парламентъ: посторонніе предметы, то, другое... и я не номню уже ни одного слова. По я теперь принимаю противу моей намяти дъйствительныя предосторожности. Сдълайте милость, нотрудитесь повторить, что говорилъ покойникъ, а я зашину въ намятную книжку.»

Пуккаръ сталь диктовать, остапавливаясь на каждомъ словъ, такъ что Людо не могъ ни какъ собрать полнаго смысла, да впрочемъ о томъ н незаботился. Пеуспълъ Людо спрятать въ карманъ памятной книжки, въ спальню вошелъ медикъ въ сопровождении Поля и другихъ слугъ покойнаго.

Поздаяя помощь! Поль не мало удивился, увидавъ незванныхъ гостей въ спальнъ своего господина. Особенно не правилось ему присутствие Пуккара. По изглянувъ на трупъ д'Авора, Поль бросился съ крикомъ къ постели покойнаго и предался отчаянию. Медикъ также подошелъ къ мертвецу, пощуналъ пульсъ, пожалъ плечами, какъ будто говорилъ: «Что дълать! спасенія не было! Онъ умеръ по всъмъ правиламъ медиципы...» и подошелъ къ Людо.

- Ахъ, мой добрый Жоржъ!» воскликнулъ Людо, съ примътнымъ удовольствіемъ: «Я потеряль сосъда, по за то нашелъ удивительное средство очищать бараній жиръ; пойдемъ ко мпъ, я вамъ покажу рисунокъ моей машшы....»
- «Позвольте, г. Людо!...» прервалъ Пуккаръ: «Потрудитесь исполнить послъдній долгъ, которымъ вы обязались покойнику....
- «Я очень хорошо помию г. Пуккаръ: не оставлять покровительствомъ и совътами бъднаго Антонія.»
- -- «Ахъ Боже ты мой, а описать и опечатать его бумаги и движимость....»
- «Признаюсь....» отвъчаль Людо, опять покраснъвь: «я сегодня все забываю; виновать не я, а бараній жирь По еслибъ вы знали, какой простой механизмъ!»
- . «Я готовъ слушать васъ цълую почь, по прежде исполнимъ нашу обязанность....»
 - «Такъ вы ко мнъ зайдете?»
 - «Пепремънно....»

- «И вы, г. медикъ?»
- «Если позволите!»
- --- «Такъ давайте-же описывать и опечатывать поскоръе!»
- «Главное кабинеть, а туть слуги пускай займутся съ покойшкомъ....»

Всъ трое ушли въ кабинетъ. Поль воспрянулъ, подпялъ голову, по скорбь была слишкомъ сильна и подавляла въ пемъ всъ силы мышленія. Голова Поля опять упала на холодиыя ноги д'Авора и слезы полились, ударили ручьемъ....

Па другой день, рано поутру, Парламентскій Адвокать Симопъ Пуккаръ представиль въ Магистрать описи всей наличной движимости нокойнаго, которую неразсматривая, онъ опечаталь, до дальнъйшихъ распоряженій правительства. Все это было подписано тъмъ же Пуккаромъ, а засвидътельствовано другимъ Парламентскимъ Адвокатомъ Людо, и медикомъ, яко третьимъ. За симъ Пуккаръ объявиль последнюю волю покойнаго на счеть опеки, ссылаясь на свидътельство Людо; магистрать все утвердиль, безь особенных в затрудненій, по потребоваль чтобы Людо засвидътельствовалъ послъднюю волю умершаго лично. – Послали за Людо; но посланный воротился и объявиль что г-ну Людо некогда, потому что онъ сидить на собственной крышт и дълаеть физическія наблюденія падъ дымомъ. В горой послапный воротился, уже вмъстъ съ Людо, когорый пришель безъ парика и шляны, съ банками въ объихъ рукахъ.

— «Что вамъ угодно, господа?» спросилъ онъ съ неудовольствіемъ: «Пу, вотъ я здъсь! Что вамъ угодно?»

Голова объявиль въ чемь дъло....

— «А знаю.... помню....» отвъчаль онъ быстро и схватился за карманъ: «Ахъ, Боже мой, я былъ вчера въ сипемъ кафтанъ.... Посидите, господа, минуточку. Я сейчасъ ворочусь.»

И Людо, поставивь объ банки передъ самымъ носомь Прево или головы, ушелъ; и точно воротился; разверпулъ памятную книжку и прочелъ продиктованное Пуккаромъ: «Любезный сосъдъ! Я не успълъ сдълать завъщанія; но воля моя, надъюсь, будеть уважена правительствомъ. Васъ, г. Пуккаръ, прошу быть единственнымъ и пол-нымъ опекупомъ моего бъднаго сына Антонія и всего моего имънія, до совершеннаго его возраста; награду за труды ваши предоставляю благодариости Антонія, а васъ, любезный Людо, свътило нашего города и честь всего отечества, прошу не оставлять моего сына покровительствомъ и совътами. Сказано на смертномъ одръ Казимиромъ д Аворомъ, 1735 года Мая 12 дня въ 9 часовъ пополудан.»

- «Пеужели опъ все это говорилъ?» спросилъ самъ Людо, обращаясь къ Пуккару....
 - «Пе я, въдь вы записывали!»
- «Точно такъ, точно такъ! II хорошо, что я все это записалъ. Иначе....»
 - «Иначе....» прерваль Прево: «мы бы не

имъли достовърнаго паочпаго свидътеля и великолъппаго завтрака!»

Пуккаръ кланялся, а между тъмъ магистратъ сдълаль приличное постановленіе, приказалъ показаніе Людо внести въ регистры, словомъ, въ одинъ день всъ юридическія формы были исполнены и Пуккаръ угостилъ Прево и Эшевеновъ на славу. Одинъ Людо не участвовалъ въ пирушкъ; онъ воротился къ покойнику, который уже, по распоряжению Пуккара, лежалъ въ великольпномъ гробъ, окруженный всъми блистательными принадлежностями послъдняго земнаго торжества....

- «Послушайте, любезный д'Аворъ!» сказалъ людо покойнику: «Право, мив кажется, что вы вчера усиъли намъ сказать гораздо меньше, нежели сколько у меня записано въ намятной книжкъ.... Вы молчите? Ахъ да, вы умерли!.... Я не могу на върное сказать, хорошо ли вы сдълали, что умерли. Вамъ надо было дождаться совершенно-лътія вашего сыпа, и тогда уже умереть.... А теперь вы только запутали меня въ самое неспосное дъло; териъть не могу дураковъ и дътей. Но будьте покойны, любезный д'Аворъ, я далъ слово и постараюсь исполнить объщаніе. Гдъ Ацтоній?
 - «Ахъ, г. Людо́! Его отпяли у насъ!» сказаль Поль, отпрая слезу: «Увели еще вчера къ г. Пуккару, а это не къ добру, право пе къ добру. Покойный всегда отзывался о г. Пуккаръ самымъ пеблагопріятнымъ образомъ, называлъ его жадиымъ скупцомъ, интригантомъ, завистникомъ

и когда у покойнаго случалось дело въ судахъ, онъ всегда бралъ себе въ адвокаты своего истиннаго друга Роберта Модюи, не смотря на соседство съ Пуккаромь!... И если бы Робертъ былъ здесь, онъ бы иепременно былъ опекупомъ нашего Антонія.... Я имелъ счастіе быть перазлучнымъ спутникомъ г. д'Авора, во всехъ его поездкахъ, даже прогулкахъ; я въ пемъ виделъ больше благодетеля, осмелюсь сказать, друга, нежели господина! Пе разъ, предчувствуя близкую кончипу, чему по наружности нельзя было верить, не разъ, говорю, опъ намекалъ про опеку и Роберта....»

- «А гдв же этоть Роберть?»
- Онъ утхалъ по фамильнымъ дъламъ Герцогини Люневильской, въ Германію; и утхалъ за нъсколько дией до болъзни г-на д'Авора. Трогательное прощаніе! Покойный успоконваль Роберта и объщалъ поддерживать его семейство! И представьте, г. Людо, въ какомъ положеніи это семейство! Мать Роберта въ постели, больна, а жена Роберта, Люція, беременна; со дня на день ожидають....»
- «А! Это любонытно!» сказаль Людо и отправился къ г-жъ Модюн. По тамъ его не приняли.
 - «!почему-жо нельзя!»
- «Г-жа Модюн вчера въ девять часовъ разръшилась отъ бремени дочерью....»
- «И безподобно! Этого требуеть равновъсіе натуры. Въ денять часовъ умеръ г. д'Аворъ и родилась дъвица Модюн! Позвольте, я зашину это въ намятную кинжку....»

- «Пеужели г. д'Аворъ скончался?» воскликнула служанка съ сильнымъ огорченіемъ....
- «Балансъ патуры!» отвъчалъ Людо, записывая чтото въ книжку....
- Хорошъ балансъ! У насъ вся надежда оставалась на г. д'Авора. Кто теперь поможетъ бъдной моей госпожъ! По онъ върно не забылъ се въ завъщания.
- «Позвольте, позвольте! Мы справимся....» сказаль Людо въ торопяхь, выпуль записную книжку, посмотръль, покачаль головою и продолжаль: «Пъть! Видно по сильной бользии забыль. Пичего не сказано.... По позвольте, я сейчасъ схожу къ опскупу; опъ теперь долженъ сдълать для госпожи Модюн все, что сдълалъ бы покойникъ, если бы не былъ покойникомъ.»

II Людо отправился къ Пуккару....

- -- «Кто знасть....» разсуждаль онь дорогой:
 «гдъ живеть этоть Пуккарь? Скупець, жадный скупець, опъ поселился гдъ нибудь на предмъстьи, на вывздъ! Станеть онъ жить въ порядочной улицъ....» и Людо пошель на ближайшее предмъстье.
 Замътивъ самый дрянной, полуразвалившійся домъ, Людо постучался въ двери.
 - «Здъсь живетъ г. Пуккарь, опекунъ?»
 - "HETE!"
 - «Такъ гдъ-же?»
 - «Пуккаръ, парламентскій адвокать, что ли?»
 - «Hy да!»
- «Г. Пуккаръ живеть на большой улицъ въ собственномъ домъ.»

- «Позвольте, позвольте! II я живу на больной улицъ въ собственномъ домъ!...»
 - «А какъ васъ зовуть!»
 - «Жанъ Батисть Людо́!»
- «Помилуйте, г. Людо, да Пуккаръ вашъ сосъдъ; черезъ одинъ домъ.»
- «Правда, правда, сосъдъ, и покойный такъ началъ: любезные сосъди! «

Людо побъжаль рысью въ больную улицу, по дорогъ забыль за чъмъ шель туда такъ поспъщно; и проходя мимо своего дому, поверпулъ въ калитку, раздълся и сталъ объдать.

Историческія подробности о г. Людо покажутся странными, но не менте того — эти подробности историческія, засвидательствованы мпогими ученьими его современниками и внесены въ похвальное слово Людо, произпесенное но смерти его, извътнымъ Грослеемъ.

У Людо не было дома пе только слуги, но ни одного дикаго, ни домашняго животнаго; всъ комнаты, числомь до шести, составляли его библютеку, потому что во всъхъ были разбросапы книги, или спальню, если угодно, потому что Людо засыпаль тамъ, гдъ приходилось и обыкновенно съ кпигою въ рукахъ; во всемъ домъ замки отъ ржавчины уже не запирались; Людо не ълъ ничего варепаго, кромъ хлъба, который пекъ самъ; па кухнъ у него постоянно горълъ огонь для химическихъ опытовъ. Пъсколько овощей и соленая говядина составляли весь его столъ; изъ этого матеріала онъ приготовлялъ себъ объдъ на всю

недълю. Одежда его соотвътствовала пищъ; онъ всегда ходиль въ грязномъ бъльъ и разорванномъ платьв; часто надввъ парикъ, забывалъ шляпу; чаще оставляль парикъ въ поков и ходиль въ одной пыяпъ; а иногда во все не безпоковлъ себя этими принадлежностями туалета и ходилъ по улипамъ и окрестностямъ Троа съ открытой головою. Грослей справедливо говорилъ, что Людо представляль въ себв и древность и новый въкъ; въ древпости опъ сопершиалъ съ Діогеномъ Синопскимъ; въ повыя времена, онъ не отставаль отъ Козимо, флорентійскаго философа. Но пе смотря на страпности, Людо, въ 30 лътъ, былъ уже однимъ изь самыхъ ученнъйшихъ людей во Францін XVIII въка; постоянное одиночество и размышленіе доставили ему огромныя свъденія по части Естественныхъ наукъ и Математики. Жажда любознапія развита была въ немъ въ высочайшей Опъ хотълъ все подвергнуть наблюденіямъ, опытамъ; старался испытывать многое собственными силами и личностью; про Людо можно сказать, что опъ прочель все, что только можно было прочесть, и не разъ онь читалъ по три дни сряду, безъ сна и пищи. Слава его распространялась довольно медленпо, но въ это время, когда умеръ г. д'Аворъ и родилась дъвица Модюн, Людо быль извъстень только въ Троа, какъ отмънно ученый и честный чудакъ и весьма плохой парламентскій адвокать. Не должно забыть, что по наслъдству достались Людо: порядочный домъ въ Троа, п два помъстья, съ конхъ доходъ овъ по-

лучаль исправно; половину онъ обращаль на опыты, другую пряталь подъ поль, въ кухнъ. Пообъдавъ, Людо принялся читать Саллюстія, и читалъ до тъхъ поръ, пока не смерклось; онъ положилъ книгу и предался размышленіямъ. Ръдко участвуя въ дълахъ житейскихъ своихъ сосъдей, онъ нашель весьма страннымъ, какимь образомъ попаль онъ въ исторію д'Авора; какой тяжкій долгъ приняль на себя покровительствовать шестильтнему ребенку и давать ему совъты. Въ такомъ возрастъ надо прінскивать для дитяти пяньку, а не ученаго человъка, по какъ ученые люди всегда умъють открыть дъйствительный смыслъ въ самой безсмыслицъ, то Людо очень скоро догадался, что покойный говорилъ все это изъ учтивости и не хотъль сказать Пуккару въ глаза пепріятную правду; что д'Аворъ просилъ Людо не оставлять совътами не Антонія, а г. Пуккара, тъмъ болье что Роберть Модюн уъхаль... Модюн!... Содружество понятій приводить въ порядокъ самую безтолковую память; при имени Модюн, Людо вспомнилъ и объ родильницъ; вскочилъ, одълся и пошелъ къ Пуккару. —

Пуккаръ сидълъ въ гостинной комнатъ у небольшаго стола, который составлялъ весь кабинетъ Адвоката и съ довольнымъ видомъ перебиралъ бумаги покойнаго: въ той же комнатъ сидъла жена его, Луиза Добиньи Пуккаръ, по случаю недавнихъ магистратскихъ гостей разодътая и раскрашенная, « · и вязала колпакъ; возлъ сидълъ Антоній, а по другую сторону Эмилія, дочь Пуккара, дъвочка лътъ одиннадцати. Двти уже дремали, когда, съ шумомъ, безъ доклада, вошелъ Людо и не на шутку перепугалъ спящихъ и несиящихъ.

- «Ахъ какъ я радъ, что застаю васъ дома...» сказалъ Людо, взялъ стуль и усълся возлъ Адвоката. «Вы върпо слышали, что г-жа Модюи родила?»
 - «Пъть! Пе имъль чести!»
- «Такъ я вамъ объявляю, и какъ по завъщанію г. д'Авора, я долженъ подавать вамъ совъты, то я и совътую вамъ, г. Пуккаръ, немедленно послать ей триста ливровъ.»
 - «За что!»
- «Это не паше дъло. Покойный хотълъ оказать ей помощь; такъ свидътельствують люди, такъ говоритъ и г-жа Модюи.»
- «Помилуйте, г. Людо́! Вы хотите раззорять сироту за гръхи его отца. Опъ могъ имъть къ г-жъ Модюн тайныя обязанности; но до того какое дъло сыну, а тъмъ болъе опекъ, которая обязана отчетностью. Шутка ли, триста ливровъ?...»
- «Пе триста!» закричаль маленькой Антоній: Папа ей готовиль тысячу ливровь; жальль, что не можсть дать болье. И это его очень мучило.»
 - «Воть видите!»
 - «Я думаю, вы видите г. Людо, что покойный нашъ другъ...»
- «Ily, ужь это не правда! Ни вашимъ, ни моимъ другомъ опъ пикогда не былъ; онъ всегда васъ называлъ жаднымъ скупцомъ, интригантомъ, завистицкомъ...»

- «О нъть! « прерваль маленькій Антоній: «Чаще называль плутомъ.»
 - «Вы слышите!»
- «И вы не понимаете, г. Людо, что ребенокъ подученъ людьми, которымъ мы не позволили расхитить сиротскаго имущества!»
- «Это не мое двло! По г жв Модюн вы должны подать помощь...»
- -- «Не могу, хотя бы и желаль. Это противно законамъ. Вы сами правовъдець, и можеть быть ученъйшій во всей Франціи. Подумайте сами, могу ли...»
- «Можете, да не хотите. Воля покойнаго на лице; туть сомпънія быть не можетъ...»
- «Но я въ такомъ случав обязанъ доложить магистрату. А самъ собою, я не смъю...»
- • А больная покуда умреть отъ недостатка? Пу хорошо, докладывайте магистрату; плутуйте; оправдывайте миъпіе объ васъ покойпика; я съ вами нехочу имъть никакого дъла! Прощайте! »
- Г. Людо побъжаль прямо въ свою кухню, подняль половицу, отсчиталь триста ливровъ и отнесъ къ г-жъ Модюи... Хотя и въ постъли, хотя и больпая, г-жа Модюи ръшилась принять чудака и деньги. По не успъла изъявить своей признательности. Людо положилъ деньги на столъ, поклонился и ушелъ; усълся въ своей кухиъ, предъ огромнымъ огнемъ, на которомъ кинъли двъ кострюли съ травами, да жарилась реторта, и продолжаль читать Саллюстія. —

TAABA II.

РИМСКІЙ СТАДІЙ,

Спустя три года, г. Людо сидълъ въ той же кухпъ и читалъ: «Замъчапія двухъ благородныхъ Шведовъ объ Италін» сочниеціе соотечественника и друга его Грослея. Въ компатахъ кто то ходиль, по Людо пе обращаль на то никакого винманія; посътитель наконець догадался, что Людо въ своей лабораторіи и вошель вь кухию. Людо спокойно продолжать чтепіе. Г. Пуккаръ сталь кашлять, Людо не слышаль. Вдругь, начитавь какие то непріятное мъсто, Людо вскочиль со скамы и закричалъ пеистово: «Вреть Грослей! вреть безстыдио, безстыдио! А здравствуйте, я вась и незамътиль, по такая ложь превосходить всякое описаніе. Я ему докажу, Грослею! Будеть онъ чувствовать!... Въ такой ученой матеріи пельзя, пе должно руководствоваться догадками. Факты! Факты! А всъ факты противъ Грослея!... Не правда ли?»

- «Безь всякаго сомпънія!» отвъчаль Пуккаръ утвердительно: «Кто другой, но ужь вы въ этомъ отношении неможете оппонться...»
 - «А такъ вы со мной согласны?»
 - «Совершенно согласенъ!»
- «Да и кто съ перваго взгляда не согласится, что это ужасная ложь. Піаченца городъ древній; столько монументоць временъ стараго Рима; самов положеніе и все... А Грослей утверждаеть, будто бы Піаченца лежала совершенно на дру-

*

- «Чего же вы медлите?» закричалъ Людо. «Отправьте его, если можно, сегодня.» *
 - «По я не хотълъ безъ вашего совъта...»
 - «Совътую, совътую!»
- «Такъ не угодно ли вамъ записать въ памятную книжку...
 - «Пзвольте... Что же я долшенъ писать?»
- «Апръля 10-го, 1738-го года, я присовътовалъ Пуккару отправить Антонія д'Авора въ деревню, для возстановленія здоровья...»
 - «3anucano...»
- «Простите г. Людо, что я вась прерваль въ драгоцъпныхъ запятіяхъ...»
- «Ничего, пичего! Мы люди! Должны помогать одинъ другому совътами, состояніемъ, чъмъ кто можетъ.»
- «Вы истинно великій человъкъ! Доброй почи!»
- «Па сегодняшиюю надъюсь. До утра я буду писать противъ Грослея. Честь Апинбала и Піаченцы будуть возстановлены!... Прощайте!» —

Пе прошло и полугода. Людо, по осени, въ окрестностяхъ Троа искалъ разныхъ травъ, необходимыхъ, по его мнънію, для пъкоторыхъ опытовъ. Падо было переходить большую дорогу, па которой во всей брадатой дряхлости торчалъ Римскій стадій, облъпленный мхомъ и обросній высокою травою; на немъ, какъ на дерновой скамьъ, обыкновенно отдыхали пъшеходы, которыхъ Людо если завидълъ, то бъжалъ на дорогу сколько силы было и сгонялъ путниковъ съ проклятіями и угро-

зами... Не должно ситяться падъ этой мапіей къ древностямъ. Ей только мы обязаны сохраненіемъ мпожества истипно драгоцанныхъ мопументовъ. II конечно, эта крайность гораздо лучше нежели безтолковое стремленіе къ упичтоженію священной старины, безъ разбора и самопроизвольно. Можно сломать намятникъ древности, почему же и пътъ, если опъ пе заключаетъ пикакой псторической нажиости, не напоминаеть событія, ничего не объ-. ясняеть и повторенъ во многочисленныхъ экземплярахъ, но если съ шимъ связана малъйшая, само собою разумъется, характерная черта въка, тогда лишать потомство этого дорогаго наслъдія, право, гръхъ и Аптикварін XVIII стольтія достойны истиппаго уваженія, хотя пертдко защищали оть разрушенія Римскіе стадін, хотя ихъ простымъ падписямъ давали ипогда смыслъ мопументальныхъ эштафій. Людо раздъляль со всьми учеными страсть въка и завидъвъ на мохнатомъ кампъ незваннаго гостя, какъ орелъ бросплся на свою жертву.

- «Procul!» кричаль онь еще издали «Infandum Scellus! Прочь!»

Но путникъ сидълъ спокойно и глядълъ съ любонытствомъ на приближающуюся грозу.... Людо добъжалъ запыхавинсь и не могъ вымолвить отъ усталости слова.

- «Что съ вами?» спросиль Поль, знакомый памъ слуга д'Авора.
- «Прочь, нечестивый! II ты не боишься чтобы Inpiter Stator неотомстиль тебъ за оскверноніе своего камия?»

- «Помилуйте, г. Людо! Да этоть камень никому непринадлежить; онь туть и поставлень отъ города для того, чтобы люди отдыхали...»
- «Можеть быть и для того, только не такіе люди, какъ ты. Понимаешь ли? Опъ поставленъ для подданныхъ Римской Имперіи, попимаешь ли, Римской, а не какого пибудь глупаго Шампапьяра.»
- «Куда намъ понимать это! Въ невъдънін нътъ гръха. Вы знаете, такъ и не садитесъ, потому что вы Шампаньяръ, а я изъ Пормандін. Я самъ слыналъ, какъ отецъ Сильвестръ разсказывалъ, что Пормане когда то цълымъ свътомъ владъли. Парижъ, самъ Парижъ не зналъ куда отъ нихъ спрятаться!....»
 - «Да это были первые разбойники въ свътв...»
- «Э, полноте, г. Людо! Ваши Римляне развъ не тъже разбойники? Вы думаете, что я уже, пичего пе читалъ. Въ двухъ Альманахахъ объ этомъ писано; да еще не то я слышалъ на проповъдяхъ; говорятъ ваши Римляне христіанъ мучили; правда ли это, г. Людо? Сдълайте милость, скажите! Вамъ я повърю....»

Людо смутился и незналь, что отвъчать на простой вопросъ Поля.

- «Послушай, любезный!» наконецъ сказаль онъ ласково: «Сдълай миъ одолженіе, лично мнъ, сойди ты съ этого камня; право я не могу на тебя смотръть хладнокровно. Это профанація въ высшей степени!»
- «Если вамъ, г. Людо, это будеть пріятно, извольте, я могу състь и на травъ.... По г. Лю-

- до, позвольте и вамъ напомпить, что вы дурной Римлянинъ!»
 - «Это почему!
 - «А помпите, что вы объщали г-ну д'Авору?..»
 - «Г-ну д'Авору? Какому д'Авору?»
- «Вашему покойному сосъду; вы были при его смерти....»
- Ахъ да!... Что же объщаль я? Право не помпю, по это все равио. У меня записано вы памятной книжкъ....»
- «Жаль что вы читаете этихъ еретиковъ, а не просматриваете вашихъ записныхъ книжекъ. Вспомните, г. Людо, что вы объщали заботиться объ его сынъ, Антоніъ.»
- «Пу, да, да! Я и забочусь! Воть весьма недавно, вчера или третьяго дия, я присовътоваль г. Пуккару отправить нашего питомца въ деревию, для возстановленія здоровья!»
- «Вчера! Пу вы изъ рукъ вонь! Полгода онъ уже на дрянной мызъ съ простыми людьми, гоняеть куръ и гусей, играетъ во всъ игры, неприличныя его званію, подъ присмотромъ арендаториш, которой приказано пуще глаза беречь здоровье здороваго ребенка. Этотъ острый, умный мальчикъ глупъетъ, дичаеть не по диямъ, а по часамъ, а покойникъ всегда говаривалъ, что онъ будеть какимъ то Фонтенелемъ. Видно тоже какой нибудь знаменитый Римлянинъ.... Что могу я песчастный сдълать? Я конечно не упустилъ случая; опредълился на мызу мельникомъ; втерся въ дружбу къ арендаторшъ, а надо вамъ знать

что эта арендаторша была года два любовищей г. Пуккара. Подумайте сами, каково мит старику за нею ухаживать. Ну, да усердіе помогло. Приняль въ руки арендаторшу, приму и ребенка. Да что я несчастный сдълаю?... Что самъ знаю, тому научу и моего Антонія, да самъ то я не много знаю; читать, писать—и кончено. Воть и теперь иду въ Троа закупить кое какихъ книгъ, букварей, альманаховъ.... да что это за чтеніе? Я знаю способности моего Антонія. Въ одну ночь все то прочтеть, что я читалъ всю жизнь мою, — а тамъ глъ средства, гдъ книги?...»

- «О! ты Римляпинъ!
- «За что, г. Людо́? Что я сдълалъ худаго!»
- «О, ты пастоящій Римлянинъ, и если бы всъ Римляпе имъли твою душу, повърь миъ любезпый другь, Копсуль Семпроній не проиграль бы сраженія подъ Піаченцой, могу поручиться. По это самое печальное время Рима; они были еще далеки оть Римской доблести. Virtus тогда имъла еще совершенно другое значеніе.... Падо тебъ замътить, что многія слова въ латипскомъ языкъ имъли одно значеніе, напримъръ, въ третьемъ въкъ республики и совершенио другое въ послъднемъ. Самыя обыкновенныя названія предметовъ, напримъръ, matrona — въ третьемъ въкъ значила просто женщина т. е. не дъвица, а въ послъднемъ только первая жена Римлянина; прочія рабыни уже не назывались матронами, хотя безпрекословно небыли уже дъвственищами.»
 - «Покоритише вась благодарю, г. Людо, за

просвъщеніе, но мив пора въ городъ. Постараюсь узнать, не прівхаль ли Модюн? Онь въроятно приметь участіє въ судьбъ бъднаго Аптонія, выведеть наружу всъ плутни Пуккара, освободить его достояніе отъ гнусной опеки скупца и корыстолюбца, а на первый случай въроятно снабдить меня приличными кпигами.»

— «Кпигами? Это мое дело. Пойдемъ въ городъ вмъстъ. Кпигами! Надъюсь, у г. Модюи нътъ такихъ кпигь! Я нарочпо ъздилъ за Эльзевирами въ Амстердамъ и Лейденъ: у меня есть даже утрехтскія изданія Петра Эльзевира! Падъюсь, такихъ кпигь у г. Модюи пътъ... Любезный другъ! Такъ и быть! Дамъ тебъ Эльзевировъ, но незабудь, я довъряюсь Римскому твоему характеру. Прошу беречь. Теперь и въ Амстердамъ пе легко найти подлинные Эльзевиры; только опытный глазъ можеть отыскать разницу и я тебъ открою секретъ...»

Людо и Поль пошли въ городъ. Па этотъ разъ путешествие совершилось благополучно; Людо подробно разсказывалъ сражение подъ Піаченцой и пещадно честилъ своего друга Грослея самыми обидными словами. Въ домъ, вмъсто того, чтобы спабдить Поля книгами, Людо усадилъ его въ кухпъ и сталъ читатъ сочинение свое, тогда еще пемапечатанное: recherches sur le lieu où le Consul Sempronius fut mis en deroute par Annibal, dans la seconde guerre punique.

— «Покоривйне васъ благодарю» сказаль Поль, когда кончилось чтеніе. «Это сочиненіе скучнова-то, по за то стремится къ доказанію правды, а

правда прежде всего. Воть и я про себя скажу, г. Людо, если бы я быль ученымь, я все писаль бы правду....»

- «Римлянинъ! Истинный Римлянинъ!»
- «Теперь г. Людо, пожалуйте книжекъ, потому, что мнв въ городъ пропасть дъла....»
- «Изволь, изволь, любезный другь!... Воть тебъ во первыхь Плутархъ. Парижское издапів Этісина, но очень хорошев; во вторыхъ Цицеронъ, удивительное издапів Даніила Эльзевира: въ свътъ не было, нътъ и не будеть подобнаго! Повъришь ли? Три ошибки!! и тъ поправлены на полъ.... постой, вотъ я тебъ отыщу....»

Людо искалъ поправленнаго мъста. Поль заглянулъ въ книгу и сказалъ:

- «Ла по каковски же это писапо?»
- «Какъ по каковски? По латынъ.... II какой языкъ! Послушай, напримъръ, какъ Цицеронъ исчисляеть богатства Верреса....
- «Помилуйте, г. Людо, да какже будеть читать ваши кинги Антоній, когда и учитель инчего не понимаеть....»
- «А! ужъ безъ латынскаго языка нътъ спасенія; какъ хочень. Пичему не выучинься. Дъло ръшеное. Пътъ образцовъ. Надо учиться. Падо. Нечего дълать. Пе пугайся труда. Миъ самому стоило лътъ десять....»
- «Такъ видио, миъ ужъ пикогда пе выучиться этому языку. Да и па что Антонію латыпь; опъ же ни монахомъ, ни антекарсмъ не будеть.

Пожалуйте лучше хорошихъ французскихъ кпигъ съ доброю моралью.»

— «Пу, брать, извини! Во французскихъ книгахъ я морали не замътиль.... А постой, постой, воть тебъ Бюффонь, чудо не книга для начинающихъ... Туть все есть и сказки и дъло.... Все, все.... Но береги! Этой книги пътъ еще и въ продажъ.... Я получиль ее изъ Парижа по дружбъ.... Тайна, секреть....»

И Поль, захвативъ четыре тома Бюффона, поспъщилъ избавиться отъ ученой бесъды, которая не на шутку становилась ему въ тягость. Людо также былъ радъ, что его оставили въ покоъ, пообъдалъ и сълъ писать.

ГЛАВА III.

ЗАГОВОРЪ ВЪ ЖУЖУ.

Частенько сталь навъщать Поль нашего Діогена; часто не заставаль его дома, ставиль прочитанные томы на полку, браль новые и уходиль къ г-жъ Модюн справиться: скоро ли пріъдеть г-нъ Модюн? По дъла герцогини Люпевильской, запутанныя, запущенныя, требовали многольтнихь и неусыпныхъ усилій; въ каждомь инсьмъ адвокать утыналь жену, что надъется все кончить то къ Рождеству, то къ Пасхъ, а между тъмъ годы проходили; время летьло. Одно еще утынало добрую Люцію; вниманіе признательной герцогини; семейство Модюн получало значительный непсіонъ и съ необывновенною исправностью. Троасскій ея повъренный

являлся весьма правильно каждые три мъсяца и платилъ деньги, на которыя г-жа Модюн могла жить не только безбъдно, воспитывать дочь со всьмъ тщаніемъ, но еще и откладывать кое что на черный день. Прошло такимъ образомъ шесть льть; г. Людо въ это время успълъ побывать два или три раза въ Парижъ, написать мпожество диссертацій, познакомиться со всъми ученъйшими людьми Франціи и пріобръсти славу, которая доставляла всему городу много удовольствія и чести. Во все время отсутствія, домь его быль какъ н прежде не заперть; библіотека его сдълалась публичною; по магистрать и даже парламенть, получивъ изъ Парижа извъстіе, съ какою честью быль припять Людо вь кругу ученыхъ, какъ милостиво былъ обласкапъ королемъ, какъ оригинальностью своею возбудилъ любопытство и удивленіе всего Парижа, постановили: назначить надъ домомъ и встмъ имуществомъ г-на Людо, - Прокуратора, который бы и зашимался дълами Діогена, до его возвращенія на родину. Прокураторъ пемедленио распорядился о приведеніи въ порядокъ библіотеки и о починкъ замковъ. Всъ ситишли возвратить книги, которыя было забрали, за отсутствіємъ хозянна. Пришелъ и Поль, съ четырьмя томами какихъ то ученыхъ изслъдованій какого то Аббата. По увы! двери заперты.

^{— «}Чтобы это значило?...» подумаль Поль п отправился къ г-жъ Модюн....

^{— «}Боже ты мой! Боже ты мой!» спросила г-жа Модюп: «Пеужели это правда? Бъдный Антоній!»

- «Что такое?» спросиль Поль.
- «Какъ же ты мпъ говориль, Поль, что изъ твоего Антонія вышелъ умпый, прекрасный мальчикъ; что ты вознаградиль ему всъ потери чтеніемь, что онъ у тебя вь эти шесть льтъ до того дочитался, что самъ по себъ безъ наставника сталь учиться и выучился по Латыпъ; что остается только пріъхать моему мужу и ты представишь нашему городу молодаго человъка умнаго, вполнъ образованнаго. За чъмъ же ты отъ меня скрывалъ это песчастіе?»
- «Да какое несчастие?» съ нетерпъпіемъ прерваль Поль.»
- «Ла въдь твой Антоній полуумный, что называется, дурачекъ....»
 - «Это кто вамъ сказалъ?»
- «Магистрать, приговоромъ по встмъ формамъ... Мит сегодия разсказываль мой брать; ты знаешь опъ приготовляется въ адвокаты, каждый депь ходить въ суды... Магистратъ поручилъ двумъ медикамъ освидътельствовать молодаго человъка; тъ освидътельствовали и допесли: что Аптоній д'Аворъ находится въ положеніи совершеннаго разслабленія разсудка и наравнъ съ дътьми должень оставаться всю жизнь подъ опекой г. Пуккара.»
- -- «А, г. Пуккаръ! Это ваша штука!» воскликнулъ Поль: «по Богъ за невипнаго! Это ложь, обманъ, по облеченъ всъми закопными формами; только вашъ мужъ въ состояніи раскрыть истипу п обличить злодъя.... О мой бъдный Антоній! Памъ остается молчать и терпъть пока не придеть часъ

воли Божіей! Да цвтъ, я це жалью о процедшемъ, я не боюсь будущаго. Намъ остается еще мпого читать; а все что прочли мы, это явныя твои благодъянія, Господн! Твой медъ, собранный твонми трудолюбивыми пчелами, на пользу человъчества, на славу твою! г. Пуккаръ, вы опиблись, вы ужасно ошиблись въ адскомъ расчетв. Вы хотъли сдълать насиліе природъ, вы старались погрузить умъ благорождениаго человъка во тму, изъ которой нътъ выхода; безъ помощи Божіей, вы бы остались правы предъ судомъ людскимъ... Но вы ошиблись! Антоній не одичалъ.... Образцы, которымъ должно слъдовать, правила жизпи, пріятныя и блистательныя свъдънія, знанія основаположительныя, мы вась напли въ и кынылэт мертныхъ кпигахъ.... И я, старикъ, на закатъ моей жизпи, согрътый благодарностью и любовью, я выпиль чашу лучшаго наслажденія въ этомъ міръ!... я пресытился человъческою мудростью, чтобы насть съ благоговъніемъ и благодарностью, предъ Твоею Премудростію, Создатель.... Пътъ! Она еще не допита, эта сладкая чаша! И, пеистощимая, опа пе допивается въ этой жизии! На дпъ ея уже предълы неба!... Далекъ ли срокъ, назначенный Богомъ нашему ученію, не знаю; но я не боюсь будущиости; я боюсь только разлуки съ Антопіемъ! »

— «Добрый Поль!» сказала Люція съ чувствомъ, отпрая одною рукою слезу, а другою прижимая къ себъ девятилътнюю Люцію. «Какъ миъ досад-но, что я не могу раздълить съ тобою подвига благодарности.... Я не менъе, а можотъ быть и

больше обязана нашему покойному другу. Я не могу вспоминть безъ слезъ о послъдней помощи. Онь не забылъ объ пасъ на одръ смерти; можно сказать, что послъ кончины онъ еще хотълъ благодътельствовать.... и эти триста ливровъ спасли цълое семейство!...»

- «Триста ливровъ! Какіе триста ливровъ! Покойный ничего не говорилъ объ этомъ, а ужъ Пуккаръ върно не прислалъ ихъ изъ своего кармана. Покойный назначалъ вамъ тысячу ливровъ: объ этомъ слышалъ я, слышалъ Антоній; Людо даже требовалъ, чтобы воля покойнаго была исполнена, но г. Пуккаръ отказалъ на отръзъ...»
- «Что это значить? Пеужели Людо изъ собственнаго кармана...»
- «Пикакого сомпънія. Подобные припадки благотворенія за нимъ водятся. Разсъянность мъшаетъ ему быть истиннымъ благотворителемъ и даже человъкомъ. Примъръ Людо послужилъ въ пользу моему Антонію; я употреблялъ всъ мъры и предосторожности, чтобы не сдълать изъ него неданта и, кажется, Богъ благословилъ монусилія....»
- «Все это прекрасно!» сказала Люція: «по мнъ бы не хотълось остаться въ долгу г-пу Людо.»
- «Когда у васъ есть лишиія деньги, не худо бы отдать и поблагодарить добраго чудака. Онь и самъ не богать; можеть въ нихъ нуждаться. А если чего у васъ не достанеть, мельникъ Поль доложить изъ доходовъ своей мельницы, а вы ихъ отдадите моему наслъднику... Удостойте

меня вашимъ довъріемъ. Мы съ вами все таки одна семья, а г. Людо человъкъ посторонній и, главное, не богатый.» —

- «Благодаріо тебя, добрый Поль... Точно, мы одна семья, но по милости герцогини, я могу заплатить мой долгь съ процентами.»
- «Воть ужь этого не дълайте. Лихва пріятна ростовіцику, а человъку она обида...»
- «Еще разъ благодарю тебя, и проту потрудиться отнести деньги г-пу Людо.» —
- -- «Пе лучие ли потрудиться самимъ. Отъ благодарности краспъть не стыдно.»
- «Еще, еще разъ благодарю тебя, Поль! Завтра, непремънно завтра я отправлюсь къ Людо...»
- -- «Простите, добрая госпожа, простите и вы милый Лигелъ! Молитесь за бъднаго Антонія; вани молитвы дъйствительны.. »
- «О! я буду молиться всю ночь сегодия...» отвъчала маленькая Люція.

Старикъ поцъловалъ маленькую Люцію въ чело, большую въ ручку и отправился на свою мельпицу. На рубежъ красивой мызы Жужу, его ожидала пріятная встръча: Антоній, арендаторина и два сына ея сидъли въ бесъдкъ, построенной на углу сада при большой дорогъ. Передъ ними стоялъ во всей сельской роскоши, здоровый ужинъ; Антоній, несмотря на лъта, былъ высокій, здоровый юноніа; въ цвътъ лица замътны были признаки южнаго солица, но это не скрывало его нъжности и придавало выразительпость чернымъ больнимъ глазамъ. Опъ еще, какъ говорятъ не сло-

жился, но по статности своей превосходиль уже многихъ зрълыхъ юношей, которыхъ въ Троа считали красавцами; дъти арендаторши отъ перваго брака, Лукіанъ и Рене, почти однольтки съ Антоніемъ, были также краснвые, здоровые мальчики. Антоній по льтамъ былъ между ними средній и можеть быть по этому обстоятельству любилъ ихъ равно. Песмотря на простое платье, всъ трое были одъты опрятно, чисто и одинаково. Поль подошель къ рубежу своей мызы въ самое то время когда юноши вели ученый споръ о нъкоторыхъ положеніяхъ Өеофраста. Арендаторща также заслушалась и собесъдники прозъвали Поля. Онь тихо подошель къ бесъдкъ, и ни къмъ не замъченный, усълся винзу на камнъ....

- «Какъ хотите...» говориль Автоній: «но хитрость иногда позволительна, если цъль ея честная, не предосудительная. Развъ гръхъ, если я
 употреблю хитрость противу разбойника, когда
 онь напаль на меня и хочетъ заръзать; развъ
 гръхъ, когда, посредствомъ хитрости, миъ удастся
 спасти невиннаго человъка отъ неминуемой и несправедливой гибели? Не употребляемъ ли мы каждый день
 тысячу невинныхъ хитростей, чтобы убить дикаго
 звърка. поймать рыбу? Хитрость въ человъкъ качество врожденное, данное по житейскимъ нуждамъ
 его, а во зло употреблять не только хитрости, да и ни
 чего негодится. Можно лучнія добродътели обратить въ презръяные пороки; и неумъренная добродътель часто хуже умъреннаго порока...»
 - «Справедливо, справедливо, милый сынъ!»

закричаль Поль и бросился на верхъ обниматъ Антонія.

- «Ахъ мой добрый Поль!» закричала арепдаторина: «И мы невидъли какъ пришелъ ты! Это непростительно!»
- «Весьма простительно, милая Гертруда, если ты заслушалась, что говорять наши дъти. Кстати, ужинъ готовъ... Лукіанъ, читай молитву!»

Лукіанъ прочелъ моливу и всъ усълись за столъ. —

- «Что, Папа?» спросиль нетеривливый Репе: «Какихъ же ты намъ книжекъ принесъ?...
- «Старыя воротились. Въ нашей школъ завтра отдыхъ. За то мы будемъ сочинять. Благо и тема есть.»
 - «Какая тема?»
- «Объ хитрости. Мы должны тщательно поразсудить объ ней; обстоятельства заставляють къ ней прибычуть. Послыдствія оправдали мою предусмотрительность; случилось точно такъ, какъ я думалъ. Пуккаръ хотыль изъ тебя, Антоній, сдылать дурачка, и успыль бы въ этомъ непремынно, если бы мы съ доброй Гертрудой, не приняли всыхъ нужныхъ предосторожностей. Онъ и не замытилъ нашихъ занятій; каждый разъ, всы трое, вы мастерски притворялись глупенькими, невыжами, и эти гости, что прівзжали на прошедшей педыль, были медики. Они будто освидытельствовали твой разсудокъ и объявили тебя слабоумпымъ. Вотъ первый плодъ нашей благоразумной хитрости.»

Антоній сь грустію опустиль голову на груді

и задумался, по Лукіянь, яко старшій, счель себя въ правъ разгорячиться.

- «За чамъ же мы это сдълали?» говорилъ опъ: «Положимъ, что намъ слъдовало притворятъся предъ г. Пуккаромъ, для того, чтобы онъ не услалъ Антопія въ другов мъсто, чтобы не разлучилъ пасъ навсегда, и не достигъ бы своего адскаго замысла. По, передъ этими господами, мы бы могли обличить его...»
- «А онъ бы оправдался лишними двумя-тремя стами ливровъ; пользы никакой; вышло бы только больше д'Аворовскихъ депегъ, а все таки медики подали бы въ магистратъ тоже свидътельство. Тогда уже г. Пуккаръ навърно упряталъ бы Антонія куда пибудь въ больницу, а чего добраго и въ теминцу. А теперь пусть себъ онъ наслаждается непродолжительнымъ торжествомъ. Развъ намъ здъсь скучно? До совершеннольтія остается только одинъ годъ; а тамъ... Вотъ мы завтра и облумаемъ: до какой степени дозволена хитрость съ г. Пуккаромъ? А сегодия вечеркомъ поъдемъ ловить рыбу съ огнемъ, если хотите!...»
- «Потдемъ, потдемъ!» закричала молодежъ и Гертруда.

ГЛАВА ІУ.

ВЕЛИКАЯ НОВОСТЬ И ВЪ ПОВЪСТИ, И ВЪ ЖИЗНИ Г-EA ЛЮДО.

Вечеръ паступиль темный, но тихій: въ окрестностяхъ Троа нигдъ въ тотъ вечеръ не было дож-

дя; по за то въ городъ дождь обливалъ мостовую и крыпи и бъжаль по улицамъ шумными ручьями. У воротъ г-на Людо стояла почтовая повозка. Людо изовсъхъ силь стучался въ калитку, но никто неоткликался....

— «Что за дьявольщина!» закричаль Людо: «Да это, полно, мой ли домъ? Кажется, мой! А можеть быть въ Троа кто нибудь выстроилъ по образцу моего дома.... Это очень возможно. Повдемъ дальше!...»

Въ это время какая-то обмокшая фигура пробъгала черезъ улицу...

— «Милостивая государыпя!» закричалъ Людо: «Скажите пожалуйста, гдъ домъ Людо?..»

Фигура указала рукой и скрылась...

- «Да и я такъ думалъ Только кто же смъетъ запирать чужую калитку, когда хозяшпа пътъ дома?!»
- «Познольте доложить....» сказаль почталіонъ: «Пе угодно ли вамъ сегодпя зайти къ знакомымъ и перепочевать, а завтра днемъ ключь отыщется.»
- «Очень благоразумный совъть, только у меня здъсь нъть никого знакомаго.»
- «Какъ шикого знакомаго? А президенты, а Прево, върно кого пибудь, да знаете?»
 - «Ровно никого...»
 - «Такъ состдей...»
 - «Сосъдъ мой давно умеръ.»
- «Что за чудакъ! Пиветь въ городъ свой домъ и ни кого знакомаго! Да можетъ быть вы знаете кого нибудь изъ адвокатовъ?..»

- «Говорят» теб»: никого! И не хочу знать. Все это плуты, скупцы, интриганты, завистники.»
- «Пу, пътъ, г. Людо, извините! Я самъ прежде служилъ у г. Модюн, такъ честнъе человъка и не видывалъ.»
- - «Пу, что же ты!» сказаль Людо: «Ступай!»
- «Позвольте доложить....» замътилъ почтальонъ: «г. Модюн въ отлучкъ....»
 - «Пе твое дъло!»
 - «Г-жа Модюн одна...»
 - «Говорю тебв не твое дъло! Ступай!»

Почталіонъ покачалъ головой, по повиновался и скоро Людо выскочилъ у воротъ красиваго дома... На стукъ, выбъжала служанка со свъчей....

- «Ахъ, г. Людо́! Откуда?..»
- «Пзъ Парижа!»
 - «Ila go.iro .iii?»
 - « lla почь! »
 - «Какъ на почь?»
- «Пе твое дъло!» отвъчалъ Людо и сбросивъ мокрый плащь, отправился прямо въ комнаты. По счастию у г-жи Модюн были гости, которыхъ за-держалъ дождь. Появленіе Людо не произвело ужаса, по удивленіе. Пе смотря на то, что на немъ небыло сухой интки, Людо усълся въ первыя пустыя кресла; выпулъ изъ кармана дыравый платокъ, обтеръ лицо и сказалъ съ удовольствіемъ:
 - «Слава Богу! Паконецъ я дома. Проклятая

дорога. Франція, великое королевство, образецъ просвъщенія, а не могутъ починитъ старой Римской дороги, которая, безъ порчи, простояла тысячу триста лътъ!... Варвары! По довольно! Хороно и такъ, что я дома. .»

- «Какъ дома?» спросила г-жа Модюн....
- «Ахъ, да! Я еще не дома! Сдълайте милость прикажите вашимъ людямъ выломать мою калитку.... Кто то заперъ и спряталь ключь, котораго не было.... Право не было! Лъть двадцать тому назадъ, я потерялъ ключь и не имълъ времени заказать другаго.»
- «Ключь у вашего Прокуратора!» сказалъ кто то изъ гостей....
- «Прокуратора! Это что такое? Право, не помню, но, мив кажется, я пе назначаль Прокуратора. Право, не помню.»
- «Это распоряженіе Парламента и Магистрата...»
- «За долги, что ли? Право, не помию, по у меня, кажется, никогда небывало долговъ....»
- «Папротивъ, г. Людо! Это почетное распоряжение изъ уважения къ вашей учености и славъ...»
- «Покорпъйше благодарю за честь! Такъ я могь совершенио растаять. Вы знаете что въ водъ все растворяется.»
 - «Поэтому вы никогда не купаетесь?»
- «Пикогда! По сдълайте милость, скажите, гдъ этоть Прокураторъ? Пусть покажеть документы; я заплачу завтраже, а миъ право некогда! Я долженъ взять двъ три книги и ъхать въ Мар-

- сейль.... Вов они ничего пеноминають. Парижской Академін не следовало и задавать такой пустой задачи?! »
 - «Какая же это задача?...
- «Помилуйте, посудите сами, академическое ми это дъло: написать диссертацію о лучиемъ устройствъ корабельнаго ворота....»
 - -- «Въ самомъ дълъ не важная задача!»
- «Пе важная! А позвольте васъ спросить, какое, по вашему миънію, лучшее устройство корабельнаго ворота?»
- «Я въ частпости пикогда не занимался мехашкой.»
- «Пу, такъ съ вами и говорить нечего. Пора въ Марсейль. Пройдетъ лъто, а я не люблю осеннихъ бурь.... Вирочемъ, два года сроку.... Да гдъ этотъ Прокураторъ!»
- «Да опъ передъ вами, г. Людо!» сказаль тотъ же гость, вышимая изъ кармана огромный ключь: Воть и стражь вашей драгоцънной библютеки, которую я нашель почти расхищенною...»
- «Расхищена! Моя библютека! А Эльзевиры? Ихъ было ровио пятьдесять.«
- «Всъ на лицо. По я собралъ ихъ съ большимъ трудомъ.»
- •0, и я не съ меньшимъ! Теперь вы ионимаете, чего стоить собирать Эльзевиры?...»
 - «Чужіе? Еще непріятиве, нежели свои!»
- «Такъ пойдемте-же, пойдемте, дайте мнв выглянуть на шихъ....»
 - «Куда вы, г. Людо! Вы слышите, какой

дождь?» сказала Люція: «Посидите съ нами! Къ томуже у меня есть къ вамъ весьма важное дъло.... Я хотъла завтра же къ вамъ вхать....»

- «Вы, ко мнъ?»
- «Потрудитесь пожаловать за мной на два слова!»

Людо выпучиль глаза и немогь попять, какое можеть имъть къ пему дъло женщина? Но Люція взяла со стола свъчу, и такъ умильно, такъ увлекательно, жестами, приглашала его въ другую комнату, что Людо не могь устоять противу такого соблазна. Опъ ничего не попималь, что говорила ему Люція. Какой то особеннаго рода столбиякъ набъжаль на бъднаго Людо: онъ смотръль на нее съ удовольствіемъ, никогда пенснытаннымъ и очпулся тогда только, когда Люція положила предъ пимъ триста ливровъ ...

- «Что это?» сказаль онъ: «за что?»
- «Возьмите, это ваши деньги.»
- «Мои? Я никакъ немогъ думать, чтобы у вась были мои деньги. За что-жъ я вамъ ихъ далъ?... Право не помпю, развъ очень давно....» прибавилъ онъ, покраспъвъ до ушей: и ужъ върно не вамъ, а развъ вашей матушкъ, когда я былъ еще повъсой, мальчишкой. Право не помню. Но съ тъхъ поръ, клянусь вамъ, я веду себя лучше Госпфа, хотя и не такъ благообразепъ, какъ онъ.»
- «Что онъ вреть!» подумала Люція и съ улыбкой взяла со стола свъчу....
 - «Куда?» вскричалъ Людо. «А миъ такъ было

весело съ вами! Въ первый разъ въ жизни слыму, что женщина умъеть говорить и вы бъжите! »

- «Что это съ вами, г. Людо́! Вы, кажется, говорите мив любезиости!»
- «Я!» вскочивь, закричаль Людо, совершенпо испуганный замъчапіемъ Люціи: «Какъ это? Я
 говорю любезпости! Быть не можеть! Какую же
 любезпость сказаль я вамь? Пъть, не новторяйте.... Върно я сболтнуль что нибудь лишнее по
 разсъянности! Пожалуйте, не върьте! Вы не върите? Да? Пътъ, вы надо мной смъетесь! Прощайте!»
- «Да посидите съ нами!» сказала Люція ласково: «Вы такой ръдкой гость, мы поужинаемъ вмъстъ; между тъмъ пройдетъ дождь и прокураторъ сдасть вамъ на руки драгоцънную библіотеку. А я прикажу заложить лошадей; васъ отвезуть; люди мои проводять васъ съ фопарями; я думаю у васъ и свъчи пътъ.»

#

- «Я всегда читаю при огиъ у печки....»
- «Воть видите!... Возьмите свои деньги и пойдемте, перестапьте капризинчать.»

Людо повиновался, спряталь деньги, пошель за люціей, какъ приговоренный къ смерти; онъ не смель, покрайней мъръ не имъль духа отказаться оть обязательнаго приглашенія. На бъду, за столомь, Люція усадила его возлъ себя; смущеніе людо описать трудно; онъ выбираль самыя шумпыя мгновенія, чтобы взгляпуть на Люцію и каждый разъ какъ нарочно встръчаль ея взоры; извъстно, что Людо не ъль ничего варенаго, и по-

тому рынительно отказывался ото всъхъ кушаньевъ; вль только хлъбъ; съвлъ хлъбъ и у своей сосъдки, которая, примътивъ странный вкусъ чудака, безпрестанно ему подкладывала новые ломтики; эти ломтики исчезали съ необыкновенною быстротою и запивались добрымъ впномъ. Папраспо хозяйка и гости старались вовлечь его въ разговоръ; онъ на все отвъчалъ: право не помню, искоса поглядывалъ на красивую хозяйку, ълъ хлъбъ и запивалъ впномъ.

- «Что весело было въ Парижъ?» спросила в хозяйка.
 - «Право не помню!» отвъчаль Людо.
 - «Видъли Короля? Говорять, онь приняль васъ отмънно милостиво....»
 - «Право пе помню....»

Нечего дълать; надо было оставить упрямаго гостя въ покоъ. Даже отвернуться, я ему только того и хотълось; опъ пересталь пить и всть и не сводиль глазь съ Люціи. Падо замътить, что Людо въ это время не быль еще такъ старъ, чтобы хорошенькая женщина не могла на него сдълать сильнаго впечатлънія; ему было ровно сорокъ лътъ; природа его не обидъла и тълесными качествами; онъ бы показался весьма пригожимъ мужчипой, если бы сколько нибудь заботился о своемъ туалеть; но отросшая борода, волоса въ безпорядкъ, грязное бълье, диравое платье, и проч. и проч., конечно не могли доставить ему счастія въ любви, чего онъ впрочемъ и не искалъ на этомъ свътъ. Попъ шалилъ вь свое время, но больше изъ то-

варищества и то одинъ только мъсяцъ; потомъ какъ-то забылъ про любовь и въ продолженіи двадцати слишкомъ лътъ объ ней и не вспомнилъ. Г-жа Модюн съ своей стороны была способна и достойна возбудить самую пламенную страсть въ комъ бы то ни было, соблазнить Аристотеля; ей не было еще и тридцати лътъ; продолжительное отсутствіе мужа, безпрерывные гости мужескаго пола, которые расточали лесть и любезности предъ одинокой и молодой женщиной.... все это располагало къ невинному кокетству, послъднему для нея утъшенію въ одиночествъ. Но весьма ошиба- 🚁 лись тъ, которые питали какія нибудь дальнъйшія надежды; кокетство для Люцін было забавой, препровожденіемъ времени, отпюдь не запятіемъ; у нея была дочь — и въ ней сосредоточивались вся лъятельность, всъ страсти, всъ чувства г-жи Модюи. Людо этого ничего не зналъ. Да и за чъмъ? Возвратясь къ своимъ пецатамъ, онъ не спалъ; разложилъ огонь и при бъгающемъ пламени очага, сталь ходить по кухив съ особенною живостью. -

— «А что, если бы написать дисертацію объ женщинахь?» спросиль Людо такъ громко, какъ будто бы въ компать сидьль собесьдникъ и этотъ собесьдникъ быль глухъ.... «Фи! Ученая слава можеть пострадать!... Будуть смъяться, будуть говорить что я пустой человъкъ; занимаюсь бездълицами!... Только право эта госпожа не бездълица.... Жаль, что я не живописецъ! Жаль, что въ Трой нътъ порядочнаго живописца. Какъ бы это было хорошо! Повъсилъ портретъ протикъ

самаго очага и гляди себъ сколько хочешь, безъ свидътелей... Впрочемъ, мив кажется, я занимаюсь предметами, недостойными моего вниманія!.. Випо, випо! Я отвыкъ отъ этого соблазнительнаго напитка! Мудрые Римляне пили вппо пополамъ съ водою! Вотъ я не принялъ этой предосторожности и попался.... Надо спъщить противуядіемъ...»

Но воды не было пи въ кухнъ, ни въ другихъ комнатахъ, хотя Людо обыскалъ всъ полки. Во время этого обыска, произведениаго человъкомъ, котораго мучила жажда, слъдственно и нетерпъніе, съ высокой полки слетъла толстенькая книжка въ собачьемъ переилетъ.

— «Это что?» спросыль Людо, подняль книгу, развернуль и сталь читать.

«Кто между вами еще искуства любить не ичветь. Пусть читаеть меня. — и станеть любить, какъ ученый.

Мы осмълились перевести эти два стиха на русской языкъ, ради всеобщаго употребленія; а въ толстенькой книжкъ они были написаны по латынъ. *)

«Да это прекрасно....» сказаль Людо: «потому что я рышительно не умыю любить, а туть принуждають. Хоть плачь, а люби.... Важное пособіе!» ІІ Людо, со свычкой и съ книгой въ рукахъ, стоя, предался увлекательной наукъ увлекательна-

^{*,} Si quis in hoc artem populo non novit amandi, Me legat, et lecto carmine, doctus amat.

го Овидія... Только по временамъ онъ восклицаль: Чудо! Чудо! Прелесть! Удивительно! Право находка! Едва ли кто изъ Римлянъ современни-ковъ проглотиль съ такою жадностью эти три книги любовныхъ рецентовъ. Римлянинъ Людо быль внъ себя оть удовольствія и тогда уже кончиль, когда прочель послъднее полустиніе: Naso падіяте егат, бросилъ книгу и закричаль....

— «Ла это Овидій! Все это я зналь когда-то на изусть, но не понималь ни слова; теперь двло другое!...» продолжаль онь самодовольно, ходя по компать и потирая руки: «Теперь и я, не хуже Овидія, сложу стихи въ честь Хлои, Пирры, что я вру?... Люцін! Кажется, эта госпожа такъ называется... ІІ кстати! Самое латынское имя!»

Сказапо, сдълапо. Къ утру опъ успълъ сочинить латинскую оду ad Luciam. Такъ какъ опъ стиховъ не писалъ также давно, какъ давно пе влюблялся, то эта ода, въ тридцать строчекъ, размъромъ Асклепіада, обощлась ему очень дорого. На другой день опъ не забыль даже обриться и отнести оду къ г-жъ Модюи....

- «Эти стихи я написаль собственно для вась!» говориль онь самодовольно: «двадцать льть не писаль; вы будете списходительнымъ критикомъ и не обратите визманія на нькоторыя солецизмы, которыхъ я не умъль избъжать въ поэзін; но дайте срокъ, когда я набью руку на стихахъ, я панину цълую поэму....»
- «Покоривние васъ благодарю, г. Людо! Должно быть очень хорошо! Я прикажу ихъ не-

ревести па французскій языкъ, а подлинникъ по-

- «Мужу! Да развъ у васъ есть мужъ! Представьте, я этого не зналъ. Такъ отдайте же мнъ стихи назадъ; я человъкъ не модный; въ замужнихъ влюбляться предосудительно. Хотя очень жаль, по мы должны разстаться.... нансегда!» Послъднія слова Людо произнесъ съ важностью трагическою, истинно трогательною:
- «Пе ужели такія правила должим меня лищить вашего знакомства?...»
- «Какъ? Мы останемся знакомыми, но видаться не будемь. Увъряю васъ, что къ этому принуждаетъ меня одна необходимость....»
 - «Почему же?...
- «О! Ваши прелести превосходять исякое описаніе, и если въ оду мою закрались солецизмы, то потому только, что я не нашель для выраженія вашей красоты ин однаго образца! Дидопа Виргилія ближе прочихъ подходить къ вамъ, и я буду Энеемъ, бъгу въ Марсейль!...»
- «Погодите, Эней, погодите, не женитесь ли вы въ Марсейли?»
- «Какъ это можно! Я теперь уже не могу жеппться....»
 - «Hoveny?»
- «Infandum, Regina, jubes renovare dolo- rem * \. Пътъ! Я не скажу моей тайны... простите на въки!...»

[•] Царица! Ты велишь мив возобновить вы шимяти ужасное горе

Людо ушель, но не со всвмъ; а только изъ гостиной; въ столовой опъ увидалъ газеты, еще свъжія, только что приславныя съ почты... Съ нетерпъніемъ развернуль опъ первый листъ и углубился въ чтеніе; сначала читаль опъ стоя, потомъ усълся на софъ, поставиль на столь шляпу; г-жа Модюн слъдовала за всъми движеніями своего обожателя; присъла по другую сторону софы и также запялась газетами. Вдругъ Людо расхохотался....

- «Что вы тамъ нашли любопытнаго?» спросила г-жа Модюн.
- «Плутовство! Опи думали, что я объ этомъ и не узнаю! Перемъпили срокъ! Къ 1-му Октя-бря! Да у меня все давно готово. Сегодня же сдълаю модель и отправлюсь въ Марсейль! Корабельный воротъ у меня готовъ въ головъ, прежде нежели опи объ этомъ вздумали. Вы будете сегодия ввечеру дома?»
 - "Henpemthno!"
 - «Я очень радъ! Я покажу вамъ модель!».
 - «Забудете....»
- «Какъ можно!» И Людо отправился прямо къ столярамъ. Ввечеру онъ явился къ г-жъ Модюн по объщанію; принесъ модель корабельнаго ворота, объяснилъ преимущества изобрътеннаго имъ мехапизма; спустя два или три дия послъ того, прочелъ латинскую диссертацію объ этомъ предметъ и Люція, снисходительная Люція, слушала, хотя не понимала ни слова, одобрила изложеніе и привела въ восторгъ счастливаго Людо. Онъ за-

быль объ Марсейли; каждый депь наввщаль дочъ г-жи Модюн; насильно сталъ учить маленькую Люцію латинскому языку и объщаль выучить, со временемъ, и греческому. Пе ръдко случалось, что отыскавъ, въ древнихъ авторахъ противоръчіе, онъ бъгомъ отправлялся къ г-жъ Модюн, и совътовался, какимъ образомъ исправить или объяснить несходство показаній классиковь; г-жа Модюн была всъмъ для него: совътникомъ, царицей души, другомъ, ученицей, даже кассиромъ: притащиль къ ней нъсколько мышковъ ливровъ; Люція не отказалась их ь спрятать, особенно узнавъ, что казначейство Людо находилось въ кухит, подъ поломъ. По замъчательно, что Людо инкогда ин объ-. далъ ни ужиналъ у Модюн. День онъ посвящалъ объимь Люціямь; вздиль съ пими гулять за городь, объясиялъ древности Троа, игралъ съ дочерью г-жи Модюн вь дътскія нгры; и только почью предавался чтепію или опытамъ. Пе ръдко поутру къ нему являлся циріольшикъ....

— «Садитесь!» говориль обыкновенно цирюльникь, подходя къ нему съ салфеткой и мыльиикомъ. Людо, продолжая читать избраннаго на тотъ день автора, садился, цирюльшикъ покойпо брильего, подстригаль, потомъ подаваль чистое бъльъ и опять просиль садиться: Людо повиновался; цирюльшикъ укладываль на немъ парикъ и подаваль ему одъваться. Людо падъваль новое, прекрасное платье....

^{— «}Теперь извольте идти....»

^{— «}Куда?»

- «Вы върно забыли, что объщали сегодня посътить г-жу Модюц!»
- «Благодарю, мой другъ! Ты мнъ напомнилъ пріятный долгъ.»

И весь городь Трой заговориль о чудной метаморфозв своего Діогена. Никто не зналъ, да и пе могь догадаться о тайной хозяйкв Людо, которая оставалась неизнъстною и для самаго хозяша. Самые злые клеветники и завистники могля только сказать, что Людо страстно влюблень въ Люцію; по это не составляло пикакой тайны; только одинъ Людо, незналъ, или лучше сказать, забыль объ этомъ; въ пемъ уже дъйствовала не страсть, а привычка. Такимъ образомъ прочелькнуль еще годь; однажды вечеромь, г-жа Модюн. писала записки, всъ одинаковаго содержанія. «Милости просимь завтра ко миъ откушать. Люція Модюн.... » Она взяла въ руки двадцатую бумажку и пе успъла написать первыхъ двухъ словъ, явился Людо, подошель къ письменному столу, сталь за спинкой и покойно читаль, что пищеть Люція. Она, замътивъ это, не остановилась на общемъ содержанін всъхъ пригласительныхъ билетовъ и продолжала писать: «Я написала бы вамъ еще пъсколько словъ о причинъ моего праздника, но у меня за стуломъ стоить Людо и читаеть, что A DHUY!...»

- «Ахъ Боже мой! Какъ вамъ по стыдно?» воскликнуль Людо: «я пикогда не читаю чужихъ писемъ! Это клевета!...»
 - «Простите, мой другь, мнв такъ показалось!»

- . -- «А если бы эта записка пошла въ ходъ?»
- «Повърьте, никакихъ послъдствій!... Эта записка пазначалась вамъ.»
 - «По какая же причина праздпика?»
- «Приходите, увидите! Да, кстати не зиаете ли вы: Г. Пуккаръ въ городъ?»
- «Пъсколько лътъ тому назадъ былъ въ городъ; теперь не знаю.»
- «Я пошлю узнать. А вы помогите мпв запечатывать эти любовныя записки и надписывать адрессы....»
 - «Пеужели у васъ такъ мпого любовниковъ?»
- «Любовника ни одного; мужъ одинъ, другъ, одинъ (улыбка); дочь одна (вздохъ, и преглубокій) и множество враговъ и обожателей. Я хочу обратить ихъ въ орудія добраго дъла.»
 - «II падъетесь?»
 - «Песомивиаюсь!»
- «Въ такомъ случав давайте печатать и надписывать эти любовныя записки. По позвольте спросить въ какой категоріп имъеть честь состоять Жанъ Батисть Людо?»
- «А во всъхъ тъхъ, что я исчислила, вы не нашли для себя мъста. Если такъ, я приму васъ на свободную вакансію моего сына!»

Людо захохоталь, схватиль печать и сургучь, и давай печатать записки.

— «Удивительное дъло!» сказалъ онъ:» Какъ это древніе не знали сургуча! А ужъ что они писали письма, въ томъ есть великіе свидътели:

Цицеропъ и Плиній. И жасте ля, письма Плинія для меня интереспъс...»

- «А для меня во все нъть!»
- «Пеужели вамъ больше правятся Цицероновы!
 - «Hete!
 - «Такъ чы же!
- «Письма моего мужа! Бъдпый Роберть, воть скоро десять льть, какъ мы въ разлукъ! Онъ не видалъ своей Люціи, своего женскаго и пранственнаго портрета. Вы, мой другъ, своею латынью, довершаете это ръдкое сходство.»
 - «Вы шутите!»
- «Шучу, но удивляюсь, какъ меня еще стаеть на шутку!»

Люція задумалась, по скоро пришла въ себя, отерла слезу и молча стала надписывать адрессы на билетахь, запечатанныхъ Людо, а Людо, запечатавь всъ, взяль въ руки послъдній, посмотръль, сказаль: этоть ко мию! и спряталь въ кармань...

- «Это зачъмъ?» спросила Люція.
- «Я собираю автографы великихъ людей.»
- «Что же, пеужели и я, также великій человъкъ!»
 - • Для меня великъ тотъ, кого я люблю!»
 - «По этому и маленькая Люція.
- «Ужинать готово!» закричаль маленькій великій человькь изъ столовой....
- «Сепчасъ, мой другъ! Что это, вы уже бъжите, Людо.»

- «Пора!»
- «Незабудьте же навъстить меня завтра!»

ГЛАВА У.

СОВЕРШЕННОЛЪТІЕ.

Па другой день рапо поутру, въ домъ г. д'Авора, при громкомъ лав двухъ цъпныхъ собакъ, растворились ставни, послъ многихъ лътъ тмы и пустоты, царствовавшихъ на д'Аворовскомъ подворьъ. Въ первые годы послъ смерти Казимира д'Авора жилъ въ немъ полковшикъ линейнаго полка, что допущено было Пуккаромъ, изъ угожденія мъстнымъ властямъ, по когда полкъ и полковникъ отправились на войну, домъ д'Авора стоялъ впустъ, потому что въ Троа наиять было некому, по слишкомъ высокой цъпъ, назначенной опекуномъ. На лай собакъ прибъжали изъ дома Пуккара лакей и служанка.

- «Что это значить?» кричаль лакей: «Кто туть распоряжается?»
- «Хозяннь!» отвъчалъ Поль, отворяя послъдиюю ставню.
 - «Какой хозяниъ? Тутъ хозяннъ-г. Пуккаръ!»
- «Г. Пуккаръ опекунъ, по сего дня ударило г. д'Авору шестнадцать лътъ и царство ваше кончилось »
- «Что ты бредишь, старикъ? Ты върпо изъ ума выжилъ! г. д'Аворъ — слабоумный....»
 - «Это, любезный другъ не наше дъло; пусть

господа между собою разсудятся, а мы должны исполнять их в волю. Прощай!...»

Поль ущель въ компаты, а лакей побъжаль доложить о странномъ событи г-жъ Добиньи-Пуккаръ, которая въ огромномъ ченцъ, въ сопровожденіи единородной дщери, стояла на крыльцъ и съ ужасомъ винмала разговору слугъ....

- «Вотъ новость, Эмилія!» кричала она: «Ты слышишь, полуумный умничаеть! Піерръ, ступай сейчась къ г-ну Прево, пусть пришлегь полицію; полуумный можеть еще убить кого-пибудь: тогда мы отвъчай! Слышишь, скажи всъмь, забъги въ парламенть! Туть падо скорой помощи! Это неслыхано! П какъ его выпустили, и кто смотрълъ за нимъ? Чего добраго, еще къ намъ пожалуеть.... Такъ и есть, выходить, идеть, спрячемся, Эмилія! А то неравно онъ увидить насъ, да еще влюбится.... Запирайте двери! Піерръ, бъги поскоръй! Генріэта, баррикады, баррикады!...» Голось г-жи Пуккаръ исчезъ, двери захлопнулись, но растворилось окно въ мезонинъ и оттуда показался огромпый ченець....
- «Я хотъль видъть г. Пуккара, моего опекупа....» отвъчаль Антопій, красиво одътый и сопровождаемый Полемь, который нарядился въ ту
 самую ливрею, въ какой ходиль за покойнымъ
 господиномъ, десять лъть тому назадъ.
- «Г. Пуккарь въ Парижъ....» отвъчала г-жа Добины-Пуккаръ: «Жделъ его сегодия, завтра, в ты, братець, лучше бы воротился туда, откуда

сбъжаль, такъ я ужъ мужа уломаю; ничего тебъ за проказы ткоп не будеть, право вичего....»

— «Пзинтите, г-жа Пуккаръ, что я васъ обелпокоилъ! Какъ пріъдсть вашъ супругь, потрудитесь доложить, что я его ждалъ и жду съ нетерпъніемъ, и безъ него, позволю себъ повидаться
только съ ближайшими друзьями покойнаго моего
родителя. До пріятнаго свиданія и знакомства!
Постараюсь заслужить милостивое ваше расположеніе....»

Г-жа Пуккаръ такъ была поражена учтивостію полуумнаго, что присъла въ окпъ, при чемъ разорвала ченецъ и повредила прическу.

- «Боже ты мой. Боже ты мой!» закричала она, не спуская однакожь глазь съ отходящаго Ангонія. «Падо начинать снова мой туалеть; убрать голову не шутка, а туть еще и ченчикъ чинить надо.»
- «Да вы надъньте, мой другь, розовый съ тюльпанами!» замътила Эмилія....
 - -- «II въ двадцать лъть, а какая ты глупая!..»
- «Вы, мой другь, кажется, забыля, что папа запретиль вамь говорить на этоть счеть....»
- «Правду? Дура я, что ли? Стану ли я гонорить про твои годы; чъмъ больше лътъ тебъ, тъмъ больше и миъ, и покуда ты не выйдешь за мужъ, дальше шестпадцати не выростешь. А между собою, почему же не сказать?...»
- «Да вы такъ дома привыкиете мой другъ, а потомъ и сболтиете при г нъ Серюрье, или при Жоржъ Кутильи.»

- «Пу, ужъ какъ угодно г-ну Пуккару, а послъдній тебъ не женихъ.»
- «Почему же и нътъ! А если Серюрье не женится, такъ я и сиди въ дъвкахъ. Покорнъйше васъ благодарю; миъ и такъ надовло жить съ вами.»
- «Безподобно, удивительно, превосходно! Вотъ образецъ дочерьней почтительности! Хороша дочка, нечего сказать....»
- «Вы хотите, чтобы мужчины только и любезпичили съ вами. Многіе, очень порядочные, женихи отстали по этому. Говорили, въ цъломъ городъ кричали: не возможно ухаживать за двумя, силъ не станеть!»
- «Да отстань ты неспосная! Ты мнв го свемъ мъщаеть; только бы мнв тебя съ рукъ сбыть.... Этоть молодой человъкъ сдвлалъ на меня такое пріятное впечатльніе, а она все испортила.... Розовый съ тюльпанами! И къ кому же? Къ Модюн!.. Богъ знаетъ, что она о себъ задумаетъ! Когда и ея мужъ и мой были адвокатами, тогда мнв позволительно было наряжаться къ г-жъ Модюн, какъ угодно. По съ тъхъ-поръ, какъ г. Пуккаръ— совътникомъ въ парламентъ, такъ ужъ и въ одеждъ надо показать, какое между нами разстояніе.»
- «Уминчайте, умничайте, мой другъ! Доумвичаетесь!» сказала Эмилія и устлась къ зеркалу.
 Позвали Гепріэту; бъдная служанка разрывалась;
 то одна зоветь къ себъ, то другая; то та ругнеть,
 то другая пріударить. Пеудивительно, что туалеть
 продолжался до самаго объда и когда г-жа Пук-

каръ съ дочерью прівхали къ Модюн, тамъ уже были всв приглашенные гости.

- «Я уже теряла надежду....» сказала очаровательная Люція: «что г-жа Пуккаръ насъ удостоить посъщеніемъ.»
- «Почта, моя милая, почта! Не повърите, сколько набралось писемъ въ эту недълю; мое правило никого не оставлять безъ отвъта....»
- «Прибавьте: безъ милостиваго отвъта....» замътилъ Сериорье, раскланиваясь съ новоприбывшими дамами. Мужчины улыбнулись, но г-жа Пуккаръ приняла насмъшку за наличную монету и
 продолжала шутить по своему. Между тъмь къ
 крыльцу подъъхалъ кабріолетъ г-жи Модюн.... Въ
 гостиную вошелъ Антоній. Па лицъ юноши вспыхпулъ яркій румянецъ; опъ смутился: впервые въ
 жизни случилось ему понасть въ такое блистательпов общество; онъ не смълъ поднять глазъ и
 стоялъ у дверей, какъ изваянный, а пестрая толпа, полъ, красивыя мебели все это кружилось
 въ глазахъ его, все, какъ будто въ вихръ, стремилось свалить его съ ногъ.... Люція поспъшила
 на помощь.
- «Антопій!» сказала она, взявъ его за руку:
 «Пе забудьте, что вы вступаете въ общество, гдъ
 вы должны занять мъсто соотвътственное вашему
 званно и личнымъ достопиствамъ. Первый шагъ
 важнъе многихъ годовъ; онъ составляетъ мнъніе,
 которое съ трудомъ передълывается въ послъдствін. Вотъ что мнъ говорила моя матушка и я
 унотребила всъ усилія, чтобы, при первомъ вступ-

ленін въ свъть, не показаться дикой, застычивой, необразованной.»

- «Вы были пиаче воспитаны!» сказаль тихо Антоній.
- «Полно, полно! На воспитаніе вамъ гръхъ пожаловаться. Господа...» продолжала Люція, обратясь къ гостямь: «г. д'Аворъ былъ другомъ и опорой всего нашего семейства. Рекомендую вамъ его сына, Антонія, который, по милости Божіей, достигъ совершеннаго возраста. Я была столько счастлива, что Антоній позволиль этотъ пріятный день праздновать въ моемъ домъ.... Не сердитесь, г-жа Пуккаръ, если я перебила у васъ это право!..»

Пенозможно описать какое непріятное впечатльпіе произвели па большую часть гостей появленіе Антонія и рачь г-жи Модюн. Многіе закусили губы отъ досады, другіе притворно радовались и пасмъщливо поздравляли Антонія, которому по ихъ расчету не долго оставалось жить на свободъ. Нъкоторые мыслеппо представляли его въ больницъ или въ домъ умалишенныхъ; за исключеніемъ не миошхо, всъ были увърены, что опъ слабоумный, и что этому педостатку должно приписать самовольное его появление въ домъ г-жи Модюн; а тъ немнойе, на обороть, вполиъ были убъждены, что слабоуміе Антонія вымышленно; чувствовали что сами участвовали въ памъреніяхъ Пуккара, и запимая первыя мъста въ городъ, досадовали и предвидъли, что вся эта исторія подасть поводъ къ пепріятному и соблазнительному процессу. — Опи бы не замедлили на мъстъ противустать такому

нарушенію опекунскихъ правъ и судебныхъ приговоровъ, но протекція Герцогини Люневильской, а у многихъ красота и любезность г-жи Модюн наводили пъмоту на языкъ и страхъ на сердце. Люція очень хорошо знала и свое положеніе между сановниками Троа, и всъ вътви заговора; но какъ будто и не замъчала, что между ними происходить; обратилась къ г-жъ Пуккаръ и сказала съ тою наивностью, которая уничтожаетъ малъйшее подозръніе въ притворствъ:

- «Признаюсь! Если бы у меня быль сынь, а не дочь, я отдала бы его на воспитание г. Пук-кару. Но съ его стороны все кончено; теперь надо заняться съ новичкомъ памъ, дамамъ; я хотъла выпросить у васъ это право; но боюсь, вы его не уступите.»
- «Ахъ, моя милая, ревпость пашихъ мужей иногда не допускаетъ до исполненія самыхъ священныхъ обязанностей. По на этоть разъ я принимаю его подъ свою опеку и надъюсь, наши дамы будуть довольны моими стараніями....»
- «Постарайтесь, постарайтесь, г-жа Пуккарь! Аптопію недостаєть только свътскихъ пріемовъ. »

Двери отворились; вошелъ Поль въ нарядномъ лакейскомъ платьъ и торжественно возгласилъ: «Къ столу подано!»

— «Поль!» сказала Люція, растроганная до глубины души: «Я этого не позволю!...»

Но Поль приложиль къ губамъ палецъ и ушель; мужчины повели дамъ въ столовую; какъ младшій, Аптопій подаль руку маленькой Люціп.

- «Вы и за объдомъ возлъ меня сядете?» спросила маленькая Люція на пути.
 - «Покрайней мъръ я этого желаю!».
- «Ахъ, какіе вы добрые! Недаромъ Машап такъ васъ полюбила и когда вы сегодия по утру отъ насъ ушли, Машап ужаспо была рада, цъловала меня, плакала и все говорила: «Добрый д'Люръ! Богъ заплатилъ за твои благодъяния и на землъ. Тной сынъ спасенъ чудомъ! Правда ли это?..»
- . «Ужасная правда!...»
 - «Отъ чего же ужаспая? Вы мпъ разскажете за объдомь, какъ было это чудо?...»

Антоній не успълъ отвъчать; г-жа Пуккаръ его отозвала.

— «Что дълать?...» сказалъ Аптопій малепькой Люцін: «Въ другой разъ мы будемъ сидъть вмъсть!...»

Г-жа Пуккаръ усадила Аптонія между собою и дочерью. Сановники качали головою и презрительно улыбались; нъкоторые поглядывали на Люцію и старались догадаться, что она думаеть. Но Люція только и запималась однимь Антоніемь, старалась ободрить его, втянуть въ разговоръ и скажиге: что неудастся прекрасной и умной женщиве? Антоній, со всею приличною его возрасту скромностью, вступиль въ разговоръ; ръчи его дышали молодостью, свъжестью, но съ тъмъ вмъсть обнаруживали столько ума, знаній, игривости, даже этой свътской остроты, которая принадлежить только однимь Французамъ, что, за исключеніемъ только однимь французамъ, что, за исключениемъ только однимь только однимь

въ пепритворный восторгъ, а Люція, со слезами на глазахъ, смотръла на преображенное радостью лице Поля, который съ тарелкой подъ мышкой стояль за стуломъ своего учепика. Тъ немнойе постоянно больше и больше дулись, хмурились и послъ объда, одинъ за другимъ, непримътно исчезли; остались только непричастные заговору и дамы.

- «Ахъ, г-жа Модюн!» пъла г-жа Пуккаръ, прощаясь съ Люціей: «вы меня сегодня подарили истипнымъ счастіемъ. Пеправда-ли какъ бы пріягно, если бы у насъ были такія дъти?»
- «Я не жалуюсь, по, кажется, и вы пе можете пожаловаться!»
- «Конечно, копечно! Что ты заболталась тамъ Эмилія?»
 - «Я говорила съ нашимъ Антоніемъ!»
- «Ужъ и съ нашимъ! Прощайте моя милая! Павъстите насъ! Вы всегда дома! Ужъ и съ нашимъ!» продолжала г-жа Пуккаръ, на улицъ: «Пзвини, Эмилія, ужъ Антонія никому не уступлю!..»
 - «II я то же?» отвъчала Эмилія.
- «И я то же!» шешула Люція, слушая чорезь окно исскромный разговоръ сосъдокъ. «Иу, слава Богу, вст разътхались. Первый шагь сдълацъ. По, любезный Антоній, падо спъщить, пока ще прітдеть Пуккаръ. Падо подать просьбу въмагистрать и въ другія мъста; Поль, я надъюсь, ты уже изготовиль вст эти бумаги...»
 - «Я написалъ просьбы, какъ умълъ; надо

просить знающихъ людей, чтобы исправили и со-гласили съ судебными формами.»

- «А воть, кстати, идеть Людо.»,
- «Плохая надежда!» замътилъ Поль.
- «Почему же? Онъ адвокатъ....»
- «Плохой адвокать....»
- «Что съ вами, г. Людо́! Вы какъ то разстроены.»
- «Ужаспо!» отвъчалъ Людо, въ шляпъ прогуливаясь взадъ и впередъ по гостинной: «Это тридцать шестая диссертація, посланная въ ученое общество. Тридцать пять пропали; тридцать шестая увънчана; но я не одинъ остался побъдителемъ; я раздълилъ славу доброй догадки съ Бернули и Маркизомъ Полени!... Паконецъ проклятый корабельный вороть вытяпулъ меня въ компаніи съ другими....«
 - «Чтоже васъ огорчаетъ?»
 - «Тридцать пять диссертацій! У меня съ нихъ не осталось даже копій.»
 - «Вольно же вамъ посылать диссертаціи безъ подписи и даже безъ псевдонима. Пе разъ случалось мит пачитывать: «увънчано сочиненіе безъменнаго, присланное изъ Шампаньи; мпогіе полагають, что оно принадлежить ученому перу извъстнаго Людо, но академія должна уважить волю ученаго мужа, желающаго скрыть свое имя.»
 - «Кто имъ сказалъ, что я желаю скрыть свое имя? Кто имъ это сказалъ?...»
 - «Чтоже? Вы можете объявить себя сочинителемъ этихъ диссертацій!»

- «Какихъ?»
- · «Вотъ ужъ этого я незнаю.»
- «И я то же! Ни одной не помню; я забыль и про вороть, да академія папомнила.»
- «Падо объ этомъ, мой другъ, подумать и посовътоваться; а между тъмъ позвольте васъ позвольте съ Антоніемъ д'Авбромъ.
- «Очень радь! Давно изволили пожаловать къ намъ, въ Троа?»
 - «Сегодня утромъ!»
 - «Откуда?
- . «Пзъ Жужу....»
- «Жужу! что это я не припомию такого города; въ какой же это провинціи?...»
- «Да полно, г. Людо!» прерваль Поль: «Это мыза наша, любимая мыза покойнаго вашего сость, которому вы объщали на смертномы одръ: не оставлять его сына покровительствомъ и совътами. Воть вамъ Антопій на лицо! Посмотримъ, гдъ ваше покровительство и совъты?»

Людо смотрълъ съ изумленіемъ то на Антонія, то на Люцію, то на Поля.

- «Что вы это миъ разсказываете! Тотъ Антоній быль ребенокъ; ростомъ воть такъ, не больше, а этотъ....»
- «Да исиомните, г. Людо, что съ тъхъ поръ прошло десять лъть!»
 - «Пеужели?»
- «Ровно десять! Сегодня ударило ему інестнадцать льть, а вы ни разу не потрудились удостоить его вашимъ скевтомъ.»

- «Вздоръ, вздоръ! Я теперь себъ припомипаю, я ему далъ самый спасительный совътъ: учиться по латыпъ.»
- «Мы и послъдовали этому спасительному совъту; выучились....»
 - «Пеужели? II читаете классиковъ?...»
- «Помаленьку, 'съ лексикономъ. Что же вы намь теперь присовътуете....»
- «Теперь я дамъ два совъта. Само собой разумъется, учиться по гречески и жециться!»
 - «Жепиться?» вскричали всъ трое.
 - «Да, жениться, пепремънно жениться, въ цвъть лъть, въ полной силъ.... О, я шикогда не перестану жальть, что я не жепплся въ молодости; только любимая женщина, неотступная спутница въ жизни, можетъ исправить въ насъ врожденные недостатки; я увърень, я убъждень, что я не быль бы такъ разсъянь и забывчивь, еслибы.... да и теперь, я самь это чувствую, я говорю по опыту, и теперь въ присутствін Люціи, память моя свъжъе.... Можно все забыть, только не любимую женщину. Повърьте Люція, я дома безпрестанно объ васъ думаю. Да, жениться, непремъпно жениться! Копечно женитьба женитьбъ рознь; такихъ жепщинъ, какъ г-жа Модюн, и въ исторін не много; Сократь женился и жизни не быль рады; чорты не женщина; Александръ Максдонскій върно бы не умеръ такъ рано, еслибы Аристотель жениль его въ молодости, тотчасъ посль школы. Впрочемъ и пе удивительно, что опъ этого не сдълаль. Аристотель быль большой пе-

дапть, схоластикь; а сколько противуръчій?! Какъ можно сравиить съ Платономъ или даже съ нашимъ Декартомъ. Пе спорю, есть нъкоторыя положенія—върныя, замъчанія—удачныя....»

- «Ахъ, любезный Людо́!...» перебила Люція: «Видно и мое присутствіе не всегда помогаетъ.... Поговоримъ о важномъ дълъ» и г-жа Модюн пересказала Людо́ всъ обстоятельства, въ какія вовлеченъ былъ Антоній; Поль показалъ ему свои бумаги; Людо́ все прослушалъ, все прочелъ съ особеннымъ вниманіемъ.
- «Дъло правое, чистое!» сказалъ опъ: «Извольте! Я готовъ быть вашимъ адвокатомъ: сегодпя же ночью я справлюсь съ законами, завтра подадимъ просьбу и дълу— конецъ!»

Такъ думалъ Людо; Люція, Поль, Антоній думали также, по не такъ думалъ Пуккаръ, который въ ту же почь возвратился въ Трой съ милостью отъ перваго министра и съ новымъ значеніемъ въ отечественномъ городъ; онь мрачно и внимательно слушалъ восторженный разсказъ жены и дочери; тихо двигался по комнатъ и потиралъ то лобъ, то руки....

— «Какой вздоръ!» заворчалъ Пуккаръ, когда сожительница разсыпалась въ похвалахъ насчеть ума и образованія молодаго Антонія: «Хорошо, что не произошло пикакого несчастія! Въ этотъ день съ шимъ случился принадокъ ясновидънія, но завтра онъ впадетъ въ обычное разслабленіе ума и памяти.... Пу, прощайте! Пора вамъ спать, а мнъ еще много возни съ бумагами. Прощайте!»

Дамы ушли, а Пуккаръ усълся за столъ и просидълъ добрыхъ два часа въ глубокой думъ:

— «Кто бы могъ вести...» разсуждаль Пуккаръ: «такой хитрый заговоръ съ такимъ искусствомъ и тайною?»

Пуккаръ зазвопплъ. Вошелъ лакей.

- «Кто прівхаль въ городъ съ г. д'Аворомъ?»
- «Старый Поль, что служиль при покойномь, арендаторию съ обоими дътьми и лягавая собака...»
- «А гдъ же этоть Поль скрывался до этихъ поръ?»
- -- «Онъ не скрывался, а сначала напялъ мельницу въ Жужу, а потомъ женился на арендаторшъ...»
 - «На Гертрудъ?...»
- «Я не въдаю, какъ ее зовутъ. И объ этомъ обо всемъ мы узнали только сегодня...»
- Хороно! Ступай! Теперь все яспо. Можно писать.» И г. Пуккаръ сталъ писать, вставалъ не разъ и опять садился къ письменному столу. Едва къ утру бумаги были изготовлены; еще всъ спали въ домъ Пуккара, когда хозянпъ съ пучкомъ бумагъ подъ мышкой, въ сопровожденіи лакея, обремененнаго разнаго рода ящиками и узелками, пъшкомъ отправился съ визитами. Воротились они едва къ объду, г. Пуккаръ безъ бумагъ, лакей безъ ноши. Дома Пуккаръ засталъ Антонія въ пріятномъ разговоръ съ женою и дочерью; онъ наперерывъ старались отбить другъ у дружки добычу; неопытный склопился на сторону Эмиліи, которая, надо правду говорить, наружностью во все на себя не походила; могла бы даже считатъ-

ся красавицей, если бы не имъла слишкомъ широкаго рта, но Антоній не могъ быть столько
разборчивъ, и хотя онъ уже видълъ прелестную
Люцію, но сравнивать еще не умълъ. При томъ
же глаза Люціи смотръли на него какъ на сына;
а Эмилія вовсе не была одарена этими качествами; напротивъ, глаза ея сверкали соблазнительнымъ пламенемъ; грудь такъ сильно волновалась;
уста улыбались такъ лукаво, такъ много объщали
чего то неиспытаннаго, сладкаго. Г-жа Пуккаръ
уже кусала губы, уже приходила въ бъщенство,
но приходъ г-на Пуккара помирилъ и усмириль
соперницъ; объ, какъ кошки, свернулись въ обыкновенныя, хладнокровныя зрительницы.

- «А это ты!» сказаль г. Пуккаръ строго.
- «Я уже давно здъсь...» отвъчалъ Антоній нъсколько смутясь: «Я спъщилъ принести моему опекуну чувствительнайщую признательность за всъ хлоноты и пожертвованія, которыя онъ для меня дълалъ въ теченіи десяти лътъ. Я съ нетерпъніемъ ожидалъ этого дорогаго дня, когда я получилъ право говорить о моей благодарности....»
- «Довольно, довольно!» прерваль Пуккаръ: «Я очепь жалью, что вы поспъщили изъявленіемъ вашей благодарности. Оставивъ мъсто, предписанное для вашего жительства правительствомь, вы навлекли этимъ на себя преслъдованіе законовъ. Я имълъ непріятность получить за васъ, выговоръ и это предписаніе. Прочтите!»
- «Какъ?» воскликнулъ Антоній, пробъжавъ бумагу: «Я долженъ жить въ вашемь домъ, ни-

куда не отлучаться, ни съ къмъ невидъться, даже не говорить ни съ къмъ безъ вашего позволенія? О, да я съ ума сойду!

- «Того мив и пужно!» подумаль Пуккарь:
 «Я не виновать....» продолжаль онь громко: «вы видите, что и я вмъстъ съ вами подвергся непріятностямъ. Мив, почти старшему сановнику въздъщиемь городъ, пизшіе дълають замъчаніе, за чъмъ я не содержаль васъ во всей строгости и не имълъ за вами надлежащаго надзора. Конечно, я подобнымъ выговорамъ болъе не подвергнусь и вы будете жить вотъ въ этой компатъ; изъ ней нътъ другаго выхода, кромъ въ мою спальню. Я все устрою, я все передълаю, но пока прошу повиноваться, чтобы не навлечь и на себя и на меня еще худнихъ послъдствій....»
 - «Ахъ г. Пуккаръ! Миъ смъшно и досадно васъ слушать. Пеужели вы думаете, что я не понимаю, что все это дъло вашихъ рукъ и расчета?»
 - «Вы можете клеветать на меня сколько угодно, но это не поможеть. Я самъ совътшикъ въ Парламентъ и долженъ подавать примъръ повиповенія законамъ. Вы не выйдете отсюда, покрайней-мъръ нъсколько дней, пока я не успъю дать этому дълу другаго оборота.
 - «Пзиольте! Я повинуюсь!» сказаль Антоній ръшительно: «по позвольте миъ переговорить съ Полемъ...»
 - «Съ пимъ то вамъ и запрещено видъться!»
 - «Съ монть другомъ, воспитателемъ, истиннымъ опекуномъ!»

«Я не опибся!» подумалъ Пуккаръ и продолжалъ громко: «Съ возмутителемъ и нарушителемъ общественной тишины и гражданскаго порядка.... По довольно объ этомъ. Займите вашу компату. Меня отзывають дъла по службъ....»

Повъся голову, не имъя еще достаточной энергіи, чтобы воспротивнться съ уснъхомъ ударамъ опытнаго злодъя, Антоній вошель въ назначенную ему комнату; Пуккаръ безъ церемоніи заперъ темницу на ключь, потомъ свою спальню и покойно усълся объдать....

- «А что же будеть ъсть Антоній?» спросила г-жа Пуккаръ.
- «Собаки и дъти должны ждать.» Отвъчаль Пуккаръ поконно, но спокойствие его было прервано ужаснымъ крикомъ въ прихожей; Пуккаръ узналъ голосъ и сталъ самъ кричать: «не пускайте, не пускайте, я самъ выйду!» Папрасно; лакей съ одной пощечины новалился на земъ и въ стеловую ворвалась бъщеная Гертруда.
- «Извергъ, злодъй!» кричала она: «За что ты отправилъ въ темпицу моего добраго мужа, моего несчастнаго Поля. Изъ ревности, чтоли? Да въдъ не я, ты измънилъ, ты обольстилъ невинную вдову, мать двухъ дътей; ты миъ самъ навязалъ въ безилатную аренду проклятое Жужу; побывалъ два-три раза, и завелъ себъ Маргариту на другой мызъ, а меня сдълалъ иянькой дитяти, у котораго ты задумалъ оттягать достояніе. Котъ, да мы тебъ не мыни; весь городъ узнастъ, каковъ ты. Тенерь я молчать не буду....»

И Гертруда послъ этой краткой ръчи, съ проклятіями и угрожающими тълодвиженіями, бросилась на улицу; голосъ ея еще долго раздавался не только въ ушахъ Пуккара, но въ дъйствительпости.

- «Прекраспо, г. Пуккаръ, безподобно, нокорнъйше благодарю!» заговорила было жена, прикидываясь обиженною.
- «Пе зачто!» прерваль мужь: «У тебя любовниковь, я думаю, побольше! П если ты, или Эмилія, пикиеть слово, я вась упрячу па мызу и отдамь подь присмотрь Маргаритв. Оть нея не уйдете; это пе Гертруда! Глупо я сделаль, что не поручиль сорванца Маргарить.... Чорть возьми! Даль же я маха. П забыль про эту въдьму. Падо ее припрятать.»

II Пуккаръ бросилъ салфетку, взялъ шляпу и ушелъ.

ГЛАВА УІ.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРИСТУПЪ.

Г. Людо у себя дома занимался своимъ дъломъ. Передъ инмъ лежала цълая почта латинскихъ и французскихъ писемъ. Кому-то изъ членовъ Французской академін заблагоразсудилось умереть и миогіе знаменитые люди предложили г-пу Людо занять свободныя кресла. Больше другихъ настанвали Жюсье, д'Аламбертъ, Меранъ, Кассини и Бугеръ и безъ сомитнія выборъ поваго члена, при такихъ защитникахъ, налъ бы на Людо; но для

того, чтобы занимать мвсто двйствительнаго члена академін, надо жить въ Парижъ — и это первое условіе не понравилось Людо: оставить Троа, гдв опъ наслаждался уединепіемъ столько лють, гдв душа его обръла новую, во всю жизнь неиспытанную радость.... Это поколебало Людо и честь ему показалась инчтожною въ сравненіи съ пожертвованіемъ. Вдругъ свътлая мысль блеснула въ его воображенін; онъ побъжалъ было полуодътый, но какъ съ нъкотораго времени, Людо принималъ предосторожности противу своей намяти и всегда ставилъ стулъ съ своимъ платьемъ у главнаго входа, то и въ этотъ разъ, уже у дверей вспомнилъ о своемъ туалетъ, поспъшно пріодълся и отправился къ г жъ Модюн.

- «Послушайте!» сказаль опъ не совстмъ ръ-
 - «Caymaio!»
 - «Вамъ должно быть очень скучно въ Троа!»
 - «Ужасио!»
 - «Повдемъ въ Парижъ!»
 - «Зачъмъ?»

i

ŧ

- «Я буду члепомъ академін, я остапусь въ Парижъ, я предамся всъми моими средствами и силами паукъ.... Я буду счастливъ.»
 - «Да я-то что буду тамъ дълать?»
- «Это правда. Да развъ пе все одно? Вы будете жить въ Парижъ, какъ живете здъсь; воспитывать дочь; я скоро пачну съ пей и греческій языкъ; а тамъ высшія математическія науки, но ужъ извишите, философіи не цачну, пока ей не

ударитъ шестпадцать лътъ. Вотъ видите, какъ это будетъ все хорошо!»

- «Прекраспо, по любезный Людо, я теперь немогу вхать въ Парижъ; развъ послъ возвращенія моего изъ Германіи....»
 - «Изъ Гермапін!»
- «Пе дальше какъ сегодня, я получила письмо отъ герцогини; она пишетъ, что дъла ея, хотя и приходять къ окончанію, благодаря неусыпнымъ стараніямъ моего мужа, по счеты и расчеты продолжатся болье года и входя въ мое непріятное положеніе, предлагаетъ мить всть средства потхать къ мужу. Сами согласитесь, глуно было бы отказаться!...»
- «Воть видите, Люція, какія вы! Вы любите мужа больше, нежели меня, а я вась люблю больше, нежели вашего мужа!»
- «Весьма естественно, потому что вы его `пезнаете!»
 - «II это можеть быть.»
 - • А воть что я вамъ скажу въ утъщеніе. Блистательный уситхъ дълъ герцогини Люневильской надълалъ много шуму въ Парижъ. Роберту предлагають выгодныя мъста; и безъ сомитнія черезъ годъ мы совершенно переселимся въ Парижъ.»
 - «Чудесно! А я между тъмъ окончу мой коментарій на Плинія. Превосходно! Конечно этотъ годъ будеть для меня цълымъ въкомъ; вся надежда на Плинія!
 - «Вся падежда на васъ, г. Людо? Пуккаръ

уже уснвав паплутовать и напутать; Поль и Гертруда въ темниць, а бъдный Антоній исчезъ! Такъ мнъ расказывали дъти Гертруды; я беру этихъ несчастныхъ съ собою, по помочь Антонію не въ силахъ! Заклинаю васъ, любезный Людо, нашей дружбой, неоставьте Антонія! Бросьте на время Плинія и займитесь дълами сироты! Умоляю....»

«Къ чему это? Довольпо вашего одного слова п горе Пуккару....»

Людо опрометью бросплся къ Пуккару. Почти насильно вломился въ гостиную; но тамъ не было Пуккара; опъ пошелъ къ Антонію съ завтракомъ.

- «Напрасно, г. Пуккаръ, изволите безпоконться! Я не буду всть!» сказалъ слабымъ голосомъ Антоній; глаза его были красны; примътно было, что онъ всю ночь не спалъ.
 - «Какъ не будень ъсть!»
- «Да не буду! Я не могу жить въ этой душной темницъ, въ которую пропикаетъ свътъ только сверху, такъ, что я пемогу даже видъть какая ногода. Всю ночь я размышляль объ моемъ положенін, понялъ, что расчеть вашъ въренъ, и я рънился умереть.»
- «Умереть!» Пуккаръ поблъднълъ и тарелки повалились изъ рукъ его.... «Какъ умереть!...»
- «Голодною смертью.... Если уже судьбою мит пе дозволено пользоваться свободою и обществомь людей, если эти адскія средства вы придумали для того, чтобы воспользоваться мончт достояпіемь, я лишу вась этого удовольствія. Я умру.... умру безъ покаянія, какъ гръшшикъ, са-

моубійца, и этотъ гръхъ не на мнъ, на васъ, г. Пуккаръ; а достояніе мое перейдетъ моимъ родственникамъ, которые не имъли счастія быть подъванею опекой и найдутъ средства раскрыть ваше плутовство и обличить похитителя. Оставьте меня, уйдите, не то я буду прежде убійцей, а потомъ уже самоубійцей....»

Пуккаръ дрожалъ всъмъ тъломъ.... Если бы Аптоній безъ шутокъ вздумалъ исполнить половину своего объщанія, т. в. умереть съ голоду, то всъ труды Пуккара пропали бы безвозвратно. Пуккаръ зналъ, что въ случаъ смерти Антонія, невозможно будеть удержать въ своихъ рукахъ даже части д'Аворовскаго достоянія; опъ уже имълъ дъло съ этими родственниками д'Авора, и ему обошлись дорого ихъ проводы изъ Троа. Опъ видълъ ясно, что при характеръ Антонія, насиліе поведеть не къ безумію, а къ опасному отчаянію. Падобно искать другихъ средствъ, чтобы не выпустить изъ рукъ огромнаго имънія, а пока эти средства представятся, вступить въ мирные переговоры и заключить трактатъ па выгодныхъ условіяхъ.

- «Пикогда не подумалъ бы я....» сказалъ Пуккаръ съ видомъ состраданія: «чтобы страсть къ деньгамъ, къ богатству, могла уже обитать въ такомъ юномъ сердцъ.»
- «Вы считаете эту страсть принадлежностію вашего возраста и не ошибаетесь. Мит дорога моя свобода; мит шичего не пужно; я довольствовался бы тъмъ, чтобы вы мит ни дали; жилъ бы нъ моихъ книгахъ и въ бестат съ умными людьми;

- а на счеть моего имънія, я и не сомнъвался что вы гораздо лучше можете управлять имъ, нежели я. И не подозръваль я въ васъ ви какого злаго умысла, но теперь, извините, все сдълалось для меня яснымъ....»
- «Напротивъ, вы въ глубочайшемъ мракъ певъденія; вамъ неизвъстны враги вашего отца и ваши. Вы не хотъли покориться мърамъ, которыя я придумалъ, чтобы обезоружить этихъ злыхъ людей....»
- «Ахъ г. Пуккаръ! Какъ бы я желаль вамъ вършть!»
- «Кляпусь вамъ всъмъ, что ни есть на землъ святаго, я иначе и не думалъ дъйствовать; я не отпималъ бы у васъ и теперь свободы, если бы могъ понадъяться на вашу скромность и содъйствіе....»
- «О, пойдемте противу этихъ злодъевъ, пойдемте вмъстъ!...» сказалъ Антоній съ мастерскимъ притворствомъ, которому научилъ его продолжительный опытъ: «Назначьте условія, какія хотите; я буду слъпо вамъ повиноваться. По только не запирайте меня, какъ дикаго звъря; пе отнимайте у меня утъшенія въ наукъ....»
- «О Антоній!» и Пуккаръ бросился обнимать своего питомца: «Ты будещь жить у меня сыномъ, другомъ; объ одномъ прошу, не выходи безъ меня ни куда; тогда я уже не могу поручиться за намъренія твоихъ враговъ.»
- «Помилуйте! Да кому не дорога жизнь и будущность! Злоба людей мнв извъстна по на-

слышкв; я не хочу съ нею встръчаться лицемъ къ лицу! Я готовъ прятаться отъ всякаго посторопняго лица, съ которымъ обхождение будетъ вамъ непріятно. Иначе, — я и не огляпусь, какъ буду уже въ сътяхъ моихъ враговъ. И слыпалъ и объ пихъ, но теперь не хочу болъе слышать. Но скажите, безопасенъ ли я здъсь, въ вашемъ домъ?»

- «Только въ этомъ домъ.»
- — «Я вашъ! По конечно я не останусь въ этой темицъ!»
 - «Пътъ! ты, сынъ мой, займень свое мъсто въ моемъ семействъ.»

Пуккаръ и Аптопій вошли въ гостинную. Людо стояль у письменнаго столика и покойно нерекидываль бумаги.

- «Что это значить!» закричаль Пуккаръ.
- «Ахъ да, что это значить, г. Пуккаръ?» прикрикнулъ въ свою очередь Людо: «Гдъ Литопій? Куда вы его запропастили?»
 - «Воть опъ на лицо!»
- «Живъ, здоровъ?... Такъ чегоже она такъ перепугалась? Что, Антопій, вамъ пичего не дълають худаго?...»
- «Враги отца моего усиливаются.... По, г. Пуккаръ съ помощію Божіей, разрушитъ ихъ козпи. Это его дъло. Я только думаю объ томъ, какъ бы запяться устройствомъ библіотеки. Смерть читать хочется; представьте, господа, я не читаль уже больше недъли!...»

- «По этой части надо просить г-на Людо...» сказалъ Пуккаръ съ улыбкой....»
- «Да, мепя, именно меня!» сказаль Людо самодовольно: «Правду сказать, есть что прочесть! Каталоговъ у меня нътъ; а въ памяти удержать всъхъ этихъ сокровищь не возможио. Лучие всего пойдемъ и посмотримъ!»
- «Пойдемъ, Антоній, надо жить въ дружбъ съ добрыми сосъдями, но остерегаться лисицъ, которыя принимають на себя видъ дружбы....»
- «Этихъ то людей я и пенавижу, потому что пе могу терпъть пикакой хитрости, даже въ шутку. А знаете ли, г. Пуккаръ....» продолжалъ Антопій уже на улицъ: «что мпъ пришло въ голову? Въдь намъ съ вами приходится въкъ жить вмъстъ: пеправдали?»
- «Это зависить оть тебя, Антоній! Покрайней мъръ съ моей стороны не будеть повода къ разрыву. Пу чтоже тебъ принло въ голову?»
- «Домъ вашъ и домъ моего отца, почти смежны; у вашего дома крыльцо съ правой стороны, у нашего съ лъвой; сдълаемъ изъ двухъ домовъ одинъ, построимъ галлерею, потому что, право, миъ совъстно стъсиять васъ: я люблю кинги, собакъ; я устроилъ бы лабораторію; и въ одномъ домъ, какъ это пріятно!... Пе правдали?»
- «Удивительный проэкть и мы па этой же недълъ приведемъ его въ исполнение. Какъ увлекательна свобода!...» подумалъ Пуккаръ: «она сама на себя выдумываетъ цъпп.»

Охъ пъть, г. Пуккаръ! Эта увлекательная сво-

бода подсказывала Антонію средства, какъ бы усыпить опекуна; питомецъ упражнялся въ той певиппой хитрости, о которой писалъ разсужденіе на мызъ.

Людо не могъ надивиться дружов опекуна и питомца; скоро онъ позабылъ обо всемъ, что ему говорила г-жа Модюн, особенпо, когда сталъ показывать Антонію свою библіотеку; оказалось, что Аптоній прочель всв эти книги, за исключеніемъ греческихъ и еврейскихъ. Людо быль вив себя отъ восторга, Пуккаръ отъ изумленія.

- «Безподобно, прекраспо!» закричаль Людо: «я очень радъ, что вы не знаете по гречески и по еврейски. Мы займемся этими языками!...»
 - «Пеужели вы будете столько милостивы!»
- «Сдълайте одолжение пе говорите подобныхъ комплиментовъ; они недостойны ученаго. Я далъ вашему батюшкъ слово и сдержу его; возьмите на первый случай Геродота и прочитывайте по маленьку, а я завтра по утру прійду съ монмъ коментаріемъ и приступимъ къ дълу....»
- «Но, г. Людо, я еще не умъю читать по гречески!»
- «Пичего, прочитывайте, прочитывайте, во всякомъ случав возьмите съ собою; я могу забыть.... Я ужасно разсвянъ, тъмъ болье что люція увзжаеть; мив будетъ скучно; прежде, этого со мпой не случалось; да, вы должны замънить мив на время и маленькую и большую люцію, а тамъ, пожалуй, потдемъ всв четверо въ Парижъ; я васъ предложу въ члены академіи,

познакомлю съ Жюсье! Чудесный человекъ; вотъ голова! Бъдный Турнефортъ, несчастный Линей, ваши системы полетъли съ утлыхъ подножій; а какъ просто, натурально, какъ сама натура. Уднвительный человъкъ. Пожалуй, я васъ подружу н съ д'Аламбертомъ. Великій геній, но плоды его носятъ ядъ, надо умъть съ ними обходиться. Впрочемъ, я его люблю и уважаю.... Я васъ представлю и Королю, и первому министру. Хорошіе люди!...»

- «Пу этотъ не опасепъ!» подумалъ Пуккаръ...
- «Я васъ поведу прямымъ путемъ....»
- «Къ сумасшествію....» сказалъ про себя Пуккаръ: «туда ему и дорога!»
- «Да, да, я буду вашимъ менторомъ и свътъ удивится способностямъ ученика и методъ учителя!»
- «Сдълайте одолжение!» сказалъ Пуккаръ умоляющимъ голосомъ: «Вы окажете Антонию истииное благодъяпие....»
- «Пепремъпно, пепремъппо!... II мы пачнемъ завтра же. Гогда, то есть въ какое время вамъ свободиъе!...»
 - «Я думаю по утрамъ, г. Пуккаръ?...»
- «Да, по утрамъ, часовъ въ девять и хоть до объда. Пусть себъ....» подумалъ Пуккаръ: «Философствуютъ на свободъ, пока я въ Парламентъ, а тамъ ужъ я начну давать уроки....»

Расчеть Пуккара оправдывался на самомъ дълъ. Антоній утопуль въ греческой литературъ и начиналь уже бредить по ученому такъ сильно, что въскоромъ времеши можно было падъяться, что юный

умь его потерпить существенныя поврежденія. Г. Пуккарь исполняль мальйшіе капризы Антонія, покуналъ ему самые дорогія кинги; одинъ счеть за эти книги простирался на нъсколько тысячь ливровъ; соединиль свой домь съ домомъ д'Авора красивой галлереей, которая по счетамъ обощиась въ двънадцать тысячь франковъ; устроилъ ему лабораторію, физическій кабинетъ, словомъ, все что ни затъвало уже больное воображение Антонія; интомецъ былъ совершенно счастливъ; минуты отдыха онъ посвящаль дамамъ; Пуккаръ удивлялся, какъ опъ еще имъ не наскучиль; по съ дамами Антоній во все не быль педантомъ; напротивъ, съ каждымъ дпемъ становился любезите, увлекательные, такъ что и мать и дочь влюбились въ него по упп, что и было поводомъ весьма многихъ живыхъ и одушевленныхъ сценъ въ мезонинъ.... Такъ прошли два года. На третій, когда Аптоній изучаль уже еврейскій языкъ и занимался высшей математикой, когда пожималь безъ церемопіп ручки и г-жъ Пуккаръ и Эмилін, а опъ искали только случая по ближе познакомиться съ Антоніемъ, по не успъли потому только, что одна другой мъщали па каждомъ шагу, — въ это время случись Эмиліи захворать подъ вечеръ такимъ страциымъ образомъ, что она улеглась па диванъ въ столовой и не могла встать; отець очень безпокоплся, Антоній также, одна г-жа Пуккаръ казалась равнодуш--пою и говорила: • Оставьте ее: пройдеть. » — Ilo Эмилія но оправлялась, приказала себъ подать подушки, одъяло и ръшительно объявила, что будеть

ночевать внизу, въ столовой.... Г-жа Пуккаръ примътно этому обрадовалась; помогла ей улечься в всъ разошлись по своимъ мъстамъ....

Аптоній долго ходиль по своимь компатамь и мечталь о двіїствительной свободь; время было зимпев, и такое холоднов, что и пезапомпять вы Шампапін; каминь пылаль, но пе могь согрыть морознаго воздуха; одинь Аптоній пе чувствоваль стужи. Вдругь кто-то изь сада постучался вы окно; Аптоній вздрогнуль. Стукь повторился; онь подошель и увидаль.... кого же? Поля! Старикь стояль у окна въ рубищь и съ открытой головой....

— «Ты ли это, Поль?»

Ħ

No.

- «Я, мой милый Антоній, я! Мив удалось уйти изь темницы на честное слово.... Чтоже ты медлишь, Антоній? Годы уходять! Я быль у Людо! Я настояль, чтобы вы завтра же подали просьбу. Постарайся ее подписать, чтобы викто не видель. Хуже не будеть. Парламенть назначить слъдствіе, можеть быть выборь падеть на честнаго человъка.... Боже мой! успью ли я все сказать? Я объщался вернуться въ темницу передъ получиочью.... Потомъ когда подана будеть просьба...»
- «Поль! Пдуть! Бъги! Мы открыты...» закричалъ Антоній и дрожа оть холода и страха, бросился въ кресла къ камину. Антоній не ошибся. Двери одни за другими тихо проскрипъли и въ спальню Антонія вошла г-жа Пуккаръ.
- «Пакопецъ....» сказала она: «я избавилась отъ ужаснаго аргуса! Она больна, лежитъ; и я

могу тебъ сказать все, что такъ давно и съ такимъ трудомъ скрывала....»

- «Право, я не знаю, г-жа Пуккаръ, прилично ли...»
- «Пе время теперь думать о приличіяхъ; часы не въ нашей власти... Боже мой, куда мнъ спрятаться?... Пдутъ.... Върно это мой ревнивецъ!» и г-жа Пуккаръ спряталасъ и притаилась за каминомъ.... Вошла Эмилія.
- «Паконецъ, мы безъ свидътелей!» сказала она шепотомъ.
- «Богъ знаетъ! Пе совсъмъ....» подумалъ Аптоній.
- «Что съ тобой, мой другъ, ты такъ печалепъ?... Пеужели тебя не радуеть мое посъщеніе; пеужели я обманулась! Какъ хочешь Антоній, но намъ должно объясинться. Я не могу скрывать болъе мосго пламени. Ты умъещь притворяться.... Но я не въ силахъ.... Не правда-ли? Ты мой и никто тебя отъ меня не отниметъ....»
- -- «Врешь!» закричала г-жа Пуккаръ и выскочила изъ засады....
- «А вы здъсь, мой другъ? Наша хитрость удалась; надо позвать скоръе нана....»
- «О, я сейчасъ догадалась, что бользпь твоя притворство и сиряталась за каминъ, чтобы все видъть собственными глазами. Постой, я раскажу отцу.... будеть тебъ!»

II объ соперницы бросились изъ дому, но въ галлерев помирились, одна другой опасаясь и спова поссорились, но уже въ мезопинъ.... Пе смотря

на миръ, бользнь и всъ предосторожности, г. Пуккаръ видълъ, или лучше сказать слышалъ нъкоторые эшизоды этой романической поэмы....»

- »А что!» подумаль онь лежа: «Это было бы недурно. Конечно, Эмилія кръпко постарше, но Антопій влюблень въ нее; наконецъ, если и не влюблень, такъ все одно; соблазниль невинную дъвушку; честь дома; долженъ жешиться. А если...» И Пуккаръ пе могъ заснуть цълую ночь; планы его мучили; онъ нсталь въ этотъ день ранье обыкновеннаго и дрожа отъ усилившейся стужи, отправился къ Антонію; въ дверяхъ прихожей, откуда галлерея имъла свое начало онъ повстръчался съ г-мъ Людо ...
 - «Что такъ рапо?» спросиль г. Пуккаръ....
- «Падо спъпшть, некогда!» отвъчаль Людо в побъжаль къ Антопію...
 - «Отчего же векогда?...
- «Право некогда! Воть мы съ нимъ прочтемъ туть только одно сочиненіе, падъ которымъ я трудился цълую ночь и я уйду; можетъ быть приду не скоро; можетъ быть захвораю и захвораю сильно; но все равпо, я ръшился; подобный случай въ Шампаніи можеть быть уже шкогда не представится. Чуть не градусъ морозу. Песлыханное дъло!...»
 - «Да что же вы хотите двлать?»
 - «Купаться!»
 - «Въ такую стужу!»
- «Именно въ такую стужу. Въ жаркіе льтніе дни каждый купается, а зимою, въ морозъ. .. Это

дъло трудное, на это можеть рашиться только ученый человакъ, естествоиспытатель, натуралистъ, опзикъ, и — я рашился.... Садитесь, Антоній!...»

- «Послушайте, г. Людо, за кого вы меня принимаете?» сказалъ Антоній: «По ужели вы думаете, что Платонъ отстанеть отъ Сократа, ученикъ отъ учителя. Я иду съ вами!...»
- «Такъ пойдемъ же, Платонъ! Не то взойдеть солице. Термометръ подымается.»
 - «Куда?» заревълъ Пуккаръ.
 - «Купаться!» закричали оба.
 - «Да ты умрешь, Антоній!»
- Тъмъ лучше, тъмъ лучше!» сказалъ онъ съ отчаниемъ: «Я не могу долъе жить затворникомъ.»
 - «Да за чъмъ же купаться; развъ тебъ жарко?...»
- «Ахъ, г. Пуккаръ!» прервалъ Людо: «Вы этого не понимаете, вы человъкъ пе ученый; мы хотимъ испытать на себъ: долголи можетъ пробыть человъкъ въ водъ съ морозомъ.»
- «А я просто умереть!» закричалъ Антоній: «но умереть съ пользою для науки!»
 - «Браво, браво, Антоній! Такъ пойдемъ же!»
- «Да отъ чего же ты хочешь умереть! Развъ тебъ у насъ худо?»
- «Скучпо, душно.... Я пе могу спести такой жизни....»
- «Да въдь ты самъ хотълъ! Скажи и все будеть по твоему; только пеходи купаться...»
- «Вы должны мив позволить прогуливаться по городу, ходить за городъ на гербаризацію, въ театръ, вездв, куда мив угодно!»

Жанъ Батисть Людо.

- «Ахъ, Господи! да кто же тебв : Ходи себв, куда хочень....»
- «Вы слышите, г. Людо! Будьте сі ІІ такъ я иду въ театръ!»
 - «Диемъ?»
- «Все равпо! Я осмотрю театръ бы покойнъе насладиться представленіем:
- «Ахъ Боже мой, ты бы только возьму ложу; мы поъдемъ вмъств....»
- «Такъ возьмите же ложу! А а въ церковь?»
- «Съ удовольствіемъ, мой другъ, бою; закажу объдню....»
- «Хорошо! Такъ закажите же о нока осмотрю древній рыпокъ....»
 - «И я съ тобой! Я давно его нен
- «Такъ ты неидешь купаться?» спр съ досадой:
- «Ахъ, Людо́! Мив улыбиулась сложеніе у меня такое слабое.»
- --- «Такъ прощай же, Аптопій! Приз поговорить о послъдствіяхъ опыта!....
- «О, я теперь свободенъ! Я слово....»

аясь отъ быстроты шествія: «Падо женить его Эмиліи. Ппаче совстмъ выбьется изъ рукъ!... средство — послъднее!»

І опекупъ и питомецъ подощли къ ръкъ въ сато время, когда Людо раздъвался съ особеню поспъшностию, боясь, чтобы солице не оболо воды; эта сцена привлекла множество зризй. Такъ какъ зрълище происходило у самаго та, то и повозки, проходившія черезъ мость, вновились и загромоздили дорогу огромной каво, пагруженной и облъпленией всякаго рода и чемоданами. Дамы съ ужасомъ спрятались глубину кареты; мужчина, хотя и ножилыхъ в, по прекрасной наружности, опустиль окно гобовался натурой и подвигомъ Людо. Филовобовался натурой и подвигомъ Людо. Филовитая книгу... Въ такомъ видъ Людо нозился въ воду по самую шею.

- «Что, г. .lioдо́?» спросиль Антопій.
- «Пемъннайте!» отвъчаль Людо: «Интересноо то... Чтеніе недаеть мнъ чувствовать боли...» Те смотря на эту ученую предосторожность, до сталь задыхаться; руки задрожали такъ, что ьзя было продолжать чтенія; скоро застучали убы.
- «Посмотрите па часы!» сказаль Людо гоюмъ, въ которомъ слышались всъ голоса отъ чаго низкаго баса, до высочайнаго сопрано...
- «Четыре минуты, сорокъ двъ секуиды...»
- «Пемогу больше!» закричаль Людо и брояся бъгомь изъ воды... «Ровно иять минуть!»

сказалъ онъ, посмотръвъ на часы: «Ровно пять минутъ можеть человъкъ оставаться въ морозной водъ и пе задохнуться. Падо записать.»

Пока Людо одълся, пока записаль свое паблюденіе, мость освободился оть баррикадъ и мимо толны зрителей и главнаго актера, процеслась дорожная карета.

- «Здравствуйте, проказинкъ!» закричалъ ему знакомый голосъ изъ кареты и Людо остолбенълъ...
- «Это опа!» закричаль опъ не своимъ голосомъ: «Это г-жа Модюн!...» и со всъхъ ногъ бросился за каретой.
- — «Г-жа Модюн!» воскликиуль Антоній: «О, и я побъту къ ней сей чась же; благо свобода есть...»
- «Другь мой!» сказаль Пуккарь, взявь Аптонія за руку: «Если ты хочень со мной разсориться, изволь, иди; это злъйшіе враги мои! Кажется, я дълаю для тебя всъ возможныя жертвы, а ты!...»
- «Я исполню ваше желапіе!» сказаль Антоній тихо, душевно раскапваясь, что обпаружиль влеченіе, котораго впрочемь и самь онь непонималь; ему стало скучно; почти машинально послъдоваль онь за Пуккаромь, и разсъянный, недовольный, устлея за завтракь; даже вчераннія посъщенія имь были какъ-то забыты; па вст вопросы дамъ, онь отвъчаль какъ-то нехотя, разсъянно, такъ, что г-жа Пуккарь не утериъла и сказала: «Пу, Антоній, вы сегодня ни дать, ни взять, Людо...»
- «.Подо! Ахъ, Боже мой, а я и забыль его навъстить.»

— «Да пе теперь же!» сказаль Пуккарь: Теперь надо подкръпиться пищею, отдохнуть и тогда
уже идти къ Людо... Да его и дома теперь нъть.
Опять онъ будеть возвращаться домой только на
объдъ и на ночь; а я безъ часовъ всегда буду
знать когда полдень...»

Позавтракали.

— «Пу, жена!» сказаль Пуккаръ: «Антоній пойдеть къ себъ, а мы съ тобой запремся и по- говоримъ о весьма важномъ дълъ....»

Пуккаръ значительно взглянуль на Эмилію и Антонія. Дамы вздрогнули.

- «II Эмилія съ нами?» спросила г-жа Пуккаръ...
- «Пътъ! Это дъло не до нее касается. Она можетъ дълать, что хочетъ; конференція паша продолжится добрый часъ. Пойдемъ, жена! Ступай себъ на верхъ Эмилія....»
- «Да, да, ступай на верхъ... только постой, мой другь, я мезошив на замокъ запру....»
- «Полпо дурачиться! Кто ее оттуда украдетъ.... Пойдемъ.»
 - «Право, Пуккаръ....»
- «Полно, пойдемъ; время дорого.» И Пуккаръ почти насильно утащилъ свою жену въ другую компату; Ангоній пошель въ задумчивости въ свою спальню и бросился на постель. Эмилія какъ будто угадала, чего хотьлось отцу. Побъжала въ галлерею, и уже, получивъ смълость отъ вчерашняго путешествія, безъ дальнихъ околичностей прямо въ спальню, къ Антонію.

- «Что вамъ угодно?» спросиль Антоній, немало испуганный неожиданнымъ посъщеніемъ.
- «Пеблагодарный, и тебя не трогаеть моя любовь !...»
- «Очень трогаетъ, сударыня, но я весьма хорошо помню, чъть я обязацъ моему опекупу и не нарушу правилъ чести.»
- «Что такое! Что такое! Правила чести! Да что же можеть быть чище, священите чувства двухъ серденъ, взаимно любящихъ ...»
 - «Да кто вамъ сказалъ, что я васъ люблю...»
 - «Какъ? А вани вчерашийя клягвы?»
 - «Какія клятвы?»
 - «Да вы развъ не клялись любить меня въчно..»
 - -- «Это вы говорили, а я молчалъ...»
- «Да это развъ не все одно; значить вы согласились любить меня также въчно. По этому вы уже не думаете на миъ жениться?...»
 - «Жениться! Пикогда и недумаль!...»
- «О, измънникъ! А я для него отказала и Серюрье и Кутилын.»
 - «Папрасно посиъшили.»
- «Пъть, не папрасно! Вы меня обезчестили, унизили, довели до того, что я у васъ сижу въ спальнъ... а теперь вдругъ, ни съ сего ни съ того отказываетесь на миъ жепиться!...»
- «Да кто же вамъ велитъ ходить въ спальню? Милости просимъ въ библіотеку...»
 - «Да что я кпига, что ли?»

Двери съ шумомъ отворились, и явилась грозная фигура Пуккара...

- «Что я вижу! Дочь моя въ твоей спальнъ. Антоній, Антоній! За всв труды мон и клопоты, ты погубилъ меня, обезчестиль, безъ ножа заръзалъ...»
- «А что? Не говорила я, что сбъжить!» кричала г-жа Пуккаръ вбъгая въ спальню: «Ее надо держать на цъпочкъ... Хорошъ питомецъ! Удался въ опекупа! Пи дать, ни взять на такую штуку смапилъ меня Пуккаръ и съ тъхъ поръ я такъ несчастна!...»
- — «Боже великій!» кричалъ лакей: «Гепріэта, Гепріэта, а погляди, гдъ барышия... Господи, стыдъ какой!»
- «Э, господа!» сказалъ Антоній, выведенный пуъ терпънія: «Это второй заговоръ! Хотъли меня сдълать просто дуракомъ; неудалось; такъ вздумали женить меня насильно на тридцатильтней дъвъ. Пеудастся, право неудастся!... Я ютовъ премеде взлетить на воздухъ, нежели жениться на Эмиліи! Прощайте!»
- «Куда, куда ты, Антоній? Держи его!» По приказаніе г. Пуккара не такъ было сильно, какъ пощечина отвъшенная Антоніемъ дерзкому лакею. Антоній бросился прямо къ г-ну Людо. —

ГЛАВА VII. ОБРАЗЦЕВАЯ ПРОСЬБА.

- Г. Людо въ шлянъ и плащъ, съ особенною торопливостью, шарилъ въ бумагахъ и искалъ карандаща.
 - «Удивительное изобрътеніе!» говориль онь:

- «Чудо, не выдумка! Я даже не успъль побывать у моей Люцін: только и видъль ихъ на крыльцъ. Выросла! Ужаспо выросла! Боже ты мой, гдъ этоть карандашъ. Они меня еще пожалуй не дождутся.... А! Воть онъ!... Прощайте!»
 - «Куда вы?» спросилъ Антопій.
- «Тду на небо! Ахъ, да! Вамъ неудалось подписать просьбы! Подпишите скоръе, мнъ право пора; спъщу, спъщу!»

Пуккаръ вбъжалъ въ самое то мгновеніе, когда Людо пряталь въ карманъ подписанную Антоніемъ бумагу....

- «Пу, теперь прощайте! Чертовское изобрътеніе!» ІІ Людо пошель, за нимъ Аптоній, за Аптоній Пуккаръ....
- «Да куда же вы, г. Людо?» кричаль Аптоній: «Я оть васъ не отстану.»
- «И прекрасно сдълаете! Потому что надо ъхать вдвоемъ, а во всемъ Троа отыскался только одинъ охотникъ: я!»
 - «Да куда ъхать?»
 - «Говорять вамъ на небо!»
- «Какъ на пебо?» воскликнуль Пуккаръ, съ трудомъ догнавний скороходовъ....
- «Покрайней мъръ по выше облаковъ. Изобрътена машина моими добрыми знакомыми, братьями Монгольфьерами; называется аэростатъ *);

^{*)} Утверждають, яко бы воростаты пообратены въ 1782 году, но я этому показанію не върю, и нахожу важныя причины думать, что первые опыты произведены были ниенно около 1744 года.

подымается вышо облаковъ, опускается по волъ человъка; привезена въ Трой личпо для моего удостопъренія и замъчаній — и я ъду самъ, потому что все люблю испытывать лично. Такъ вы ъдете Антоній? Очень редъ!»

- «Какъ на воздухъ!» закричалъ Пуккаръ: «Да такъ можно голову сломать.
 - «Можпо....» отвъчалъ Людо покойно. •
 - «Можно упасть съ облаковъ и разшибиться...»
 - · «Въ дребезги...»
- «Помилуйте! Такъ за чъмъ же умирать двоимъ, когда можно одному?
 - «Для компанін! Вдвоемъ веселье!»
- «Г. Людо! Перестапьте шутить! Я не позволю Аптонію...»
- «Въ шестпадцать лътъ люди уже не дъти. Въ 16 лътъ я уже паписалъ третіе или четвертое мое сочиненіе, и очень порядочно. Латынь была опрятна, не могу сказать чиста, по именно опрятна. И это уже достоинство.... А, вотъ и наши!..»

Въ самомъ дълъ, на небольной площадкъ нъсколько человъкъ держали тафтяный ящикъ; другіе подъ этимъ ящикомъ жаровню, на которой горъла бумага. Толна любонытныхъ зрителей окружала это удивительное изобрътеніе. Пъсколько человъкъ ученыхъ стояли по ближе и педовърчиво качали головами. Людо подошелъ къ мащинъ, пощупалъ тафту въ самое то время, какъ она начала сама но себъ шевелиться въ рукахъ людей...

— «Пора садиться, г. Людо!» сказалъ прислужникъ. Людо вскочилъ въ лодку.

- «Прекрасно!» вскричаль онь: «Весьма удобво. Садитесь, Антоній!»
- «Боже сохрани!» сказаль Пуккарь: «Я тебя не пущу....»
- «А отказываетесь ли вы отъ вашихъ гнусныхъ притязаній?» спросилъ Антопій громко: «Пе будете меня неволить жениться на вашей дочери?..»
- «Могу ли я, подумай Антоній! Ты обесчестиль мое имя....»
 - «Да неправда!»
 - «Право обесчестилъ!»
 - «Такъ я уъду!...»
- «Да развъ женитьба хуже, пежели воздушное путешествіе!...»
- -- «Тысячу разъ! Лучше вдругъ сломать голову, нежели всю жизнь таскать тяжелые, позорные рога....»
- «По за чъмъ ты соблазнилъ невишиую дъвушку?»
 - «Э, что засъ слушать! Прощайте!»
- «Право не пущу!» закричалъ Пуккаръ не своимъ голосомъ и схватилъ Антонія за длинныя полы кафтана; Антоній уже стояль въ лодкъ, откипувъ руки назадъ. Шаръ наполнился гасомъ и сталъ подниматься, а кафтанъ опускаться съ плечь Антонія; Пуккаръ пригпулся и, что силы было, тянулъ, тянулъ и съ кафтаномъ упалъ на земь....
- «Гдв опъ? гдв мой Аптоній! Пропало все, онъ не воротится... Паслъдники!...» кричалъ Пук-каръ, но Аптоній уже неслыхалъ его криковъ. Азростатъ быстро уходиль въ небо. Съ кафтаномъ

въ рукахъ, Пуккаръ бъгалъ по улицамъ Трой и кричалъ: «Ловите, ловите!» — «Кого?» спрашивали горожаие.... «Антонія!...» — Гдъ же онъ?— «Вонъ тамъ, за облаками! Ловите, ловите! Гдъ полиція!...»

- «Какъ мив легко!» говорилъ Антоній, сидя въ нъжной лодкъ и не помышляя объ опасности...
- «Удивительное изобрътепіе!» сказаль Люді; «Чудо не выдумка, я готовъ выпрыгнуть отъ радости!»
- «Пать, не далайте этого, г. Людо!» замвтиль шутя Антоній: «Можно сломать ногу...»
- «Копечно, если попадешь на скалу, а если въ воду, я думаю вичего? Жаль, что подъ нами нътъ моря. Стоило бы испытать....»
- »Пътъ, несовътую! А если, по силъ стремленія, вы долетите до самаго дна морскаго?..»
 - «А чтоже? II то любопытно...»
 - «А какъ вы воротитесь назадъ?
- «Да въдь мы на лодкъ; отръжемъ канаты и поъдемъ куда нибудь въ пристань.... Все это мечты, но вотъ, что любопытно: смотрить ли на насъ г-жа Модюн?»
 - «Върпо смотрить!»
- «Жаль, что пельзя управлять этой машипой по воль, а то бы я опустился прямо на крылечко, а еще лучше на балкопъ Люціп... Милая жепщипа! А какая у пея стала большая дочь; ростомъ уже съ маменьку.... Я видълъ на крыльцъ...»
 - «Падо миъ исполнить объщаніе. Я даль сло-

во малюткъ сидъть возлъ нея за столомъ.... По, г. Людо, кажется, наша прогулка кончилась....»

— «Да, мы летимъ назадъ.... Гляди, гляди, какая папорама!... Воть и домъ Люціи, воть и балконъ ея, противу магистрата.... Весь городъ на улицахъ.... Чудо!... Воть и опа!»

И Людо сталь кланяться дамамъ. Народъ, приведенный въ восторгъ невиданнымъ зрълищемъ, хлональ въ ладоши и кричалъ: браво, браво! Одинъ только Пуккаръ, протяпувъ кафтанъ въ верхъ, свисталъ, что было силы. Передъ самымъ магистратомъ стояли двъ вътвистыя липы; лодка ударилась объ вътви и отскочила въ сторону, такъ, что путешественники едва въ ней удержались; вся тола ахиула; въ это время Пуккаръ раздълилъ ощущенія публики и ревпулъ во все горло; по опасность разръщилась смъщнымъ эрълищемъ; тафтяный ящикъ увязъ въ вътвяхъ раскидистыхъ липъ и путешественники повисли на итсколько футовъ оть земли. Первый прибъжалъ на помощь Пуккаръ съ кафтапомъ.

— «А, наконецъ ты мой! Я поймалъ тебя....» кричалъ Пуккаръ: «ты хотълъ улетъть отъ меня на лупу, такъ я же тебя спрячу подъ землю.»

По Антоній довольный своимъ воздушнымъ путешествіемъ, схватиль Пуккара за голову, и соскочиль на мостовую. Пуккаръ пе успълъ опомниться, какъ Людо послъдовалъ примъру ученика и употребилъ совътника вмъсто лъстницы. Въ рукахъ Пуккара, кафтана уже неоказалось. Антоній надълъ его, поклопился рукоплещущей публикъ и пошелъ прямо въ домъ г-жи Модюи....

- «Гдъ онъ? гдъ онъ?» опять кричалъ Пуккаръ.
- «Видпо ушель по вашему приказанію подъ землю!» сказаль Людо: «Ахъ, да это магистрать! Запесу я кстати мою просьбу и тогда ужё къ Люціи.»

Сказано, сдълано. Прево принялъ просьбу со всею почтительностію, какой заслуживала слава Людо; философъ, не ожидая послъдствій, поклонился и ущелъ....»

— «Прочтите! сказалъ Прево секретарю: «О чемъ проситъ почтенный и знаменитый нашъ согражданииъ? Только погромче!...»

Секретарь громко и ръчисто прочиталъ слъдующее:

— Достоночтеннъйніе суды ! Я родился въ 1729 году, въ Троа, столицъ богатой и благословенной провинціи Піампаніи, въ городъ, который былъ Римскимъ поселеніемъ, въ глубокой древности славился многими мъстными качествами и былъ украшенъ намятниками Римскаго зодчества, которые до нынъ зримъ какъ внутри, такъ и внъ города. Есть недоученные антикваріи, которые думають, что не только древній городъ Троа, но и самая Піаченца, при которой былъ разбитъ Римскій консуль Семпроній безсмертнымъ Анибаломъ, находились не на своихъ мъстахъ, по это противно здравому слыслу и достаточно опровергнуто въ разныхъ сочиненіяхъ. Отецъ мой, Казимиръ д'Аворъ....»

- «Что это?» спросиль Прево: «просьбу подаль Люпо... ио читайте дальше.... Падо выслушать все »
- «Казимиръ д'Аворъ припадлежить къ благородивйшей фамиліи во всей Шампапін. Предки мон служили при дворахъ многихъ королей Францін. Исчислимъ главивнинхъ: Аптопій д'Аворъ служиль придворнымъ дворяпипомъ при великомъ Король нашемь, Генрихь IV и быль съ нимъ три раза на охотъ, какъ явствуетъ изъ журпала Генриха IV, изданнаго Этоалемъ, томъ 1 стр. 26. Филиппъ д'Аворъ посылапъ былъ въ качествъ повъреннаго кардиналомъ Ришльё къ разнымъ Германскимъ владътелямъ, какъ явствуетъ изъ многихъ пумеровъ Французскаго Меркурія, въ то время издававшагося. Жанъ Батисть д'Аворъ пользовался расположеніемъ Кольберта и написалъ весьма замъчательный трактать на Economies royales · безсмертнаго Сюлли, паходящійся въ рукописи въ • Королевской Парижской библютекъ, подъ Хо 2, 637 и Апендикса къ пему, тамъ же, подъ слъдующимъ пумеромъ. Жанъ Батисть д'Аворь, по смерти Кольберта, возвратился вь Троа, женился на дъпицъ Долли, дочери ученъйшаго адвоката своего времени, и пеусыпными попеченіями довель свое состояніе до самой цвътущей степени, такъ что оставиль своему сыпу итсколько домовъ въ разпыхъ городахъ, отлично устроенные виноградники, образцевыя по тогдашнему времени мызы, какъ изъ прилагаемой описи явствуетъ. Надо замътить, что въ то время, какъ политическая экономія во-

обще, такъ и сельское хозяйство въ частности, были въ такомъ же плачевномъ состоянии, какъ и нынъ; городская управа была итсколько лучие; покрайней мъръ чиповники не дълали такихъ явныхъ притъсненій, какъ нынъ....»

Секретарь заппулся.

— «Продолжайте, продолжайте! » сказаль Прево: «Дослушаемъ эту ченуху... изъ любопытства. .»

Секретарь продолжаль: «Взятки брали, но уже покрайней мъръ не такъ явно и, если дълали попущенія, то иногда по ошибкъ, а если съ умыслочь, то уже и съ искусствомь, умъли облекать все въ закопныя формы. И тогда сильные имъли спой въсъ и вредное вліяніе; по эти сильные были Герцоги, Перы Франціи, люди, уважаемые королемъ и королевствомъ, а не какой инбудь совътинкъ Пуккаръ.... При такихъ обстоятельствахъ, честнымъ образомъ нажитое добро не всегда дълалось добычею сплытыйшаго. Право гражданское, какъ и пародное, со времени Вестфальскаго мира, получившее дъйствительное значение и силу, существовало, хотя въ пъкоторой степени. При сынъ его, Казимиръ д'Аворъ, гражданскій порядокъ значительно измънился; порядочные люди стали удалягься оть юридического поприща, потому что порядочные люди много денеть не имъють, а въ это время юстиція сдълалась продажною. Казимиръ д'Аворъ, по обширности дълъ своихъ, старался избъгать столкновенія съ судами и судьями, что, при помощи г. Модюн, честивниаго человъка и весьма искусснаго дъльца, ему почти всегда

удавалось. Казимира д'Авора всв помпять. Если исторія въ чемъ либо можеть упрекнуть сего достойнаго мужа, такъ только въ томъ, что опъ на мызь Люціань, такъ названной въ честь г-жи Модіон, которую онъ любиль почти столько же, сколько и я.... Такъ па этой то мызъ, г. д'Аворъ разръшилъ темпаго арендатора употребить на мельинцу три огромные камия, которые, по встмъ, въроятіямъ, поминли Римляпъ. По пусть же его съ этими камиями разсудить исторія, а сынъ за историческіе гръхи отца не отвъчаеть. Не смотря на то, по смерти г. А Авора, магистрать, упустивъ изъ виду, что г. д'Аворъ всегда называлъ г-на Пуккара — скущомъ, интригантомъ, завистпикомъ и плутомъ, не имъя никакихъ удовлетворительныхъ документовъ, кромъ мосю свидътельства, списаппаго со словъ того же Пуккара. поручиль ему же Пуккару надо мной опеку, мимо ближайшихъ родственниковъ, служащихъ въ королевской армін и мимо истинныхъ друзей покойнаго, какъ-то, г-на Модюн, которому самъ покойпый предназначаль сіе мъсто, какъ явствуетъ изъ показаній роднаго его сына, всей прислуги покойнаго и другихъ достовърныхъ лицъ. Всъ сін попущенія нельзя принисать невиннымъ и неумышленнымъ новодамъ, что послъдствія и доказали. Г. Пуккаръ....»

— «Довольно!» сказалъ Прево.... «Пътъ силъ слушать! Вы видите, господа, что эта просьба явственно обнаруживаетъ поврежденное состояніе разсудка, исполнена непозволительныхъ выраженій,

неумъстныхъ выходокъ — и, только принимая въ уважение бользиенное состояние просителя, мы можемъ оставить его безъ законнаго преслъдования. Просьбу, по моему митнию, должно передать въ архивъ, для хранения при дълъ, а г-иу Пуккару строжайше предписать усилить падзоръ за полуумнымъ и отиять у него всъ средства къ писацию подобныхъ предосудительныхъ бумагъ.»

- «Мив кажется....» сказаль Эшвень Леро, бывшій прокураторомь у Троасскаго философа: «Это дъло до пасъ пе касается; объ этомъ жалобу проситель долженъ подать въ парламенть...»
- «Воть еще что выдумали? Не должно слъпому давать въ руки огня. Запретить писать, усилить надзоръ и—кончено!»
- «Позвольте, г. Прево !» II препія продолжа**мпсь** весьма долго. По окончанін засъданія, мпогів члены магистрата потянулись къ Модюн, чтобы поздравить съ прітздомъ и взглянуть па прелестную Люцію I; о Люцін II никто еще не думаль. Одшть только Антоній не на шутку на нее засматривался; Люція вторая была уже портретомъ во весь рость Люцін первой, написаннымъ самымъ льстивымъ живописцемъ, во всей свъжести первой юпости, во всей прелести простодушной певинности и очаровательной простоты. Молодые люди ситиным встратиться, какъ старые знакомые, но встрътясь, оба невольпо смутились. Модюн припяль Антонія, какъ роднаго сына; обпяль Людо, какъ истиннаго стариннаго друга; благодарилъ, что опъ доставлялъ Люцін пріятное развлеченіе ц

просплъ жить съ ними по прежпему въ совершенной дружбъ и согласіп.

- «Н знаю обо всъхъ обстоятельствахъ вашего дъла!» говорилъ Модюн, обратясь къ Антонію: «Неслыханное плутовство не останется безъ наказанія. Сегодня завтра пріъдетъ новый королевскій генеральный прокуроръ, человъкъ испытациой честности; должно ожидать въ Троа важныхъ перемънъ. Будьте нокойны. Хороню, что я знаю...»
- «Ахъ, г. Модюн, вы еще всего не знаете!» сказалъ Антоній: «Пуккаръ хочеть женить меня на своей дочери!»
- «Возможно ли?» воскликнула Люція первая. Вторая такъ сильно покраснъла, что и отецъ и мать не могли воздержаться оть улыбки. Даже Людо удивился необыкновенному цвъту лица своей питомицы и спросилъ съ участіемъ: не жарко ли ей? Одинъ Антоній ничего не замътилъ и продолжалъ:
- «Я не знаю, г. Модюн, какъ вамь это все и разсказывать....»
 - «Пожалуйге, пичего пе скрывайте!»
- «Мерзавцы!» сказаль Модюн, когда Аптоній кончиль разсказъ свой: «Они за все поплотятся!..»
- «Ахъ Антоній!» прерваль Людо: «Зачьмь же ты мит не разсказаль вчера; я пропустиль это обстоятельство въ просьбъ, которая, могу похвалиться, написана съ необыкновеннымъ красноръчемъ, снабжена всъми возможными историческими показаніями и ссылками и безъ хвастовства скажу, можетъ служить образцемъ дъловаго слога...»

- «Куда же вы подали эту просьбу?»
- «Въ магистратъ!»
- «Папрасно! Падо было подать въ парламентъ. Во всякомъ случав это жалоба на магистратъ и опеку. По ничего! Мы все ноправимъ. Только надо поскоръе выручить Поля и бъдпую Гертруду. И это надо сдълать сегодия. Падъюсь, что мив на поруки ихъ отдадутъ. Прощайте! Медлить нечего. Пе прошло и получаса, Модюи возвратился съ Полемъ и Гертрудой. Поль только постарълъ нъсколько, впрочемъ не перемъпился пи на волосъ, но за то Гертруда съ трудомъ спосила заключеніе и стращпо измъпилась.
- «Боже мой, Боже мой!» кричалъ Антоній обнимая своихъ друзей? «И все это за меня!»
- «Другъ мой!» сказалъ Поль: «Молитва подкръпляла насъ и эта молитва услышана?»
- «Послушайте, милая!...» сказаль Людо Люцін второй: «Они занимаются теперь своими двламя, мы почти лишніе.... Не займемся ли и мы съ вами? Я ужасно любопытенъ знать, какіе вы сдълали уснъхи въ латынскомъ языкъ въ ученой Германіи...»
- «Ахъ, любезный Людо !» прервала Люція I: «Дайте ей поотдохнуть оъ дороги.»
- «Ваша правда, но я боялся, пе скучно ли ей слушать эти юридическіе дрязги...»
- «Ахъ нъть, г. Людо!» отвъчала Люція II: «Миъ такъ жаль Антонія, что, кажется, я ношла бы сама въ парламенть защищать его!»
 - «Браво, браво, Люція!» замътиль отецъ:

«Я думаю такого адвоката слушали бы съ большимъ удовольствемъ, пежели насъ стариковъ. Присядемъ, любезные друзья. Я полагаю, Лукіанъ и Рене также скоро прівдуть. Ахъ, Поль, я во все время душевно восхищался твоимъ подвигомъ; твои питомцы удивляли своею ученостью Пъмцевъ; съ небольшимъ въ годъ они сдълались превосходными секретарями и если, Богъ продлитъ миъ жизнь, они будутъ отличными адвокатами. Я не могъ ихъ помъстить въ каретъ; нашелъ имъ почтовый экипажъ и они ъдутъ со всъми моими бумагами и съ старымъ твоимъ другомъ, съ веселымъ Августомъ... Божо мой, гости! Какая скука, а нельзя не принять....»

И гостинная наполпилась разнаго рода и званія должностными лицами. Вст поздравляли Модюн съ благополучнымъ возвращеніемъ, разсказывали какъ много слышали о его судебныхъ подвигахъ въ Германіи, объ отказт его продолжать служеніе въ Парижъ.

— «Меня призвала сюда свъщенная обязанность, оскорбленная тънь моего единственнаго друга, и собственныя темныя, пеобъяснимыя надежды. Мы съ женой живемъ уже не для себя. Конечно, на старость намъ грънию пожаловаться, но есть обязанности.... Что слышно у васъ въ Трой?... да кстати, что положилъ магистратъ по просъбъ Антонія д'Авора?»

Эшевень Леро смутился....

— «Пе скрывайте отъ меня, любезный Леро, прошу васъ! Пе все ли одно? Завтра я обо всемъ и самъ узнаю....»

- «Повърьте, Модюп, я представляль Прево, что разсмотръніе просьбы припадлежить не намъ, а парламенту, но Прево и нъкоторые члены....
 - «О не говорите! Я знаю ихъ....»
- «Впрочемь, я не долженъ скрыть отъ васъ, Модюн, что просьба написана....»
- «А что?» прервалъ Людо: «Худо написана? Я падъюсь, возбудила всеобщее удивленіе?»
- «Охъ нъть, не совсъмъ, то есть, если хотите, было и удивление, но.... я не смъю.... право совъстно....»
 - «Говорите, говорите!...»
 - «Пайдена безтолковою, галиматьей, чепухой!»
- «Что? Безтолковой, галиматьей, чепухой! Просьба, паписаппая по великимь образцамъ Демосоена и Цицеропа! По всъмъ правиламъ Квинтильяна! О, я докажу этимъ невъжамъ, что опи рутинеры; завтра, въ парламентъ, я самъ буду защитать твое дъло, Антоній!... »

Людо схватиль шляну и ущель. На улиць онъ повстръчаль Пуккара, который ходиль взадъ и впередъ возлъ вороть Модюн и ие зцаль, на что ръпшться....

- «Ахъ г. Людо́!» закричалъ Пуккаръ: «Умилосердитесь! Отдайте мпъ моего Антонія!...»
- «Помилуйте! Я у васъ пикогда не бралъ никакого Антонія и такого Автора незпаю. При томъ же, у меня правило: кингъ и денегъ въ займы не брать. А что касается до просьбы, я васъ попрощу завтра пожаловать въ Парламентъ

по утру въ часовъ десять. Вы услышите новаго Цицерона противу новаго Верреса....»

- «Ахъ г. Людо, вы меня непонимаете! Отдайте моего питомца Аптонія д'Авора, который осмълился обезчестить мой домъ, и теперь скрывается у сообщинковъ своего гнустнаго заговора...»
- «Какъ! Такъ Антоній соблазниль вашу дочь не одинь, а вмъстъ съ другими. Это непростительно! Молодость! Не имъетъ еще твердыхъ правиль, но, впрочемъ, и вамъ нельзя върить. Никому нельзя върить, даже Титу Ливію. И тамъ мпого басенъ! Но Тита Ливія трудно подвергнуть критическому розыску, а вашу дочь можно. И я на этомъ настою завтра въ нарламентъ... Прощайте!»
- «Что такое? что такое?» кричаль Пуккарь:
 «Подвергнуть розыску дочь парламентскаго совътника! Впрочемь, это выдумано не глупо! Это не Людо изобръль; его на такую юридическую хитрость нестапеть; это лукавый Модюи; но постой же! Пе отнимень ты у меня ни одного су изъ достоянія Антонія! Оно удвоилось моею бережливостію; имънія устроились моими стараніями, всъ счеты мон въ порядкъ, а все таки ни су не отдамь! Не вынграень ты, проклятый, въ парламенть ни одного процесса. Президенть баба; другіе совътники деньги любять; генеральный прокурорь новичекъ; пусть пріъдеть, приберемъ въ руки! Говорю тебъ не отдамъ ничего! Умру прежде! Воть тебъ!...»

Пуккаръ плюнулъ па ворота Модюн и ушелъ....

ГЛАВА УШ.

ОРАТОРСКАЯ РЪЧЬ.

Того же вечера прівхаль въ Троа королевскій геперальный прокуроръ, г. де-Бри, уроженецъ Шампапін, служивній съ честію на судебномъ поприщв въ Парижъ. Ему уже было подъ 50 лътъ, по правомъ де-Бри былъ весель, тутливъ и даже насмътмивъ. Не смотря на усталость оть дороги, прокуроръ не могь успуть; всв сановники, въ томъ числъ и Пуккаръ, перебывали у него съ визитами и Троа успокоилось едва позднею ночью. Поутру парламенть собрался раньше обыкновеннаго. Генеральный прокуроръ вступиль въ должность. Засъданіе открылось и — первый проситель быль Антоній который явился въ парламентъ въ сопровождении Модюн, Поля, Гертруды, Лукіана и Рене. Прошенів изумило геперальнаго прокурора, навело ужасъ на Пуккара и его сочленовъ; дъло Антонія было изложено со всею юридическою сухостію, но подтакими законами, доказательствами и свидътельствами, что не оставалось ни малъйшаго сомнънія на счеть плутовства не только Пуккара, но всего парламента и магистрата. Чтеніе просьбы приходило къ окончанію; въ заключеніе написано было, оть имени Антонія д'Авора, что защиту своего дъла опъ Антоній, поручаеть парламентско-My albokaty....»

^{— «}Жану Батисту Людо!» закричаль нашъ философъ, который въ это время пробивался сквозь

толпу просптелей и любопытныхъ; пробился, взомель на адвокатскую канедру и возгласилъ тако:

- «Quousque tandem, Catilina, abutére patentia nostra? *) Если я говорю: Катилина, то прошу разумъть Пуккара, который съ Катилиной имъетъ великое сходство. Заговоръ, ужасающій человтчество, едва не быль приведень имъ къ постыдному исполненію. ІІ опъ еще ходить между нами! И онъ живетъ еще къ въчному стыду Троа и Фрапцін, п геперальный прокуроръ все видить, парламентъ разумъеть, народъ въдаеть, а сей живеть! Живеть! О времена! О правы! По, Катилина, пришель копець твоему безчестному торжеству; уста, . никогда не осквернившіяся ложью, раскрылись и неумолкпутъ, пока обвинение и казиь твоя не совершатся. Удостите, высокопочтенные судын, обратить правосудное вниманіе на следующія обстоятельства!...»

Людо хотълъ вынутъ платокъ, чтобы отереть поть, выступившій на челъ его, но платка неоказалось.

— «Видно мальчишки украли!» сказаль онь въ полголоса, отеръ лобъ рукою и продолжаль съ ораторскимъ жаромъ:

«Что можеть быть для насъ драгоцъппъе гражданской свободы, даруемой каждому благодътельными закопами; просвъщенія, орошающаго душу небесной росою, и пользованія достаткомъ, пріобръ-

^{*) «}Доколь, Катилина, ты будещь употреблять во эло терпъніе наше?» Такъ переводиль мой учитель.

тепнымъ трудами или полученномъ чрезъ наследство?!... Отымать то или другое или третіе — не есть ли преступленіе? Катилина стремился къ отнятію у Антонія д'Авора всъхъ трехъ даровъ неба.... Онъ втройнъ преступенъ и долженъ понести тройную казнь, т. е., быть повъщень, обезглавленъ и сосженъ!! По, приступая къ обличению сего, неслыханнаго ин въ древней, ни средней ни въ новой исторіи тройнаго преступленія, съ которымъ трудно сравнивать даже злодъйство Герострата, мы должны разсмотръть всъ періоды сего заговора, продолжавшагося болье двыпадцати льть. Вопервыхъ, обратимъ вниманіе: какимъ образомъ Катилина достигъ опеки, какимъ образомъ стремился. отнять у питомца пути къ просвъщению, похитилъ свободу, присвоилъ достояніе....

«Па чемъ основалъ онъ притязапіе свое на опеку?... На запискъ Адвоката Людо, который, по слабости памяти своей, не можетъ ручаться, точно ли говорилъ покойный на одръ смерти то, что въ памятной кинжкъ записано. По справкамъ, наведеннымъ мною сего дня почью, оказывается, что Людо не могь обратить винманія на послъднія ръчи умирающаго и вовсе посторошияго ему чедовъка, потому что въ это время Людо былъ запять гораздо важивйшимъ предметомъ, именно машиной для очистки барапьяго жира, машиной введенной нынъ во всеобщее употребленіе. По, какъ по опытамъ оказалось, манина эта требуеть зпачительныхъ усовершенствованій, чъмъ я и займусь, тотчасъ по окончапіи процесса съ Катилиной...

Явственно, что Людо не могъ съ точностью помпить словь умирающаго, а магистрать не могь основаться па показанін человтка разстяппаго н совершенно оставившаго юридическое поприще. Магистрату слъдовало собрать всъхъ тъхъ людей, кон съ покойнымъ имъли какое либо обхожденіе, чего Ліодо пе имълъ, а попалъ въ спальню умирающаго только изъ любопытства, какъ человъкъ, наблюдающій всякія явленія природы. По магистрать сего пенсполниль, утвердиль безъ всякаго закоппаго оспованія опекуномъ Катилину, а сей угостиль ихъ великольпиымъ завтракомъ и одарилъ, вещами припадлежавинми покойному, какъ то, Прево досталась карета г. д'Авора и четыре лошади; эшевенамъ: кому кабріолеть, кому японская ваза, кому бильярдъ.... Завтракать, положимъ, еще позволительно, по ужъ такихъ подарковъ припимать магистрату не следовало....»

Въ залъ раздался одобрительный шепотъ. Пуккаръ всталь и хотълъ было что то сказать, но генеральный прокуроръ указалъ ему рукою па скамью, гдъ обыкновенно сидять отвътчики: .hoдо закричалъ:

— «Умолкпи, Катилина! Твой часъ ударилъ, мечь Пемезиды падъ головой твоей!... Соверинлось беззакопіе и шестильтній итенецъ очутился въ когтяхъ злобнаго коршуна! Катилина, встань и скажи намъ, какъ ты его восштываль? Три года прожилъ онъ въ твоемъ домъ; ты старался укръпить его здоровье, но за чъмъ? Чго бы долъе наслаждаться доходами съ его достоянія. По былъ

ли во всъ три эти года букварь въ рукахъ Аптонія, приходиль ли къ вему какой либо учитель или посылаль ли ты его самого въ школу? Скажи: зналь ли Антоній хотя одну молитву; даже Pater No ter, который онъ выучиль въ домъ отца, быль забыть въ домъ Катилины; съ утра до вечера, Аптоній оставался на дворъ, съ дътьми Генрізты, съ которыми онъ дрался, играль и даже нертдко спаль съ пими на стновалъ. Ужасающая жартина! Я самъ перъдко силю въ кухиъ, по для ученыхъ наблюденій, не ради разврата и растленія правовъ.... Подобное обхождение возбудило ронотъ горожанъ и состдей.... Ты видъль необходимость спрятать Антонія, ты вымыслиль педугъ, котораго даже назвать не могь, донесь о томъ магистрату, а магистрать, снова одаренный вещами изъ достоянія покойника, позтриль Катилинт на слово, хотя и должень быль прежде сдълать слъдствіе, а потомъ уже утвердить его представление — п Антоній отправлень быль въ въчную ссылку и сдань на руки женщинъ, которой было ноставлено въ обязанность воспитывать Антопія въ совершенпомь невъденін, не допускать къ нему кого бы то ин было, какъ эта женщина въ присутствии вашемъ и засвидътельствуеть. Вонь она! — II на этомъ сще не остановилась злоба твоя, Катилина! Пронью слишкомъ несть леть; совершеннольтие Аптонія прибликалось и страхъ, преслъдующій немистую совтсть, возмутиль душу твою. Ты хоттлъ похищение утвердить за собою всеми законными формами, п магистрать послаль медиковъ удостовъриться въ слабоумін Антонія. Дерзкій, онъ смъялся надъ властно, онъ уже управляль ею! Меднки принесли ложное показаніе, ложное, потому что слабоуміе не излъчается, а Антоній пынъ не слабоумень, слъдственно выльчился; если и быль болень, то ужъ върно не слабоуміемъ!... По онъ во все не быль болень, а притворялся невъжей, желая согласоваться съ желаніями онекуна, чтобы не огорчить человъка, заступающаго мъсто отца! Истинно умилительный примъръ смиренія и доброты сердечной! Взглянемъ, на чемъ основали медики свое ноказаніе: На краткомъ разговоръ; воть онъ:

Людо вынулъ лоскутокъ бучажки и прочелъ:

Медикь: Въ какомъ государствъ живень ты?

Anmonit: He snato.

Медикъ: Сколько свътилъ пебеспыхъ.

Антоній: Много; я песчиталь ихъ?

Медико: А можень ли счесть?

Антоній: Могу, да скучная работа....

Медико: Сколько тебъ лъть?

Антоній: Пе помпо. Я у себя на крестинахъ не быль и т. д. и т. д. —

— «Гдъ же туть слабоуміе? Певъжество и только! По сами скажите, достопочтенные судьи, кто виновать въ невъжествъ Антонія? Катилина! Туть кажется пъть пикакого сомпънія...

«Ударило юношъ шестнадцать льть и онъ испивъ чащу горчайшаго притиспенія въ свободъ, по закону, счель себя вправъ свергнуть тягостное иго. Переъхаль въ свой домъ, посьтиль семсйство

опекуна, появился въ домъ г-жи Модюн, которая, надо сказать правду, умпъе всего Троа.... Для чего вы, гг. сановники, были приглашены къ объду? Пеужели вы думаете, что бесъда ваша припосить г-жъ Модюн большое удовольствіе? Вы ошибаетесь! II моя — ей часто въ тягость.... Ilo я, повърьте, умъю цънить ея самопожертвованіе. — Такъ для чего же васъ позвали объдать? Не для того ли, чтобы вы всв ін согроге могли удостовъриться въ подлогъ Катилины лично, и вы слышали Антонія; многіе изь васъ удивлялись уму его; другіе поспъшили уйти, чтобы не видать, не слыхать упрековь собственной совъсти. Какъ же поступиль магистрать? Horrendum! Посадиль въ теминцу вотъ этого самого Поля и эту самую.... Ахъ, Боже мой, а позабыль какъ ее зопуть....»

— «Гертрудой!» закричало пъсколько голосовъ. «Да, Гертруду. За что? — Зато, что эта Римская чета была орудіемъ высшей воли, покровительствующей пенинымъ страдальцамъ и единственнымъ источникомъ просвъщенія Антонія. Огь чего же вы не посадили въ темницу моей библіотеки? Она преступна столько же, сколько и эта чета!....»

(Хохоть и аплодиссементь).

— «Мон кпиги читаль Антоній, и если изь пего образовался добродьтельный человькъ, то потому только, что въ моей библіотекъ изть ни одной пустой кинги. Допустимъ, что Катилипа самъ собой ошибался: быль убъждень въ слабоуміи Антонія; то какже онь пе перемьниль убъжденія въ

теченін посладующихъ трехъ латъ, когда я самъ приводимъ былъ въ удивление необыкновенпымъ умомъ и способпостями Антонія, какъ свидътельствують мпогіе мон письма къ Жюсье, д'Аламберту и другимъ извъстнымъ людямъ, въ коихъ я между прочимъ пишу: Благодарю вась за прилашеніе удостоиться чести быть вашим сочленомь. До возвращенія з-жи Модюц, я не могу ни на что рышиться, и если она не потдеть вы Парижы, я остаюсь въ Троа; безь нел я не могу жить на этомь свыть! Это идеаль ума и добродытели! Это украшение Міра.... воть что я пишу! Да! а объ Антонів: Вмюсто себя я вамь скоро поставлю удивительнаю ученаю и убъждень что Академія не будеть вы потеры.... Вы знаете мое ученов самолюбіе и поймете, что такая похвала чего-нибудь да стоптъ. Какъ же Катилина ничего въ три года не замътилъ и спокойно владълъ чужою собственностио? Положимъ, что и въ эти три года, по собственному невъжеству, опъ не могъ измънить своего убъжденія; но если Катилина продолжалъ считать Антонія слабоумнымь, за чемъ же допускалъ его къ сообществу съ своею женою и дочерью; слабоумпый за свои поступки не отвъчаеть, и не только за обольщение дъвицы, но и за смертоубійство не подвергается наказанію. По словамъ Катилины, такъ и случилось: Аптоній обольстиль его дочь и Катилина требуеть, чтобы Антоній па пей женился. Видано ли, слыхано ли, чтобы отецъ пасильно выдаваль дочь свою за слабоумнаго.

MARKET I

1

«Пропускаю безъ вниманія картины, потрясающія человъческую чувствительность, какъ напримъръ, заключеніе Антонія въ темпую комнату подъ замокъ, равно доказательства глубокаго певъжества самаго опекуна, который воспрепятствоваль Антопію раздълить со мною славу ученаго опыта надъ морозною водою, въ которой человъкъ можетъ пробыть ровно пять минуть; такъ же усилія его не допустить Антонія къ воздушному путешествию, и тъмъ минить меня облаками надлежащаго равновъсія. Обращу ваше вигманіе только на последціе подвиги Катилины. Испуганный прибытіемъ въ Троа r-па Модюн и генеральнаго прокурора, освобожденіемъ Поля и супруги его, видя приближение послъдияго часа, скажи, Катилина, что дълалъ ты? Скажи, гдв ты быль сегодия, съ къмъ имълъ обхождение, кого упрашиваль, кого чемь дариль, къ чему уговариваль? Уже не къ магистрату обратился ты, а пошель къ копсулу, т. е. лучше сказать къ президенту и подарилъ ему....»

Людо сошель съ канедры, приблизплся къ президенту, взялъ въ руки золотую драгоцънную табакерку, и поднявъ ее въ вверхъ, возгласилъ:

— «Вотъ, что ты подарилъ президенту!» Взгляните и судите сами; вотъ шифръ Казиміра д'Авора, вотъ гербы его!... О tempora, о mores!...»

Единогласное браво разразилось въ обширной залъ, и сопровождалось продолжительнымъ руко-плесканіемъ; самъ Модюн хлопалъ. — Людо, съ поднятою вверхъ табакеркою, стоялъ долго пепо-

движный. Публика, полагая, что онъ намъревается говорить, стихла, не безъ труда однакоже. Тогда Людо положилъ табакерку на мъсто, взошелъ опять на канедру, и торжественно сказалъ: «Dixi!» Потомъ поклопился судьямъ, и ушелъ изъ парламента трагическимъ шагомъ, при громкихъ крикахъ н рукоплесканіяхъ публики.

Геперальный прокуроръ отпустиль публику.

Модюн съ друзями своими нашелъ Людо у жены и бросился обнимать его....

- «Я имъ доказалъ....» кричалъ Людо: «что я умъю защищать невиниость; я не спалъ всю ночь; я ходилъ по слъдамъ Катилины; я заглядывалъ въ окна; цълое утро перечитывалъ бумаги Поля.... А не уймутся, я ъду въ Парижъ и представлю все дъло первому мипистру, напечатаю весь процессъ. Я имъ дамъ за ченуху, галиматью и безтолковщипу!... Изверги!»
- «Довольно будеть и сегодняшняго урока...» замьтиль Модюн: «Я думаю имъ никогда исудалось посмотрыться въ такое страпное, но правдивое зеркало. Ваша рычь образецъ ораторскаго искусства.»
- «Падтюсь! Тоть же Цицеронь, только я измъниль иъсколько порядокъ. Вы согласитесь, этого требовало существо дъла. Признаюсь, я долго колебался между ръчью за Росція и противу Катилины.... По, увидавъ самаго Пуккара въ парламенть, я ръшился.... Пу, теперь мы освободили Антонія отъ опеки; надо припиматься за вторую половины его жизни. Ужъ если помогать, такъ

помогать дъйствительно, существенно, радикально. Да! Надо женить его, женить поскоръе и само собою разумъется, на Люціи, моей ученицъ....»

Всъ вздрогнули и обрадовались, только одинъ модюм опечалился.

- «Что вы это хотите дълать, г. Людо?» сказалъ онъ съ грустио: «Такъ и про меня станутъ говорить, что я Катилина!»
- «А кто же это докажеть, кромъ меня? Я беру на себя защищать васъ! Будьте покойны! И мнъ право иначе нельзя; я пеимъю столько времени, чтобы давать имъ уроки, каждому отдъльно. А какъ женятся, тогда дъло другое. Неизвольте г. Модюн капризиться; неизвольте стъспять сво боды.... Мы только что ее защищали, а тенерь сами дълаемся Перонами, Геліогабалами! Впрочемъ это и не ваше дъло. Антоній, говори правду: любинь ты Люцію, мою ученицу?»

Антоній молчаль, жалобио глядя на Модюн.

- Антоній! Именами всъхъ философовъ и ученыхъ, заклинаю, говори правду!...»
 - «Г. Людо, подумайте!...» прервалъ Поль....
- «За чъмъ думать, когда требуютъ правды! Думаютъ, когда хотять солгать; а тутъ, что на сердцъ, должно быть и на языкъ. Говори, Антоній, вли прощай навъки!...
- «Ахъ простите, простите, мой благодътель!», сказалъ Антоній, бросаясь къ Модюн: «Я песмъю сказать, я боюсь васъ огорчить, но въ сердцъ моемъ я не властенъ....»
 - Безъ отступленій, Антоній!» кричаль Людо:

- «Никогда не надо впутывать въ двло постороннихъ вещей! Па прямки, любищь или нътъ?»
 - «Онъ уже сказалъ, г. Людо....»
- «Върпо вамъ на ухо, г. Модюи. Все равно. Сказано! Пу, теперь ты Люція: любишь ли ты Антонія, моего ученика?»

Та перепугалась и бросилась на грудь матери...

- «И эта хочеть сказать что-то по секрету. Да добьюсь ли я толку, господа! Что же вы, любите другь друга? Хуже, если станете скрываться, потому что я, спасая Антопія оть дочери Катилины, постаповиль женить его сегодня....»
 - «Обожаю!» закричалъ Антоній.
 - «Люблю!» сказала едва слышно Люція.
- «То-то же!» возгласилъ Людо торжественно: «г. Модюн, сдавайтесь!...»
- «И согласенъ...» тихо произнесъ Модюн:» но...
 Никто уже его не слушалъ; всв обнимались,
 цъловались и плакали отъ радости. Людо также
 растрогался, давай обнимать всъхъ и единственный
 разъ въ жизни вкусилъ сладость поцълуя съ устъ
 любимой женщины. По, смъю поручиться, тутъ
 не было умысла; Людо былъ увлеченъ общею
 радостио и въ этомъ поцълув излилась только
 одна пріязнь....
- «Ilo...» повторилъ Модюн, когда восторги нъсколько поутихли: «пожалъйте и меня! Сохраните все это въ тайнъ, пока не кончится процессъ, а Люція не встрътить пятнадцатаго своего года...»
- «Пожалуй, пожалуй!» кричалъ Людо: «Я на все согласецъ, только чтобы свадьба была сегодня...»

Прівздъ генеральнаго прокурора прерваль эту сцену. Онъ объявиль о постановленія парламента, вполнъ согласномь съ справедливостью, законами и требовапіями Аптонія. По словамъ его, приговорь этоть будеть приведень въ исполненіе завтра и завтра же Антоній можеть вступить во владънію своею собственностію.... Между тъмъ подали завтракъ; Люція стала приглашать прокурора позавтракать вмъстъ.

- — «Пе могу, не смъю!» отвъчаль де-Бри улыбаясь: «Боюсь г-на Людо.»
 - «Это почему?»
- «Онъ пожалуй обвинить и меня въ пристрастін.»
- «Да вы развъ Катилина? Не бойтесь, г. прокуроръ, не бойтесь! Кушайте себъ на здоровье! Я и самъ ужасно проголодался. Удивляюсь, какъ древніе ораторы могли говорить по три по четыре часа сряду и на тощакъ!»
 - «Па тощакъ!»
- «На тощакъ, для чистоты голоса! Я сдъмалъ сегодня тоже и, не правдали, голосъ у меня былъ чистый, звучный, мягкій.... Но за то теперь ужасно ъсть хочется. Прощайте!»

На другой день къ Людо явился давно невиданвый цирюльникъ; по прежнему нарядилъ оплософа и напомиилъ, что онъ объщалъ сегодия поутру навъстить г-жу Модюн....

— «Благодарю тебя, мой другь, я было совсъмъ забыль....»

II Людо вышель на улицу, но тамъ было ужас-

ное стеченіе народа; магистратскій швейцаръ стояль на крыльцъ; но его въ домъ не пускали. Дали знать Прево и генеральному прокурору; оба прівхали, но двери не отворялись; изъ мезонина въ окно выскочилъ розовой чепецъ съ тюльпанами...

- «l'-па Пуккара....» сказала нарядная хозяйка: «нътъ дома!»
- «Все равно!» отвъчалъ де-Бри: «Потрудитесь отворить двери; магистратской швейцаръ отдастъ бумаги вамъ, а вы ихъ передадите мужу!»

Окно внизу отворилось и раздался голосъ Пуккара: «Жена, не смъй принимать бумагъ! Не твое дъло!» и окно захлоппулось....

- «Да и пе могу, если бы и хотъла. Я, Эмилія, служапка, Піерръ, мы всъ со вчеращняго для заперты на ключь въ этомъ мезонивъ и непонимаемъ, что все это значить?»
- «А вотъ мы сейчасъ узнаемъ!» сказалъ прокуроръ: «Ломай двери!»

Двери были сломаны, по и это не помогло; надо было ломать шесть дверей, пока достигли до той компаты, гдъ нъкогда сидълъ въ заключени нашъ Антоній.

- «Перестапьте дурачиться, г. Пуккаръ!» сказалъ Людо: «Мы всъ здъсь. Не уверпетесь. Извольте отворить двери!»
- «Пизачто!» раздался изъ-за-дверей отчаянный голось Пуккара: «Что жъ вы это думаете, что я папрасно трудился двънадцать лътъ, чтобы въ одинъ день отдать даромъ молокососу, дурачку, все мое стяжаніе?! Слышите, это золото! Слы-

шите, это серебро! слышите! Видите, воть пукъгосударственныхъ квитанцій, воть другой! Видите! А воть всъ мон бумаги, воть туть у сердца! Ничего не получите! Ступайте вонъ! Слышите, вонъ!»

- «Краспоръчивый человъкъ!» замътилъ Людо: «Выражается съ жаромъ и чувствомъ.»
- «По поступаетъ какъ жидъ!» отвъчаль де-Бри: «Ломайте двери!
- «Пе троньте!» закричалъ Пуккаръ «А не то, я-повъщусь!»
- «Погодите! Г. Пуккаръ, погодите!» возопить Людо: «дайте выломать двери. Право, я никогда не видалъ, какъ люди въшаются....»

Но раздался стукъ лома; двери были желъзныя; за дверьми послышалось хриптиье; удары лома усилились; дверь лоппула; Пуккаръ исполиилъ слово и уже висълъ бездыханный на крючкъ отъ картины; подъ ногами его лежалъ опрокицутый стулъ; въ объихъ рукахъ держалъ опъ пучки векселей и другихъ депежныхъ бумагъ; одна, какъ оказалась, самая значительная вылетъла изъ устъ его вмъстъ съ душою. Пуккаръ казался отмънно дороднымъ, не смотря на то, что кафтанъ его былъ плотно застегнутъ на всъ пуговицы.... Люди бросились снимать Пуккара съ крючка.

— «Пе трогайте, не трогайте!» кричаль Людо: «Дайте мив сдълать всъ пужныя наблюденія. Это явленіе нъ высшей степени любопытно!»

. По никто не слушаль философа. Трупъ Пуккара спяли; разстегнули кафтанъ и съ груди его посыпалось множество бумагъ; въ томъ числъ и дъй-

ствительное завъщание Казимира д'Авора, котораго Пуккаръ не уничтожилъ, потому что въ этомъ завъщанін, написаномъ на имя Модюн, находилось подробное исчисление не только богатствъ покойпаго, по и всъхъ болішніх и малыхъ дълъ его. Не малаго труда стоило освободить изъ окостенъвшихъ рукъ Пуккара векселя и билеты. Медицинскія средства оказались безполезными и трупъ Пуккара переданъ на руки отчаянной женъ и дочери. Комната съ бумагами и большею частію достоянія Антонія опечатана и всъ разощлись. Законныя формальности задержали дъло еще на нъсколько времени. Наконецъ, въ день рожденія Люцін второй, по-утру, въ присутствін геперальнаго прокурора, Модюн, Людо, многихъ саповниковъ и Поля, — Антоній быль введень во владъніе ломомъ и всемъ имуществомъ своего отца. — Антоній просиль, чтобы этоть драгоцанный день позволено было отпраздновать въ его домъ. Модіон легко на это согласился. Поль и Гертруда принялись за хозяйство и пиръ отопелъ на славу... Поздно ввечеру въ сосъднемъ домъ, послышалась музыка. «Что это значить?» сказаль Людо и, по привычкъ, отправился узнать въ чемь дъло. Домъ Пуккара быль освъщенъ; Людо нашель тамъ много гостей, а хозяйку въ цвътахъ.

- «Поздравьте меня, г. Людо !...» кричала она.
- «Съ чъмъ, г-жа Пуккаръ?»
- Я уже пе г-жа Пуккаръ. Я пе могла спести этого пенавистного имени и вышла за мужь ва г. Серсо. Опь тоже должностной человъкъ, по

очень молодъ и бъденъ.... Я сжалилась надъ его бъдностью и надъ пламенною его страстью...»

- «А гдъ же дочь Катилины?»
- «Эмилія, хотите вы сказать? О, она еще на прошедшей педъль сбъжала съ морскимъ офицеромъ. Скоро она ему надоъсть; вы увидите, онъ бросить ес въ воду; туда ей и дорога!...»
- «О! Это Катилина въ юбкъ!» сказалъ Людо и поспъщилъ удалиться.

. Паступилъ и день свадьбы Аптонія съ Люціей. Послъ церемопін, за великольпнымъ ужиномъ, Антоній обратился къ Полю, который сидълъ возль него, по правую руку....

- «Милый другь и наставникъ!» сказаль Антоній: «Благодарность моя безконечна; по я желаль бы, чтобы ты приняль оть меня что нибудь, какъ знакъ, какъ намятникъ моей признательности, не для тебя, я знаю ты во миъ увъренъ, но для другихъ. Ты не откажешься!...» Поль молча пожаль ему руку.
- «Жужу твое!» сказаль Антоній: «Пусть опо напоминаєть всемь и каждому твой великій подвигь. Друзья мон, Лукіань и Рене, ноступять вмъсть со мною на службу и не будуть оставлены; а вамь, г. Людо, на память, я досталь первое изданіе Цицеропа....»
 - «Котораго года?»
- «Пу, ужъ этого теперь не вспомню, по зпаю что это первое изданіе Павла и Альда Мануціевъ!..»
- «Что я слышу? II ты по шутишь? Ты даришь?!.. О я счастливъйшій человъкъ въ свъть!»

И Людо почувствоваль отъ удовольствія сильный аппетить, събль двъ булки и выпиль вина до трехъ бутылокъ. Паступила послъдняя минута, молодые отправились въ спальню.

На другой день рано по утру, когда молодые, въ присутствіи Модіон, его жены и доманнихъ, сидъли за завтракомъ, вошелъ Людо, съ огромной книгой подъ мыникой.

— «Кушайте, кушайте поскоръе...» сказаль онъ: «Пора приниматься за Софокла!»

Всв разсмъялись и съ трудомъ убъдили его отложить учение на мъсяцъ....»

— «Хорошо, хорошо!» сказаль онъ: «Но, когда минеть мъсяцъ, уроки пойдуть по два раза въ день, для вознагражденія потеряннаго.»

Людо сдержаль слово. Но ни Антоній, ни Люція не жаловались на учителя и съ удовольствіемъ занимались Греческой поэзіей... Дальнъйшую жизнь всъхъ нашихъ героевъ можно назвать Аркадскою; ничто не нарушало ихъ спокойствія; многіе пазывали ихъ всъхъ—колоніей добродътельныхъ счастливцевъ. Уже и въ глубой старости Людо не оставляль своихъ странностей и постоянно, безъ измъны, любиль свою Люцію. На смертномъ одръ, въ маститой старости, онъ почиталь себя счастливъйшимъ человъкомъ, потому что Люція, также уже порядочная старушка, сидъла у его постели. 1771 года, 11 Января въ 9 часовъ вечера, Людо приподиялся не безъ труда на своей постели:

^{- «}Ахъ Боже мой! Я забылъ....»

^{— «}Что такое?» спросила Люція.

Жапъ Батистъ Людо.

- «Какъ это досадно! Въ ръчи моей противъ Катилины, я забылъ сказать....»
 - «Что вы забыли сказать?»

152

— «Послъ вспомию!...» Людо дегъ и успулъ на въки.

новый годъ.

Mcmopuneckiū pasckasv.

I.

SHAKOMCTBO.

Horrenda visu et auditu tragædia, какъ говоритъ Корбъ, кончилась. Стръльцевъ не стало. Бояринъ Шеннъ смирилъ послъднюю стрвлецкую бурю; но, дозволивъ себъ жестокости, поплатился за нихъ бородою, въ присутствин самого Государя, Петра Алексъевича. Царь вчера только, двадцать четвертаго августа, прибыль въ Москву изъ перваго своего путешествія. Прошло пъсколько часовъ, и ему были подробно извъстны всъ обстоятельства дъла, всъ отрасли преступпыхъ намъреній, всв соучастники, вмешательство даже царицы и тогда еще невинное участіе шести-лътняго сыпа. Меньишковъ въ это время быль уже въ силв и управляль домашшими дълами Государя. Поздпо ввечеру прівхаль Государь изъ Москвы въ Преображенское. У вороть смъняли часоваго. Повый сдълалъ на Государя пріятное внечатльніе, по благородному виду и важной осанкъ.

— «Какъ тебя зовуть?» спросиль Государь.

- «Александрой...» отвъчалъ часовой.
- «Хорошее имя. А по отцу?»
- «Пвановымъ, »
- «Пе дурпо. А есть прозвище?»
- «Дворяпинъ безъ прозвища, павлинъ безъ хвоста...» отвъчаль часовой.

Государь разсмаялся и кликнуль сержанта: «Анкудимовь, поставь другаго часоваго, этоть мна нужень. Александро Ивановичь, ступай за мной!»

На крыльцъ встрътили Государя Головинъ, Лефортъ, Карловичь и Меньшиковъ.

— «Данилычь! я тебъ тезку привезъ. Зпатной будеть денщикъ.... Ужипать!»

И всв удалились, кромв Меньшикова и новаго денщика...,

- «Ступай въ избу!» сказалъ Мешшиковъ: «Въдъ тебъ пе сегодия очередь. Погости, да къ службъ присмотрись!»
- «А пь чемъ служба? Потвиную я знаю; а въ царскихъ хоромахъ не бывалъ. Знашъ, Данилычь, али какъ тебя тамъ зовутъ: мив въ избу не хочется! Тутъ слуга, тамъ солдатъ; тутъ на посылкахъ, тамъ на честпомъ дълв; тутъ ночи безъ очереди не спи, тамъ очередь, что молитва. Скажи Государю, что въ денщики пе хочу. Когда бы зпалъ, отъ воротъ бы не ношелъ; матъ и отецъ меня въ кашитаны прочили, а не въ истоиники. Слышь, Данилычь, или какъ тебя зовутъ: поди, доложи!»
- «Ты съ ума спятилъ, тезка! Да въдъ если я твои ръчи Государю передамъ, такъ тебя, зна-

ень, куда: къ Прозоровскому отошлють, подъ стрълецкій указъ подведуть какъ ослушника.»

- «Я не ослушникъ, а челобитчикъ; ты только ступай, доложи. Ты развъ не докладчикъ, что ли? Есть старийе? Такъ ты поди, стариимъ скажи, а я отъ своихъ словъ не отступлюсь.»
 - »Глупая ты голова....»
- «Слышь, не ругайся! Ты кто таковъ? Я солдать, да всё таки дворянинъ. Такъ не изволь важничать; а теперь, я пока и не солдать, и всё таки дворянинъ. Такъ бережно, гляди!... А не хочешь докладывать, такъ я и грамотъ знаю, вапишу.»
- «Э! такъ ты съ поровомъ. Постой же, я тебя! Ступай въ избу, да тамъ и жди Государева отвъта.»
- «Я и здъсь обожду.... Туть по-слободнъе.» Меньшиковъ ушелъ. Не прошло пяти минуть, Государь съ собесъдниками вышелъ на крыльцо.
- «Что ты это, Александръ Ивановичъ, противу милости упрямишься?» спросилъ Государь. Солдать повторилъ свою просьбу.
- «Правъ Дапилычъ!» отвъчаль Государь: «Глупая ты голова. Пзъ солдать дай Богь до капитана дотянуть, а изъ денщиковъ и до генерала не
 далеко. Ступай! Только усердно да исправно служи, генераломъ сдълаю.»
- «Стыдно тебъ, Государь, бъднаго дворянина въ дураки сажать. Пу, статное ли дъло, чтобы Сашкъ, сыну дворянки, у которой приданаго три угла въ трехъ крестьянскихъ домахъ, а у отца огородъ въ десятину, гелораломъ быть!»

Новый Годъ.

- «А въ чыхъ рукахъ генеральство?» спросиль Государь.
 - --- «Въ Божьихъ.»

156

- «Какъ въ Божыхъ?»,
- «Да если Богъ не пошлетъ солдату пушку взять, такъ не быть ему капраломъ, а и подавно сержантомъ; а не попуститъ у Турки знамя съ древка сорвать, такъ не быть ему офицеромъ; а не дастъ ему города, не дастъ и капитанскаго чина; безъ больной побъды и самъ царь его генераломъ не сдълаеть.»
- «Умная ты голова, да царскаго дъла не знаещь.»
 - Въстимо, не знаю, не мое дъло.»
- «Пу, такъ слушай. Быть тебъ гепераломъ за службу: не изъ милости али прихоти, а за добрыя и честныя заслуги.»
 - «Вотъ такъ, пожалуй, идетъ!»
 - «Такъ ступай же на службу, безъ очереди.«
- «На первыхъ порахъ учи, Государь; а тамъ и самъ, съ помощью Божіей, смъкну.»

II.

CAYMBA.

Тяжкую службу понесъ Александро Ивановичь! Съ утра до вечера при Государъ, безъ очереди; ночью вставай, подавай доску и грифель: Государь что-то повое придумалъ; поутру сходи вътакой приказъ, да развъдай про плутовство подьячаго, да на обумъ, ради выслуги, не доноси, а

кой соблазнъ лазетъ, когда судъп неправы, і сударно пе говорилъ, а думалъ: «За такой г челобитчика, съ судей бы сладовало взыскиват Умный былъ Алексапдро Ивановичь и стала лость Государена къ нему больно велика, а бадпяга, всё денщикомъ оставался. Пришло къ расчету.

III.

МАРІЯ АНДРЕЕВНА.

Громы, потрясшіе Россію правственно, ужи давались. Указъ за указомъ, по всъмъ кон разнонароднаго и разпообычнаго царства, л дряхлую старину и омертвълыя части стали вать и сближаться. Богу едипному на небе да единному на земль было извъстно, что ти ся въ пятой части свъта. Кругомъ тоска и с Даже приближенные неръдко качали головами тая царскіе указы о рекрутскомъ паборъ, о бовой бумагь, о бородь, о путешествіяхь и гіе, принадлежащіе къ этому времени. По Але дро Пвановичъ не считалъ себя въ правъ к головою надъ тъмъ, что было уже подписан жавною рукою Преобразователя, и часто гов сомивнающимся: «Пе уминчайте! Даромъ р расходуете; лучше его сберегите на то, как получие исполнить, что указано.»

И па долю Александра Ивановича достался льготный, первый день сентября, первый ден ваго года. Государь съ угра уъхаль съ Гс нымъ въ Москву, къ боярину Шенну. Александръ Пвановичь, тотчась посль отъезда Государева, вынуль повый казенный мундирь, который изъ милости спилъ ему Головинъ, бывшій не задолго предъ тъмъ гепералъ-кригскомиссаромъ; тщательпочистиль его царскою щеткою, вылощиль HO ботфорты, и, одъвшись какъ слъдуетъ, по-праздпичному, отправился на Красную Площадь. Пародъ стоялъ въ глубокомъ упынін, ожидая царскаго поъзда изъ палатъ боярина Шенна въ Успенскій Соборъ. Причинъ народной скорби было много: тысячи родственниковъ изъ стръльцовъ погибли па плахахъ; тысячи въ темпицахъ ожидали пеминуемой казии; многіе изъ не-стръльцовъ были соприкосповенны къ постыдному стрълецкому бупту, по родству, пріязин или глупости. Другая причина, едва-ли не сильиве прочихъ, огорчала глуный и невъжественный народъ: война, объявленная бородамъ и старому платью, паводила напическій ужасъ; многів держались за бороды, какъ-будто опасаясь, чтобы царскій шуть вь тихомолку по подкрался и не лишиль ихъ сокровища. Наконецъ чернь на площади не видъла двумъстнаго трона для Царя и Патріарха, обыкновенной принадлежности перваго дня новаго года. Смъсь ужаса и удивленія двигала волнами парода: то пестрыя волны черии приливались къ дому боярина Шенпа, то вся толна пятилась пазадъ, при малъйшемъ движенін па дворъ боярина. Наконецъ раздались колокола, и народъ, безъ шапокъ, повалился на Па ногахъ остались только солдаты вовыхъ полковъ, которые, не бывъ въ тотъ день на службв, пришли поглядать на праздпество. Между старыми своими товарищами, стоялъ и Александръ Ивановичъ.

Государь шель пыпкомъ, и вель за руку шестильтияго сыпа; за нимъ шла царица Евдокія Өеодоровна, въ костюмъ, составлявшемъ смъсь европейскаго съ азіатскимъ; за пею, по-парио, слъдовали дамы новаго двора, въ европейскихъ костюмахъ, безъ покрывалъ; за пими, боярипъ Шенпъ, первые чины, генералы и офицеры, наконецъ, разпой формы и разной упряжи экинажи. Громкое «ура» привътствовало Государя; по когда русскія барынн показались безъ покрываль, въ невиданныхъ платьяхъ, а еще болъе когда увидали боярина Шенна и нъкоторыхъ другихъ сановииковь безъ бородъ, громкія восклицанія радости превратились въ глухой и единоустный стонъ. Во миогихъ мъстахъ раздался плачъ и рыдапія. «Ахти, Господи!» всхлинывая, кричала старуха изъ народной толны: «какъ нашего бъдпаго боярина окарпали по-нъмецкому!...»

Государь, проходя мимо солдатского кружка, дружески кивпуль головой, приговаривая: «Съ новымъ годомъ, товарищи!» Царица Евдокія Өеодоровна отвернулась отъ нихъ и плюнула въ противную сторону, полагая, что повстръчалась съ Иъмцами, главными виновниками неудовольствій, возникавнихъ между вънценосными супругами, потому что всв нововведенія принисывались членами царской фамилін женскаго пола вліянію гостей

заморскихъ. Сестры и тетки Государя также прошли отвернувшись. За пими шли попарио, какъ мы уже сказали, дамы новаго двора. Съ покрываломъ не могла слетъть такъ скоро съ русскихъ женщинъ и дъвушскъ укорененная воспитаціемъ застъпчивость: всъ до одной проходили въ толпъ народной, опустивъ глаза и головки, но красныя обшлага сипихъ мундировъ уже начинали имъть свое магическое вліяніе, подобно золотому шитью и эполетамъ временъ позднъйшихъ: всъ до одной изъ подъ густыхъ ръсницъ взгляпули на кружокъ потъпиныхъ, и были испуганы дерзостью молодежи, которая смотръла на нихъ въ оба.

— «Всъхъ знаю!» сказалъ солдатъ преображенскій, князь Лука***

Прочіе посмотръли на него съ почтеніемъ; Александро Ивановичь съ недовърчивостью. Солдатъ того же полка, Гульминъ, сказалъ съ улыбкой: Вотъ, я думаю, Александро Ивановичъ такъ н плясалъ уже совсъми съ ними.

- «Что я за плясунъ такой?» отвъчаль Александръ Ивановичъ: «На то Государь держитъ особую челядь, въ чулки въ башмаки одъваетъ; а мы денщики пародъ сапожный: по угламъ стоимъ, когда плящутъ. Да и смотръть не приходится. Чего добраго! Воть чортъ и попуталъ, взглянулъ, и самъ пе радъ. Важная барыня! Перестану думатъ. По дай Господи, еще приснится....
- «А которая это, Александро Пвановичъ, вамъ приглянулась?» спросилъ Гульмицъ.
 - «Отвяжитесь вы, зубоскалы! Чего добраго,

еще разболтаете, на смъхъ подымутъ; а надъ служебнымъ человъкомъ до смъха не допускай...»

- «Да мы и такъ знаемъ, которая?» сказаль князь.
 - «Да что ты, князь, колдунь, что-ли?»
- «Колдунъ ли, нътъ, а зпаю. Въ третьей паръ, съ лъваго боку: такъ и сгоръла дъвка, какъ Алексапдра Иваныча увидала.»
- .— «Да говорю вамъ, отвяжитесь! Что за шутки, право, прости Господи....» покраспъвъ, говорилъ денщикъ.
- «Да что худаго? Пынче, дай Богъ здоровья батюшкъ Государів, любиться всякому можно. Пето, что прежде! А Марья Андреевна кровь съмолокомъ.»
- «Говорять тебв, не та!» съ запальчивостью сказалъ Александръ Ивановичъ: «Та по-выше...»
- Ростомъ...» отвъчаль псотвязный князь: » да не родомъ. Отъ Марьи Андреевны, слышинь брать, отваливай! Такая невъста и князю въ пору. »
- «Слышинь, Орловъ?» сказаль Александръ Ивановичь, обратясь къ молодому, красивому солдату: «Видно, на мое вышло. Киязь-то всъхъ знаетъ; вотъ, его Марья Андреевна и пришибла. Пойдемъ, Орловъ; что глядъть даромъ!
- «Да ужь у Марын Андреевны взятки гладки!» говориль князь всльдь отходящамь: » Видниь, царскою милостью какъ его чванится. Дай только Богъ въ сержанты, а тамъ и въ женихи.... А денщику въ боярскомъ домъ честные проводы, да коробъ шутокъ, что оръховъ. Щелкай на здоровье! •

Повый Годъ.

- «Куда ты?» спросплъ Орловъ, видя что Александръ Ивановичъ поворачиваетъ къ Кремлю.
- «Да хотъль-было въ Успенскій. Статьсяможеть, Государь....»
- Или Марья Андреевна, не такъ ли?» перебиль Орловъ: «Пойдемъ лучше къ Пятницъ: тамъ купечество, да наши дворяне служебные, да приказные. И по-вольнъе объдню слушать....»
- «Пойдемъ!» грустно отвъчалъ Александръ Инановичъ.

По у Параскевы Пятпицы пародъ и на паперти тъснился. Церковь биткомъ пабита; повымъ гостямъ не было мъста.

- «Пойдемъ къ Казапскій!» сказалъ Орловъ.
- «Пъть! «отвъчалъ Александръ Пвановичъ:» и тамъ, чай, полио; вездъ церковь, только молиться умъй.»

II, сиявъ шляну, опъ сталъ противъ дверей.

IV.

CABARA.

- «Пу, куда теперь?» спросилъ Орловъ послъ отпуска, когда пародъ сталъ расходиться.
- «Куда? Погуляль; пора домой, въ Преображепское....
- «Что ты это, Александро! Гляди, заслужинься! Повый годъ падо по-русски встрътить.... Пойдемъ къ Лукипинпъ, въ харчевню.»
 - «Что ты это, Богъ съ тобой!»
 - ... въдь это дворянская харчевия....

- «Да хоть разбоярская! Всю службу въ одинъ день опозоришь, а дъло идетъ къ расчету. Пъть, братъ, въ Преображенскомъ Александръ Данилычъ, ради новаго года, шти съ ветчиной и съ уткой приказаль отварить, да не безъ жареннаго, и но безъ вина. Я думаю, сегодия противъ порціи да-дутъ.... Да правду молвить, и денегъ ни гроша.»
 - «Пеужто?»
- «А ты думалъ!... II прибавки пе дали; все попрежнему. На семи рубляхъ жалованья вотъ ужъ сколько маячусь...»

Въ это время выходили почетные прихожане, между ними и купсцъ Петровъ.

- «Захарій Пвановичь! Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастіемъ?» сказалъ Орловъ, протянувъ руку.
- «Милости вашей, честпой господинъ, всякаго благополучія!» отвъчаль Петровъ, пизко кланяясь.
- «Вотъ старой мой товарищъ, Александро Ивановичъ, Государевъ денщикъ....»

Петровъ чуть въ ноги пе повалился и никакъ не ръшался подать руки такому важному человъку.

- «Просимъ миловать и жаловать меня, слугу вашего!» повторяль опъ, продолжая кланяться.
- «Полпо, дядя, чипиться!» сказалъ Орловъ: «Мы люди простые, вашихъ уважаемъ и за васъ служимъ на Государевой службъ. Сдълай дружбу, шапку надънь: въдь даромъ что лъто, а свъжо.»
- «Ужь это я и женъ и дочери говорю, что каковъ ты, батюшка, такъ изъ дворяпъ другаго не поставишь!» отвъчалъ Петровъ: «А что, господа?

Уважьте старика! Въдь вы на Москвъ, что сироты; чай, роденька далеко, а живете въ царскихъ домахъ словно въ богадъльнъ, такъ не побрезгайте поный-то годъ новой капустой, да изъ новаго хлъба пирогомъ со мною отпраздиовать, а ради добрыхъ гостей, я и къ Пъмцу зашлю, ишанскихъ винъ закупить; да и у меня на погребу, чай, найдется бутылка, другая, старой мальвазіи.»

- . «А что, Алексапдро?» спросилъ Орловъ.
- «Оть хлъба-соли пе бъгають!» отвъчаль Александръ Пваповичъ; и всъ трое пошли на Покровку.

Каменный домъ съ четырымя деревянными ръзпыми столбами, высокій каменный заборъ или просто стъпа, желъзныя ворота, на дворъ въ кружокъ желъзныя двери, ясно говорили и о достаткъ Петрова и о предосторожности его сохрапить свое богатство во времена смутныя, когда стръльцы, пошаливая, обращали цълыя улицы въ печальвыя пепелища. Хотя у купца Петрова была между стръльцами и роденька, а одинъ изъ близкихъ былъ даже въ полковникахъ, по предусмотрительный Петровъ илохо надъялся на защиту родии, которая свыклась съ пожемъ, виномъ и плахой, и въ два года построиль свою криностцу. Берегь онь вы ней бархаты веницейскіе, сукна алыя, шелки перскіе; берегь опъ въ пей жемчужину единородную и дородаую, Акулипу Захарьевну, и этого товара любонытнымъ кунцамъ не показывалъ: женинка пріискиваль вы тихомолку, льть будеть семь, восемь. Кулиночка толстъла, приближаясь къ третьему досягку, но Захарій Пвановичь но унываль, погля-

дывая на жельзныя двери своихъ апбаровъ. «Въчная молодость!» говориль опъ каждый вечеръ, обходя съ фопаремъ каменныя келын, особенно одну, гдъ въ корзинахъ и на полу, счетомъ однакоже, серебро валялось. Десятокъ ужасныхъ, баспословныхъ псовъ были върными хранителями непомърнаго богатства; даже прислуги не знали: самъ Захарій Ивановичь кормилъ ихъ, самъ на веревку собираль, самь запираль ихъ въ золотой анбаръ, гдъ безкорыстные псы иногда, отъ скупи, заводили турниры. У Захарія Пвановича объдъ быль уже готовъ: десятокъ холодныхъ кушаній, на серебръ, отягчалъ длиный столъ; скамьи, обитыя алымъ сукномъ и броизовыми гвоздиками, были придвишуты; ждали гостей и гости па этоть разъ, какъ и всегда, не замедлили явиться къ Захарію Пвановичу. Съ особенною гордою ласкою принималь онь родственниковъ, и каждому гостей почетныхъ казалъ, приговаривая: - «Люди умные, царскіе совътчики, не гнушаются сообществомъ честныхъ гостей московскихъ.» Вышла хозяйка, старушка льть шестидесяти, вь богатомъ сарафанъ, осынанная камиями и жемчугами. Въ рукахъ ея дрожаль подпосъ съ чарочками изъ чистаго золота. У Александра Ивановича глаза разбъжались. Пачались подчиванья и поздравленья. Александръ Пвановичь по шестой чарочкъ прошелъ, на седьмую не соизволилъ.

— «Кулиночка у пасъ сегодия не такъ-то здорова....» сказаль Захарій Пвацовичъ, ослабляя про случай поясъ.

- «Какъ не здорова?» спросила хозяйка: «Да ее дъвки чешуть!»
- «Поди! Отцу лучше въдать, здорова или нътъ: Пускай въ свътелкъ сидить; пусть ее тамъ кушаеть. А пора бы ей косу, по заплетать, а разплетать.... Просимъ милости вашей, шти простынутъ!»

Устапсь. Русскій пиръ — не какой-нибудь заморскій банкеть. Поть катился съ собестдниковъ, а Захарій Пвановичь всё подчиваль, да подпосиль, да приговариваль: «Въ новый годъ неповињ, цвлый годъ будень голоденъ.» Когда жаркія отходить стали, Захарій Пвановичъ съ бутылкой, а Домна Сергъевна съ подносомъ и чарочками, вынили. «Воть, теперь мальвазін прикушать неоткажите...»

Александръ Пваповичъ хлъбпулъ и выплюнулъ.

- «Что это за дрянь заморская?»
- «Воть то-то и есть, батюшка!» отвъчаль хозяниь: «Памъ все про заморе говорять: а что толку! Воть какую дрянь пьють, да еще продають намъ олухамъ въ три дорога, а мы, изъ угодиичества, и покупаемъ!»

Эти слова были сигналомъ къ общему и шумному разговору. Старые меда разогръли языки; гости стали сътовать по-своему на перемъны и нововведенія. Орловъ ихъ дразнилъ, но Александръ Ивановичъ всталъ, и за нимъ подпялось все общество. Хозяннъ перепугался.

— «Что вы это, батюшка, Александро Ивановичъ?» сказалъ опъ съ жалобиымъ видомъ.

- «Охмълълъ, Захарій Ивановичъ. Падо бы вашихъ гостей за бороды, да оземь, озорниковъ; да вижу хмъль велика, такъ лучие не слушать...»
- «Полно вздоръ молоть!» сказалъ Орловъ: «Пе намъ указывать.»
- «А что, господа, время теплое, лъта не нужно; пойдемъ въ садъ настойку отвъдывать.»

И вст гости отправились въ небольной садъ, въ которомъ не было видио листьевъ. Вътви были осыпаны яблоками, грушами и сливами. Орловъ съ одишъ силачемъ пошелъ за пояса тягаться. Одишъ изъ гостей далъ свой поясъ Орлову; тотъ повязался, и бойцы вышли. Болъе четверти часа тягались они безусиъщно; наконецъ купецъ ситышлъ, и Орловъ потащилъ его со всею публикою на другой конецъ сада. Въ мезонинъ, или свътелкъ, кто-то громко разсмъялся.

- «Кто это?» спросиль Алексапдръ Пиаповичъ
- «Это моя Кулипочка...» отвъчаль Захарій Ивановичь и сталь выхвалять свою дочку.

Слово за слово, противъ обычая, самъ отецъ Кулиночку за Александра Ивановича засваталъ. Ударили по рукамъ, но съ условіемъ хранить тайну, пока Александръ Ивановичь отъ Государя не получить разръшенія. Стало вечеръть; Александръ Ивановичь распростился, и съ грустими мыслями пошелъ въ Преображенское. По этому не всегда завидънъ жребій жениха. И отчего бы это Александръ Ивановичь пошелъ домой такой грустный?

٧.

первый счеть.

Александръ Пвановичъ сидълъ передъ спальней Государя и читалъ римскую исторію, писанную полууставомъ и принадлежавшую учителю царскому, Зотову.

— «Сказка хороша...» сказалъ Александръ Пвановичь: «и на правду похожа, только одно плохо: богатырей много! Одного убыотъ, другой есть, да и не одниъ, десятками. Вотъ это ужъ маленько пересолено! А хороша; забираетъ....»

П снова пачаль читать. Дочитался онь до посольства царя эпирскаго, что когда посоль въ
римскій сенать вощель, то сенаторовь за царей
припяль. Туть Александрь Пвановичь осердился,
илюнуль и отголкиуль книжку. «Что за вздорь
дядя Зотовь сочиниль! Ужь какъ этому быть,
чтобы въ одномъ городинкъ столько царей было.... Правду про дядю Зотова царскіе прихлъбпики толкують, что онъ прилыгать любить. Посмотримъ, посмотримъ, какъ-то онъ концы сведеть?» П опять сталь читать конечно лучшую
сказку нашего дряхлаго міра.

Послъ полупочи пріъхаль Государь и быль немало удивлень, увидъвь, что Александрь Пвановичь въ новый годъ, когда вся Москва разукрашена огнями, сидить за книгой.

- «Что же ты, Алескандръ, дома сидишь?» спросыть Государь: «А илломинація?»
 - «Поздио, Государь; теперь ужъ темио. Когда

бы днемь, такъ еще туда сюда: пока Прозоровскій или Ромодаповскій докладывають, можно отлучиться; а вечеромъ я не люблю шататься: чего добраго, за бродягу пріймуть. Да и что таков твоя люминація! Другой разъ, какъ будеть тебъ послободите, самъ покажешь?»

- «Да ты развъ не видалъ плиомипаціи?»
- «Пе только не видалъ, да и неслыхалъ.»
- «А въ депь мосго прівзда, по всей Москвъ что было?»
- «Что было? Огпп, да п только. Глаза высмотрълъ, чтобы гдъ не запялось. Дряппая потвха, Государь: того п гляди пожаръ затъешь!...»
- «Пустяки, Алексапдръ! Когда въ городъ добрый порядокъ, такъ иллюмипація пе опаспа.»
- «Такъ ты прежде сдълай въ городъ порядокъ, а поточъ уже сало для потъхи и жги »
- «Сдълаю, сдълаю!» отвъчалъ Государь: «только дай срокъ.»
- «Ты, Государь все въ долгую тяпешь; вотъ и меня уже сколько времени объщанками манишь, а посулъ безъ зерна, всё одно, что мыло ъщь.»
- «Потерпи, Александръ! Давно ли ты служинь?...»
- «Таки пе со вчеранияго дия. Я тебя люблю. Государь, и ты меня любинь. Да что въ томъ проку? За Головина, такъ еще мундъръ, исподни и саноги даромъ давали! А теперь повый Иъмецъ какой-то комиссаромъ сталъ. Говоритъ: на царскихъ денщиковъ отпуску пътъ: жалованъе большое получаютъ!»

Y.

первый счеть.

Александръ Пвановичъ сидълъ передъ спальней Государя и читалъ римскую исторію, писанную полууставомъ и принадлежавшую учителю царскому, Зотову.

— «Сказка хороша...» сказалъ Александръ Иваповичь: «и на правду похожа, только одно плохо: богатырей много! Одного убыоть, другой есть, да и не одниъ, десятками. Вотъ это ужъ маленько пересолено! А хороша; забираетъ....»

И снова началъ читать. Дочитался онъ до посольства царя энирскаго, что когда носоль въ римскій сенатъ вошелъ, то сенаторовъ за царей принялъ. Тутъ Александръ Ивановичъ осердился, илюнулъ и отголкнулъ книжку. «Что за вздоръ дядя Зотовъ сочинилъ! Ужъ какъ этому быть, чтобы въ одномъ городишкъ столько царей было.... Иравду про дядю Зотова царскіе прихлъбники толкують, что онъ прилыгать любитъ. Посмотримъ, посмотримъ, какъ-то онъ концы сведеть?» И опять сталъ читать конечно лучную сказку нашего дряхлаго міра.

Послъ полуночи пріъхалъ Государь и быль немало удивленъ, увидъвъ, что Александръ Пвановичъ въ новый годъ, когда вся Москва разукрашена огнями, сидитъ за кингой.

- «Что же ты, Алескандръ, дома сидишь?» спросиль Государь: «А илиоминація?»
 - «Поздио, Государь; теперь ужъ темио. Когда

и сказаль: добро, женюсь; да тестю бороду долой. А онъ въ отвъть: «Да что мнъ борода!»

Певъсту одъть и придапое сдълать по государеву
указу... «Въстимо!» отвъчаль старикъ. Да, чего,
въ носкресенье сговоръ; такъ я, на сговоръ, нъмецкій балъ справлю.

- «Балу быть! «отнъчалъ Государь:» а отъ сговору поудержись; я въ воскресенье къ Петрову самъ заъду, и поръщимъ. Хорошо?»
- «Худаго пъть. II честь велика, и за честь тебъ, Государь, кланяюсь.»
 - «Ily, что еще?»
- «Инчего, Государь, пора тебъ спать; и меня что-то сонъ клонить: употчиваль тестюшка, а завтра дъла сколько!... Къ семи воеводамъ писать надо.»
 - «Отповъди?»
- «Пъть, Государь. Кому указъ, кому письмомъ острастку.... Один уминчають, другіе плутують?»
 - «Какъ, плутують? кто плутуеть?»
- «Завтра, завтра, Государь. Передъ сномъ плохое правосудіе; надо на свъжую голову. Да н праздникъ еще. ..»
- «Хоть и не праздникъ уже....» сказаль Государь, поглядыная на часы: «да слово твое справедливо. Буди меня по-раньше.»

VI.

MEHJOTЪ.

Государь какъ-то возвратныся въ Преображен-

ское рапьше обыкновеннаго, и въ передспальникъ не нашелъ Александра Ивановича; всъ бросились искать любимаго денщика, но нигдъ не могли найти. Прошло съ часъ времени. Александръ Ивановичъ вошелъ въ свою комнату съ довольнымъ видомъ, приговаривая: «Знатно! Теперь въ грязъ не ударю...» и началъ одниъ повторять менуэтъ. «Разъ, два, три!... разъ, два, три!... разъ, два, три!... разъ, два, три!... разъ два, три!... разъ два, три!... разъ два, три!... поклопъ....

По второй поклонъ пришелся прямо противъ дверей, въ которыхъ стоялъ Государь и съ улыб-кою глядълъ на пляску жениха. Александръ Пвановичъ, увидавъ Государя во время поклона, такъ и остался, не разгибаясь....

- «Что ты, Александръ Пвановичь? Кто это такъ тебя научилъ?
 - «IIIутъ твой....
 - «Который?»
 - «Арминъ.»
 - «Ахъ опъ плутъ! Совсъмъ не такъ!»

И Государь показаль Александру Ивановичу, какъ слъдуеть тапцовать менуэть. По Александръ Ивановичь, затвердивъ шутовской тапецъ, безирестапно сбивался. Пакопецъ, опечалившись, отошель къ окну и не хотълъ плясать больше.

- «Пу, чтожь пересталь?»
- «Пътъ, Государь, не хочу! Тутъ еще ничего; а какъ на балу острамлюсь.... пътъ, ужъ лучие совсъмъ плясать не буду.»

- «Полио упывать!» сказалъ Государь: «Сътвоей головой....»
- «То-то и бъда, что ноги не голова. Пойдемъ лучше, Государь, работать.... А жаль!. Хотълъ на балу всъхъ кушчихъ нъмецкому танцу научить до твоего пріъзда.... Да неудача!
- «Говорю, не унывай! Пачинай снова!.. Разъ, два, три!... Разъ, два, три!... Разъ. два, три!... Вотъ теперь поклопъ.»

Сразу поняль Александръ Ивановичъ менуэтную мудрость и сказаль Государю: «Довольно, знаю. А шута, Государь, не наказывай; ужъ и родился на то, чтобъ людей дурачить.... Теперь работать. Что на сегодня укажешь, Государь?

- «А вотъ что. Надо поуменьшить боярскіе повзды. Шутка ли! Изь подмосковной бояринъ вывзжаеть: у него впереди семь, восемь кибитокъ, крытыхъ телегъ, два три рыдвапа, потомъ карета, да какая?... словно домъ валитъ. Глупо. Съ меня всъмъ примъръ. Надо сегодия въ одноколкъ по Москвъ прокатиться.... Благо, снъгу еще пътъ.
 - «Въ какой одноколкъ?»
- «А вотъ, что Пъмецъ мастеръ сегодня по ваказу поставилъ.»
- — «Такъ что жъ, Государь, пойти приказать?»
- «Все готово!» отвъчалъ Государь: «Я тебя только поджидалъ. Тдемъ!»
- «Сейчасъ, Государь; только шляпу захвачу.» Въ простой одноколкъ, безъ броизы, красиво только окрашенной, въ одну лошадь, безъ дуги,

вывхаль Государь съ Алексапдромъ Ивановичемъ на Москву.

Пародъ дивплся. Бояре роптали, особенно когда Государь спрацивалъ: правится ли имъ одноколка, и совътовалъ каждому заказать подобную. Ни лопиадей лишиихъ держать, ин лишиихъ слугъ таскать, не надо. На козвратномъ пути поъхалъ Государь Покровкой.

- «Здъсь твоя певъста?» спросилъ Петръ.
- « lla верху въ свътелкъ. »
- «Только каменнаго и зданія на всей Покровкв....» сказаль Государь: «что домъ купца Петрова, да хоромы Андрея Артамоныча. Знасшь, Александръ, изъ этого боярина будеть прокъ. Спъси и у него довольно, да еще не вымыть бояринь: я эту грязь съ него счищу. А какая у него дочка, Александро! Да ты видалъ Марью Андреевну?
- «Пе совстмъ...» отвъчалъ Александръ Пвановичь, покраситвъ до ушей.

Государь посмотръль на пего пристально и спро-

- «Какъ, не совсъмъ? II отчего тебя въ краску бросило?»
- «Краска, Государь, оть погоды, а не совстых значить, что я видъть ее видаль, да съ боку. Когда быль ходь объ посомъ годъ, такъ за хвостомъ и она има....
- «Такъ краска съ погоды!» спросилъ Государь.

Александръ Пвановнчъ молчалъ.

- «Пе люблю, Александръ! Когда я что спрашивалъ, такъ изволь докладно отвъчать.»
 - «He mory.»
 - «Почему не можень?»
 - «Смъяться будешь.»
 - «Пе буду.»
 - «Лай слово.»
 - «IІзволь.»
 - «Больно хороща Марья Апдреевна и съ боку.»
- «То-то же!» отвъчаль Государь: «Воть Данилычь уже прилыгать начинаеть. Поколочу! Больно поколочу! Кто лжеть, хоть въ шутку, не ради посольской нужды, а такъ, по природъ, тотъ уже дурной слуга. А кого люблю, изъ того ложь выгоню. Самъ послъ скажеть: снасибо. Пу, такъ смотри, Александръ!..»
- «Другой разъ, Государь, такой ръчи не услышинь.»

VII.

BAJЪ.

Паступило воскресенье. Государь женпху свои ботфорты даль въ займы. Онъ самъ причесалъ и отправилъ Алексапдра Пвановича въ своей одно-колкъ.

— «Богъ съ тобой, Алексапдръ....» сказалъ Государь: «а я поуправлюсь съ бумагами и позже заъду. Пе ждите; начипайте веселье безъ меня.»

Каменный, но весьма тъсный и неудобный домъ Захарія Пвановича быль биткомъ набить борода тыми родственниками, и родственницами, которыя походили больше на пряники, укращенные золотомъ и фольгою, нежели на живыя существа. Почти одна на другой, сидъли опъ неподвижно на скамьяхъ вокругъ стъпь, изръдка двумя пальцами обтягивая юбки сарафановъ, или подпимая кисейные рукава, чтобы торчали полите. Впрочемъ, этимъ запимались больше маменьки: дъвушки, изукращенныя камиями и размалеванныя краской, прятали ноги, и съ величайщимъ страхомъ поглядывали, чтобы, Боже сохрани, носковъ небыло видно. Мужчины, въ другихъ комнатахъ, толковали о бородъ Захарія Ивановича, которая по утру еще посъщала гостиный дворъ, а ввечеру изчезла. Вошель купецъ Ситкинъ.

- «Что это батюшка Захарій Иваповичъ?» спросиль онъ: «какая у васъ околичность по дову приключилаеь?»
- «Пичего, батюшка, Андрей Кузьмичь; все по старому. Пе извольте имъть никакого сумнительства; мы прикладно вошли въ намъреніе едипородную дщерь, такъ сказать, супружествомъ привести къ счастливому бракосочетацію: чего для, такъ сказать, хотимъ, по женихову чину, соблюсти повую обычность и дворянское обхожденіе...»
- «Смъкаемъ, Захарій Пвановичъ, смъкаемъ! такъ сказать, сговоръ...»
- «Помилуйте, Апдрей Кузьмичь! сговоръ не дворянское дъло; сговоръ, то есть, изволите видъть, такъ сказать, только промежду мъщанства; даже у купечества, что съ заморемъ торгуетъ, такъ сказать, отставлено: а это у меня сегодня

просто, по-русски, плясовой день, не то, знаете, чтобы дъвишникъ простой, а пировой день, съ флейтами и трубами. Пынче, какъ освъдомленіе получилъ я отъ Алексапдра Пваповича, эте цазывается, по нимецкому, ассамблея.»

- «Да что же это слово значить?»
- «Пзвъстир, что значить! То же, да на большую руку, какъ женихову чину прилично, съ церемоніей...»
- «А! А! Смъкаемъ, смъкаемъ, Захарій Ивановичъ! Такъ уже и жепихъ безъ огласки...»
- «Женихъ, такъ сказать, не женихъ; на то, по чину Александра Пвановича, будеть особый Царскій указъ.»
- «Александро Пвановичъ прівхаль! Александро Ивановичъ прітхалъ!» раздалось въ толит, и Александръ Пвановичъ вошелъ торжественно, въ сопровождении десятка преображенскихъ своихъ товарищей. Флейты и трубы заиграли. Александръ Ивановичь, и за нимъ всъ преображенцы, поили въ очередь цъловать руки у женщинь. Домна Сергъевна была предупреждена, и сдълала даже пъмецкій кинксенъ, къ общему соблазну: но женщины гостын, лишь только Александръ Ивановичь, протяпулъ руку къ первой, вскочили съ мъсть и хотын бъжать въ другую комнату, откуда мужчины шли смотръть па жениха. Столиились въ дверяхъ. Ин взадъ, ин впередъ. Дъвушки пищали. Матушки бранились. Кто-то изъ преображенскихъ «Кажись, Государь толит сказалъ громко: ВЪ ъдетъ!» И суматоха еще болъе увеличилась. Жен-

щины стали бъгать, ища указанныхъ хозянномъ мъстъ; стариинство нарушилось и споры за мъстничество начались во всъхъ концахъ.... Александръ Пвановичъ, не обращая вниманія на общее волненіе, спросилъ у хозянна: А гдъ же Акулина Захарьевна?... «Готова, готова!» закричалъ Захарій Пвановичъ, и черезъ нять минуть, въ фижмахъ и высокой прическъ, съ безчисленнымъ множествомъ камией и жемчугу, ноявилась невъста.

- - «Пу, нельзя сказать, чтобы взрачная...» подумаль Александръ Пвановичъ: «да нечего дълать!»

Опъ крикнуль на музыкантовъ: «Менуэтъ!» и сталь съ Акулиной Захарьевной на мъсто... Между-тъмъ преображенцы пошли къ дъвушкамъ.

- «Вы плящете, сударыня?» спросиль Гульминъ у приземистой, по милолицой дъвушки.
- «А тебъ какое дъло?» раздался сварливый голосъ матушки: «Какая она сударыня! Поди съ своими сударынями соблазнъ разводить: а наше мъсто свято!»
- «Я, честная госпожа...» отвъчалъ Гульминъ: «п самъ заморской пляски не люблю, да Государь указалъ; не то, будете ослушищей....»
- «Ну, ступай, ступай, Дуничка, пляши по указу; только я отъ тебя не отстану.»

Четыре, не пары, а четыре тройки, потому что при каждой дочкъ стояла и матушка, уставились посреди тъспой компаты. Мужчивы начали; женщивы оставались на мъстахъ.

— «Да что же вы не пляшете?« спросилъ Гуль-

- «Да я не умью!» отвъчала Дуничка.
- «Постойте, постойте!» закричаль Александръ Ивановичь: «я васъ сейчасъ выучу... Разъ, два, три!... поклонъ!»

Александръ Ивановичь сталъ показывать; дочки, а вмъсть съ ними и матушки, повторяли не трудпые пріемы менуэта. Зараза быстро распростраиплась. На галерев стояла вся двория не только Захарія Пвановича, по и отъ состдей: понабъжали дъвки смотръть на господское веселье и по-тихоньку передразнивали Александра Ивановича. Вдругь на галлерею вошель Государь, и когда двория хотъла дать дорогу, Петръ погрозилъ пальцемъ и сказаль: «Пе пужно, молчите!» Песмотря на все усердіе Александра Пвановича и на ревпостную помощь товарищей, менуэть не ладился. Двория замътила это, и одна изъ самыхъ дерзкихъ и болтливыхъ не удержалась и сказала: «Видно невъсту-то учили годъ до сговору: одна только и смъкаеть.»

- «Такъ это невъста?!» подумалъ Государь, махпулъ рукой и убхалъ. Захарію Инановичу тотчасъ допесли, что Государь былъ и убхалъ. Эта новость крайне опечалила хозяевъ и Александра Ивановича. Прочіе не унывали, надъясь на богатое подчиванье. Захарій Ивановичь, песмотря на все свое горе, не забыль гостепріимства; гостей уподчиваль опъ на славу. Иосидъли, посидъли и стали расходиться....
- «Пу, что?» спросиль хозяниь, отпуская жешиха.

— «А вотъ, чай, сегодня порвшитъ Государь...» отвачалъ Александръ Ивановичъ.

Самъ хозяннъ подалъ царскую одноколку, и Александръ Пвановичъ отправился въ Преображенское.

VIII.

второй счеть.

- «Кто тамъ? спросиль Государь, услышавъ, что въ передспальникъ кто-то ходитъ.»
- «Я....» отвъчалъ Александръ Ивановичъ, продолжая ходить.
 - «Поди сюда!» сказаль Государь.

Алексапдръ Пвановичь вошель въ комнату, которая служила Царю и кабинетомъ и спальней. Петръ спдълъ за столомъ и перечитывалъ письмо къ Мазенъ. Знаки Андрея Первозваннаго, ордена, педавно учрежденнаго, лежали на столъ; возлъ, небольной деревянный ящикъ и пукъ хлопчатой бумаги.

- «Уложи!» сказалъ Государь, дописывая какоето замъчаніе. «Заколоти!» ІІ сталъ складывать
 письмо. «Запечатай!» сказалъ напослъдокъ Государь, подавая Александру Пвановичу бумагу: «А
 свадьбъ не бывать!»
- «Какъ, не бывать?» съ испугомъ спросилъ Александръ Ивановичъ: «Съ чего ты взялъ, Государь, что свадьбъ пе бывать?»
 - « Съ невъсты, Алексапдръ. Пе по тебъ; и я, ужъ что дълать, удосужусь, самъ тебъ прінщу хоро-

шую дввушку; а этоть купеческій обрубокъ тебъ не пара.»

- «Помилуй, Государь! Да Захарій Пвановичь меня съвсть. Бороды ему не отдань; между своими острамился; все нъмецкое завелъ!...»
- «И подъломъ ему!» отвъчалъ Государь: «Знатность та же корысть. Мало ему честнаго торга: онъ въ бояре задумалъ. А я этого не люблю. У меня на всякой чинъ одно право, одна дорога: заслуга. А женитьба дурной проселокъ. Вотъ и вернулся безъ бороды!...»
- «Да что я за зпатный такой?» горячась, сказалъ Алексапдръ Иваповичь: «Денщикъ, семь рублей жалованья, да одинъ мундъръ на годъ.»
 - «Ily! ужь это не твое дъло. Потерпи!»
- «Я и не жалуюсь; да невъсты, Государь, не отымай!»
 - «Говорятъ тебъ, другую пайду. Потерпи!»
- «Видно ныпъ, Государь: nomepnu, да nomepnu, въ поговорку вошло. Государь! Такой невъсты на всей Москвъ другой пе найдешь.»
- «Ой-ли? Ты, не пайдень. Первый встръчный чуть тебя не поймаль. Хороша была бы генеральна! Смъхъ подумать!»
- «Для такого геперала, какъ я, хороша. Что я? II падъ шутами не командиръ!»
- «Врешь, Алексапдръ. Потерпи, пока моя рука не развернуласъ; а развернется, такъ ты Петрова со всъмъ домомъ въ уголъ запрячешь.»
- «Когда бъ кто насъ съ тобой, Государь, подслушалъ, то подумалъ бы, что ты меня въ

римскіе сенаторы прочишь, вонъ въ тв, что дядя Зотовъ выдумаль.»

— «А можеть быть и въ сенаторы! Ступай, да прежде Мазепъ ордепъ отправь; парочный дожидается; а завтра скажи мив, что тебъ приспится.»

Рапо поутру Александръ Ивановичъ сталъ будить Государя. Первое слово Петра было: — «Ily, что спилось, Александръ?»

- «Борода Захарія Ивановича.»
- «Ily, а еще что?»
- «Pasnoe.»
- «lle benommunь?»
- «Гдв всякую дрянь помпить!...»
- «Такъ я же зпаю, что тебъ спилось, да растолкую не скоро. Въ Пиколипъ день изволь мнъ напоминть про сопъ.... Давай мыться!»

Время быстро промелькнуло въ трудахъ хлопотливой службы. Много полезнаго насадиль Государь въ краткій промежутокъ этого времени. Безчисленны были предначертанія Великаго. Еще изумительные единство и твердость разнородиыхъ мъръ, которыя, несмотря на свое множество и разнообразіе, не противоръчили одна другой. Сажая желуди въ Таганрогъ, Государь думаль думу цълымъ въкомъ впередъ, и въ каждомъ постановленіи являлся законодателемъ опытнымъ, связующимъ самые, по наружности, противные предметы въ одно цълое, къ единой цъли. Къ Инколину дню Государь примьтно спъщиль въ Москву. Александръ Ивановичъ втихомолку радовался, что государь, видно, хочетъ слово сдержать и приступить къ расчету.

- «Знаешь ли, Александръ....» сказалъ Государь: «нышче въкъ исходитъ....»
- «А какъ мнв это въдать, Государь. Въкъ, то есть: люди стали жить все меньше да меньше....»
 - «Пвть, не то; сто леть кончается.»
 - «Кому, Государь?»
- «Кому? Времени отъ рождества Христа Спасителя.»
- «А я читаль, Государь, будто Христосъ давнъй родился.»
 - «Семнадцатый разъ сто льть исходять....»
- «Вотъ такъ, я думаю, прійдется! А зачъмъ тебъ этотъ счетъ нуженъ?»
- «Затъмъ, чтобы, Боже сохрапи, въ Москву пе опоздать. Такого случая опять сто лътъ жди! Теперь бы опо и кстати....»
- Ой, Государь! ты видно опять что-нибудь новое затъваешь!»
- «Плиоминацію, Александръ; важную иллюминацію. И ты похвалниь!»
- «Папрядъ ли!» отвъчалъ опечаленный Александрь Пвановичъ, грустя и думая: «Видно про Николинъ день позабылъ! Гдъ ему про нашего брата помпить! А ужь я о себъ напоминать не стану....»

Лошади быстро мчались. Широкія царскія пошевин, безъ подръзовъ, съ боку на бокъ перекатывались. Безъ отдыха, ъдуть да ъдутъ, и шестаго декабря пріъхали прямо въ Успенскій соборъ. Апдреевна бросилась къ нянъ и спрятала горящее личико за плеча своей старухи. Александръ Ивановичъ глядълъ жалобио на Государя, какъ-будто упрекая его за новую надъ собой шутку. Государь подошелъ къ окольничему и спросилъ съ даскою:

- «Пу, что, Артамонычъ, въдь славнаго жепиха я твоей доброй Машенькъ прінскаль?»
- «Велика твоя милость царская...» отвъчаль окольничій, трепеща и клапяясь: «только позволь тебъ, Государь великій и мудрый, Петръ Алекстевичь... не благоизволь осерчать, если я тебъ милостивцу и господину моему, челомъ бить стану, чтобы того... такъ сказать... твое царское величество... стараго боярскаго роду... такъ сказать, денщикъ простой... Изъ дворянъ ли еще полно?... Можеть, просто изъ житья.... Пе гнъвайся, Государь и милостивецъ!»

И, не окончивъ ръчи, повалился въ ноги. Гиъвно блеснули глаза Царя. Государь не поднималъ съ полу Андрея Артамоновича; пъсколько мгновеній не могъ вымолнить слова; наконецъ, когда негодованіе поутихло, опъ сказалъ твердымъ голосомъ, но уже безъ гиъва:

— «Вставай! Пе у мъста спъсь: а у ногъ валяенься! Да скажи, кто тебя окольничьнить сдълалъ? Мы съ братомь честью окольничествома тебя пожаловали. Государь, блаженной памяти, Алексій Михайловичь, тебя въ Компату взяль, не ради заслугъ твоихъ; онъ уважилъ отца твоего, Артамона Сергъевича, да и бояринъ, отецъ твой, не съ бояръ службу началъ. Государь Михайло Өедоровичь его въ житье пожаловалъ. Такъ нечего родомъ чваниться, Артамонычъ; скажи лучше прямо: хочень или не хочень?...»

- «Батюшка!» закричала Марья Апдреевна, повисла на груди родителя и тихо шептала: «не гивы, батюшка, Государя...»
- «Пошла на свое мъсто!» съ гнъвомъ прикрикпуль на нее окольшичій.

Марья Андреевна медлила, по Государь взяль ее за руку и сказаль: — «Ступай, Машенька. Богъ милостивъ; свата уломаю, а ты отца слушайся!»

Марья Апдреевпа печально удалилась; няня по-

- «Пу, что же, Артамонычь?» сказаль Государь: «Мив некогда. Рышай, что ли?»
- «Быть по твоему! отвъчаль окольничій: «Только Маша-то моя больно молода: девятнадца-тый годокъ ношель! Позволь, Государь, времени дождаться. Ужъ нусть будеть свадьба на тоть годъ. Такъ и быть, отпущу ее по двадцатому.»
- «Быть по твоему!» сказаль государь: «только рцы слово твердо! Послъ новаго года, во вторую недълю, въ воскресенье, какъ прійдется.... Согласенъ?
- «Благодарствую тебв, батюшка Государь, за твою милость.
- «lly, по рукамь. Да гляди не отрекаться! Не прощу! А въ самый повый годъ — сговоръ.»
 - «За все про все только благодарствую!»
 - Пу, поцълуй жепиха. Воть такъ! Теперь

общими свата. Прощай, Артамонычъ, спасибо за умъ! -

Государь увхаль съ Александромъ Ивановичемъ, а окольничій принялся за дочку и за няню.

- «Чего ты глядъла, старая сова? Очень нужно было выходить къ мужчинамъ! Вотъ и попались! Охолопились! Опъ, для шутки, пожалуй, за шута просватаеть дочку окольничаго, внучку боярскую. А тебъ, что-ли, замужъ такъ больно захотьлось? Понабралась новыхъ обычаевь! Наскоро выросла! Экая выскочка! Постой, постой, поглядимъ какъ-то еще свядьбу сладишь: въ годъ мвого воды уйдеть.... Ila что голова, па что умъ?... И самъ Государь какъ подумаеть, такъ другое спасибо скажеть. Слышишь, ты негодиая: прошу изъ свътелки ин шагу! Същиниь, въ окно не смъй глядьть! Я изъ тебя пъмецкую дурь выкурю. А ты, старая сова, глазъ не своди!... Если опи съ денщикомъ сквозь щелку увидятся, такъ я тебя, старая чухлома, со свъта сгоню? Пе на таковскаго папали! Развъ я даромъ отецъ? Слышишь, за денщика безъимяннаго! за дворянина бездомнаго!... Стара штука! Дай только до весны дотянуть....»

Окольничій вышель и сталь писать письмо. Паписавь, онь позваль охотшка изъ старой своей охоты, пожаловаль ему пять рублей, приказаль взять тройку лучшихъ лошадей съ конюшии, и поспышно ъхать въ Воропежъ, письмо. Лукъ Петровичу отдать, и съ отвътомъ въ Москву возвратиться, да про случай, дорогой, до Воропежа водки не ппть. «Пивомъ гръйся, а водки въ ротъ взять не моги! Пу, съ Богомъ!...»

X.

YKASB.

- «Ну, что?» спросиль Государь денька черезъ три: «Что, быль у невъсты?»
- »Да что нъ томъ, что былъ!» отвъчалъ Алексапдръ Ивановичъ: «Окольничій дочки непоказываетъ; говоритъ: успъень еще налюбоваться, а пока она у меня на дому, обычая не нарушу....»
- «Ну, Богъ съ нимъ!» отвъчалъ Государь: «Потерпи!»
- «Върпо, Государь, ты это слово для меня заучилъ.»
- «Претерпъвый до копца, той спасется!» отвъчаль Государь: «А пока, поъзжай въ Москву, вели собрать большую боярскую думу и отдай имъ этоть подарочекъ. Пятнадцатаго декабря объявить, и все по указу приготовить; а чего не будетъ, взыщу съ думы или съ бурмистерской ратуши, съ кого по сыску причтется. Такъ и объяви!»

Пятнадцатаго декабря по церквамъ съ трудомъ помъстилась вся Москва. Повый указъ былъ прочитанъ, послв объдень. На Краспой площади спова прочитанъ былъ указъ. Потомъ, съ барабаннымъ боемъ, повторено чтеніе въ разныхъ частяхъ Москвы. Сверхъ-того, въ бурмистерской ратушъ раздавали печатные листы. Городъ былъ въ сильномъ волненіи; никто почти пе върилъ ушамъ в

глазамъ своимъ. У каждаго знатнаго человъка были тогда свои кліенты, свои домашніе. Москва въ пъсколько часовъ раздълшась на кліентелли. Дворъ окольпичьяго, Андрея Артамоновича, напол-пился людьми разпаго званія. Хозяниъ почивалъ, послъ плотнаго завтрака; люди не смъли будить его, но шумъ, толки и споры достигли до опочивальни. Андрей Артамоновичъ проснулся и, потягиваясь, спросилъ:

- «Что тамъ? Пе подводы ли съ крупой и живностью прітхали изъ подмосковной?... Что они разиумълись?»
- «Пътъ, бояринъ!» отвъчалъ старый Авонасій, неотлучно дремавній у опочивальни: «Сосъди попашли, что за совътами всегда ходять, да всъ разомъ....»
 - «Видио, что-нибудь повое стръльцы затъяли.»
 - «Да стръльцовъ уже пътъ!»
- «Да, пъть! Все-равно что клоновъ зъльемъ, что этихъ животныхъ, разомъ не выведень. Встать, что-ли!»
- «Какъ укажень, бояринъ; отворю дверь въ столовую и, лежа, распросинь.»

Слуга отвориль дверь и позвалъ кліентовъ.

- «Бояринъ спрациваеть, что такое случилось?» сказаль слуга, и всъ заговорили.
- «Скажи имъ...» лежа, вскричалъ Андрей Артамоповичъ: «чтобы въ очередь говорили, по старшинству.»

Повая ссора: подъячій считаль себя старше

купца, богатый купецъ старше дворянина; дъ 10 чуть не дошло до драки!

— «Смирпо!» закричалъ окольничій: «Заха ій

Иваповичъ, говори ты!»

Зпакомецъ паппъ, купецъ съ Покровки, Заха Вівановичъ Петровъ Безбородый, откашлялся, по по дошелъ къ окну и пачалъ тако:

- Примърно доложить вашей боярской мил точно, у насъ у всъхъ, такъ сказать, полгода времени на Государя берутъ, то есть, не то, чтобыл, такъ сказать на службу насъ поставили: пътъ, ровно четыре мъсяца хоть за окно выбрось; не пони къ старому году, ни они къ новому приклеятся; и вообще, прикладио сказать, было много тысячъ лътъ. Теперь весь старый счетъ долого всего семиадцать сотенъ велъно считать. Такъ муже и не знаемъ, кто когда родился и скольк кому лътъ; и этими четырмя мъсящами, можн прикладно такъ сказать, словно косточкой подавились: куда хочень ихъ дъпь!...
- «Что за вздоръ?» сказаль боярипъ: «Кт это надъ вами подицутилъ, дурачье? Всякому слух не върь!...»

— «Указъ есть, боярипъ, изволь присмотръть. = И чрезъ двери влетъло пъсколько экземиляров

указа; одинъ прямо упаль па лицо окольничьяго

— «Легче!» закричалъ онъ, подымаясь: «По вови чтеца Калистратова....»

Всеобщее ожиданіе и безмолвів. Вошель Калистратовь. Окольшичій приказаль читать. Калистратовь возгласиль:

«Семь тысячь двадцать осьмаго года, декабря въ пятнадцатый день, Великій Государь, Царь и великій князь Петръ Алексъевичъ, всея Великія и Малыя и Бълыя Россій Самодержецъ, указалъ сказать: извъстно ему великому Государю стало не только, что во многихъ европейскихъ христіансвихъ страпахъ, по и въ народъхъ славянскихъ, которые съ Восточною Православною нашею Церковью во всемъ согласны, какъ Волохи, Молдавы, - Сербы, Дальматы, Болгары, и самые его Величества подданные Черкасы, и всъ Греки, отъ которыхъ Въра наша православная принята, всъ тъ пароды согласно лъта свои исчисляють отъ Рождества Христова въ осьмой день спустя, то есть, съ января перваго числа, а не отъ созданія міра, за мпогую разнь исчитанія въ тъхъ льтахъ: и ныих отъ Рождества Христова доходить 1699 годъ, а булущаго января перваго числа настанеть новый 1700 годъ, куппо и новый сто льтній въкъ; и, добраго и полезнаго для, указалъ великій Государь впредь лата счисляти нъ приказахъ, и во всякихъ дълтхъ и кртпостяхъ писать, съ нынвишяго япваря перваго числа отъ Рождества Христова 1700 года. Во знакъ того добраго пачинанія и поваго столътпяго въку, въ царствующемъ градъ Москвъ, послъ должнаго благодаренія Богу и молебиаго пънія въ церкви, по большимъ проъзжимъ и значительнымъ улицамъ, знатнымъ людямъ, у домовъ нарочитыхъ . духовпаго и мірскаго чина, предъ вороты учинить пъкоторое украшение отъ древъ и вътвей сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ, противъ образцевъ, каковы на гостинъ дворъ, у нижней апт или какъ удобнъе и пристойнъе, смотря по м и воротамъ, учинить можно....»

Следують дальнейшія подробности торжес вапія новаго года.

Окольничій грустно слуналь чтеніе указа. К Калистратовь окончиль чтеніе, Андрей Артам вичь, покачивая головою, печально сказаль: «Г на какую хитрость поднялся! А князь Лук тому времени не поспъеть....»

- «Что же, батюшка Апдрей Артамопови кричали изъ столовой.
- «Ступай съ Богомъ по домамъ!» отва окольничій: «Это не для васъ выдумано.»
 - «А для кого же?»
- «Шутка, шутка, дъти! Свадьбу съигра да и опять велять всему по старому быть.»
 - «Какую свадьбу, бояринъ?»
- «А вамъ какое дъло?» сказалъ Андрей / моновичь съ запальчивостью. «Долой со д пошли!... Говорятъ, не для васъ выдумано!

Пародъ разошелся. Окольничій всталь и по въ теремъ дочери.

— «Я вамъ дамъ! Повый годъ! Ради (цълый городъ морочатъ! Да не удастся шуті Эй! вели запречь лошадей. Всв въ дер вдемъ....»

Едва окольничій сощель въ гостиную, доло: что явился дьякъ изъ думы. — «Зови!» — Во дьякъ и объявилъ царскій нарядъ Артамоно иллюминовать всю Покровку и за огнями ца

деніе имъть; а какъ въ первый депь января у него же на дому, по условію, быть сговору, то бурмистерская ратуша придасть ему для надзора шесть хожалыхъ и пестьдесять человъкъ изъ повыхъ полковъ по паряду отъ воеппаго пачальства.

Объявивъ царскій указъ и положивъ на столь бумагу, дьякъ поклопился и ушелъ. Окольничій быль въ отчаяпіи, и не смълъ взять въ руки рокивой бумаги.

- . «Что, батюшка Апдрей Артамопычъ? Линпяя депьга изъ кармана?» говорилъ осьмидесяти-лътпій Авонасій: «Бывало, при бояринъ....»
- «Дуракъ ты, Авонька! Стапу я для Государя денегъ жалъть. Да дочки то не хотълъ за денщика безъименнаго выдавать: а по повому указу приходится....
 - «Тамъ инчего не писапо....»
- «Понимаень ты много! Я дочку князь-Лукв объщаль; да хотълъ, чтобы онъ хоть сержантскій чинь получиль, а князь-Луку въ Воронежъ услами барки чинить. Ну, княжеское ли это дъло? самъ нодумай. А ему раньше великаго поста въ Москву и носа показать нельзя. Я было хотълъ, такъ сказать, чтобы князь-Лука дочку мою увезъ, да и обвънчался нослъ поста. А я чъмъ виноватъ?... За чъмъ нъмецкое завелъ? За моремъ это въ обычаъ. А ты вотъ старъ сталъ, за охотниками но смотришь, олуха послалъ: у того върно грамоту, перехватили. Государь и догадался, да и выдумалъ новый годъ, осьмью мъсяцами раньше Бога. Поди! что ты будошь теперь дълать! Хитеръ, больно

хитеръ, хоть кого обманетъ!... А я, старый олухъ! Ужъ что бы мив противъ подлога сдълать оговорку?... Что ты будешь двлать!

- «Эхъ! бояринъ!» сказалъ Авонасій: «Не думаль я, что сынъ Артамона Сергъевича станеть Государю поперечить!»
- «Дуракъ ты, Авонька! Мнв царское слово закопъ: да мое-то слово кпязь-.Тукъ что теперь будеть?»
 - «А за чемъ же ты Государю не сказалъ?»
- «Со страху изъ ума вышибло! Съ нимъ не легко говорить. И самъ не знаю, что теперь дълать!»

Вошелъ слуга и доложилъ, что лошади готовы.

- -- «А кто приказываль?» гивино отвъчаль околь-
- •Я приказывалъ...» отвъчалъ Авопасій: пужда есть; падо ъхать въ ряды, придапов закупать...
- «Дълай что хочешь, Аоопька, а я п рукт умываю.»

XI.

новый годъ.

Пришель восемпадцатый въкъ на смъну старому На красной площади все устроепо. Государь зажегь собствеппоручно первую ракету, и всъ улиць освътились, при колокольномъ звонъ, съ пушечнок и ружейною пальбой. При громогласныхъ ура барабанномъ боъ и звукъ трубъ и литавръ, Госу дарь, первый, исполияя указъ, сталь поздравлят

сь новымъ годомъ и стольтинмъ въкомъ предстоявшихъ, начиная съ черни, потомъ переходя ко двору и возвращаясь снова къ черни. Такимъ образомъ Царь достигъ до Краспаго Крыльца, на которомъ ожидала вся семья Государева въ праздпичиомъ убрапствъ. До самаго утра продолжалась по Москив пальба изъ ружей и ручныхъ пушекъ; во всю ночь пылала иллюминація. Никто между двумя въками не хотълъ и немогь спать: каждый хозяннь убираль зелеными вътками свои ворота. Пастало утро, и Москва опустъла. Послъ объденъ Государь принималь офиціальныя поздравленія въ кремлевскомъ дворцъ; потомъ въ томъ же дворцъ быль большой столъ; наконецъ въ шесть часовь, Царь, оставивъ пирующихъ, скрылся. Возвратясь потомъ съ Александромъ Пвановичемь, онь взяль чарку и поздравиль со всемь обществомъ Александра Ивановича женихомъ. Сговоръ совершился.

— «Пу, господа!» сказаль государь: «теперь къ Андрею Артамонычу!»

И всв отправились на Покровку; Андрей Артамонычь развеселился, самъ разсказалъ Государю свои педоумъпія, свои намъренія, и заключиль ръчь словами:

— «Одного не пойму! Ужъ если тебъ, Государь, такъ больно хотълось этой свадьбы, только ты сказалъ бы мит на ушко: «Артамонычъ, хочу!» и коичено. Пъть, Повый Годъ посреди года выдумывать! Въдь, пожалуй, люди и это не за шутку пріймуть! : Государь разсмъялся.

Ровно во второе воскресенье нослъ Новаго года сыграли и свадьбу!

Па другой день, Апдрей Артамонычъ спросилъ у Авонасія:

- A что Повый Годъ? Не отмінили еще?...»
- «Пъть; еще пичего не слыпно, развъ къ вечеру....» отвъчаль Аоопасій, и окольцичій усно-коплея.

Прошло много лвть. Паступиль Повый Годь. Въ новорожденномъ Петербургъ быль балъ у Мен--- щикова. Александръ Пвановичь взялъ какую-то даму и повелъ къ тапцу....

Государь улыбнулся и тихо сказаль: «Пора намъ расчитаться.»

XII.

PACYETT.

Другой денщикъ подалъ Александру Ивановичу записку.

- «Отъ кого?» спросилъ Александръ Иваповичъ.
 - «Видно замътка отъ Государя....»

Между-тъмъ очередь Алексапдра Ивановича наступпла: падобно было выдълывать колъно: Александръ Ивановичъ спряталъ записку въ карманъ и продолжалъ танецъ. Государь всталъ и, проходя мимо, сказалъ: «Александръ прочти!» Александръ Ивановичъ прочелъ, бросилъ пляску, отыскалъ жену и, при всъхъ, бросился къ ногамъ Государя.

- «Видишь, Александръ...» сказаль Государь: «принла пора; я сталь побогаче, и рука моя развернулась ... Вставай, и научи сына служить Государямь своимъ по твоему! Мативевъ, поди сюда!» кликиулъ Государь. Графъ Андрей Артамонычъ подошелъ со всею ловкостью опытнаго придворнаго.
- «Видите, ваше сіятельство! Александръ Ивановичь, какъ и вашь достойный родитель, изъбъдныхь дворянъ достигъ до знатнаго чина и богатыхъ номъстій.... Одна заслуга возвынаеть людей въ государствъ благоустроенномъ. Заслуга возвела родителя вашего до боярства, васъ до графскаго достоинства, Александра Ивановича Румянцева до генералъ-майорскаго чина. И, въръте миъ, только одна заслуга возведеть васъ и дътей вашихъ па первыя степени государственныхъ должностей.»
- «Дай Богь тебъ, Государь, быть пророкомъ!» отнъчаль Александръ Ивановичь Румянцевъ.:

И блистательно сбылось пророчество Петра Великаго!

ABPOPA TAINTAN.

Mynyschaa neienga XIII emonomia.

I.

JBEPTIOPA.

Груды кампей покрывали обширпую площадку и часть улицы въ роскошной Флорепцін; куски драгоцъннаго мрамора были далеко разпесены бъдными жителями, и уже украшали на предмъстіяхъ общественные фонтаны и часовии съ иконами Богоматери. Прошло болье двухъ педъль съ тъхъ поръ, какъ великолъпный дворецъ Галиган былъ срыть до основанія неумолимымъ гопфалонісромъ; тридцати домовъ, принадлежавшихъ меньшимъ отраслямъ той же фамилии, раздълили жребій дворца Галиган. Примърь строгости быль необходимъ. Гвельфы не уважали поваго правительства; смъялись падъ пріорами ремесль; бросали грязью въ гонфалонъ, или большое знамя республики; силою вырывали изь рукъ народной стражи преступниковъ, убійцъ, коль скоро опи были изъ дворянскаго рода, или даже изъ плебеевъ, но приверженныхъ къ митніямъ гвельфовъ. Дино Кам-

папьи, знаменитый писатель, современникъ Данте, и одниъ изъ первыхъ гопфалонісровъ Флоренціи, воспользовался отсутствіемь множества гвельфовъ, посланныхъ съ флорентинскими войсками въ походъ противу Пизаппевъ, и за первое своеволіе оставшихся, рышился паказать главу гвельфовъ и его приверженцевъ: дворецъ и домы всъхъ Галиган были, какъ мы сказали, срыты до основанія. Козьмо Галиган вышель изъ Флорепцін; но, къ осо--бенному его огорченію, многів однофамильцы и почти всъ приверженцы остались, или пылая местію, или желая сохрапить послъдніе остатки разграбленнаго имущества.... Дипо пощадилъ только фамильное кладбище Галигаи, и то по совъту Джіаним делла Белла, элорентинскаго Вашингтона XIII стольтія.

Солице склонялось въ западу.... Съ криками побъдъ флорентинское войско входило въ городъ. На возвышении, устроенномъ среди главной площади, стояли Пріоры Ремесль (dei arti); на уступъ того же возвышенія, тремя ступеньками ниже, стоялъ Дино Кампаньи, осъпенный большимъ и шестью малыми знаменами порядка. Вонны, къ какой сторонъ ни припадлежали, почтительно кланялись пріорамъ и священному знамени. Джіанни делла Белла, бывшій тогда пріоромъ, отъ имени всъхъ товарищей своихъ объявилъ благодарность вождямъ за успъхъ и благоразуміе, и правительство повой Флоренціи возвратилось въ свою темницу: такъ, въ шутку, называль народъ новый флорентинскій замокъ.

Торжество побъды скоро превратилось въ сътованіе: многіе не нашли домовъ своихъ; признаки народнаго волненія обнаруживались; но сильные отряды городовой стражи, со знаменами каждой части города, сохраняли нъкоторый паружный порядокъ; оскорбленные притворно покорились жестокой волъ пріоровъ, скрыли обиду, и думали о средствахъ тайной и страшной мести.

Джуліо Фрескобальди, гвельфъ, меньшой братъ Берто, знаменитаго противника Джіанни делла Беллы, раздълилъ жребій другихъ приверженцевъ Галиган. Онь нашелъ свою нищенскую хижину во рву; половину бревенъ растаскала чернь: остатки мирно догинвали; но Джуліо не скорбълъ о потеръ всего: ему еще оставалась надежда, ласкала любонь... И Джуліо, еще покрытый кровію враговъ в пылью лътняго пути, бросился къ Гаспару Галигаи, бъднъйнему иль этой фамиліи, но не нашелъ ни дома, ни жильцевъ....

— «Гдъ, гдъ опа?» кричалъ Джуліо: «гдъ Аврора? гдъ Гаспаро?»

Па крикъ его, изъ сосъднихъ домовъ выбъжали дъти и старухи....

- «Гвельфъ'» отвъчала ему портниха... «Поди къ Симону Кроначчи: опъ и тебъ дастъ уголъ и кусокъ хлъба. Опъ не злопамятенъ, а теперь на радости дастъ и денегъ!»
- «Джибелинская радость, джибелинская месть! Пе пощадили и камией!..» сказаль Джулю.
- «Пъть, гвельов, у него другая радость: Гаспаро согласился.»

- «Па что?» спроспль Джулю съ ужасомъ....
- «Сходи, поздравь жениха! Симонъ и за это платитъ....
- «Клевета!» закричалъ Джуліо, и бросился не по улицъ, а цъликомъ по развалипамъ дворца на кладбище, примыкавшее къ садамъ Кропачии.

Смерклось. Падгробные намятники, осъщенные тополями и обвитые миртами, хранили прежнее величіс. Мертвые праотцы не внимали суетнымъ спорамь потомковъ, отреклись отъ дътей, жаждущихъ крови сограждань, а сами? Давпо ли тъ же улицы, тъ же площади обливали братиею кровью?... Джуліо остановился. Сквозь зыбкую зелень могильныхъ деревъ показались огии дома Кроначчи.... Итти ли на свадебный пиръ, итти ли на обрученіе? А можеть быть, эти страшныя событія далеки: можеть быть, Кропаччи, предъ глазами певинной Авроры, расточаеть съ злодъйскимъ умысломь всемогущій соблазнь богатства. Еще есть время разрушить эти чары!... По двери на высокой террасъ распахнулись; мелькиула тъпь женщины, исчезла между надгробными памятниками, опять показалась, такъ близко возлъ Джуліо, и преклопила колтип предъ мраморнымъ изваянісмъ ...

- «Аврора!» закричалъ Джуліо, когда луна озарила лице молящейся. «Ты ли Аврора, дочь Гаспара Галиган, внука Арнольфа, благороднъй-шаго во всей Тосканъ?»
 - «Я...» съ твердостью отвъчала высокая, прелестная женщина: «Я Аврора, дочь Гаспара Гали-

Аврора Галиган.

ган, внука Арнольфа, благородивйшаго во Тосканв; я супруга Симона Кроначчи, сына въстныхъ родителей, славнаго только торго богатствомъ, подлъйшаго во всей Тосканъ!»

- «Душа коварная!» сказалъ Джулю с шенствомъ: «И ты не боннься этого пожа, рый еще не омывался женскою кровью!... Т достойная имени измънницы!»
- «Сердце почной птицы!» съ гордосты въчала Аврора: «Въ тъснотъ своей ты не мо чувствовать, кому какая прилична жертва! отца законъ Авроры; но месть и любовь Авроры. Прійди въ мои богатые покон, и женствуй надеждой; купи терпъпіемъ вос любви, и помоги отмстить нецавистному д лину....»
 - «Такъ ты любинь меня, Аврора?»
 - «Приходи и увърься!...»

Аврора исчезла.... Джулю не зналъ, на чт шиться; любовь его не была тайной: взаим Авроры была воспъта его дерзкими стихами улицахъ мальчишки пъли про любовь Джу Авроры. Самъ Гаспаро пе разъ, за скудпымт ломъ, заставлялъ повторять прекраспые стихи скобальди; всъ называли Джулю и Аврору хомъ и невъстой.... Но въ годину несчастій рептинскихъ гвельфовъ, Гаспаро соблазнился ложеніями богатъйшаго купца и цеховаго сті пы, Симона Кроначи. Брачныя условія обез вали безбъдную жизнь Гаспара и двухъ дю его пичтожныхъ родственциковъ; многіе изъ

дошли до такой степени бъдности, что принуждены были посить фальпивые мечи, непремвиную припадлежность дворянства. Увъщанія, угрозы, проклятія, паконецъ намъреніе Гаспара и родственниковъ, въ случав пеповиновенія употребить силу, рышили участь Авроры, и благороднъйшая вътвы славнаго дома Галигаи породпилась съ джибелинами, плебеями, полудикими варварами.... Джулю зналъ ихъ силу, мстительность, певъжество, страшную готовность на преступленія, но и любовь на все готова.

Джуліо взошель на крыльце дома Кроначчи; ковры были разостланы на террасъ, крылыцъ и галереяхъ. Джибелины пировали, играя въ кости; разговоръ ихъ дымился смраднымъ неприличісмъ, божбою, клятвами, ругательствами... На крыльцв, на огромной віолъ и двухъ трубахъ, шграли музыканты. Симонъ обходилъ гостей; за нимъ два работника на серебряных в подпосахъ носили вино вь золотыхъ чарахъ и хрустальныхъ стопахъ; мпогіе изъ гостей, выпивъ випо, клали золотую чару вь шляпу, закрывали платкомъ и надъвали опять шляну на голову, приговаривая: «Па память, дорогой хозяинь!» — «Пусть мив отражуть ухо, а свадебной чарки не отдамъ.» — «На счастье, хозяннъ! видишь, пропгрался; чортъ побери кости и меня вмъстъ! в и т. и. Хозяниъ кланялся, и отплевывался оть чертей и заклипаній. — Симонь и подносы приближались къ Джуліо... Робость, пикогда не испытаппая, овладъла сердцемъ гвельов.

Аврора Галиган.

Онъ бросился на террасу; Симонъ за нимъ въ компату; тамъ Гаспаро и родственники с за круглымъ столомъ, и катали шары по мр ной доскъ съ золотыми поручнями. — Ав батдпая, мрачная, сидъла въ раздумьв, от тясь отъ женщинъ, одътыхъ съ особенною стотою и однообразіемъ: всв опъ были въ у платьяхъ изъ грубаго алаго сукна, съ кожа поясомъ; па лъвой рукъ у каждой висълъплащъ, подбитый мъхомъ; простоволосыя Фл тинки не обращали вниманія на тоску Аврор шентались. Аврора была одъта точно такт но алое сукпо ея платья было тонко; пояст стами украшенъ жемчугомъ, голова цвъта длиннымъ покрываломъ, глаза — двумя кру ми слезами.

- «Проигралъ...» сказалъ Галиган, синмая шаръ съ мраморной доски... «Симонъ, запла
- «Сколько, дорогой тесть?» спросилъ Сп входя, и поглядывая искоса на вооруженнаго г
 - «Лесять фунтовъ...»
- «Только! За мпою, благородный гостимою: работникъ отнесеть тебъ деньги на дох А ты кто и зачъмъ?» спросилъ Симонъ, обрясь къ Джулю. Гвельфы вздрогнули, Аврор нулась, Джулю молчалъ.
- «Это твой гость, Галиган!» сказала Al отцу: «Развъ ты забылъ, Гаспаро?»
- «Это мой гость,» отвъчалъ Галигаи, на ривъ брови, и потомъ понизивъ голосъ, на сказалъ Симону: «и твой соперникъ!»

— «Что же ты?» спросила Аврора у оторопъвнаго мужа. «Гдъ твое гостепріимство! Постой же, я за тебя!»

Аврора подошла къ Джуліо, взяла съ подноса самую великольппую чару, и подавая вино сказала: «Пей!»

- · lle могу...» бормоталъ Джуліо.
- «Пей!» сказала Аврора повелительно: «Я паучу приговаривать по свадебному: За въчный союзъ любви пашей!...»

Джуліо выпилъ, и хотълъ поставить чару ца мъсто.

— «Такого сосуда не возвращають!» сказала Аврора: «Возьми на память о нашей свадьбъ.... Теперь еще! За месть тому, кто оскорбиль, обидъль, пе сдержаль слова или украль его, выманиль... Пей!...»

Джуліо выпилъ, по гвельфы вскочили и схватились за мечи...

- «Благодарите...» сказала Аврора презрительво, обращаясь къ отцу и родственникамъ: «благодарите благороднъйнаго за обътъ священный, и горо джибелинамъ!»
- «Что ты дълаешь?» съ ужасомъ спросилъ Галиган, оглядываясь...
- «То, что слъдовало дълать вамъ, благорожденнымъ, осквернившимъ великое имя Галиган позорнымъ союзомъ! По высокія чувства потеряли для васъ всякій смысять, всякое значеніе... Я вамъ на дълъ растолкую обязанности благорожденнаго..

Симопъ! Теперь посади почетнаго гостя за игру; для него я нарушу обычай, и буду играть съ нимъ сама... Симопъ! гдъ тъ шары съ золотыми очками, что ты приготовилъ для моей забавы?»

Симонъ былъ вив себя, но повиновался; пердия союза своего съ дворянами опъ ве хотълъ омрачить кровавымъ заключеніемъ. Аврора была такъ хороша; блаженство его такъ близко... «Постой же!» думалъ онъ: «Потерплю часокъ, но когда мы останемся один, благорождениую дочь Галиган на замокъ, на монастырскую пищу, подъ стражу дюжихъ работниковъ и....» Мало ли какія еще ужасныя мъры представлялись изобрътательному воображению ревпиваго супруга: по онъ повиновался, подалъ шары и доску, убраниую перламутромъ и благовоннымъ дерекомъ, а самъ, желая скоръе прекратить досадное свиданіе и онасную бесъду, приказаль ставить въ саду столы, освътить почь безчисленными огнями, и такимъ образомъ поскоръе избавиться отъ гостей... Столъ накрывали поспъшно. Симонъ самъ разстапавливалъ блюда: нъсколько десятковъ каплуновъ, начиненныхъ миндалемъ, сахаромъ и пряностями; сотни цыплять, груды фазановъ, три кабана и три дикія козы пасилу были размъщены, со вкусомв, какъ говорилъ хозяниъ, на узкихъ столахъ. Рыба не свадебная пища, молоко также; по нельзя было нарушать обычая, и тридцать мальчиковъ изъ рабочихъ Симона носили около стола рыбныя блюда и хрустальные кувшины съ цъльнымъ молокомъ, и кричали: не пожелаеть ли кто откушать по

обычаю? Главнымъ предметомъ гастрономической заботливости Симопа были пирожныя. Во всей Флоренцін славилась сахарная мастерская Кроначчи; и свадьба хозяина, по справедливости, должна была послужить торжествомь сахариому искусству. На главный свадебный столъ поставили сахарную кръпость, такъ что четыре ел башин пришлись. на четыре конца столя; по серединв, на столбахъ, возвышался павиліопъ; въ немъ сидъли двадцать четыре сахарныя персопы, и, отворотясь, держали кубки; такіе же двадцать четыре пажа, падъ кубками гостей держали кувшины; по четыремъ сторопамъ павиліопа Симопъ собственноручно уставилъ четыре большіе золотые бассейна, и привелъ въ дъйствіе ему одному извъстный механизмъ: ударили фонтаны изъ чистой малвазін, и въ кубки сахарныхъ гостей изъ пажескихъ кувинновъ нолилось дъйствительное вино. «Готово!» закричалъ Симопъ въ восторгъ; опъ забылъ соперника, жепу, ревность, — все, все забыль Симонь, и глядъль съ пеописаннымъ торжествомъ на плоды своего богатства и вкуса.

Когда онъ вбъжалъ въ почетную компату, жена и сопершикъ уже не шрали: они продолжали тихую бесъду, и схватили шары, когда уже заслышали голосъ Симона.

^{-- «}Милости просимъ, милости просимъ L» кричалъ опъ съ певыразимымъ восторгомъ: «не откажите удостоить скудную транезу.»

^{— «}Симонъ!» сказала Аврора, «я проиграла Фрескобальди сорокъ фунтовъ...»

— «Сто!» отвъчалъ Симопъ: «только поспъшимъ въ садъ.»

Гвельфы угрюмо хвалили диковинное пирожное, но джибелины громкими криками привътствовали кръность и палатку съ фонтанами. Аврора, сидя возлъ мужа, не глядъла на Джулю, была особенно ласкова съ Симопоръ; разспрашивала, гдъ онъ могъ достать такихъ чудесъ; обманывала, но не обманула стараго купца, который славился не въ одной Флоренціи умомъ и хитростью....

- «Сегодня...» сказалъ Галиган, «сегодня для меня дважды счастливый день! Счастіе дочери моей упрочено, и враги наши, кровожадные пріоры, сегодня же оставятъ священную темпицу.... Кажется, въ полдень еще окончился двухмъсячный срокъ.... По эта кошка, Дино, съ умысломъ продлилъ власть пенасытныхъ пріоровъ еще на нъсколько часовъ!»
 - «Пе опибаешься ли ты?» спросиль Джулю.
- «Пътъ! Пи одить Галигаи не онибется въ этомъ ужасномъ счетъ. Весь вечеръ думалъ я, по какой причинъ правители-ремесленники не объявили уже до сихъ поръ о своемъ выборъ.»
- «Еще далеко до полупочи...» сказаль шуть, который ходиль около стола, и враль безъ умол-ку.... «Въ темпицъ, какъ ты сказаль,» продолжаль шуть: «а какъ я называю, въ городскомъ хлъву, потому что тамъ теперь живуть нечистыя животныя, а не главы флорентипскаго царода, въ

темница, или какъ добрые дураки зовуть, въ замкъ, пріоры ремесль днемь не пьють, а безъ вина что ихъ головы?... Не лучше головы мосго Симона, который будеть скоро походить на того, что сидить на соборъ съ кингой, съ жезломъ и еще съ чъмъ-то на головъ, или какъ проще говорить Алигіери, на барапа въ жиръ и цвътахъ...»

- «Что опъ вреть? спросила Аврора....
- «Вреть, какъ шуть; ты увидишь!» злобно отвъчаль Симонь.
- »Воть, какъ они подрумянятся, » продолжаль муть: «такъ чего добраго, самого Симона выберуть въ пріоры. Пу, воть будеть смъхъ.... Жену хоть назадъ отдай! Принесуть тебъ краспый плащъ, посадять на осла, и повезуть въ замокъ.... Два мъсяца изъ замка даже на мостъ не пустять; жены съ собой брать не позволяется; да чего, поваръ общій; ни одного блюда выдумать нельзя; вшь что дадутъ, воть какъ теперь мнъ эти поганые сорванцы.... я хожу около стола, тъщу печальную невъсту, чуть слезъ не утираю, а они, чтобъ имъ сахаромъ роть зальнило, дали фазанье крыло, на, глодай на здоровье.... Воть тебъ и свадебный пиръ! Ну, Симонъ, быть тебъ пріоромъ за такой порядокъ....»
- «На, пустомеля!» сказаль Симонь, спяль со стола каплупа съ миндалемъ руками, и подаль шуту.
- «Важпо!» сказалъ шутъ. «По только бы тебя, Симонъ, въ гонфалоціеры не выбрали. Глупая должность. Сидить съ пріорами въ замкъ на зам-

къ... Скука одолветъ... Вотъ онъ отъ нечего дълать напьется, не выспится, и ну по городу буянить; выйти-то одному страшно. Пожалуй, воть такой оторви-голова, какъ Джулю Фрескобальди, а еще хуже — братецъ его, Берто.... Чего добраго, какъ сова сидитъ на грудъ камней, сидитъ и все видитъ; чего добраго, говорю, какъ хватитъ камешкомъ, такъ и гонфалонъ не защита.... А какіе славные миндали, Симонъ! Гдъ ты это припасы добываешь? Достань гдъ пибудъ терпънія! Право, нужно! Жена не лучше гвельфа въ засадъ. — Увидишь! Будешь кричать, хуже; глотка пересохнеть, какъ у меня теперь....»

- «Па, дуракъ!»
- «Люблю Симона, что всегда чинъ помнитъ, и намекъ попимаетъ. -- Вотъ, изволишь видъть, не за твое здоровье, а за твое терпънье! Знатная невъста-хомуть; а хомуть извъстно кому.... Пе мое дъло, ослипое.... Въдь я не про тебя говорю, Симопъ, а про того осла, на которомъ тебя въ замокъ повезуть.... И если будешь гопфалоніеромъ, такъ смотри, Симонъ, дълай такъ, какъ Дино дълаетъ: напьется и выкинетъ фонарь и большое знамя.... Паши-то и сбъгутся съ шести концевъ; опъ еще чарку выпьетъ, и идеть съ городской стражей гулять по городу, будто для порядку, а вретъ, какой у насъ порядокъ! Этого у насъ и старики пе запомиятъ; просто гулять, да стихи складывать.... Пу, да ты, умная голова, стиховъ сочипять не станешь; у тебя другая забота-молодая жена; сопъ тебъ пригръзится, ты

тотчасъ выбрасывай гонфалонь, и со всею стражей въ этотъ садъ бъги, нътъ ли гдв Фрескобальди.... Не постъ ли гдв знаменитыхъ строфъ, что вчера еще пълъ слъпой Родии.... Росу помни, слъдъ найдешь.... А если своего ума не хватить. у меня займи!... Что ты дерешься!» закричалъ шуть, и полумертвый упаль къ ногамъ Джуліо. Поступокъ Фрескобальди и крикъ шута былъ призывомъ къ дракъ. Джибелины выхватили ножи; гвельфы обпажили сажепные мечи; кровопролитіе было пеизбъжно; но ударъ колокола примирилъ объ стороны. Выборъ кончился; на мрачной массъ городскаго дворца показался фонарь и освътилъ большое зпамя порядка. Прогудълъ второй колоколъ, и сады Кропаччи опуствли; всв, и гвельфы и джибелицы, побъжали на свои мъста. Строгость Джіанин и Дино Кампаныі наводила невольный ужасъ, и заставляла повиноваться даже самыхъ буйныхъ, самыхъ непокорпыхъ гвельфовъ.

Аврора, обнявъ колтин Джуліо, плакала, закливала по уходить, не оставлять ее на жертву невавистному старику; по неумолимый Галиган и родственники обезоружили и насильно увлекли Джуліо.

— «Возьмите ее!» сказаль Симонъ слугамъ, указывая на жену: «Я паучу ее повиноваться.... Гасите огии!.. Запирайте домъ и ограду!.. Осмотрите всв углы сада, и не смыкайте зоркихъ очей! Дъти мои! Вы понимаете всю цъпу вашей услуги. Въ долгу не останусь: вотъ вамъ задатокъ.... Возьмите все это, пируйте, по не спите! Раз-

рупьте эту сахарную кръпость, но защищайте кръпость моего дома и покой моего блаженства!—Пиръ прерванъ! Я не горюю! Завтра, на радости, я уподчиваю па смерть полъ-Флоренцін.... Прощай, мое дорогое войско!...»

- -- «Будь спокоепъ,» отвъчалъ шутъ, поднимаясь и охая: «Я предводитель.»
 - «Ты?» засмъявнись спросиль Симонъ.
- «II гпусная кошка метить за обиду...» отвъчаль туть: «бросается на острів, на огопь, какъ я на эту сахарпую кръпость. За мной, на приступъ!»

И слуги признали храбраго шута своимъ предводителемъ.

II.

SANOHЪ.

- «Что за шутки!» кричаль отчаянный Симонъ, бъгая по комнатъ, въ ночномъ колпакъ, туфляхъ съ огромными, острокопечными, подпятыми вверхъ носками, и въ бархатной шубъ на дорогомъ мъху изъ молодыхъ лисицъ, куплепныхъ имъ лично въ Константинополъ.
- «Кто осмълится шутить,» отвъчаль Дино Кампаныи: «съ человъкомъ, котораго за умъ и хитрость признали достойнымъ пріорскаго сапа!»
- «Гдъ вы у меня пашли умь, хитрость! Гдъ вы у меня нашли эти проклятыя качества! Я по-шлый дуракъ! Богатъ и только, чего и тебъ, Ди-по, пскренпо желаю, только оставь меня въ по-коъ.... Подумай! Сегодня моя сватьба.... Поду

май! По вы—звъри.... Вамъ непонятны человъческія чувства. Пожалуй, и я, на замкъ, въ проклятой темницъ, потеряю всъ пъжныя качества, украшающія, какъ ты самъ писалъ, Дино, человъческую природу....»

- «Это стихи, любезный Симонъ! Твоя сватьба едва ли не была главною причиною выбора. Ты породнился съ гвельфами, и можешь помирить объ стороны, можещь....»
- «Пе хочу мирить, слышинь, Дино! Не хочу мирить; хочу ссориться, сражаться съ этими проклятыми гвельфами!»
 - «Да что же опи тебъ успъли сдвлать?...»
 - «Какъ что? Да они украдуть у меня жену...»
 - «Что за вздоръ!»
- «Какъ, жена вздоръ! Да посмотрълъ бы я па твон республиканскія добродътели, если бъ къ твоей женъ сталъ подлипать какой вибудь Джуліо Фрескобальди, который, какъ самъ знаешь, заколдовалъ свои кости; ни камень, ни желъзо не береть....»
- «Послупай, Симонъ! Увъренъ ли ты въ такомъ развратъ?...» спросилъ Дипо.
- «Разврать, Дино, разврать, какого во Флорепціи и пе бывало; разврать хуже, чъмъ въ аду Алигіери; хуже, хуже, Дино! Въ глазахъ, безъ обиляковъ... Пе правда ли, развратъ неслыхапный...»
- «Если ты убъжденъ въ этомъ, Симонъ, законы нашего отечества строги; ты пріоръ; ты первый долженъ обуздать соблаздителя, и ссылка избавитъ тебя отъ сопершка....»

- «Мудръйшій изъ мудрыхъ!» сказалъ Симопъ, обнимая гонфалоніера: «Ты подалъ мив великую мысль.... Довольно объ этомъ. Но скажи, что мив дълать съ женою? Пока мы, пріоры великой и богатой Флоренціи, очистимъ городъ отъ гръха и соблазна, женщина слабая, женщина обольщенная чарами, однимъ словомъ, готовая на все.... Но постой! Довольно!... знаю.... иду.... но гонфалоніеръ.... Объявляю домъ мой, жену, богатство въ опасности, и требую почетной стражи.»
- «Флоренція...» отвъчаль Дило: «не откажелъ въ справедливой просьбъ человъку, который на два мъсяца оставляетъ всъ дъла свои, молодую жену въ депь сватьбы, и запирается въ священную темницу для трудовъ и хлопотъ на пользу общую. Проси!...»
 - «Какъ проси?... Сегодия, сей часъ!»
 - «Безъ приговора совъта, не могу!»
 - «Такъ я не иду въ замокъ!»
- «Поведуть въ замокъ или на площадь. Пе совътую!...»
- «Стой же, если такъ! Эй люди! Гдв мой шуть, гдъ мои лавочинки, работники?...»

Двория сбъжалась....

— «Закладывай окпо кирпичемъ!» кричалъ Симонъ: «кстати желъзныя двери ведутъ на террасу;
запирай! А террасу завтра же подрыть; пусть ее
валится къ чорту.... А у этихъ дверей десять человъкъ съ ножами и коньями, посмънно. Въ съняхъ двадцать! На дворъ и въ садахъ но двадцати!...
А завтра я пришлю съ дуракомъ моимъ порядокъ,

чъмъ и когда кормить непокорную.... Пу, давайте одъваться!...»

Аврора выбъжала въ спальномъ платъъ.

- «Что это значить, Симонь!» кричала она: «Твои работники не дають миъ спать!»
- «И по деломъ! И по деломъ!» отвъчалъ Симонъ, и посмотрълъ въ спально: «Готово! Поди сюда! Я иду въ темницу, ты должна разделить жребій мужа!» Симонъ втолкнулъ жену въ темную спальню; заперъ, взялъ ключь съ собою, и одъвинсь вышелъ съ гонфалоніеромъ на крыльце. Вся улица была покрыта вооруженнымъ народомъ съ факелами. Гонфалонъ и шесть знаменъ пести концевъ Флоренціи развъвались передъ домомъ Кроначчи. Старшины цеховъ держали за узду бълую лошадь и стремя. Симона посадили и повезли; опъ не отвъчаль на привътствія, безпрестанно оглядывался на домъ свой, и грозиль пальцемъ....
- «Стой!» закричалъ Симопъ, примътивъ Джуліо и Берто Фрескобальди, которые, съ толиой вооруженныхъ людей, пробирались по сторонамъ улицы къ дому Кроначчи....
- «Пельзя!» сказалъ тихо Дино Кампаньи: «Завтра....»
- «Завтра!» жалобнымъ голосомъ завонилъ Симопъ: «Пе хочу я вашего пріорства!» и перекипулъ уже съ лошади ногу, но Дино пасильно усадилъ спова Симона на съдло, и шествіе двинулось впередъ.
 - «Гонфалоніеръ! « громко запричалъ Симонъ.

- «Я объявляю Джулю Фрескобальди измънникомъ религіи и отечеству!...»
 - «Завтра!» тихо шепталъ Дипо.
 - «Сегодия!» закричаль Симонъ.

— «Сегодня!» повториль пародь и бросился па обвиненнаго.... Сраженіе завязалось. Берто ушель, по Джуліо съ тремя слугами быль взять въ плънь, и Симонъ приказаль вести его за собою въ замокъ, безпрестанно повторяя: «Держите его покръпче; у него желъзныя кости!»

Симопъ сощелъ съ лошади на мосту; прочіе пріоры уже ожидали его на обширномъ дворъ мрачнаго зданія, архитектуры Лано. Новый гошфалоніеръ припялъ изъ рукъ Дино Кампаньи гонфалонъ. Джуліо былъ отведенъ въ темницу; остались только бывшіе и повые правители. Джіапин делла Белла сказалъ небольшую ръчь, въ которой весьма ясно изложиль успъхи, какіе въ два мъсяца управленія его и товарищей сдълало городовов право, и тв пути, по которымъ должно стремиться къ окончательному устройству счастія и спокойствія Флоренцін. Новые пріоры благодарили достойнаго соотечественника, и просили не оставлять ихъ совътомъ.... Все утихло въ священной темищъ; пріоры разошлись по кельямъ; гопфалопіерь помъстился въ палатв подъ колокольней, поставиль гонфалонь на алгарикъ въ сошку, осыпанную драгоцъпными камиями и золотою ръзьбою, и улегся у подножія алтарика.... Вся Флоренція заснула. Рано поутру раздался колокольный звонъ; пріоры собрались въ церкви замка, отслушали объдню и молебствіе, приняли пастырское благословеніе, и отправились въ залу юстицін....

- «Въ первый день...» сказалъ гонфалопіеръ, Пизапецъ Піомбаии, пизко кланяясь пріорамъ: «конечно, отцы правители не стануть припимать просьбъ и просителей; прежде должно разсмотръть поведеніе пашихъ предшественниковъ, дать имъ отпускъ, т. е. одобреніе, и тогда уже заняться постановленіемъ правилъ, какъ вы будете управлять сами....»
- «Что это у тебя, Піомбани...» сказаль Симонъ: «гонфалоніерскін значекъ на груди изъ такого дряпнаго галуна?...»
- «Сдъланъ на счетъ города....» отвъчалъ гонфалоніеръ: «да и вся одежда и моя и ваша наводитъ упыніе.»
- «Да позволено мить будеть...» сказалъ Симонъ, вставъ и почтительно кланясь: «принести малую жертву на пользу любезнаго отечества! Сто локтей краснаго сукна на плащи для пріоровъ; семьдесять локтей золотой дамасской ткани на кафтаны; готовый нарядъ для гонфалопіера, и рубипъ цъною во сто фунтовъ въ подножіе священнаго знамени...»
 - . Пріоры и гопфаліеръ, не отвъчая, встали и поклопились Симопу....
 - «Откуда ты это получаень столько драгоцъпностей?» спросиль пріоръ Данте Алигіери....
 - «Богъ посылаетъ съ честнаго торгу. У меня же, кромъ того и *три ремесла* на дому.... Мастерскія во всю улицу. За честь, на меня ниспав-

тую, я принесъ объть сегодия, въ часъ по восхожденіи солица, чтобы въ теченіе нашего заключенія, семейства монхъ сотоварищей, и твое, Піомбани, безилатно пользовались всъмъ нужнымъ наъ лавокъ и мастерскихъ монхъ, о чемъ и прошу сдълать постановленіе и объявить кому слъдуетъ.»

Все общество онять, не отвъчая, встало и по-

Тогда Кроначчи, поклонясь еще пиже, жалобпымъ голосомъ объявилъ:

- «Стремясь къ пользамъ нашего города, я желалъ прекратить ссоры, возникийя между гвельфами и нами. Лучшимъ къ тому средствомъ нашелъ я священныя узы крови, и вступиль въ супружество съ Авророю Галиган, что извъстно вамъ, почтенные сотоварищи, нашему и другимъ городамъ. По я не зналъ, что Авора объщана гвельфу Джуліо Фрескобальди. Вчера опъ возмутиль празднество моей свадьбы; убиль моего дурака; хотълъ отнять жену, поносилъ правительство, знамя порядка, и накопецъ съ вооруженными людьми напаль на меня, когда я, по волъ Флоренцін, исторгнутый изъ объятій супруги въ самый день сватьбы, съ торжествомъ спъшилъ раздълить ваши труды. Властію на меня ниспослаппою, я приказаль взять его, заключить въ оковы, и предаю справедливому суду вашему! Что назначите, отцы отечества, преступпику?...»
 - «Изгнаніе!» отвъчали пріоры.
 - «По гдъ свидътели?» спросиль Данте.

- «Слова пріора....» отвъчалъ Піомбани: «не требують подтвержденія свидътелей.... Изгнанъ!»
- «Пзгнанъ!...» повторили пріоры, не исключая и Дапте.
- «Какой срокъ, одпакоже, для окончанія дъль?...» замътиль Лапте....
- «Осмълюсь представить...» отвъчаль Симонъ: «Джулю Фрескобальди не имъеть пи какихъ дълъ во Флоренціи, ни какого имущества. Изъ человъ-колюбія, на дорогу будеть ему выдано сто фунтовъ изъ моей казны; но умоляю отправить его прямо изъ замка, ради спокойствія Флоренціи и моего....»

Приговоръ утвержденъ, ночью исполненъ.... На другой день, заключеніе Авроры пъсколько облегчилось; она могла жить въ свътлыхъ покояхъ дома, гулять въ садахъ, принимать отца и еще пъкоторыя лица по особому списку, но всегда подъ строгимъ присмотромъ дурака и самыхъ надежныхъ работниковъ Симона.... И два мъсяца не въчность. Симонъ назначилъ преемпикомъ Джіанни делла Белла, другіе избрали также богатыхъ или достойныхъ гражданъ. Торжество смъпы совершилось, и Симонъ обиялъ тихую, покорную супругу. О! какъ любовался онъ умомъ своимъ, добродътелями Авроры, и утоная въ блаженствъ, давалъ пиръ за пиромъ ненасытнымъ друзьямъ, джибелинамъ и гвельфамъ безъ различія!

Вь это премя прівхало па житье во Флорепцію пъсколько изглашных семействъ изъ Тулузы. Аврора скоро съ ними познакомилась. Страсть къ

нарядамъ та же язва. Мастерскія Симона пепрерывно были заняты изготовленіемъ дорогаго платья только для одной Авроры; разпообразпыхъ башмаковъ для Авроры, поясовъ для Авроры, плащей, причесокъ, ожерелій, запонокъ, запястій, поручниковъ, рукавовъ — для тойже Авроры... Симонъ спачала восхищался, какъ опъ говорилъ, вкусомв Авроры, собираль со всего города рисовальщиковъ, и вмъстъ съ ними сочинялъ новые, невиданные, часто уродливые образцы разныхъ принадлежностей туалета. Паряды Авроры не возбуждали негодованія въ простопародныхъ Флорентинкахъ; напротивь, родилось подражаніе, фанатическое соревнованіе, которое распространилось не только па мужчинъ, по и на другіе города въ Тосканъ и Ломбардін. Болъе ста уборовъ посили названіе Авроры Кроначчи. Симонъ и самъ ходилъ уже каждый день въ другомъ парикъ, искренно радуясь, что свъжими, красиво уложенными кудрями могъ замънить съдину, которая лукаво пробивалась въ черныхъ волосахъ пятидесятильтияго гастронома... Борода не могла повиноваться желаніямъ Кроначчи; красить волось тогда еще не умъли, и борода, составлявшая столько льть украшеніе Симона, нала подъ остр'емъ бритвы. Огромный пиръ возвъстиль Флоренціи о преобразованіи лика Кроначчи, и на другой день половина Флоренціи обрилась.... Увлеченный разсказами тулузскихъ гостей, Симонъ нарядилъ двънадцать молодыхъ работииковъ трубадурами, и назваль тровадорами, потомъ, не извъстно по какой причинъ, тровадоровъ пере-

именовали въ канторы; каждый день они пъли съ гръхомъ по поламъ народпыя пъсни, стихи Дино Кампаньи и Данта; по эга мрачная поэзія не правилась веселымъ собесъдникамъ. За шумпой трапезой слагались другія, разгульныя пъсни, которыхъ теперь пельзя было бы пъть и въ мужскомъ обществъ; по эти ципическія капцопы долго влаво всей Италін, и до сихъ поръ дычествовали слышны ихъ отголоски вь устахъ лънивой черии. Между тымъ торговля остановилась; въ лавкахъ работали день и ночь, но только для одпой Авроры; щеголихи злились на Симона, а Симонъ потерялъ половину доходовъ.... По несчастіе спасло Кроначчи отъ ръшительнаго раззоренія. Съ амвоновъ раздался строгій голосъ проповъдниковъ. Луховенство вооружилось противу подложныхъ волосъ; угрожало отлученіемь оть Церкви; пріоры испугались, и призвали на помощь своего законодателя. Джіании не успъвалъ писать постановленія противу роскоши. Денежныя взысканія только раздражали самолюбіе флорентинскихъ богачей; многіе мужья, въ томъ числъ и Кропаччи, приносили въ замокъ пени впередъ за будущія преступленія женъ.... Печего дълать. Гонфалопъ выброшенъ. Цъховов войско собралось. Прочитано ужасное постановленіе: различныя дорогія ткани были окончательно запрещены; болъе двухъ драгоцъпныхъ носить не позволялось; илейфы опредълены были въ двъ трети локтя, и вообще все постановленіе состояло изъ безчисленныхъ запрещеній и подробпыхъ исключеній, которыя росконь въ парядъ дъмали рышительно невозможною, и почти совершенно возстановляли прежиною простоту одежды. Наказанія, объявленныя за нарушеніе новаго закопа, поразили вооруженныхъ слушателей ужасомъ, и неоднократно возбуждали ропоть противу жестокости. Джіанни. Толпа съ какимъ-то трепетомъ разошлась съ площади по домамъ, и вскоръ Флоренція взволновалась....

Аврора первая испытала строгость закопа. Она шла къ вечернъ въ высокой прическъ, расписанная разными красками, распудренная; шесть мальчиковъ, нарядно одътыхъ, несли безконечный имейфъ ея плаща, изъ тяжелой золотой дачасской парчи, подбитый горностаемъ. Въ преддверін ее остановили наемные исполнители новаго закона; причес-> ка, камии и плащъ были торжественно спяты съ непокорной; смъшныя краски были насильно смыты съ прекраснаго лица освященною водою, и тъ же мальчики попесли въ замокъ отнятую добычу, гонимые длиниыми бичами паемшиковъ. Множество щеголихъ, испутанныхъ поступкомъ пріоровъ, воротились домой; раздался воиль, полились слезы, посынались упреки; всъ знатижния Флорентинки собрамись у оскорбленной Авроры.

- «Симонъ!» кричала она въ бъщенствъ: «Ты мпъ не мужъ, если не отомстинъ за эту обиду!»
 - «По какъ, мой апгелъ....»
- «Перекинь цъпи черезъ пашу улицу; вооружи работниковъ; у пасъ свой городъ, своя Фло-

репція; мы не признаемъ власти глупыхъ пріо-

Пъпи перекинуты, работники вооружены; какъ молиія пробъжала объ этомъ въсть по всей Флоренцін; множество женщипъ тъснились въ домъ, въ мастерскихъ и лавкахъ Кроначчи; мужья напрасно требовали возвращенія непокорныхъ женъ. Аврора, съ знативійними Флорентинками, лично вела защиту цъней; не смотря на грубость тъхъ временъ, толпа не смъла употребить силу противу пъжнаго пола; выходили къ цънямъ ораторы, и уговаривали женъ нокориться верховной власти. Плохое красноръчіе! Аврора отвъчала за всъхъ:

- «Довольно у меня припасовъ на многіе мъсяцы; довольно людей и оружія! Пока безсмысленное постановленіе не будетъ отмънено, ни одна Флорентинка не возвратится къ недостойному мужу, отцу и брату, когда они не умънотъ защищать правъ женщинъ, и нозволяютъ совамъ городской теминцы мънгаться въ чужое дъло... Върьте! Мы не нозволимъ ин одной ласки, ни одного ноцълуя мужьямъ нашимъ, пока глуный законъ не будетъ уничтоженъ....»
- тодоком алекато «....атировот озганаль молодой человъкъ: «у пся мужъ уродъ, а я вчера женился...»
- «А моя свадьба назначена нослъ завтра....» говориль другой.
- «А моя Катарина! Сахаръ не уста....» кричалъ третій.
 - · · A MOR Alogia....

Вдругь въ толпъ раздался крикъ: «Гопфалопъ!

гонфалонъ! фонари!» Но въ отвътъ кричали молодые люди:

- «Я не иду.... Здъсь моя жена.... Здъсь сестра.... невъста!... и т. д.» Вскоръ гонфалонъ и фонари исчезли; раздался по улицамъ стукъ оружія. Гонфалоніеръ, съ немалымъ отрядомъ, явился предъ очами испуганныхъ женщинъ; одна Аврора не потеряла присутствія духа....
 - «Сиимите цъпи!» кричалъ гопфалопіеръ.
- «Долой глуный законь и глуныхъ закоподателей!» отвъчала Аврора, и выхвативъ ножь у одного работника, подбъжала къ цъни; женщины одушевились, и въ одно мгновеніе дамское войско облъпило дорогую цъпь.
- «Впередъ!» закричалъ гонфалоніеръ, и отрядъ двинулся на слабыхъ защитинцъ роскоши....
- «Пазадъ!» заревъла толна, и не прошло получаса, гонфалонісръ возвратился въ замокъ одинъ, бросиль гонфалонь къ погамъ пріоровъ, и объявиль о возстаніи Флоренціи....

Всю ночь простояла толпа передъ подпятымъ мостомъ замка; всю ночь продолжалось совъщане пріоровъ; къ угру законъ былъ отмъненъ, но Симонъ Кроначчи, съ женою Авророю, приговоренъ былъ къ изгнанію. Пріоры не дерзнули коспуться его богатствъ, и даже срокъ для устройства дълъ назначили самый продолжительный... семь сутокъ и одинъ часъ. Аврора торжествовала. Симонъ не унывалъ, устроилъ дъла свои какъ нельзи лучие, и распрощался съ Флоренціей блистательнымъ ниромъ, на который изъ злобной

тутки приглашаль и пріоровь и гопфалопіера.... Флорептипки, въ богатьйшихъ парядахъ, на лоша-кахъ и ослахъ, убранцыхъ съ восточною роскошью, проводили знамецитыхъ супруговъ до ближайшаго города, и разстались съ Авророй, какъ-будто посль обычнаго посъщенія. Многіе говорили ей: до свиданія; но не такъ думала, не того желала Аврора.

III.

BE33AKOHIE.

Смънился день тумяномъ ночи II ночь смънилась яснымъ днемъ. Что утро, видять ваши очи Денницу въ небъ голубомъ. Пъвця тоскующіе взоры Пе видять утренней зывады, II не разгонить въчной тчы Улыбка пламенной Авроры. II утро — счастіе для всихъ, Начало радостей и жизни, Д ся одного, какъ тяжкій грвав, Сілетъ свъточъ укоризны; Въ безчисленныхъ его лучахъ Горять и жгуть плаца укоры, Зачтив съ оружіень въ рукать Онь не быль истителень Апроры...

- «Что это за удивительный городъ» сказала Аврора, отирая слезу.
- «Очепь чувствительпая пъсия и съ твоимъ именемъ; по, къ несчастию, мы иностранцы, и намъ нельзя пойти иъ Капитолий; тамъ собралась академія и назначаеть награды своимъ трубадурамъ; по постой, Аврора, я иду къ архіепископу,

и надвюсь съ его помощью получить здвинее гражданство....»

- «Какъ! Безъ шутокъ, мы останемся въ Тулузъ?..» съ примътною радостью спросила Аврора...
- «Да куда же памъ ъхать? У меня много знакомыхъ купцовъ; товары мои уже здъсь, люди переберутся въ Тулузу по-маленьку, и мы заживемъ па славу.... И какіе здъсь благородные правы; нътъ этихъ стъснительныхъ постановленій; все живетъ весело, богато, свободпо; я удивлю Тулузу моими пирами, ты нарядами. Чудо! Кстати, вотъ и скамья, и женщины сидятъ однъ; какая милая свобода! Садись мой другъ, а я на пять минуть заверпу къ архіепископу; у меня есть письма, подарочекъ.... Я не теряю надежды....»

Едва Симонъ исчезъ въ съняхъ архіенископскаго дворца, изъ Канитолія высыпали граждане Тулузы, и толна новоротила въ каштановую аллею, гдъ множество женщинъ ожидали ръшенія семи веселыхъ трубадуровъ.

- «Кому-то досталась золотая фіалка?... Върно моему Гаймонду... Пътъ... Иътъ... Эт не онъ... посмотрите, добрая сосъдка, это и не Видаль, и не Фигейръ! Пеужели кто нибудь во всемъ Лангодокъ могъ ръшиться оспоривать у нихъ фіалку?...»
- «А какой прелестный молодой человъкъ! Върно кто нибудь изъ министеріаловъ архіенискоца: посмотри: у него пога, носъ, глаза все такъ благородно...»
- «Что ты это, Роза! Какъ можно сравнить его съ Видалемъ!...»

- «Видаль! Помилуй, да Видаль сынъ скорпяка, а это, можно подумать, побочный сынъ Филиппа Красиваго! Такъ хорошъ!...»
- «Чего добраго, сосъдка, можетъ быть самъ Филиппъ пріъхаль изъ Тура, и нарядился трубадуромъ.»

Тулузскія сосъдки замолчали. Толпа въ торжествъ проходила мимо; глашатан шли предъ семью веселыми трубадурами, основателями знаменитой экадемін des Jeux Floraux, и кричали въ ладъ: «Слава побъдителю, Фульку Генуэзскому!...»

- «Италіянецъ!» кричали Тулузянки.
- «Джуліо!» прошептала Аврора, и не зпала, върить ли глазамъ своимъ. Фрескобальди, благороднъйшій во всей Тосканъ тулузскій трубадуръ, вародный потъшникъ, записной забавникъ архіепискона, бароновъ и рыцарей; игрушка дамъ, которыя такъ открыто любять ласкать своихъ трубадуровъ. Пествіе совершилось около Капитолія, и народъ сталъ расходиться... Трубадуръ съ золотой фіалкой шелъ одипъ, по каштановой аллеъ; глубокая задумчивость осъняла прекраспое лице юноши; онъ взбъжалъ па валъ, подиялъ глаза къ пебу и золотая фіалка полетъла въ синія волны Гаронны... Возвратясь въ аллею, трубадуръ сталъ веселъе; пробовалъ свою ручную лиру, голосъ, шенталъ что-то, и улыбался...
- «Джуліо!» тихо сказала Аврора. Трубадуръ вздрогнуль, и увидъвъ Аврору, нахмурился. Гнъвно смотръли они другъ на друга, и молчали...
 Паконецъ Аврора гордо сказала: «Фулькъ Генуэз-

скій! Какую Аврору ты смъсшь воспавать предъ-

- «Певъсту-измънницу Джуліо Фрескобальди...» отвъчалъ пъвецъ.
- «Прибавь: невольную! Но ужъ върпо тъни отцевъ твоихъ не принуждали тебя къ такому подлому ремеслу!»
- «Авроръ Кроначи, флорентинской купчих», пеизвъстны инщета и голодъ...»

Аврора сорвала съ шеи жемчужное ожерелье, и подавая его трубадуру, сказала поспънно:

- «Па, но разбей этотъ пенавистный гудокъ!» Джуліо поцъловалъ лиру, и опа разсыпалась мел-кими кусками о ближній каштанъ. Струны простонали послъдніе звуки, и эти звуки глубоко уязвили сердце Фрескобальди... «За этотъ жемчугъ!» со слезами сказалъ онъ.
- «За любовь мою!» прервала Аврора, и Джулю хотъль уже упасть на колънп...
- «Симонъ, Симонъ!» сказала опа: •Бъги, Джуліо! Завтра, у объдни... надъ гробомъ Оомы Аквинскаго!...»
- «Пойдемъ домой, Аврора!» сказалъ Симонъ съ довольной улыбкой...
 - «Л что?»
- «Завтра у меня объдаютъ архіенископъ, вся ратуша, семь песелыхъ трубадуровъ... Надо всъхъ пригласить, падо приготовиться... Успъещь ли ты сдълать приличный нарядъ?»
 - «Обо мнъ прощу не безпокоиться...» отвъ-

чала Аврора, снимая дорогую мантію на крыльцв своего дома... Симопъ отправился къ городскому префекту, или головъ.

- «Поздравляемъ съ пріъздомъ!» сказалъ префектъ: «Давно ли вы прибыли въ счастливую Тулузу?...»
- «Третій день, г. префекть!» отвъчаль Симонъ, кланяясь.
- «Воля архіспископа для пасъ священна. Я уже получиль оть него увъдомленіе о вашемъ намереніи. По подумайте о послъдствіяхъ. Гражданить Тулузы не можетъ добровольпо оставить города; обстоятельства могутъ перемъниться; вы захотите возвратиться во Флоренцію, этого нельзя; т. е. можно, но всъ ваши товары, все ваше имущество обращено будетъ въ городскую собственность. Мы считаемъ подобные переъзды изменой, и только эта строгая мъра доставила счастливой Тулузъ спокойствіе и богатство!...»
- »Все знаю, » отвъчалъ Симонъ: «и прошу васъ завтра, съ почтенными товарищами, на пиръ, по случаю моего водворенія въ счастливомъ горо- дъ Тулузъ.»
- «Завтра!» отвъчалъ префектъ, подумавъ. «Завтра еще можно: я полагаю, новый парламентъ не кончить дъла завтра. Буду, или лучше сказать, будемъ, дорогой согражданинъ, по завтра же, передъ пиромъ вы должны, въ присутствін пашемъ, надъ честнымъ гробомъ Св. Оомы Аквинскаго, у доминикановъ, совершить присягу, послъ объдни...»

Па другой день, въ церкви Домишиканскаго Мопастыря, собралась вся Тулуза смотрать на пріемъ поваго гражданина. Великольпный костюмъ дамъ. ваъзжіе рыцари; командоръ ордена Храмовниковъ, съ своимъ капитуломъ, въ богатъйшихъ одеждахъ противу правила; торжественный нарядъ префекта, старишнъ и свътскихъ членовъ парламента, наконецъ появление архіепископа съ духовепствомъ, все это придавало обряду такую празничную торжественность, что Симонъ нъсколько разъ воображалъ, будто его производятъ въ бароны, въ правители Тулузы... Обрядъ начался объдней. Симопъ стояль на кольняхь предъ главнымь алтаремь, окруженный плотною станой старинить и первостатейныхъ гражданъ. Онъ не могъ видъть, что за нимъ совершался другой обрядъ, къ соблазпу всъхъ стариковъ и старухъ, и къ зависти всей молодежи.

Аврора тихо испталась съ Джуліо...

- «Боже мой, Боже!» сказалъ Джуліо: «но чъмъ же кончится любовь наша?...»
- «Падо все дълать въ порядкв,» отвъчала Аврора: «Есть у тебя кольцо?...»
 - **«Есть.»**
- «Обручимся!...» II опа подала Джулю золотое кольцо съ многоцъннымъ изумрудомъ, на которомъ, по варварству того времени, былъ выръзанъ ея вензель...
- «Аврора, Аврора!» сказалъ Джуліо печально: «какая ужасная шутка, по нечего дълать, я по-вищуюсь... Возьми мое кольцо; но не мало жен-

щинъ добивались этого подарка не для дътской шалости, не для...»

— «Полно, шучу ли я?» отвъчала Аврора... «Но уходи, Джуліо. Симонъ не долженъ тебя видъть...»

Объдпя кончилась, и всъ знаменитъйшіе слушатели литургін, по окончанін присяги и благодарствеппаго молебствія, отправились къ Симопу ... Пиръ изумилъ собесъдниковъ, данно уже привыкшихъ къ роскоши; только члены парламента и префекть улыбались молча, и не удивлялись пышному житью-бытью Симона; знаменитъйшіе трубадуры Лапгедока, Видаль, Раймопдъ и Фигейръ, восхвалили Божію Матерь, Өому Аквипскаго и другихъ угодинковъ... Рыцари разсыпались въ цвътистыхъ фразахъ предъ блистательною красотою Авроры; выпрашивали у пея лепточки, и Симонъ собственноручно обръзывалъ концы лентъ, висъвшихъ разноцвътными пучками на рукавахъ Авроры, н съ гордостью раздаваль ихъ рыцарямъ. Пожинцы въ золотой оправъ и осыпашныя драгоцъпными камиями, послъ объда, съ торжествомъ были отнесены на валъ, и брошены въ Гаропну, для того, какъ говорилъ Симонъ, чтобы этой чести не могъ удостоиться никто изъ неприсутствованиихъ на пиръ. Долго еще пировали собесъдники за исключеніемъ архіенископа, духовныхъ и свътскихъ членовъ парламента и префекта. Симонъ былъ въ восторгъ; по Аврора скоро удалилась въ свою спальпю: тысячи средствъ избавиться оть ненавистного джибелипа возмущали гордое, злобное сердце Авроры; но ни на одно она не могла ръшиться...

Умъ оскорбленной, ненавидящей и притомъ влюбленной женщины изобрътательнъе Неронова: ядъ, кинжалъ, лодка, подкупленные убійцы, подушка, скорпіоны, аспиды, все это сатанинское воинство совершало свое волиебное шествіе предъ распаленнымъ воображеніемъ Авроры. Сны блаженства земнаго смъщались съ образами адскихъ чудовищъ. Аврора уснула...

Поздпо поутру проснулась Аврора отъ необыкновеннаго нума на улицъ; пародъ опрометью бъжалъ къ Капитолію; пикто не могъ объяснить ей причины такого движенія черпи. Симона уже не было; опъ ушелъ платить деньги за купленный имъ домъ, и возвратился блъдный, растренанный, испуганный, какъ-будто освободился отъ рукъ разбойниковъ...

Аврора испугалась не менъе Симона; она вообразила, что неосторожный Джуліо открыть. . Блъдность покрывала его лице; кольни колебались; голось дрожаль. «Что съ тобой?» спросила Аврора... «Повърь мнъ, тебя обманули глаза! Это Фулькъ, сынъ генуэзскаго купца...»

- «Совстмъ нъть!» кричалъ бъщеный Симонъ: «Мон товары, мое богатство... мон радости, мое счастье, жизнь... все потеряно!...»
- «Какъ, неужели? Разскажи, разскажи!...» весело разспрашивала Аврора...
- «Чему ты обрадовалась? Умрешь съ голоду.... Умрешь, какъ Уголино... умрешь съ голоду не въ

башив, а па свободв, въ собственномъ своемъ домв, за собственнымъ столомъ, въ креслахъ изъ дамасской ткани, въ плащъ изъ венеціянскаго бархата, что по тридцати ливровъ локоть! Умрешь... умрешь... Пепремънно умрешь!»

- «Что это значить?»
- «Безуміе, потемпъпіе разсудка, бользнь, горячка правителей... О, проклятая Тулуза! Я не хочу твоего голодпаго гражданства... Три колъна знаменитыхъ Кроначчи собирали богатства. Зачъмъ? Чтобы послъдпій ихъ потомокъ умеръ съ голоду...»
- «Что съ тобой, Симонь? Ты върпо провгрался!»
- «Меня обыграли, обманули, ограбили... У меня мынки золота; груды шелковыхъ тканей... Что въ томъ? Гляди на нихъ и не ынь...»
 - «Върно здъсь строгій постъ... По кажется...»
- «Пость, Аврора, пость въчный, пость смертельный! сегодия: говядина съ зеленью, курица подъ соусомъ, жареный заяцъ... и только!... Завтра: ветчина съ проклятою травой, утка, подумай, утка подъ соусомъ; жареное, вымолвить страино, баранина!... Три кушанья, только три кушанья!!.. А на десертъ... Пе смъйся, Аврора, молю тебя пе смъйся, когда услышинь что этотъ кровожадный парламентъ выдумалъ на десертъ; просто насмъщка, пасквиль!!..»
 - «Что же на десертъ?...»
- «Оръхи, сыръ и масло!» отвъчалъ Симопъ, и слезы показались на глазахъ, неумъвшихъ прежде плакоть.

- «Помплуй! Но у тебя вчера...»
- «Сегодня, говорять тебъ, сегодня въ Капитолін! Въ Тулузскомъ Капитолін, гдъ Римляно ставили ежедненно по сту блюдь... эти гольши, барышники, эти жиды... О! вижу, вижу! Я жертва законовъ! Какъ будто парочно для меня сочиняють эти законы...»

Въ это время вошла тощая, длиная фигура парламентскаго прокурора. Симонъ бросился къ нему на встръчу съ отверзтыми объятіями, и усаживая его въ кресла, говорилъ несвязно: «Ахъ, г. прокуроръ... Ради Бога, г. прокуроръ!... Садитесь!... Очень вамъ благодаренъ!... Я пе могъ не пригласить васъ!... Совътъ вашъ... Одолженіе... Ваша мудрость» — и потомъ, обратясь къ женъ, сказалъ посиъпино: «Аврора! Вина... Знаень, что я отложилъ вчера только для такихъ гостей, какъ его милость... Вина...»

- «Пельзя!» сказалъ прокуроръ со вздохомъ.
- «Чего пельзя?»
- «Випа! Теперь утро. Этимъ закопомъ...» прибавилъ прокуроръ, указывая на бумагу: «позволено вино только по воскресеньямъ; сегодия понедъльникъ....»
- «Бога вы не боитесь, г. прокуроръ; но кто же безъ вина проживетъ сутки?...»
- «Пельзя! Роскошь трапезная гибельна и безполезна для города; богатыйніе купцы раззоряются на пиры и понойки, и съ тымъ виъстъ разрушають драгоциное здоровье. Мъра разумная, мъра пеобходимая....»

- «И вамъ тою же мърою возмърится въ будущей жизни...» сказалъ печально Симонъ. «Но неужели въ вашемъ законъ нътъ исключеній для ипострапцевъ; напримъръ для меня?...»
 - «Вы гражданивъ Тулузы!»
- «Вотъ дуракъ попался!» сказалъ Симонъ, ударивъ себя по лбу и топнувъ ногою.... «Но не-ужели, г. прокуроръ вовсе нътъ никакихъ изворотовъ, случаевъ, зпаете, этихъ лазеекъ, безъ которыхъ закопъ по закопъ...»
- «Какъ не быть!» отвъчалъ прокуроръ улыбаясь: «Папримъръ, женитесь....»
- «Честь имъю представить мою супругу,» отвъчаль съ досадой Симонъ, показывая на Аврору. Прокуроръ ноклопился и продолжаль: «Жаль!. На сватьбъ положено двадцать блюдъ; во-вторыхъ, постарайтесь вступить въ рыцарство. При посвящени позволено сто блюдъ...»
- «Сто блюдъ! Всемогущій Боже! зачъмъ мнъ пятьдесять два, вру, сорокъ восемь лъть!... Сами подумайте, какой изъ меня выйдеть пажъ, а безъ этого нельзя же быть не только рыцаремъ, но даже и оружепосцемъ... Сто блюдъ!... Блаженное званіе!...»
 - «Во время бользии могутъ быть дозволены почти всъ яства, по указанію врача....»
- «Охъ!... душенька Аврора, затвори окно, вътеръ. У меня ломъ въ рукъ... охъ... продолжайте, г. прокуроръ.... охъ... я захвораль отъ вашего закона; можетъ быть, выздоровъю отъ исключеній....»

- «Ивтъ, достойный г. Кронначи, развъ умрете, потому что послъднее исключение похороны: также въ двадцать блюдъ, какъ и на сватьбъ...•
- «Охъ.... И болье рышительно нътъ ин какихъ исключеній.... охъ!...»
 - «Hath.»
- «Благодарю васъ, г. прокуроръ. А кто у васъ здъсь лучшіе врачи?...»
- «Совътую взять всъхъ,» отвъчаль прокуроръ: «каждый позволить вамъ свое любимое кушапье, и вашъ объдъ будеть походить на свадебный.»
- «Благодарю васъ, г. прокуроръ; простите, что не провожаю; ломъ перешелъ въ ногу....» Прокуроръ ушелъ. Симонъ охалъ, послалъ за врачемъ, и успокоился. Пришелъ и врачъ....
- «Какъ тебъ не стыдно носить такое дряпно сукно!» сказалъ Симонъ, осматривая чернаго гостя съ ногъ до головы.
- -- «Бъдность, именитый мужъ!...» отвъчал врачъ, низко клапяясь.
- «Я тебъ подарю кусокъ тонкаго сукна, ког да прійдеть мой гренадскій обозъ.... А воротнич ки изъ чего вы дълаете?...
 - «IIзъ деревенскаго холста, именитый мужъ!»
- «У меня есть остатокъ, локтей въ двадцать, хорошаго топкаго батиста.... Возьми себъ....»

Врачъ поцъловалъ Симона въ плечо, и почти-

- «Боленъ я, братецъ, кръпко боленъ...» сказалъ Симонъ охая.

- « Пе прикажете ли кровь отворить?...»
- «Дуракъ! Я такъ хлопочу о сохраненіи моей драгоцьиной крови! Не то. У меня бользнь старая, и лекарство найдено однимъ алхимикомъ во Флоренцін; лекарство такъ же просто, какъ необыкновенна бользнь. И воть въ чемъ заключается эта досадная бользнь: я всегда вижу во снъ, что я доженъ ъсть на другой день. И если я не поъмъ того, что я видъль во снъ, или не достану на рынкъ ломъ во всъхъ. членахъ. Удивительная бользнь!...»
- «Еще удивительнъе лекарство,» отвъчалъ врачъ, садясь за столъ, и взявъ въ руки перо и бумагу: «Что же вы видъли во снъ сегодня?..»
- «Удивительный народъ Французы! Какая понятливость! Пиши: видълъ Симонъ Кроначчи....
 Нътъ, этого не пиши, а просто одни наименованія: фазанъ, рыба... по усмотръпію; четыре бекаса, множесто зелени... потому что я видълъ
 цълый огородъ. Прибавь: безъ различія.... Четверть серны и пирожное, походившее видомъ на
 Тулузскій Капитолій.... Пирожное уже готово; я
 и тебъ подарю одинъ ярусъ?»
- «Вамъ можно, имешитый мужъ.... Вы больны, но я....»
- «Постой; важное качество моей бользни: я боюсь отравы. Врачь и жена должны отвъдывать всв кушанья; иначе ломъ.... Приходи объдать... Да гдъ ты живень?... Хочешь, живи со мной; помъстимся. Что, готово?»
 - «Готово!» отвъчаль врачь, подавая больно-

му длинный рецептъ: «И согласно съ изданнымъ сегодня закономъ!»

- -- «Приходи же! Я люблю ученых» и попятливыхъ людей...» сказал Симонъ, и черезъ нъсколько минуть врачь подъ мышкой принесъ всв свои пожитки, и помъстился въ мезонинв. Но Симону скоро надобло объдать втроемъ. Тъмъ болъе это стъснение было ему досадио, что архіенисконъ и нарламенть, узнавъ о такой хитрости, смъялись и говорили: «Пусть себъ Италіянецъ раззоряется, а ужъ пира пе дасть; за это можно поручиться.» На пятый день Симону сдълалось дурно; онъ захвораль не на шутку; слегь въ постель; быль вь отчаянін; Аврора не могла скрыть своего восторга; неосторожная отыскала Фрескобальди, и счастливый любовникъ свободно и безпрепятственно весь день просидълъ въ гостинной Авроры. Въ вечеру Симонъ позналъ жену, и паписалъ завъщаніе, въ которомъ все пмъніе переходило въ ея руки; завъщание положилъ больной подъ подушки, нотомъ послалъ за пріоромъ Доминикапскаго Монастыря, и остался съ нимъ паединъ, приказань запереть двери въ трехъ компатахъ, одна съ другою смежныхъ.
- «Я умираю, достойный пастырь....» сказаль Симопъ: «Пе то.... я имъю намъреніе умереть.... и умереть не совсъмъ, а такъ, знаете, немножко; но безъ вашей помощи я не могу этого сдълать...»

Пріоръ, принимая слова Симона за бредь, приложиль одну руку къ головъ, другую къ сердцу больнаго.... — «Пе подумайте, достойный отецъ, что я говорю въ горячкъ или въ шутку.... Ивтъ, я хочу испытать любовь и върность моей жены; хочу умереть на одинь день. Не все ли вамъ равно, въ самомъ ли я дълъ умеръ, или нарочно? Похоронныя издержки будутъ вамъ заплачены вдвойнъ.»

Пріоръ улыбнулся. Симонъ вскочиль съ по-

- «Послушайте добрый пастырь!» сказаль Симонъ: «Не гръхъ передъ смертью выкушать пару кувшиновъ стараго Кипра.... Я боленъ, а вы....»
- «Законы Тулузы...» отвъчалъ пріоръ: «на пасъ не распространяются....»
- «О, проклятые законы! они причиною моей смерти. Но вашъ совътъ вразумить меня и наставить.» Симонъ вынулъ изъ-подъ половицы двъ фляги, обросшія мхомъ, и двъ золотыя чары, и бесъда полилась искренно и дружески.
- «Когда же вы располагаете умереть?» спросилъ пріорь, допивая свой пай....
- «Сегодия, пріоръ, сегодия, послъ полуночи. Прикажите омыть меня, одъть въ отлую рубаху и отлый колпакъ, для большаго обмана; положить безъ гроба на носилки; проводить въ церковь завтра поутру, отпъть и отнести въ склепъ, что на берегу Гарониы, въ нижнемъ моемъ саду....»
 - «Но если обманъ обнаружится?» спросилъ пріоръ.
 - «Кромъ васъ, меня и этого кошелька никто не знасть и не будеть знать о нашей тайнв....

По рукамъ, пріоръ! За вов издержки я плачу. впередъ половину, а половину послв моего благо-получнаго оживленія....»

- «Что мужъ мой?» спросила Аврора, когда пріоръ вышелъ отъ больнаго....
- «Пи какой падежды.... Вы должны удалиться въ скои покои, и не нарушать послъднихъ минутъ песчастнаго страдальца.... Пріоръ ушелъ.
- «Пойдемъ, Джуліо!» сказала Аврора: «Благодаріо Бога, что онъ избавилъ меня отъ преступленія! Узнай, Джуліо, я уже по церквамъ объявила о нашей помолквъ, чтобы сократить срокъ пенавистнаго вдовства, и только и думала, какимъ оружіемъ скоръе и безопаснъе овдовъть!... Ктото идетъ? Это Симонъ! Великій Боже, какая хитрость! Бъги, Джуліо....»

Пе успъль Джулю порядочно запереть за собою двери, какъ въ гостиную вошель больной со свъчею въ рукахъ, и созвалъ дворию... Торжественно объявиль онъ о своей смерти, назначилъ двадцать блюдъ; вина, пирожное съ изображеніемъ гроба на высокомъ катафалкъ, подъ великолъпнымъ балдахиномъ; роздалъ всъмъ людямъ награды; потомъ отправился въ нижній садъ; осмотръль скленъ; приказалъ немедленно кунить гробъ, описавъ съ подробностю всъ его принадлежности; назначилъ мъсто, гдъ поставить его, и главное не запирать ръшетчатой двери. Тогда Симонъ возвратился въ нокой, и сталъ прощаться съ людьми и съ женою....

Люди плакали навзрыдъ; врачъ растерзалъ на себъ одежду и съ воплемъ рвалъ волосы; одна Аврора не могла ни плакать, ни смъяться, съ трудомъ соображая, что вокругъ нея творится.... «Пріоръ идеть, пріоръ идеть! » закричали люди. — «За мной! » отвъчаль жалобно Симонь, бросился въ спальню, въ постель — и сталъ кончаться ... Въ первомъ часу по полупочи, Симонъ Кроначчи, послъ краткой отходной, переселился въ Поля Елисейскія. Домъ исполнился плача и рыданій. Аврора бросилась къ мужу, потянула руку подъ подушку; завъщанія не было «Maledetto!» прошентала она. Симонъ не удержался, и улыбнулся; съ крикомъ выбъжала Аврора изъ спальии, и опомиилась въ гостиной, гдъ уже собрались такъ называемые друзья покойнаго, и между ними самый лучий другъ Симопа — Джуліо Фрескобальди. Освобо. дясь отъ перваго ужаса, Аврора поняла шутку, и поспъщила отплатить за нее по-своему. Отчаянье Авроры обмануло самого Симона; слыша ея стопы, онъ опять не удержался, и двъ крупныя слезы улеглись на ръспицахъ; тяжкій вздохъ вылетълъ изъ груди; слуги, обмывавине трупъ Симона, една не уропили его; но пріоръ сказаль: «Это случается и послъ смерти....» и всъ успокоились. Всю ночь гудъли колокола въ Тулузъ. Пріоръ выслаль всъхъ изь компаты, гдв лежаль покойникъ.

^{- «}Вставайте!» сказаль пріоръ: «побесъдуемъ!»

^{-- «}Ухъ!» отвъчаль Симонъ, соскочивъ съ носплокъ: «преглупая это вещь, смерть....»

^{— «}Да, пельзя сказать, чтобы самая веселяя....»

- «А главное, бока отлежинь. Нельзя повернуться.... По, достойный другь мой, я дурно распорядился: умеръ безъ ужина!...а
 - «За то, какъ пообъдаете!...»
- «Представьте мое несчастіе. Я позабыль поварамъ приказать намочить серну въ уксусв. Будетъ жестка, злодъйка... А такъ какъ они меня къ объду пе ожидаютъ, полънятся....»
- «Я могу исправить эту опибку. Скажу, что я прочелъ это обстоятельство въ завъщаніи...:»
- «Безподобно! А какъ послъдияя воля священна....
- «Пменно, г. Кроначчи, то и намочить серну въ уксусъ. Ложитесь, ложитесь.... А я схожу на кухню.»
- «Такъ не забудьте же еще одпого пункта. Въ томъ же завъщани сказано: У гроба долженъ всю почь неотлучно сидъть только одинъ пріоръ; для чего приготовить ему приличную транезу вътой же компать ... Такъ мы, знаете, и поужинаемъ...»
 - «Превосходно! Ложитесь!»
 - «Лежу, лежу!...»

Все было исполнено по завъщатию именитаго тулузскаго мужа, Симона Кроначчи. Пастало утро. Пришли всъ ордена, какіе только были въ Тулузъ. Собрались всъ именитые граждане. Пиръ соблазиилъ и самихъ законодателей. Префекть приказалъ открыть лице мертвеца, по пріоръ не согласился, ссылаясь на третій пункть завъщанія....»

— «Гдъ же опо?» спросила Аврора, входя въ покои въ пышномъ праздпичномъ нарядв, въ со-

пропожденіп Джуліо и трехъ молодыхъ соотечественниковъ.

- «У меня!» отвъчалъ пріоръ. «Я душеприкащикъ. По четпертому пупкту того же завъщанія, я долженъ представить его въ ратушу не раньше трехъ дпей....»
 - «Ахъ, умница!» подумаль Симонъ, и едва не расхохотался... По слуги подняли носилки и раздалось погребальное пъніе... Пріоръ обнаружиль необыкновенную распорядительность; весь храмъ быль обтянуть чернымь сукномъ и усынанъ серебряными звъздами; катафалокъ, балдахинъ, огненныя пирамиды—все соотвътствовало тщеславію Симона. Когда раздался на хорахъ пяпиз dei, Симонъ не утерпълъ, и вполовину открылъ лъвый глазъ.... О ужасъ! Аврора и Джулю стояли такъ близко, шептались такъ нъжно.... Симонъ открылъ оба.... Пътъ, онъ не онибался.... Онъ хотълъ уже соскочить съ носилокъ, но пъвчіе пріударили fortissimo, и Симонъ зажмурился.
 - «Пе далеко и до конца! Постой же, измънница, я тебя!» думаль опъ.... «Еслибъ не объдъ въ двадцать блюдъ... Пу, да постой.... Я же тебя напугаю....»

Обрядъ кончился. Симона отпесли въ склепъ, положили въ новый гробъ, покрыли крышкой, и поставили на условленное мъсто; всъ удалились; шаги затихли; крышка слетъла; Симонъ, въ погребальной рубанкъ, вскочилъ, бъжитъ къ дверямъ.... Баснословный по величинъ замокъ обинмалъ прутья ръщетки.... Бросаю перо, потому что

съ трудомъ можно вообразить, не только описать отчаяніе Симона.... Гаронна шумъла у завятной ръшетки; па другомъ берегу ни живой дупи, только у церкви Св. Кипріана, на предмъстін, чернълась толпа.... Прошель часъ; Симонь охрипъ, но никто пе слышалъ его крика.... Прошель еще добрый часъ. Ъдеть лодка. Симонъ заревълъ, и лодка прибавила ходу, причалила къ противоположному берегу; предмъстье взволновалось; Симонъ махалъ имъ черезъ ръшетку; толпа паростала, но никто не рышился вступить въ разговоръ съ пришельцемъ съ того свъта; наконецъ, изъ церкви Св. Кипріана прищелъ священшикъ съ крестомъ и со святою водою; сълъ въ лодку; ему ръшились послъдовать и храбръйшіе горожане.... Священпикъ, ступивъ на берегъ, сталь читать длинное заклипаніе противу нечистых духовъ, и усовъщивалъ Симона, чтобы онъ опять улегся въ гробъ.

- «Возвратись, душа гръщиая...» говорилъ священникъ: «въ бренные свои останки, и ие возмущай покоя благочестивыхъ жителей счастливой Тулузы!»
- «Да какая я душа!» завопиль Симонь: «я тьло! Я ожиль! меня похоронили живаго....»

Первое впечатлъніе, произведенное на толпу словами Симона, быль сильный испугъ.... Второе, смъхъ; третье, недоумъніе, какъ поступить вътакомъ случать. Ръшили послать депутатовъ къ архіспискому....

— «Вы съ ума сошли!» закричалъ Симонъ: «такъ я и къ пирожному не поспъю. Отворяйте! Случай самый обыкновенный.... Мнимая смерть,

воть и все туть.... Посмотрите, посмотрите: солице на закатв, а у меня со вчерашняго утра куска во рту не было....»

— «Ломай замокъ!» сказалъ священникъ: «Конечно, это случается; я и въ книгахъ читалъ. ..»
Но пока все это происходило, пока сломали огромный замокъ, проило не мало времени. Уже смеркалось, когда Симонъ получилъ свободу, и бросился въ верхній садъ свой — заперто; онъ перельзъ черезъ заборъ, и прямо въ залу.... Вскочилъ, перепугалъ всъхъ, но и самъ не менъе перепугался.... Музыка гремъла веселый маршъ, трубадуры пъли свадебныя пъсни; вездъ цвъты, ленты, вензсли; на мъстъ Симона сидълъ Джулю
Фрескобальди съ молодою супругою Авророю Галигаи!!

VI.

Финалъ,

Седьмой разъ уже собирался парламенть въ Капитоліи, но никакъ не могъ рвинть, кому присудить въ жены Аврору Галиган. Архіепископъ между тъмь сдълалъ свое: въ самый день оживленія
Симона, во избъжаніе всякаго соблазна, Аврора,
подъ сильнымъ отрядомъ городской стражи, отправлена была въ жепскій монастырь, лежавній
вь окрестностяхъ Тулузы; оба мужа отданы подъ
строгій присмотръ префекта; парламенту дано приказаніе ръшить дъло немедленно; но юриспруденція крайне затруднялась, и положили переслать

дъло въ Парижскій Парламенть или въ папъ, по усмотрънію архіепископа.... Прошло еще нъсколько дпей; архіепископъ не зналъ, на что ръшиться. Было около полудня. Вдругъ загремъли колокола и трубы; прівхаль неожиданный гость — французскій король Филиппъ IV. За наружность современники называли Филиппа «красивымъ.» Пеожиданное прибытие Филиппа и на архіенископа и на всю Тулузу навело ужасъ; ръшились на первыхъ порахъ затруднить дъятельность Филиппа красиваго запутаппымъ процессомъ пашей двумужницы. Король выслушаль докладь съ обычнымъ терпъпіемь; пъсколько разъ улыбался и чесалъ лъвую руку; потребовалъ дъло, и прочелъ мивніе Парламента. «О, Тулуза!» сказаль онъ съ улыбкою: «я узнаю тебя! Десять приговоровъ, десять мпъній, и ни одного върнаго.» Потомъ винзу сталъ писать, произпося громко: «Аврора, урожденная Галиган, супруга Симона Кропаччи и Лжулія Фрескобальди, останется въ монастыръ, подъ строгимъ началомъ, на всъхъ правилахъ монастырскихъ послушницъ, до тъхъ поръ, пока одинъ изъ поименованныхъ мужей ея не умретъ дъйствительно и собственного смертью. - Филиппъ, Король Францін и Паварры.»

Удивительное дъло! Симопъ жаловался префекту, что Джуліо ходить одинъ, безъ оружія, участвуетъ въ ссорахъ молодыхъ людей, и такимъ образомъ легко можетъ умереть несобственною смертію, а Лжуліо доносилъ, что Симонъ таскаетъ при себъ кучи золота, играетъ въ кости, и возвращается

40

io.

L

ŧ

ABPOPA TAMETAN: домой послв полуночи. Чего добраго! Мол умереть неестественного смертью.... Такъ прог еще несколько нелель. Тулузское правительс затрудиялось безпокойпыми мужьями; но Симо рышиль спорь: взяль да и умерь дыйствительной собственного смертіго, посль четырехлиевной го рячки, происшедшей оть значительнаго проигры ша... Джуліо на копя, въ мопастырь. — Все въ церкви. — Входить. — Кого-то отнъвають... Покой. инца была Аврора Галиган... Чувства Джуліо помутились! Ему представилось погребение Симона: онь вспоминяв о гранивых в намвреніях усопіней... онъ вспомнилъ... и палъ передъ алгаремъ Всемогущаго. Долго и жарко молился опъ; не простился съ Авророй: опять на копя, въ Тулузу, и прямо во дворецъ архіенископа!... «Синтый пастырь! каюсь! прикажи казпить грвшинка!... сказалъ онъ, унавъ къ погамъ архісинскопа, и залился слезами...-Успокойся, сынъ мой! Я знаю о твоемъ несчастін; но промысль Божій...-«Пътъ, святой отець! Грахь мой навлекъ гнъвъ Божій... Я отравилъ Симопа...»

Архіенископъ преклопиль кольпи предъ честною пкопою, сотнориль краткую молитву, и вставъ, CRAJALIB 10HOHIB: «CLIRE MOH, XOTA H 386AYAMIN! Казнь въ наказапіе, а не въ очищеніе! Прівын кресть земных страданій въ очищеніе земнаго граха... Молись и кайся!»

Прошло много леть. Сопеть архіспископа паль е на камень. Гранцикъ принесъ тяжкое, продолжительное, христіанское покаяніе; въ нъсколько льть совершенно переродился, и соборъ французскаго духовенство, за примърныя добродътели и христіанскіе подвиги и заслуги, на архіепископскій престоль счастливаго города Тулузы возвель Фулька Генуэзскаго.

НАДИНЬКА.

Caynaù.

I.

Ударило двънадцать часовъ. Римъ пылаль хуже всякой печки. Было жарко, душно, какъ на стеклянномъ заводъ; несмотря на зной, множество гостей, безъ галстуховъ, въ широкополыхъ шлянахъ, тянулось къ гостинищъ Лепри; по націямъ каждый занималь мъсто у своего стола. Евгеній любиль эту гостининцу, потому что тутъ преимущественно собирались художники, и просиль отца и всъхъ знакомыхъ туда адрессовать письма. Когда Евгеній вошель въ комнаты, у письменнаго ящика уже стояло много нетерпъливыхъ и разбирало чужіе адрессы; ръдкому доставалось встрътить свой. Евгеній подошель также къ ящику и скоро отыскаль топенькое, топчайшее письмо; и пакеть и конверть, все заключалось на одной четвертушкъ англійской почтовой бумаги, которую Евгсий очень хорошо зпать даже по цвъту, потому что самъ выслалъ ее изъ Петербурга къ отцу въ деревию. Примътио было, что Евгеній не ожидаль пайти въ письмъ ничего интереснаго, какъ-будто

зналъ его содержаніе, и распечатывалъ съ такимъ равнодущіемъ, съ какимъ обыкновенно чистятъ апельсины для другаго. Однакоже распечаталъ, подощелъ изъ окпу, и прочелъ:

«Послушай, Евгеній! Па что это похоже!» пнсалъ старикъ-отецъ почеркомъ великаго человъка, т. е. почеркомъ, который разбираетъ только опытная привычка: «Довольно тебъ шататься за грапицей. Поминиь, я позволиль тебь на годь, и то черезъ силу, а теперь прошелъ не годъ, а безъ мала три. Право, денегь не пошлю, и тъ задержу, что Маша тебъ посылаеть. Полно баловать! Въдь не шутка, сколько мы лъть не видались. Въ Питеръ отвезли тебя по двъпадцатому году; въ пансіонъ продержалъ тебя Французъ пять леть; тамъ ты въ университеть ношель; очень пужно; я Фрапцузу платилъ за то, чтобы всему тебя научилъ; да и туть я не спориль: Богь съ тобой, пускай себъ учится, дурнаго пътъ; ну, выучился, на службу опредълился; пускай себъ служить; такъ и следуеть; пу, послужиль довольно, говорю я; есть у тебя другая служба; я старъ; надо о крестьянахъ радъть, къ доброму хозяйству пріучаться. Печего сказать, добрый ты сынъ, послушался, вышель въ отставку, да и давай за границу проситься. Ужь какъ ни больно было памъ, что ты чужія земли, прежде своей и прежде насъ, хотълъ видъть, да Маша уговорила. Богь съ нимъ, пускай себъ тдеть, дурнаго пъть. Отпустиль я тебя за глаза, только на годъ, а воть ужъ безъ мала три; всъ мы подъ Господомъ; слава Богу, здоро-

вы, да въ нашей старости одниъ день, и прощай, Евгеній. Такъ на то ли мы тебя воспитывали; всъмъ прихотямъ твоимъ потакали, чтобы за всъ труды и списходительность нашу никогда на этомъ свътв сь тобой уже и не увидъться? Такъ смотри же, Енгеній, зимой у насъ съ непривычки будетъ тебъ скучно; такъ гуляй себъ до весны, а весной, къ Вознесенію, изволь прямо къ памъ въ деревню; пора тебя пристроить; пока и въ твоей волъ я тосподинь; а умру, тогда ужъ самъ за собой присматривай. Прости же, душа моя, ты у меня одинъ, Евгеній, прости, да пиши почаще; я всегда твоп письма по семи разъ читаю, да съ Машей раза по три, да съ мамзель Куси, у которой ты па рукахъ оть земли отросъ; да тетушкамъ Пульхерін, Аппъ и Натальъ Захарьевнамъ; да сосъду нашему Сергъю Андреевнчу Безнужному, да женъ его и дочери, пока здъсь были; куда семь, больше. Такъ смотри же, Евгеній, къ Вознесенію! А пока да сохранить и благословить тебя Господь всемь и намъ на радость. Безпужный больно хочеть тебя видъть, и я того же хочу; мы теперь въ больдинхъ съ пимъ хлонотахъ. Пеурожай такой сильвый, что и не запомнять. Мы-то съ нимъ еще вичего; сможемъ; а мелкимъ дворянамъ трудио приходится. Помогаемъ чъмъ Богъ послаль, да вояжи, любезный Евгеній, вояжи кръпко пасъ подръзывають. Еще для здоровья туда сюда, а для забавы, когда кругомь нищета и голодь... право, безъ упрека иншу. Только прівзжай къ Возпесснью, все забуду. Такъ прости же, Евгеній. Храни тебя

Богъ и всъ святые. Прощай. Коли ты будень возвращаться черезъ швейцарское государство, такъ не забудь въ швейцарскомъ городъ Женевъ часы для меня купить. Деньги Маша выпилеть. Какъ мы тамъ съ Суворовымъ были, такъ всв тамошию часы хвалили: да я тогда не былъ при депьгахъ; а московскій мой брегеть — совстить пспортился; быль у насъ на ярмонкъ часовой мастеръ, деньги съ меня большія взялъ, да и доканаль брегета; хоть брось... Пу, прощай! Береги себя, а пуще оть фруктовъ; я оть шихъ въ Требін въ лазаретв съ педелю пролежаль и такъ еще, говорили, дешево отдълался. А соблазиъ великъ. Знаю я Италію. Фруктовой садъ, а для другихъ винный ногребъ. Правда кислое, да дешево. Да ты, мой Евгеній, уминца, самъ все это знаешь и не забудешь своего отца Павла Лукачева. Лукачевка 5-го. Іюля 18** года.»

Этоть тексть зайималь осьмушку письма съ объихъ сторонъ и расположенъ быль во всъхъ направленіяхъ, такъ что имъль видъ шашешницы. Хотя и сынъ, Евгеній съ особеннымъ трудомъ разбираль послъднія строки, потому что великіе люди обыкновенно, сгарая геніальнымъ нетериъніемъ, послъднія строки шишуть гораздо хуже первыхъ.

— «Полно, Лукачино, читать!» сказаль живописець Киненко, сидя за столомъ и сгарая гомерическимъ аппетитомъ: «Можеть прочесть и послъ объда, и то послъ сваренія въ желудкъ; письма изь-дому всегда должно читать иять часовъ послъ

Падинька.

и за пять часовъ до ужина; тогда вдоровье юпасности...»

епко былъ правъ. Письмо отца крайне огор-Евгенія, такъ что опъ въ правду не могъ всть. Какъ! Онъ не быль еще въ Парижв, мбургъ и Лоидопъ. Три эти года онъ шапо нъмецкимъ минеральнымъ водамъ, влюі безпрестацио, а зимою лечился отъ любви пв, Миланв, а для окопчательнаго излеченія съхъ любвей прошединхъ, Евгеній ръшился сти третію зиму въ Гамбургв, четвертую въ ть, пятую въ Лопдопъ, и тогда уже, за исемъ пятилътияго срока, какъ-будто по невозвратиться въ Россію. Плапъ великолънпо Евгеній, если и не зналъ характера своего то по крайней мъръ очень много о немъ ыть и совершению быль увърень въ дъйствиэсти его угрозъ. Задумался Евгеній и, правазать, было о чемь: какъ въ одну зиму копознакомиться съ тремя столицами европейудовольствій, и побывать въ Пеаполь, безъ пе только умереть, по и воротиться въ Росыло бы предосудительно. Да и въ самомъ опъ прожилъ только одпу недъльку, не больючти инчего не видалъ, кромъ Ватикана и павловской Базилики, да мастерской Брюлло-Этецъ положилъ на ноги гуляющаго сына я цъпп, и Евгеній, хотя уже и сидълъ за рус-5 столомъ но примътно инчего не видълъ и не Художники любили Евгенія и приняли в участіе въ его положенін, котораго, но молодости и по спльной досадь, Евгсий не умаль или пе хотваъ отъ нихъ скрывать. Мизиіл раздъдились. Один полагали, что никакихъ приказаній просвъщенному и образованному человъку исполнять не следуеть; другіе находили, что отепъ поступаетъ весьма основательно, хвалили его самопожертнованіе, и удивлялись продолжительности родительского теривнія, а что касается до Парижа, куппо съ прочими городами, такъ время не упью; во первыхъ августъ стояль еще въ началь; почти девять мъсяцовъ оставалось сроку; въ это время можно взгляпуть чуть не на цълый міръ, побывать вь Америкв; а во вторыхъ, для ближайшаго знакомства съ этими городами можпо, по минования иткотораго времени, сдълать второй вояжъ, и тъмъ удобите, что въ это время можетъ многое пере-Мъвиться...

- «Конечно....» прерваль Евгеній: «меня женять. Воть и все туть. Запруть съ женою въ курятникъ, который назовуть домомъ и заставять радъть о крестьянахъ. По неволъ отупъещь; я съ дътства имълъ сильное расположеніе къ другому роду жизии....»
- «Пе върю...» сказалъ молодой архитекторъ, человъкъ положительный и благоразумный: «не върю. Я слышалъ про вашего отца и увъренъ, что онъ шикогда и не подумаетъ жешить васъ насильно....»
- «Знаете же вы моего отца! Павель Захарьвничь Лукаченъ во всю жизнь держался Суворовской пословицы: хоть тресни, а пользай. Правда, опъ не писалъ ко мпъ ни слова; матушка также,

по тетушка Пульхерья Захарьевна не утерпвла и вь одномъ письмъ обмолвилась. У меня уже и невъста есть, въ одной верстъ отъ Лукачевки; едипородная дочь этого проклятаго Безнужнаго. Отцы наши и матери по рукамъ ударили и ждутъ меня, какъ жертву своихъ сосъдскихъ соображеній. Очень пріятная будущность! Пе правда ли? Трудиться, стараться образовать себя, за чъмъ? чтобы жешиться на деревенщинъ, толстомъ обрубкъ, и запропаститься въ темной глупи. Очень пріятно!»

Кислое, но дешевое випо, веселая бесъда мало по малу разсъяли грусть и задумчивость Евгепія; опъ самъ уже пачиналъ мириться съ печальною для него необходимостью верпуться въ Россію; самъ придумывалъ, какимъ образомъ въ эти девять мъсяцевъ осмотръть все, что считалъ необходимымъ видъть въ Европъ, и туть же постановиль завтранній день начать обзоръ художническихъ мастерскихъ и, сотте de raison, съ мастерской Торвальдсена.

Спъща пасладиться заграничною жизнью даже въ запасъ, Евгеній заснуль очень поздно, всталь еще позже и тотчасъ отправился въ мастерскую Торвальдсена. На улицъ было много экипажей, у вороть лакесвъ, въ мастерской мужчинъ и дамъ; бъловолосый старичокъ, бодрый и веселый, въ сертукъ, повязанный пебрежио платкомъ съ красными окраинами, разсказывалъ что-то иностранному принцу, который, хотя и внимательно слушалъ великаго ваятеля, а все однакоже погляды-

валь въ сторопу, гдъ тъснилось большое общество дамъ. Сначала Евгеній не обратиль впимавія ни на принца, ни на дамъ, ни даже на хозянна; опъ присматривался къ моделямъ Апостоловъ, изгото-вляемыхъ для Копенгагена; между тъмъ къ нему подошелъ архитекторъ, съ которымъ онъ вчера спорилъ у Лепри.

— «Пе правда ли?» сказалъ архитекторъ: «Есть что посмотръть. Если бы вашъ батюшка хотя одинъ денекъ прогулялся по Риму, я увъренъ, для одной Италіи онь бы отсрочиль ваше возвращеніе на пять лють.... Все это прекрасно, колоссально, величественно и признаться ли, иткоторымъ образомъ архитектурно, полому что все это должно украсить новый Копентагенскій соборъ. Подобная скульптура — раба нашего зодчества; всв эти труды — заказы архитекторскаго воображенія; все по мъркамъ и перспективнымъ соображеніямъ зодчаго; я люблю такую скульптуру, какъ исправнаго подрячика; но, какъ человъкъ посторонній, какъ простой любитель, я больше люблю задушевныя работы ваятеля, не назначенныя для того или другаго мъста, плоды вольной художнической души и безотчетнаго свободнаго труда. Такихъ у Торвальдсена на въку было мпого, но жаль, мало вь мастерской; его три Граціи, его День и Почь, фризъ, который вы можете видъть на Монте-Кавалло; его барельефы... всъ эти вещи полны ума и чувства; созданія высокія; постойте, постойте, кажется, здъсь есть модель его Падежды.... Пой-. демте; она прежде стояла въ томъ углу,... »

И архитекторъ повелъ Евгенія въ тоть самый уголь, гда таснились дамы.

- «Жепское чувство...» сказаль архитекторь. «сей чась отыскало себь пищу; такь и есть; онв всь молятся своей богинв, которая не покидаеть даже старыхь дввъ.... Воть она! Не правда-ли, какъ хороша?...»
- «Чудно хороша!» сказалъ Евгеній съ чувствомъ, но это чувство было возбуждено пе гипсомъ, а живою женщиной, которая, въ соломенпой шляпкъ, съ умиленіемъ глядъла па истипнопоэтическую статую Падежды, еднали не лучшее произведение Торвальдсена. Евгений быль правъ: чудно была хороша пезнакомка; по хороша по нашему, по европейски, согласно со вкусомъ новаго міра. Пебольшая ростомъ, по прелестио заіннурованная, такъ что талія у незнакомки была гораздо привлекательнъе талін Падежды Торвальдсена; носикъ крошечный, какъ у кролика, и премиленькій, преинтересный, а у Падежды Торвальдсена посъ важный, правплыный, какъ слъдуеть въ скулытуръ; Падежда Торвальдсена, само собою разумъется, была по бълъе пезнакомки, но у послъдней быль такой поэтическій цвътъ лица, что ни дать на взять элегія XIX въка; пи сильнаго румянца, ни болъзненной бълизны. Паконецъ глаза.... куда же безглазой Падеждъ спорить съ этими пебольшими черными, огненными глазками, подерпутыми живою слезою искренияго, душевнаго умиленія; рукъ пе могь видъть Евгеній; опъ тонули въ батистовомъ платкъ, по пезнакомка обронила одну перчатку....

Эта перчатка въ своемъ родъ была колибри, и Евгеній бросился поднять ее; подняль, подаль, н получилъ въ награду холодный поклонъ; не удостопли даже взглянуть на него; продолжали смотръть па Торвальдсена: за то маменька обратила на Евгенія попечительное вниманіе, дернула незнакомку за руку и сказала: — Падинька, il est temps, поъдемъ! -- Минуточку, татап... -- Опоздаемъ, та chère, поъдемъ! — "«Падинька! Русскіе!» почти громко произпесъ Евгеній и, не отвъчая на вопросы архитектора, побъжаль вопъ изъ мастерской. Надинька уже утонула въ каретъ, а маменька изъ окна паказывала ъхать къ Брюллову. Само собою разумъется, Евгеній побъжаль за ними. Въ этоть день у Карла Павловича быль великій гость, достойный и смотръть на послъдній день Помнен и умъвшій оцънить эту картину. Сиръ баропеть Вальтеръ Скоттъ, исполненный живъйшаго восторга, давно уже оставилъ мастерскую; художникъ также ушель и наши дамы въ самомъ дълъ опоздали. «Видишь, Надинька, засмотрълась на статуйку и прозъвала такой чудесный случай видъть и Вальтеръ Скотта, и Брюллова, и его картину.... Нечего дълать, ступай домой.... Евгеній опять было побъжалъ за ними, но карета скоро скрылась изъ виду; Евгеній потеряль слъдъ и, задыхаясь оть усталости и жара остановился у самаго палаццо Барберини.

Меня частенько упрекали въ опрометчивой влюбчивости монхъ героевъ; въ особенности на этотъ счеть трупилъ надо мной.... пазову его Анонимомъ; почтепный Анонимъ на следующей неделе, вь воскресенье, познакомился съ домомъ другаго Анонима, узрълъ его дщерь, а въ понедъльникъ уже принесъ признаніе въ пскренней, пламенной и, само собою разумъется, въ въчной любви. Признаюсь, я улыбнулся, но не посмълъ ввести подобнаго случая въ мон разсказы. Въ картинъ эта опрометчивость показалась бы уже преувеличенною, чрезмърною; а любовь Евгенія была самою обыкиовешною любовью; влюбляются на балахъ, на бульварахъ; случалось, влюблялись въ красивую патздинцу, когда она въ полумужскомъ нарядъ ловко проскакала мимо влюбчивыхъ глазъ; мало ли чего пе случалось! Случилось, что Евгеній Павловичь Лукачевь, сынь отставнаго пранорщика Павла Захарьевича и Марін Захарьевны Лукачевыхъ, наслъдникъ тысячи душъ и мпогихъ тысячь капитала, пареченный жепихъ дъвицы Безнужной, дочери Сергъя Апдресвича и Лизаветы Авонасьевпы Безнужныхъ, наслъдницы тысячи двухъ соть душъ и коппаго завода — влюбился въ знаменитомъ городъ Римъ въ маленькую Падиньку, которая смотръла на большую Падежду. Это бы еще инчего. Одинъ Англичанинъ влюбился въ Венеру Медицейскую, другой въ Исихею, третій въ покойную Марію Стюартъ, четвертый въ портреть жепы гамбургскаго бургомистра; все это не удивительно; мало ли чего не случалось; по Евгеній влюбился пламенно; и пе безумно; то есть, опъ не хвасталь своею любовью; напротивь, онъ стыдился своей тайны и, нося въ душъ глубокую

грусть, припуждаль себя къ веселости, шуткъ, наружному равнодущію. Воть что удивительно! П хорошо, что Анонимъ женился, а то бы онъ меня обвиниль во лжи, тогда какъ я разсказываю истинное происшествіе, такое же истинное, какъ и то, что 27-го сего Августа была въ Петербургъ сильная буря, продолжавшался ровно 12 часовъ.

Влюбился Евгеній, и первымъ послъдствіемъ было то, что опь пе ношель къ Лепри, слъдственно и не объдаль. Педостатокъ аппетита върный признакъ любин. По за то Евгеній въ объденное время обощель всь остальныя гостиницы въ цъломъ Римъ. Множество русскихъ фамилій; миого и дамъ; по какъ узнать: тъ ли? - «Сегодпя что-то затъвають въ Коллизев» подумаль Евгеній и усвлся у лучшей римской гостиницы, полагая павърное, что Падинька, лучшее созданіе природы, должна жить въ лучшей гостиницъ. Силлогизмъ весьма правильный, по на этоть разъ, какъ и всъ силлогизмы, оказался вздоромъ. Правда, всъ дамы уъхали по направлению къ Коллизею, по ин въ одной даже тини сходства оъ Падинькой; а между тъмъ смеркалось; Евгеній досталь мула и отправился къ Коллизею. Онъ пе опибся: пе смотря па поздшою пору, стеченіе публики было многочисленно; старыя кости Коллизея били покрыты любонытными; во многихъ мъстахъ пылали факелы и освъщали кружки дамь и мужчинъ; можно бы замътить, какъ въ Римъ дълились и составлялись общества гостей; въ одномъ изъ шихъ должиа же быть и Надинька. Евгеній обощель почти всв эти

кружки; оставался послъдній; подходя къ пему, опъ заслышалъ русскій языкъ, и сердце его забилось, шаги ускорились. Вотъ опъ уже можеть различать лица, вотъ и маменька.... Вдругъ раздался свистокъ, и факелы на всъхъ пунктахъ потухли, лупа блъдпо озарила оставъ дряхлаго старца: толны народа черными пятнами темиъли и шевелились, будто вызванныя изъ Эреба тъпи; раздался звучный и полный хоръ изъ Реквіемъ Моцарта съ сачой сцены; чудный, поразительный эффекть. Пе разъ невольные вздохи подымались maтромъ надъ огромнымъ амфитеатромъ; не разъ крики восторга заглушали хоръ; то опъ, снова усиливаясь, наполняль чудпыми звуками пустоту Коллизея, и какъ смъщны были рукоплесканія слушателей; дътскій лепетъ показался бы громче въ огромпъйшемъ изъ европейскихъ театровъ. И спова хоръ, а луна выше, выше, и воть освътила лице Падиньки въ самую ту минуту, когда Евгеий искаль для себя счастливаго мъста. Певозможпо было сдълать въ этомъ отношении удачнъйшаго выбора, и какъ дорого заплатилъ за это счастіе Евгеній; онъ услышаль голосъ Падшьки, онъ заучиль папаусть лице ея; вст предметы любви прежинхъ шаловливыхъ лътъ, испуганные могуществомъ новой побъдительпицы, вырвали изъ памяти Евгенія послъднія о себъ восноминанія и разбъжались далече; въ душъ его осталась одна Haдинька; она стояла такъ близко къ нему; онъ могъ слышать не только звучный ея голось, но вздохи, шелесть платья.... И вдругь, откуда ни возьмись,

облако, другое, третіе, тучи; повъялъ педобрый вътеръ, природа потемнъла; зги не стало видно; слуги напрасно зажигали факелы; ихъ тушилъ вътеръ, постепенно усиливаясь; гроза приближалась съ обычною быстротою, и гости бъгали, суетились, искали своихъ экипажей; толпа смъшалась, раздался стукъ колесъ и смъхъ гостей. Блеснула молнія и освътила общее бъгство.... Гдъ Падинька?... Ее давно уже не было па томъ мъстъ, гдъ стоялъ Евгеній. Падинька уъхала, но осталась въ сердцъ бъднаго Евгенія на твердыхъ и прочныхъ основаніяхъ....

Прошла педвля. Всв поиски оказались напрасными. Видио онв повхали въ Неаноль, и Евгеній повхаль въ Неаноль: — всуе! — Можеть быть въ Помпев. И Евгеній въ Помпею: — втуне! — Нечего двлать, онъ воротился въ Римъ и предался самому романическому отчаянью; по цвлымъ диямъ просиживаль онъ у окна и ожидаль, не прівдеть ли Падинька. Евгеній быль человъкъ ръшительный; онъ составиль на счеть ся кареты самые дерзкіе планы; хотъль остановить лошадей, вскочить на запятки и разспросить обо всемь у лакея, бъжать бъгомъ за каретой, скакать возль на конъ, словомь такъ или иначе, но добиться, кто она?

Падежда хоть изрядно Пасъ тъшитъ иногда, — Но върить ей накладно....

И въ девяти мъсяцахъ, въ этомъ краткомъ срокъ, назначенномъ Павломъ Захарьевичемъ Лукачевымъ сыну своему, Евгенію Павловичу Лукачеву, для пребыванія за границей, пропало даромъ цълыхъ полтора мъсяца. Въ половинъ сентября, а по пашему въ концъ, коляска Евгенія Павловича рапо съ утра стояла у крыльца гостиницы, а Евдокимъ, върный слуга владътелей Лукачевки, въ походномъ костюмъ разговариваль съ почталіономъ по латыпъ. Вы удпиляетесь? Пъть, безъ шутокъ по латыпъ, потому что Евдокимова языка пельзя было назвать новонтальянскимъ. По грубости и дебелости и по страннымъ оборотамъ, наръчіе Евдомика кръпко смахивало на латинское, а можетъ быть и на древнее этрусское, только жаль, что послъднее затеряно. Долго не выходиль Евгеній изъ своего уединенія; паконецъ Евдокиму удалось какъто выманить барина изъ задумчивости. «Бери пистолеты и шкатулку! ъдемъ!» сказалъ Евгеній и вышелъ на крылыцо, въ сопровождении трактирицика и всей трактирной челяди, которая, безъ всякаго стыда и совъсти, въ третій разъ испрашивала награжденія за небывалыя услуги. Пока Евдокимъ укладываль шкатулку и пистолеты на свои мъста, Евгеній, блъдный, задумчивый, тайно прощался съ Римомъ.... «Я не нашель тебя, Падинька, въ Римъ, и въроятно уже никогда и пигдъ но пайду тебя...» такъ мечталъ онъ и весьма справедливо: «Глупо гоияться за мечтою.... О, ты мечта!... Тебя нътъ на этомъ свътъ!... Ты миъ привидълась.... Ты хотъла.... Иъть, ты и не знаень о моемъ существованія.... тебъ и не спится, какъ я страдаю, какое ужасное, мертвящее чувство -- эта любовь безъ падежды. Въ это мгповеніе мимо крыльца проходиль оборванный Птальянецъ и катилъ па двухъ колесахъ свою походпую лавочку; тамъ стояли гипсовые и бропзовые бюсты, статуэты, барельефы, медальоны съ лучпихъ произведеній повъйшей скульитуры. Торгашъ остаповилъ свою лавочку передъ самымъ крыльцомъ и началь наизусть, съ театральными жестами, высчитывать свои сокровища съ приличными поясненіями. «Eccellenza I» закричаль онь на ладъ опернаго речитатива: «вотъ амуръ кавалера Каповы, какого амура не было въ древпости; вотъ бюсть синьора Камуччини, Рафаэля нашего времепи, скульптура сипьора делла Боско; воть ликъ della divina Pasta, что поетъ всъми голосами, будто всъ итицы разомъ; воть Падежда кавалера Торнальдсена...» «Глъ, гдъ?» закричалъ Евгепій также не безъ примъси сценическаго искусства, и въ рукахъ его очутплась небольшая броизовая статуэта съ Падежды Торвальдсена. Хорошо, что Итальянецъ не зналъ причины такого восторга въ случайномъ своемъ кущъ; опъ бы могъ продать, и навърное продалъ бы, дрянную мъдь на въсъ золота, по на этоть разъ Итальянецъ запросилъ только втрое и, получивъ деньги, спъшилъ повернуть въ переулокъ, чтобы на свободъ, гдъ нибудь въ тъни, похохотать падъ глупостью заальпійскаго гостя.

^{— «}Странное предзнаменованіе!» говориль Евгеній, сидя въ своей нокойной коляскъ и конытами насмимхъ коней попирая священный прахъ всемірной столицы: «Не ужели я пайду тебя, Падиць-

ка! Неужели Небо хотвло утвшить меня и послало мів эту дорогую игрушку, какъ-будто напоминая, что я долженъ любить тебя въчно.... О, въчно, въчно! Отныпъ монмъ пенатомъ будетъ — Падежда.... Я не разстанусь, я умру съ этимъ дорогимъ изваяньемъ. Теперь куда бы ин ъхать, мнъ все одпо.... Со мпой моя надежда и — пе знаю, что говорить мит-по моя надежда сбудется....»

Евгеній до того воспламешися, что послъднія тръчи произпесъ громко....

— «Сбудутся, баринъ, сбудутся!...» сказалъ Евдокимъ торжественно съ высоты козель: «И ужь

если вамъ все одно куда ни вкать, такъ повдемъ въ Лукачевку. Сто лътъ не видълъ.»

По Евгеній его пе слушаль, а потому и не послущалъ.

— «Гдъ мпъ искать тебя, Падипька? «спрашивалъ онъ у пъмаго истуканчика, какъ ребенокъ у куклы.

- «Въ Лукачевкъ, барипъ!» отвъчала Инеія съ козелъ: «Лукачевка всякимъ добромъ богата, а ужъ если милости твоей пришла охота жениться, такъ кругомъ Лукачевки невъсты, что горохъ растутъ...»

Евдокимъ разбилъ радужныя мечты воспаленнаго воображенія. Евгеній вспоминль про толстый обрубокъ, имъющій быть его женой, — и статуэта вывалилась изъ рукъ; опъ прислопился въ уголокъ коляски; думу за думой навъвала дорога. Евдокимь затянуль съ козель пъсшо:

Па толь, чтобы въ печали...

II Евгеній усиуль подь эту утышительную пъсию.

II.

Лукачевка! Копечпо, Лукачевка не ппое что, какъ деревня; по и не деревня, потому что въ Лукачевкъ не было пи одного крестьянскаго двора; а воть что было, такъ было: во-первыхъ домъ длипою на тридцати, шириною па осьми саженяхъ, въ одно жильо. Какой-то казенный архитекторъ, провздомъ, былъ въ Лукачевкъ и совътовалъ Павлу Захарьевичу падстроить второй этажъ, да еще посрединъ третій, въ видъ мезоинна. Павелъ Захарьевичь на такую выходку не отпъчаль инчего, потому что приняль ее па свой счеть личной обидой; но храня свято законы гостепрінмства, ограничился только тъмъ, что приказаль закладывать архитекторскую коляску; казенный архитекторъ былъ человъкъ хитрый, тотчасъ смъкнулъ въ чемъ дъло и сказалъ: «Вотъ, Павель Захарьевичь, вы на сосъдей не похожи. Всъ хотять жить по новой модъ, а что въ этой модъ проку? Только колънкамъ больно, будто на голубятню лазить, а удобства инкакого. Про насъ все одно. Кто хочеть по модъ, изволь по модъ; хочешь хорошо и удобно, такъ и спрашивай! А ужь мив эти лъстищы, - пожива для пожара и TOALKO.»

. Павель Захарьевичь приказаль отложить лошадей и готовить ужипъ.

Со вторыхъ: два флигеля, по объимъ сторопамъ дома, также въ одно жилье, по иъсколько нокороче, отъ того и благообразиъе; далъе или въ разныхъ направленяхъ цълыя улицы, обставленныя

строеніями разнаго рода. Чего туть не было: апбары, молотильные саран, кухия, скотный дворъ, баня, кузпица, овчарпя, конюшни, саран для экипажей, ледники, погреба, псария, птичники; и все это перемежалось огородами; вездъ торчали вътвистыя деревья, словомъ Лукачевка была не Лукачевка, пе деревня, а городъ, лучше инаго уъзднаго; а позади длиннаго дома шелъ садъ, да какой? Не то, чтобы просто садъ, а съ сюрпризами, и пруды, и мостики, и водопадъ въ аршинъ вышшиою, и рушны, и гроты, просто не деревенскій, не господскій садъ, а пъчто вельможеское, грандіозное. По всего занимательные, всего грандіозпъе въ Лукачевкъ были сами хозяева. Павелъ Захарьсвичь Лукачевь быль человъкъ лъть шестидесяти съ хвостикомъ; рослый, бодрый старикъ, краснолицый; не смотря на то, что волосы его были уже съды до желта, опъ всегда держался прямо, грудь впередъ, голову въсколько назадъ; одъвался въ теченін сорока льтъ всегда одинаково: военный сюртукъ безъ эполетъ; бълая шапка сь краснымъ окольшкомъ; саноги всегда со шпорами, даже дома, даже во время случайнаго нездоровья или лучше сказать нерасположенія, потому что Панелъ Захарьевичъ отродясь боленъ былъ только два раза: подъ Требіей отъ фруктовь, да па Сенъ-Готардъ, гдъ онъ кръпко прозлбъ, такъ что сталь думать, будто онь уже и простудился, но въ сраженін согрълся и все прошло. Навель Захарьевичь любиль много говорить, въ особенпости о суворовскомъ итальяцскомь походъ, по и

отъ другихъ предметовъ не отказывался, преимущественно оть турецкой войны, которая тогда была въ самомъ разгаръ; также вравились ему очень двънадцатый годъ, Юрій Милославскій, Комета, Иванъ Выжигинъ, затменія и сельское хозяйство. Характера Павелъ Захарьевичъ быль неопредъленнаго, въ родъ шелковой матерін съ отливомъ; не то, чтобы сизаго цвъта, не то, чтобы и коричневаго; такъ что-то середипка на половинкъ; частенько онъ дарилъ шищему иятиалтынный, а ипогда гопяль его со двора тростью, яко бродягу и дармотда. И въ домашиемъ быту Павелъ Захарьевичь иной разъ надуется, и ходить и говорить индъйскимъ пътухомъ, а иной разъ фарфоровую вазу разобыоть, ин но чемъ; смъется надъ ловкостью Терентія, роднаго брата Евдокима, и — баста. Павель Захарьевичь хорошо пъль басомь и, ужъ не знаю, изъ подражанія ли великому полководцу или такъ, по своей охотъ, всегда стоялъ на клирост и силою голоса потрясалъ окна лукачевской . церкви; доставалось и домашнимъ окнамъ, но только отъ смъха, а дома Павель Захарьевичъ пикогда не пълъ. Еще имъль Павель Захарьевичь одну не столь важную привычку, — чесать подбородокъ, особенно когда ему приходилось не говорить, а слушать: по эта привычка была къ лицу Павлу Захарьевичу; означала веселое расположение духа, и Марья Захарьевна всегда радовалась въ душъ, когда по движению лтвой рукт примътно было, что Павель Захарьевичь намъревается чесать подбородокъ. Марья Захарьевна была значительно

э ростомъ нежели Павелъ Захарьевичъ: но е доставало въ вышину, то Марья Захарьевнаграждала ширпною. Волюмъ ея былъ особольшаго пространства; не смотря на доо и сорокъ лътъ, какъ опа сама себъ счигь теченін десяти носледпихъ годовь, Марья свиа весьма была свъжа, отличиаго цвъта который кръпко смахиваль на пивонію, и юдиль не отъ чего ипаго, какъ оть льда, у что она каждое утро вытиралась этимъ имъ кристалломъ. Марья Захарьевна для сускаго равновъсія говорила весьма мало; не ась шкогда громко, а только улыбалась; пе на клиросъ, по за то курила трубку. Голову і нъсколько на бокъ для большаго сходства омянутымъ цвъткомъ; на головъ не терпъла ица, ин шлянки, а ходила простоволосая; всегда была одъта одинаково, въ зеленомъ чатомъ канотъ съ красными бархатными обми и таковымъ же воротничкомъ. Костюмъ ыть изобратень Павлома Захарьовичема почто опъ хотъль и въ паружномъ видъ Мары **г**езны изобразить, что она военная, т. е. га военнаго человъка. При вывадахъ въ го-Марья Захарьсьна имъла право руководствои собственного фантазіей и не упускала польься опымъ. Характера опа была положительикаго, уступчиваго, добраго, и на всъ преенія многочисленной дворин глядъла сквозь ы. Особешныхъ привычекъ не имъла, но за тия очабена базноорбазитити датаплати: превосходно солила огурцы, квасила капусту, готовила варенье и считала на счетахъ, не только по части сложенія, но и вычитала безошибочно. Сверхъ того умъла учить собачекъ и доводила ихъ попятливость истинно до невъроятной степени. Зефирка отворяла сама двери, бъгала въ дъвичью или въ кабинеть Павла Захарьевича и умъла звать его и горинчную Меланью къ барынъ; а Валетка кралъ изъ мужскихъ кармановъ платки такъ искусио, какъ будто учился въ навъстныхъ воровскихъ школахъ на восковыхъ фигурахъ съ колокольчиками. Само собою разумъется, что Марья Захарьевиа изъ этого по дълала никакой спекуляціи, а просто забавлялась, смъха ради. Воть и въ этотъ вечеръ, въ который вамъ приходится свести съ Лукачевыми знакомство, Марья Захарьевна сидъла за чайнымъ столикомъ, курила трубку и умильно глядъла на Валетку, а Валетка, то и дъло, ходилъ за Павломъ Захарьевичемъ по компатъ и улучалъ минуту для похищенія изъ его кармана краснаго шелковаго платка.

- «Отстань, Валетка!» говорилъ Панелъ Захарьевичъ, почесывая подбородокъ. «Право побыю! Миъ теперь не до тебя! Завтра пріъдетъ Евгеній...»
- «Воть ужь непремьно и завтра» сказала Пульхерія Захарьевна такимъ тономъ, какъ будто услышала лично ей обидную рычь. Есть такіе характеры или лучне сказать способы изъясненія. Что ин скажуть, какъ будто обиженные. Право есть; и тегушка Пульхерія Захарьевна имъла этоть характерь или, лучше сказать, способъ изъясие-

нія. Другія двъ тетушки Евгенія, Анна и Паталья Захарьевны такого свойства не имъли, и хотя были объ замужиія, жили своими домами по сосъдству, а въ Лукачевкъ только гостили, но столько упажаемы не были, какъ Пульхерія Захарьевна, образецъ цъломудрія и добродътели, до такой стенени, что, проживъ на свътъ за пять десятковъ лттъ, о мужчинахъ уже не думала, и даже не любила говорить объ этомъ ненавистномъ ей полъ. Сердце ея принадлежало одпому только племяшнику, котораго, надо вамъ сказать, она пикогда не видала; потому что при рожденіи Евгенія и въ первые годы его домашняго воспитанія на рукахъ у мамзель Куси, Пульхерія Захарьевна проживала за триста перстъ отъ Лукачевки, въ дъвичьемъ мопастыръ, у знакомой игуменыи. Это случилось потому, что тридцатильтияя дъва въ свътъ видимо получила отставку; не хотъла быть предметомъ насмъщекъ; скрылась; по въ сорокъ лътъ дъвой уже быть не стыдно — и Пульхерія Захарьевна явилась въ Лукачевку къ особенному удовольствію хозяевъ. Солидный ея разсудокъ скоро получилъ вліяніе на всъ семейные совъты; слова ея пріобръли важность и значеніе, и потому Павель Захарьевичь кръпко огорчился, услышавъ вопросъ Пульхерін Захарьевны.

— «Завтра!» сказаль опь голосомь, странпымъ для доманнихъ и церковпыхъ окопъ: «Завтра или пикогда! По изволь забыть, сестра, что завтра Вознесепіе, а если Евгеній забыль это, такъ прощай, Евгеній! Онъ мив больше не сыпъ...»

- «Какъ пе сынъ?»
- «Да ужъ такъ, пе сынъ! Слупаться! Довольно я ему потакалъ по вашей милости!»

Въ это время Терептій, поставивъ передъ мамзель Куси самоваръ, шелъ назадъ, кажется и мърнымъ шагомъ, по на гладкомъ полу поскользпулся, упалъ, всталъ и хотълъ итти дальше. По Павелъ Захарьевичъ далъ ему оплеуху и продолжалъ:

- «Сколько денегь перевель Евгеній! Сколько на одну почту вышло! Мало того, что за свои письма плати, а то и за его маранье; напутаеть всякой дребедени три четыре листа, а Павель Захарьевичь плати! Да что я ему, прикащикь, что ли?... Завтра или пикогда!»
 - «Ла вы звърь, Павелъ Захарьевичъ!...
- «Сама ты звърь, сестра! И такихъ ръчей пе говори! Мало мить отъ Евгенія терпъть приходится! Воть жду, будто на иголкахъ; вчера пънкомъ до самой Пуговки дошель, думаю: авось встръчу сорванца. Сергъй Андреевичъ удивился; Лизавета Авонасьевна расплакалась, поцъловала дочку п сказала: «Вотъ Сергей Андреевичъ, какъ дътей любятъ!» Газетъ читать не могу: какъ пришлетъ Сергъй Андреевичъ, я только и посмотрю прівзжающихъ; думаю: избаловался Евгеній, прежде чъмъ къ намъ, въ Питеръ завдетъ; отъ него всякаго зла жди. Отъ политики отсталъ; не знаю не только, кто теперь остался на испапскомъ государствъ королемъ, даже не въдаю, что наши съ Туркомъ сдълали; чай Царьградъ взяли, а Евгеній

тъ.... такъ ужъ, сестра, въ звъри прошу е жаловать... Завтра или пикогда! — Сказано, моемъ словъ постою. Фельдмаріналь гопро меня: «Твердый!» Такъ я какой-вибудь , Евгенію Павловичу Лукачеву, трунить надъ не позволю. Я пе звърь. Какой я звърь? я звърь? Вотъ звърь — Валетка. Подай илатокъ, подай, али я и трость возьму. То-! Такъ что же, сестра, я тебъ Валетка, ? Звърь! Хорошь звърь. Ты, сестра, посмобы, какъ я флигель для него убралъ; а жесамъ во флигель переъду, а ему большія л уступлю. А встръчу какую приготовилъ! во всемъ увздв никогда люминаціи не ви-Самъ я здъсь сорокъ, безъ малаго, лътъ и одной плошки не запомню; надо было за къ губерпатору посылать. Всю чиновность тра зазваль; музыку у Литовцева выпроне прівдсть, такъ въдь на всю губернію ' падълаеть, пожалуй еще въ газетахъ приють. Да и состояніе, сестра, ты знаень, намъ досталось: сто душъ безъ трехъ чиь по ревизін; и какія души-то щедунныя! эй кормились. За Марьей Захарьевной что ъ? Пятьдесятъ, и тоже не душонки. Богъ мовить; въ 12-мъ году, въ самую невзгоду, іакали, да хиыкали, а я триста душъ пакуда потомъ въ 18-мъ году всъхъ заложиль, е прикупилъ Мудровку; правда дешево, да еста семь душъ не шутка, и тв заложилъ: тился изъ долгу, сестеръ меныпихъ за мужъ поотдавалъ, приданое справилъ.... А Евгеній не ъдеть! — А Лукачевка? только въ ней и было что эти хоромы, да и тв полуизгнили: ии убрапства, ничего, — саран да и полно, а теперь?... Звърь! Ты поди, сестра, у мужика спроси, звърь ли я! У меня мужикъ, противу сосъдскихъ, бариномъ живетъ. Пу-ка, сестра, у котораго мужика лошади, коровы, и всякаго скота нътъ!... Пу-ка, ну-ка, сестра!... То-то же, звърь! — А Евгеній, ему все ин по чемъ; на готовое готовится; смерти моей ждеть, что ли? Такъ пусть и сидить на роводомъ, а благопріобрътенное — мое; кому захочу, тому и подарю, вотъ пусть только не прівдеть! II завтра послъ заутрени всъ поъдемъ черезъ Пуговку, на большую дорогу. Пожалуй, у Сергъя Андреевича объдню отслушаемъ. Не его, такъ гостей встрътимъ.... какъ опъ себъ хочетъ! Въ половинъ двъпадцатаго за уживъ усажу гостей, а ударить двънадцать.... прощай, Евгеній! Тамъ при всехъ волю мою скажу; тогда хоть у погъ валяйся; не помилую. Дай-ка, мамзель, мнъ стаканчикъ пунину, съ горя!...»

Ръчь Павла Захарьевича навела на всъхъ уныніе; окпа дрожали и усиливали тоску женщинъ; даже Валетка, примътивъ расположеніе Павла Захарьевича, свернулся въ крепдель и успулъ подъ стуломъ. Пикто не смълъ противоръчить, даже Пульхерія Захарьевия; она сдълала отмънно непріятную мину; не хотъла чаю и ушла, не простивишсь, Павелъ Захарьевичъ долго еще говорилъ въ томъ же тонъ; Марья Захарьевна выку-

800

рила еще двъ трубки и слушала съ тъмъ же ровпымъ вниманіемъ. За ужиномъ никто не могъ ъсть; только Павелъ Захарьевичъ, съ горя, съълъ жирную пулярку, выпиль бутылку добраго портвейна и, жалуясь на недостатокъ аппетита, ушелъ спать....

Блистательно, весело взошло на небо весениее солнце. По большой дорогъ быстро катплась знакомая намъ коляска. Евдокимъ то и дъло поглядывалъ на лъво, стараясь вспомнить мъсто поворота на Пуговку въ Лукачевку; а Евгеній?...

Трудио совладать съ сердцемъ. Какой бы пи быль почтительный сынь, но когда другіе вмышиваются въ дъла сердца, бъда.... Песчастный бъжить оть родныхъ, бъжить безъ оглядки, и становится надъ пропастью, которую въ эпическое время называли бездною отчаянья и ненависти; одинъ толчекъ, одно горькое слово — и опъ уже бросился въ эту бездпу, и пикакими веревками оттуда его не вытащатъ. По счастію, Евгеній ни гдъ, пи даже въ Лондопъ не нашелъ Надиньки. Пайди оть ее, и прощай богатое паслъдство; прощай благословеніе отца: и безъ того и безъ другаго, плохо на этомъ свътв. Правда, Евгеній не нашель пигдъ Надипьки, но и не вырониль ее изъ сердца, потеряль статуэты, которая чищо H лежала въ коляскъ, возлъ Евгенія, на подушкъ Наши пустыпные губерпскіе виды ощо болье уси**л**ивали тоску Евгенія.

— «Куда везуть меня?»подумаль Евгоній: «Каждый чась, каждую минуту все дальше и дальше оть Надишьки. Ахъ, гдв она? Кажется, мой батюшка долженъ быть доволепъ моею послушностью!
Чего больше онъ можетъ требовать отъ меня?
Утъщенный моимъ повиновеніемъ, черезъ мъсяцъ,
два, онъ отпуститъ меня въ Петербургъ. Надинька въ Петербургъ, надежда меня не обманываетъ.
О, я знаю, онъ согласится, ему поправится моя
твердость, мое постоянство; это все въ его родъ.
Тогда.... Куда же ты это?» закричалъ Евгеній,
примътивъ, что коляска свернула съ большой на
узкую, грязпую дорогу....

- «Въ Лукачевку, баринъ, въ Лукачевку!» торжественно произпесъ Евдокимъ, чуть не прыгая на козлахъ отъ радости: «Пу, матушка Лукачевка, доберемся мы до тебя еще дообъдень, отмолимся у нашихъ Козьмы и Демьяна! Падо же сегодня быть и празднику такому. Одно къ одному. Пу, ямицикъ, ужъ я самъ тебъ изъ своей мошны полтининчекъ прикину, только поворачивайся.»
- «Эхъ братъ, радъ бы...» сказалъ ямщикъ: «да тутъ проклятая лужина; по весив, да по осени проъзду иътъ; господа было тутъ илотипу поставили, да водопольемъ разпесло; хуже стало; а вотъ какъ ту лужину проъдемъ, такъ и покатимъ до самой Пуговки знатно, все подъ гору, а тамъ до Лукачевки дорога, что садомъ; пи задоринки. Баринъ строго путь держитъ.... Эй вы!»

Потхали, да не далеко дотхали; дорога сошла въ болотную долину, покрытую, подобио озеру, водой; кое-гдъ торчали кольшки отъ разрушенной плотины и служим маяками для путещественника.

Вода бы еще ничего, доставалось только Евдокиму; но самое основаніе плотины такъ было разрыто водою, что коляска шла будто по волнамы морскимь: на каждомъ шагу то лошади, то коляска западали въ ямы и рытвины, то вязли въ густой подводной грязи. Такая дорога шла почти на полверсты. Воть уже и берегъ видънъ, вотъ и дорога подымается, и будто змъя бъжить до самой Пуговки, а Пуговка съ зеленоголовою церковью красуется на вешнемъ солнцъ; вдругъ лошадь запала больно глубоко, выскочила, а коляска за нею, хлопъ, два передніе паза оборвались, кузовъ сълъ на дрогу.

- «Вотъ тебъ разъ!» крикнулъ Евдокимъ....
- «Пичего, подвяжемъ...» сказалъ ямщикъ: «лишь бы изъ ямы....» Да не тутъ то было. Вывезти, вывезли коляску добрые кони, да колесо едва до сухой дороги дотащилось, да и разсыпалось....»
 - «Воть тебв два!» сказаль Евдокимъ.
- «Да!» отвъчалъ ямщикъ: «это ужъ причина! Безъ колеса не доъдешь....»
- «Стой-ка, я сяду на пристяжиую, да въ Пуговку сбъгаю....»
- «Пъть, Евдокимъ! Оставайся ты при коляскъ...» сказалъ Евгеній: «а я пъшкомъ пойду; погода прекрасная; тутъ большо верспы не будеть, а тамъ върно найду колесо!»
- «Какъ пе пайти! тамъ всякаго экипажа три сарая бывало, а теперь чай то же.»

По Евгеній не слушаль Евдокима, выскочиль изь шинели и коляски, схватиль свою статуэту н

отправился пъшкомъ въ Пуговку. Ila пемъ быль щегольской парижскій сюртукъ, пуховая лопдонская фуражка, двое женевскихъ часовъ съ цъпочками на кресть, словомъ опъ шелъ, будто съ Черной ръчки на Каменный. Даже саноги на пемъ были лакированные, и благодаря плотности и чистотв коляски, не загрязненные, не запыленные. «Хороша!.. II проъзду пъть!» думаль Евгеній дорогою. «Развъ зимою... да кто же зимою станеть жить въ деревит? Падъюсь, что этого никто оть меня не потребуетъ. Ахъ ты родимая сторона! «И пошелъ Евгеній высчитывать педостатки родины съ такимъ Юмовскимъ безиристрастіемъ, что можно было счесть его разсказъ за правду. Въ такихъ и подобныхъ размышленіяхъ достигь опъ паконецъ и Пуговки. Мърный, ръдкій благовъсть разостлался въ селъ и окресть; у Евгенія забилось сердце по русски; что-то родное сладко звало душу на молитву. Вздохнулъ Евгепій, и этотъ вздохъ пе былъ такъ тяжелъ, какъ другіе вздохи о житейскомъ. Въ задумчивости, онъ и пе замътилъ, какъ вступилъ въ широкую тъпистую аллею, какъ вошелъ на обширный мощеный дворъ, не видалъ даже, что у крыльца стояли петербургскія щегольскія дрожки съ пролетомъ, называемыя у пасъ, Богъ знаетъ почему, липейкой. Пе обращая ии на что винманія, онъ подіїллся на высокую лъстницу, украшенную бюстами и статуями, отворилъ стекляпную дверь и очутился въ прекрасномъ залъ съ хорами. Зала была убрапа съ отмъпнымъ вкусомъ; бълая съ золотыми каринзами; колониы,

и весьма милыя, подъ мраморъ; пунцовая мебель, паркетъ, бронзовыя люстры.... «Что за чудо!» нодумаль онъ: «да куда же попалъ я? Не ужели здъсь я должепъ искать колеса!...» Въ ближайней комнатъ раздалась легкая, мелкая и быстрая походка; двери растворились и, съ шляпкой въ рукахъ, бъжала дъвушка прямо на Евгенія! Опъ отступилъ и статуэта вывалилась изъ рукъ его. Дъвушка также смутилась, примътивъ посторонняго, остаповилась, присъла и бросилась изъ залы шибче серпы....

— «Пе сплю ли я?» сказалъ громко Евгеній и за правду сталъ тереть себъ глаза. «Пе ужели можеть быть на свътъ такое сходство?.. Паднпька!»

По размышленія его были прерваны. Въ компату вошелъ человъкъ средпихъ лъть, опрятно одътый, въ сипемъ фракъ со свътлыми пуговицами, и въжливо поклоиясь Евгенію, спросилъ что ему угодно?

- «Вы меня извините...» бормоталъ Евгеній: «право, случай, какого можно ожидать во всякое время по такимъ дорогамъ.... моя коляска....»
- «Пзломалась?» прервалъ спий фракъ: «я тотчасъ пошлю туда людей; върно на полой долинъ. Пе правда ли?»
- «Совершенно такъ! Я право пе знаю какъ васъ благодарить, миъ такъ совъстно....»
- . «О, помилуйте! да позвольте узнать, куда изволите ъхать?...»
 - «Въ Лукачевку....»
- . «А, видио вы изъ города.... Сегодия тамъ будеть и губериаторъ, и оба предводителя, и ба-

ринъ мой никуда не вывзжаеть, а туда собирается....»

- «Вашъ баринъ?...»
- «Точно такъ! Сергый Апдреевичь Безнужный!»
- «Безпужный?!.. А эта дъвушка, что я имъль честь видъть....»
 - «Падежда Сергъевна, дочь барина!»
 - «Падежда Сергъевна, дочь барина!»
- «Какъ для кого, а мы ее иначе не назы-, ваемъ, какъ Падежда Сергъевиа, а барыню Лизаветой Анопасьевной.»
 - Да вы кто же?
- «Я-съ? Дворецкой Его Высокородія. Простите, мнъ падо и объ васъ барину доложить, и объ вашемъ экипажъ похлопотать; а не то бъда. Нашъ баринъ въ Лукачевъ души не слышить, такъ ужъ и за его гостьми надо ухаживать.... Позвольте, какъ прикажете объ васъ доложить?»
 - «Право, я не знаю, нужно ли это?»
- «Порядокъ требуеть. Пе извольте чиниться. Вашъ чинъ, имя, фамилія?...»
 - «Поручикъ Евгеній Лукачевъ....»

Дворецкій отступиль почти въ восторгь, если только входить въ восторгь позволено дворецкому. Назовите какъ хотите это чувство, но дворецкій раскинуль врозь руки, разинуль роть и пожираль гостя глазами....

— «Евгспій Павловичъ!» кричаль онь: «вы ли! Пеужели вы те узнали Лукича, который такъ часто бываль у вашего батюшки съ газетами и

журналази, потому что Сергъй Андреевичъ газетъ и журналовъ пикому кромв меня не довъряеть. Наши состди прежде, то кпижку, то двъ въчно зажилять, особенно гдъ есть моды; такъ Сергъй Андреевичъ отдалъ всъ кпиги на мой отвътъ. Спаси Господи, Евгеній Павловичь, право можно сказать, дай Богь въ добрый часъ, чтобы пе сглазить.... Да куда! Я впередъ зпалъ, что поправится.... И Лукичъ, какъ могъ скоро, поплыль вь противуположимия двери; между тъмъ поъ техъ, откуда онъ вышель, показались двв дамы. Пельзя было болте сомитваться въ подлииности и маменьки и Надиньки. Дамы спъшили къ объдиъ; онъ уже были близко стеклянпыхъ дверей; уже маменька взялась за бронзовую ручку дверей н вскрикиула: «Ахъ, Боже мой! Павелъ Захарьевичъ, Марья Захарьевна, Пульхерія Захарьевна, Анпа Захарьевна, Паталья Захарьевна, мамзель Куси, ахъ, Боже мой!•

О! тогда въ сердцъ Евгенія пробудилось новое чувство; онь не шель, а летвль къ стеклянной двери; въ глазахъ его сплошной массой представляюсь дорогое семейство, возсъдавшее на огромной липеъ; четыре дюжія лошади не бель труда везли наслъдственную колеспицу. Навелъ Захарьевичь быль въ полномъ гвардейскомъ мундиръ временъ Плвла Петровича; Марья Захарьевна въ перьяхъ походила на Пидіанку; Пульхерія Захарьевна.... Да къ чему описывать костюмы; это дъло романа, а не краткаго, быстраго разсказа. Евгеній слетьль съ льстинцы будто съ Тарнейской скалы;

не отстегнуль, а сорваль фартукъ линейки, обняль отца, но обияль за ноги, по особенному какомуто влечению, и оросиль ихъ слезами. Картина была истинно умилительная. Павель Захарьевичъ всталь; но не могь сойти съ линейки; соверненно растерялся, преглупо оглядывался на дамъ, въ особенности на Пульхерио Захарьевну, и громогласно вскрикивалъ: «А? что? каково?» а дамы плакали на взрыдъ, какъ будто хоронили покойника. Между тъмъ и на высокой лъстинцъ раздался голосъ, который бы могъ съ успъхомъ пъть при Павлъ Захарьевичъ втораго баса: «Гдъ онъ? Гдъ онъ? Задушу я его за такой сюрпризъ. Браво, браво! Павелъ Захарьевичъ! Паша взяла!»

— «А? что? каково? Пульхерія Захарьевпа! А? что? звтрь?... А? Поди сюда, разбойникъ, ахъты, рожденье мое дорогое, поди сюда, баловень, поди сюда, штука ты заморская, дай-ка я тебя подкину.»

И Евгеній очутился на воздухв въ объятіяхъ Павла Захарьевича. Между тъмъ всъ высыпали изъ линен и очутились на лъстницъ. Евгеній переходиль изъ рукъ въ руки, какъ мячикъ; всъ обнимали его и цъловали, родные и не родные, а онъ, предупреждая желанье каждаго обнять его, чуть было не бросился въ объятья къ Падинькъ. Движеніе это было съ обща замъчено и прекратило сцену свиданія. Всъ улыбнулись, кромъ Падиньки и Евгенія. Молодые люди смъщались и попали въ самов затруднительное положеніе....

- «Полно, полно, Евгеній, печалиться! Обии-

мень и Надиньку, коли захочень... сказаль Павель Захарьевичь тихо: «только прежде надо Богу помолиться, да хорошенько съ нею познакомиться. Безъ Божьяго изволенія и Надинька тебъ не повравится...»

- «Ахъ, мы уже знакомы!» оказаль Евгеній отцу шепотомъ.
 - «Что? Зпакомы? Гдв, когда?»
 - «Въ Римъ!»
- «Слышинь, Сергьй Андреевичь, Евгеній говорить, будто онь твою Падиньку въ Римъ видълъ.»
- «А что же, статься можеть; прошединмъ льтомъ, когда Лизавета Авонасьевна отъ спазмъ вздила въ Италію лечиться....»
- «Правда, правда! Пу, коли вы знакомы, такъ подай же, Падинька, руку и маршъ въ церковь.»

Лукачевы утхали, посль пыннаго объда въ сель Пуговкъ, на которомъ присутствовала вся чиновность губерискаго города. Какъ только утхали Лукачевы, дамы пошли по своимъ комнатамъ, чтобы одъться къ балу, который имълъ быть въ тотъ день въ Лукачевкъ. Вмъстъ съ другими и Падинька прибъжала въ свою гореньку; но какъ другія, не стала одъваться. Она схватила броизовую статуэту, и цъловала ее, и обливала слезами. «О, не даромъ в полюбила тебя, милая богиня!» такъ говорила она: «Пе даромъ я вспоминала тебя каждый день, видала тебя во снъ! Дорогой подарокъ Евгенія! Милый Евгеній!... О, какъ я буду... о, какъ я ужо счастлива!»

И точно! Вереница экппажей подъ сумерки потянулась по прелестной аллев въ Лукачевку; едва губернаторскіе кони поставили свои переднія ноги на землю Павла Захарьевича, иллюминація всныхнула; дорога освътилась смоляными бочками; балъ былъ па чудо; Евгеній и Падинька не разлучались, а всъ любовались прекрасной четой и намекали Павлу Захарьевичу на то, что Паденька слашая Евгенію партія.

- «Поръшу, поръшу!..» говориль весело Папель Захарьевичь. За ужиномь вдругь музыка затихла. Павель Захарьевичь и Сергъй Андреевичь, сидъвшіе другь противъ друга, встали, въроятно по условію, протянули одинь другому руки и Павель Захарьевичь рече:
- -- «Дорогой сосъдъ, жили мы съ тобой въ любви и дружбъ. Того и дътямъ желаемъ.»
- «Отцы строятся, а дати въ техъ домахъ живуть; мы имъ доброе изготовили; дай имъ Господи здорово и покойно его дарами наслаждаться...» сказалъ Сергъй Андреевичъ и бросилъ на всъхъ довольный взглядъ.
- «Краспо сказано...» замътилъ Павелъ Захарьевичъ: «да извъстно, что ты на это мастеръ. Ивтъ, сосъдъ, скажи пояснъе.»
- «Пзволь! я благословляю, а тамъ ихъ воля! Ясно? Евгеній, воть тебъ невъста, а благословенію отъ Бога!»

Евгеній бросился въ ноги къ отцу, а Павелъ Захарьевичъ сказалъ торжественно и стоя:

Надинька.

- «По русски, Евгеній Павловичь! По русски! Люблю за обычай... Оть руки только Бога и отца прочное счастів. Шампанскаго! Тушъ за здоровье жениха и невъсты!»
- «Ура!» раздалось со всвхъ сторонъ и того же лъта, въ той же залв и тв же гости, кричали «ура» новобрачнымъ.

полковникъ лесли.

Mcmopuneckin Pasckasb.

I.

пожаръ на покровкъ.

Исходило двъпадцатое лъто государствованія Царя Михаила Өеодоровича.... Глубокія раны, нанесепныя отечеству нашему продолжительнымъ періодомь государственныхъ смуть, закрывались; Москва оживилась торговлею. Гречане ежегодно привозили тму драгоцъпностей и меняли ихъ въ Царскій Дворецъ на соболи и другіе мъха. всьмъ концамъ Москвы Персіяне открыли торгъ шелкомъ; не было еще шигдъ опредълешныхъ мъсть каждому торгу; боярскіе дворы, расположенные въ Китат и въ Бълъ-Городъ, были облъплены съ наружной стороны стъпъ лавками, навъсами, а иногда къ иимъ примыкали дома кущовъ, съ разными затъйливыми угодьями и садами. Кромъ кунцовъ, на Москвъ было многов множество иностранцевь, гостей, заморскихъ подрядчиковъ и служилыхъ людей. Военные замыслы Царя не были тайной, тъмъ болъе, что ихъ внушала необходимость возстановить новозможности цълость царства. По всей Европъ ходили слухи,

и довъренные царскіе люди собирали охотинковъ сражаться подъ знаменами Московскими. Уже образовалось особое ппоземпое войско, подчиненное особому ипоземному приказу. Много знаменцтыхъ рыцарей, искателей приключеній, хищныхъ храбрецовъ, пушкарей, литейщиковъ, мастеровыхъ пришло съ разпыхъ концевъ Европы на Москву. Одии ждали подвиговъ и славы военной, другіеслучая обогатиться. Былъ вечеръ. Солице закатилось. Послъ жаркаго дпя, пролилась пріятная прохлада. Русскіе почти всв, какъ птицы, съ закатомъ солица, убрались подъ перины; но такъ пазываемые Итмцы выполали на узкія улицы и разбрелись по всей Москвъ до самаго Кремля, который тогда уже былъ запертъ, поздней поры ради.

- «Что, Гильдебранть?» сказаль Лесли, старшій полковникъ и начальникъ всего иноземнаго войска: «скучно тебъ на Москвъ? Ты, я думаю, не усидишь съ нами долго?
- «Вамъ извъстно, полковникъ...» отвъчалъ ротпый голова или капитанъ Орлей: «что я ношелъ
 въ этотъ монастырь для поправленія моихъ финансовъ. Я проигралъ въ Лондонъ всъ деньги и
 жену. Послъдняго добра я не жалью, падоъла;
 я радъ, что удалось найти дураковъ, которые
 польстились на это чучело!
- «Да будто можно проиграть яли выиграть жепу?
- «Воть вздоръ какой! Я замътиль, что моя любезная супруга весьма неравподушна къ игро-

ку, который меня обънгриваль что-то три или четыре недъли сряду. Въроятпо, она принимала такое въ немъ участіе изъ супружеской любви ко миъ: я бухъ ее па ставку! Проигралъ, и былъ таковъ. Хожу себъ по Лопдону, сложивъ руки; заглянуль въ таверну, гдъ мнъ върили въ долгъ; нахожу тамъ удивительныхъ людей: пьютъ неподражаемо. Я присталь къ шимъ и опредълился па службу Его Царскаго Величества. То были Московскіе люди, присланные въ Англію запрашивать нашу братью, Іоанновъ безземельныхъ въ Московію для запятія весьма важной должности получать даромъ каждый мъсяцъ по 150 ефимковъ. Тысяча восемь соть ефимковъ въ годъ.... Да этого у насъ въ Англін и генералы пе получають. Признаюсь, я быль глупъ. Объявилъ себя только капитаномъ, а слъдовало произвести себя прямо въ полковники и получать по 400 ефимковъ, т. е. быть богачемъ.... Два три года такой службы и можно бы опять попробовать счастья въ благородную игру.

- «Вотъ г. полковникъ...» сказалъ маіоръ *)
 Пепъ: «уже два года получаетъ это огромное жалованье; да что-то у него денегъ по видно.
 Върно, у него есть гдъ-нибудь складочное мъсто и казначейша.»
- «Ты не ошибаешься, Морицъ!» отвъчаль Лесли съ горькой улыбкой: «Есть, только далеко!

^{*)} Мајоръ, по табели, былъ миже капитана.

- «Эге!» сказаль Орлей: «Мой полковникъ съ романомъ и несчастіями. А у меня несчастій сколько угодно, а романа ни одного. Проклятая эта Москва! Всъ женщины, какъ будто старая рухлядь, на чердакахъ, подъ замкомъ. Ужъ чего я не дълалъ, чтобы добыть себъ такую-сякую любовишку. Не возможно! Простыхъ дъвушекъ пропасть. Пожалуй, и купить можно, и подъ залогъ взять, да онять бъда-пи одпого смазливаго -личика. Рожи у всъхъ въ родъ тарелокъ; носы будто пуговицы; талін — пе спрашивайте — просто будто руда in crudo.... Пу, а наши иностранцы со страху даже кухарокъ не держать; солдаты имъ супъ варятъ.... Копечно постъ! Но все къ лучиему! По неволь много денегъ накопишь, дъть пе куда!
 - «Что это тамъ дымить?» спросиль Лесли.
- «Въроятно, у кого нибудь завтра именины па Покровкъ. Пироги некутъ. Ай, нътъ! Огонь! Глядите, глядите, какъ пламя языкомъ небо лижетъ. Ужасно люблю иллюминаціи! А въ Москвъ на педостатокъ ночныхъ огней нельзя жаловаться. Что почь—то пожаръ.... Да куда же вы, полковинкъ, такъ бъжите?»
 - «Въ съвзжую избу моего полка!»
 - -- «Зачъмъ?..»
- «Люди горять, а вы, капитанъ, спраниваете: зачъмъ? Боже! Да это у моего сосъда пожаръ, горить домъ Ивана Александровича.... Капитанъ, мајоръ! бъгите, соберите весь полкъ, и на помощь!»

— «A вы?»

Ī

— «Ступайте! Я васъ ожидаю! Вы, капитанъ, отвъчаете мнъ за поспъщность.»

Лесли пе шелъ, а бъжалъ къ большому двору боярина Ивапа Алексапдровича. Прозвища этого боярина мы не отыскали ни въ одномъ историческомъ актъ. Знаемъ только, что въ шутку и Царь и бояре и простые люди называли его Кречетомъ, а что, про что, того мы не нашли, а догадки за истину не подложимъ. Пусть же онъ себъ и у насъ будетъ Кречетомъ. Дворъ его былъ нарочито общиренъ; на немъ стояло до десяти большихъ домовъ, да малыхъ не мало; да разныхъ службъ, да то, да сё, а за дворомъ, подъ ту же большую ограду, шелъ садъ, старый, тъпистый, обширный.... Къ самой оградъ примыкаль дворъ богача Мустафы, Персидскаго купца, который уже болье десяти льть проживаль на Москвъ, изръдка ъздилъ во свояси за товарами и онять возвращался; богатство его возврастало не по дпямъ, а но часамъ. И у него дворъ быль не хуже боярскаго; и у него было много слугь, и также садъ съ бесъдками и другими затъями, и у него быль во дворъ боярскій порядокъ. Кромъ своихъ, ни живой души не пускаль Мустафа на дворъ свой, гдъ въ каменныхъ глухихъ анбарахъ хранились драгоцвиные восточные товары.

Долго стучаль Лесли въ дубовыя ворота боярскаго двора; собаки то выли, то лаяли; но слуги спали кръпкимъ спомъ, а пламя на волъ разбъжалось по всей крышъ главныхъ хоромъ; накопецъ социый хриплый голосъ закричаль: «Кто тамъ?»— «Пожаръ,» отвъчалъ Лесли: «вставайте! У васъ пожаръ!» «Пожаръ, пожаръ!...» раздалось изо всъхъ домовъ. «Лови зажигальщика!...» Суматоха сдълалась общею; до трехъ сотень слугъ высыпало на дворъ; храбръйшіе отворили ворота, чтобы поймать зажигателя, по отступили съ почтеніемъ, узпавъ сосъда и царскаго полковника. Почти въ то же время канитапъ Орлей привель полкъ и Лесли скомандовалъ, какъ тушить пожаръ, обхватившій совершенно большів хоромы. Вътеръ диемъ мается, а ночью спитъ, дъло извъстное, по ужъ такой у него норовъ: зачуетъ братца гдъ пибудь и встанетъ, встряхнется и давай помогать родпому огопьку. Всталъ вътеръ и началъ головнями забавляться: то на конюшию бросить щенотку, то на сосъда лучинку, а погляди, уже горить улица. По людскаа воля злаго не бонтся. Разумъ Лесли, словно чуму какую, оцъпиль огонь.... Раздълиль опъ полкъ на роты и послаль капитановъ сосъдей боронить, а самыхъ храбрыхъ съ собой взяль, да и пошель въ хоромы. .. Перваго вытащили хозянна, боярина Кречета, который было отъ дыму задохся. Выпесли его на улицу и сдали на руки полковому лекарю. Лесли велълъ солдатамъ лари выносить, иконы сипмать, все что подороже у огня отымать; сказаль, да и побъжаль куда-то.... Иутается, ходить, иламя ему въ глаза бросается, духъ захватываеть; самому жутко приходится, а прочь пейдетъ. Вдругъ слышить женскій крикъ;

узепькая лъсенька; опъ на верхъ въ теремъ. Тамъ, передъ боярышней, компатная дъвушка стоптъ на колъпяхъ и руки ломаетъ и плачетъ и кричитъ: «помогите!»

Лесли пекогда было ни разговаривать, ни думать. Хвать боярынню въ охабку, кричить: «за
мной!» и унесъ у огия дорогія двъ жертвы....
Вышли они на заднее крыльцо.... Туть народу
много, а боярыния, какъ была въ постель, такъ
ее и вынесли. При людяхъ страмъ! Вотъ комнатная и говорить Лесли: «Эй, ты, Иъмецъ, норови
въ садъ, за мной!» Лесли принесъ боярынию въ
темный садъ; положилъ подъ навъсомъ на скамью;
комнатная дъвушка прилъжно хлопотала около
боярынии; усилія ея благословиль Богъ; отворились чудные каріе глазки и, инчего не понимая,
глядъли то на ножаръ, то на Иъмца, то на нодругу....

- «Что, Параша, лучше тебъ?» спросила комнатная.
- -- «Лучие, сестрица, лучие. Отлегло! По глъ батюшка?»
- «Онъ спасенъ, Прасковья Пвановна!» сказалъ Лесли.
 - «Да гдъ же онь?»

9:

- «У меня въ домъ! А про пожаръ не изволь безпоконться. Мон люди отстоять другіе дома, только хоромы сгорять; ихъ спасти уже нельзя »
- «Ахти, Господи, стыдъ какой!» закричала Нараша, примътивъ, какъ она одъта и стала кутаться.

- «Трудное время, Прасковья Ивановна! Теперь все простительно. Нужда велить...»
 - «Да ты кто такой?»
- «Старшій полковникъ Его Царскаго Величества, рыцарь Алексапдръ Ульяновичъ Лесли...»
- «Опъ тебя изъ пожара на рукахъ вынесь, а не будь опъ — мы бы сгоръли....»
- «Потому что сестрица твоя, Прасковья Ивановна, не хотъла безъ тебя спасаться.»
- «Милая сестрица!» сказала со слезами Параша и обияла, какъ мы видимъ, не комнатную дъвушку, а дальнюю родственницу свою, Евдокію Лукьяновну. Параша была такъ хороша, такъ великольниа, роскошна, что у бъднаго Лесли глаза номутились. Онъ боялся смотръть на нее, а всетаки смотрълъ въ оба. Даже не примътилъ, что сосъдній домъ Персидскаго купца обратился въ огненный столбъ; даже не слышалъ, какъ на Персидскомъ дворъ за оградой кричалъ распорядительный Орлей.
 - «Вотъ какъ странно на этомъ свътъ все устроено!» сказалъ онъ задумчиво: «Чтобы увидъть одну минуту счастія, цадо огромныхъ бъдствій, надо пройти, какъ говорится, сквозь огонь и воду.»

Дъвушка молчала; она не смъла говорить съ мужчиной, и только изръдка съ особеннымъ любопытствомъ поглядывала на Лесли.

— «Да! я тебя видълъ во спъ...» говорилъ полковникъ съ жаромъ: «пъсколько дней сряду я смотрълъ на тебя каждое утро, когда ты сади-

- «Черта съ два! Ему амбары дороже тебя... Хочень, я тебя черезъ заборъ перетащу и...»
- «Пельза, нельза. Мужа злой, мене заръжетъ...»
 - «A я его...»
 - «Мужа, мужа ндетъ!...»

Мустафа бъгалъ по двору и кричалъ по-Пер-

- «Мужа мене зоветь!»

Орлей подхватиль на руки хорошенькую Персіянку; на дорогь повстръчаль Лесли и сказаль на ходу: «Помогите, полковникь, обмануть стараго черта.»

Мустафа въ это время уже быль въ саду п продолжалъ кричать по-Персидски; Орлей сдълалъ обманчивый маневръ; пропустилъ искусно Мустафу въ глубь сада и, поворотивъ, кричалъ громко: «Здъсь! здъсь! Помогите! чуть-чуть жива!»

Какъ звърь Мустафа побъжалъ на Орлея, выхватилъ у него изъ рукъ жену, положилъ на траву, увърился, что она жива, и тогда только посмотрълъ на избавителя. Съ особенною важностью стоялъ передъ нимъ Орлей, за нимъ Лесли; Мустафа упалъ наземъ и самыми чувствительными словами сталъ благодарить и капитана и нолковника. Истощивъ всъ итжныя имена, Мустафа, сталъ предлагать въ награду золото, ткани, все, все, что только могъ вспомнить изъ своихъ драгоцънностей.

— «Пичего не нужно!» сказалъ торжественно Орлей: «Супружеская любовь твоя меня трогаетъ до глубины сердца! Подари мив свою дружбу, почтенный супругь! Удостой посьтить домъ капитапа Орлея. Воть все, чего я отъ тебя желаю и требую. Пойдемъ, полковникъ! Паше мъсто въ огиъ!»

Лесли и Орлей ушли, а Мустафа не могъ надивиться великодушію Пъмцевъ.

II.

ночная весъда.

Благодаря усердію и смълости Нъмцевъ, пожаръ быль задушенъ задолго еще до зари.... Сгоръли большія боярскія хоромы, да крыша купца Мустафы. Съ ненелища подымался дымокъ, но безчисленная челядь боярская тщательно поливала ночернъвніе уголья, а Пъмцы разошлись по домамъ. Орлей не отставалъ отъ нолковника.

-- «Послушайте, полковшикъ, если вы будете все вздыхать и хпыкать, такъ я могу Богъ знаеть что подумать.»

Лесли, молча, шелъ по лъстницъ въ свою квартиру, а Орлей за пимъ....

- «Какъ хотите, полковникъ, а я отъ васъ пе отстану, пока вы мит ие скажете всей правды, что съ вами случилось. Я долженъ участвовать въ вашихъ несчастіяхъ; я ваша правая рука по службъ: такъ ужъ извольте взять меня и въ доманніе секретари?»
 - «. Іюбезный Орлей! Я очень благодаренъ за твое участіе.»

- «Увольте меня, полковникъ, ото всъхъ этихъ фразъ! Къ дълу! Признавайтесь, — или завтра же я подамъ въ отставку.»
- «Прежде ты долженъ сказать мнв: зачъмъ ты цъловалъ эту Персіянку?...»
- «Потому что она очень, очень хорошенькая Персіянка; молоденькая, глупенькая и страстная; мужь у нея ревнивъ до бъщенства. Вотъ все, что нужно для удачнаго романа вообще, и для меня въ особенности....»
 - -- «Такъ ты памърепъ продолжать любовь?..»
- «А вы какъ думали, полковникъ? Я поведу правильную осаду; подкопы сдъланы; Мустафа попадется, и я буду торжествовать побъду не далъе, какъ черезъ двъ педъли.»
- «Такъ ты не безъ умысла игралъ роль великодушнаго; звалъ Мустафу къ себъ; хвалилъ его супружескую любовь?...»
- «Еще бы! Я ничего не дълаю безъ умысла. Сегодня онъ напалъ на меня въ расплохъ, а завтра онъ мой; а тамъ она моя; а тамъ, представится другой пріятный случай.... По, полковникъ, у меня есть затрудненів. Только вы одни можете помочь миъ....»
 - «Надъюсь, капитанъ, не въ этой интригъ...»
- «Косвеннымъ образомъ, полковникъ, косвеннымъ образомъ. Я былъ такъ глупъ; роздалъ мои деньги подъ върные залоги въ добрыя руки; а тутъ, какъ сами видите, наступаеть военное время, я предвижу зпачительныя издержки; до

жалованья почти мвсяцъ; не можете ли вы мнв дать до того времени сто ефимковъ?»

. Іесли вздохнулъ.

— «Кромъ васъ, полковникъ, миъ неприлично обращаться съ этою просьбой къ кому бы то ни было....»

.1если молчалъ.

- «Вы пе хотите, полковникъ....»
- "Ile mory!"
- «Вы не можете! Какъ! вы не можете! Получаете четыреста, проживаете десять, и не можете миъ, вашему капитану, вашему другу, дать на нъсколько дией сто ефичковъ! «
 - «Орлей! У мепя дома нъть и пяти!»
- «Простите, полковникъ, я не зналъ, что и вы отдаете свое жалованье въ рость!»
 - «Въ ростъ! Никогда, Орлей! Никогда! Эти депьги....»
 - «Признавайтесь, полковникъ, говорите! Если вамъ нужна тысяча ефимковъ, завтра же я пріударю по монмъ должникамъ, и деньги будутъ. Для моего добраго полковинка....»
 - «Перестань, Орлей! Съ меня и моего довольно, по мнъ стыдио, что я не могу помочь тебъ...»
 - «Что это значитъ, полковникъ! Върно, вы проигрались.... Но кажется....»
- «Никогда, Орлей, никогда во всю жизиь мою я не играль; по мои семейственныя обстоятельства....»
 - «Я молчу, я не спрашиваю, полковникъ!...

Простите моей настойчивости.... Простите моему глупому легкомыслю! Мнв пришло въ голову, что вы влюбились и я, какъ честный рыцарь, спъщилъ предложить вамъ мои услуги. Простите!... Я иду....»

— «Пътъ, Орлей! Ты долженъ знать все. По крайней мъръ я буду свободенъ отъ пустыхъ подозръній, догадокъ, намъковъ. Филиппъ! Есть у тебя вино?»

Филиппъ принесъ бутылку романъп и двъ чары. Орлей, какъ человъкъ весьма смътливый, тотчасъ понялъ, что это предисловіе, и желая скоръе слышать самый разсказъ, сълъ, палилъ чару, вышилъ и протяпулъ уши.

— «Паша отчизна, Орлей...» такъ началь Лесли: «на одномъ и томъ же островъ; но я, отецъ мой, дъдъ и такъ далъе, всъ мы венавидъли васъ, Англичанинъ; пенавидъли за смерть нашей чудной королевы, за казнь всемірной красавицы....

THE PARTY NAME OF THE PARTY

- «Славное начало!» закричаль Орлей: «и высокимъ слогомъ!...»
- «Елисавета, какъ тебъ, извъстно, назначила нашего короля Якова преемникомъ престола; умерла, и Яковъ оставиль Эдинбургъ, свое наслъдственное королевство для этой Англіи, которая такъ не любитъ его! Миъ тогда было инестиадцать лъть; я служилъ пажемъ у старой графини Орселей. Молодой ея сынъ уъхалъ изъ Эдинбурга, по молодой графини старушка не пустила.... «Посмотримъ, носмотримъ...» говорила она: «какъ то вы поладите съ Англичанами? Увидите, Сиръ Ро-

бертъ Карръ, любимецъ Якова, перессорить васъ съ новымъ вашимъ королевствомъ. И здъсь его не жаловали, а тамъ.... Бъдный графъ страстно любилъ свою жепу, но старуха пріучила всъхъ уважать ея волю, и графъ убхалъ одинъ, послв трогательнаго прощанія. Падо тебъ знать, что жена его, графиня Берта, была изъ простаго состоянія; отецъ ея былъ судьей, мать изъ купеческихъ дочерей; графъ женился противу воли и въдома старушки; по хитрая графиня Орселей не подала и виду пеудовольствія; пожурила сыпа ласково; приняла Берту какъ дочь и, казалось, все уладилось.... Графъ увхалъ поутру. Ввечеру старушка объявила Бертв, что она обязана строго хранить честь своего сана; что родъ молодой графиии подлъ и пизокъ, и не можетъ внушать никакого довърія; что Берта уловила графа копотому во все время пребыванія H графа въ Лопдопъ, она будеть находиться подъ строжайшимъ падзоромъ моей матери, подруги графиии Орселей; матушка моя, по бъдности, проживала въ ея помъстьяхъ. Берта оскорбилась, расплакалась, старуха смъялась, и въ тотъ же вечеръ, въ спальнъ Берты поселилась моя добрая, несчастная мать, Гертруда Лесли, жена стараго Шотландскаго капитана королевской гвардін.... Берта была въ отчаянын. Цълую ночь не ложилась, писала письма къ мужу, къ отцу своему, къ знакомымъ, но всъ эти письма перешли въ руки къ старушкъ; строгіе выговоры и стъсценів свободы Берты были едипственными послъдствіями

всъхъ этихъ инсемъ. Естественнымъ образомъ, положение хорошенькой женщины возбудило въ молодомъ человъкъ излишиее участіе. Не смотря на бдительность моей матери, графинъ удалось тайно написать письмо къ графу и тайно отдать его мив. Лондонъ съ Эдинбургомъ былъ въ безпрерывныхъ спошеніяхъ; въ пересылкъ къ графу — не представлялось никакихъ трудностей; полученъ и отвътъ... Какой отнътъ! Бъдная Берта!... Графъ писаль очень холодно, что опъ находить вст распоряженія матери справедливыми и необходимыми. Въ то же время старушка получила върное извъстіе, что сыпъ ея влюбился въ Лопдопъ въ дъвушку весьма знатнаго рода, что король одобряеть эту страсть, по, къ огорченію, одно препятствіе - Берта. Къ общему удивленію, Берта въ тотъ же день получила полиую Минутное увлечение стало во мив нылкою страстію; я не отходиль оть графини Берты; я открыль тайну графа, и съ какимъ-то торжествомъ объявилъ о ней Бертъ; она стала задумываться; а я нылаль, гортлъ; я съ ума сходиль, и вь припадкъ безумпаго восторга разсказалъ все матери.... Бъдная Гертруда пришла въ ужасъ и поспъщила объявить объ этомъ старой графииъ.

AND THE PARTY OF T

— «Что же вы туть паходите удивительнаго?» спросила старушка: «Все это въ порядкъ вещей. Каждый юноша доженъ прохворать этою бользнью; такъ уже устроено отъ въка. Оставьте вашего сыпа! По, милая Гертруда, я замъчаю, что вы

скучаете въ Эдипбургъ. Я очень признательна за ваши услуги, и за то буду беречь вашего сына. А вы поъзжайте на покой!»

Уъхала моя Гертруда, а старая графиия употребила все, что только можетъ выдумать коварцая женщина, чтобы сблизить, подружить пасъ съ Бертой. Вліяніемъ ея, я получилъ хорошее мъсто въ королевской гвардін, провожалъ молодую графиню на всв возможныя прогулки; бесъдовалъ съ Бертой самою позднею порою, спачала при старухъ, потомъ она оставляла пасъ одинхъ и, казалось, ждала преступленія.... Пеожиданныя извъстія дали всему дълу совершенно другой обороть. Мы узнали оть върныхъ людей, что всъ акты и бумаги, составлявшіе доказательство о бракъ графа съ Бертой, похищены изъ церковнаго архива за добрую плату; что свидътели этого брака (ихъ было трое) схвачены и отосланы въ Лондонъ; наконецъ мы перехватили письмо старой графини къ сыпу, въ которомъ опа писала, что изъ иъжной къ пему любы, она потворствовала гръху; но, приближаясь ко гробу, должна очистить свою совъсть, и болъе графской наложинцы въ своемъ домъ держать не будеть, а благословеніе, котораго онъ просить, па бракъ честный и законный, она носылаеть ему... и тому подобное....

— «Графиня!» закричаль я: «вы свободны! Вы можете предупредить всъ эти песчастія....» Я упаль къ ея погамъ и признался въ любви.... Берта горько плакала. Долго не могла опа отвъчать миъ. Пакопецъ, глотая слезы, не связно прошентала:

— «Чъмъ я заслужила и ненависть мужа и твою преступную любовь?»

Чувства ея примътно возращались; по лицу разливалось пламя; глаза блистали негодованіемъ; уста и ноги дрожали; она продолжала съ возрастающимь жаромъ:

- «Я клялась ему передъ Богомъ! Я клялась искренно не такъ, какъ онъ.... Что мнъ бумаги и свидътели?... Онъ лгалъ Господу, а я нътъ! Опъ можеть любить другихъ, а я нътъ! Пусть будеть счастливъ; я завтра же ъду въ Лопдонъ поздравить его съ новымъ счастіемъ, проститься, и укрыться въ обители того же Бога, Который принялъ мон объты....»
 - «II я съ вами!» сказалъ я ръшительно.
 - «Зачъмъ?»
- «Кто же раздълить съ вами всъ онасности пути? Кто будеть вамъ слугою и защитникомъ въ такое безнокойное время? Графиня не дасть вамъ ни лошадей, ни слугъ, и если узнаеть объ вашемъ намъреніи, чего добраго, васъ упрячуть туда, гдъ уже ни я, ни люди васъ не увидять. Понимаю всю великость моего преступленія! Я не думаль оскорбить васъ моего любовью! Я полюбилъ васъ—вотъ и все тутъ. По вы простите, вы должны простить молодости. Не правда ли? Вы не отвергнете преданности друга?...»

Берта протяпула ко мит руку; слезы выступили на ея глазахъ; мы условились: какъ и когда ублагь въ Лопдонъ. Въ ту же ночь я все приго-

товиль къ отъезду.... И еще все спали, когда мы оставили столицу Шотландіи.

Ты долженъ номинть, что Робертъ Карръ, возведенный въ сапъ графа Сомерсетскаго, полномочный властитель двухъ королевствъ, сдълался въ самое короткое время предметомъ общей пенависти, презранія и происковь.... Мы въвзжали въ Лопдонъ въ самый день и часъ его паденія. Улицы были наполнены народомъ; крикъ, шумъ, радость, торжество. Мы не могли безопасно **атвжко**додіі пути, должны были верпуться и на предмъстьи остановиться въ грязной гостипинцъ. Помъстивъ графиню Берту въ единственной опрятной комнаткъ, я вышель въ общую залу или лучше сказать въ общій погребъ. Тутъ мало было гостей, но къ особенному моему удивленію, всъ были прекрасно и богато одъты; стояли въ кружкъ и довольно громко между собою разговаривали....

- «Вздоръ!» закричалъ молодой человъкъ, особенно богато одътый. «Сиръ Робертъ не подмъшивалъ яда никому. Это на него сочинилъ лордъ Валлисъ, отецъ миссъ Адды, нотому что ему очень не хотълось выдать замужъ своей дочери за женатаго графа Орселея!... Король Яковъ этого требовалъ такъ настоятельно, такъ новелительно, что не оставалось никакого другаго нути къ спасенію, какъ пизвергнуть Сомерсета....»
 - «Такъ свадьбы и пе будеть?»
- «Да ты развъ не слыхаль, что сказаль король на аудіенцін: Судите Сиръ Роберта и его друзей! — Пу, а Орселей его первый другь....»

- «Что жъ? И эти господа судять!»
- «Я думаю уже и осудили. И если Орселей не уйдетъ, какъ мы, его женятъ на плахъ!»
- «По развъ мы ущим! Падо спатить, господа, бъжать.»
- «Какой вздоръ! Такъ насъ всехъ по одиначка переловятъ, и концы въ воду; но если мы успъемъ соединиться съ Орселеемъ, и другими, тогда можемъ безпрепятственно уйти въ Шотландію, и тамъ уже съ горъ покойно выслушать мудрый приговоръ парламента....»

Таверна наполнялась новыми гостьми. Около гостинициы собралось болье тысячи лошадей, множество вооруженныхъ слугъ и любопытныхъ.

- «Пу, потъщила миссъ Адда!» сказаль одинъ изъ вошедшихъ: «Повхала благодарить королеву за освобождение отъ ненавистнаго брака....»
 - «Такъ она не любила Орселея?...»
- «Пе любила, ненавидъла!..» кричалъ Орселей, вбъжавшій въ самое то время въ таверну: «Точно такъ, какъ ненавидъль ее я!»
 - «Ты съ ума сошель! Кто же тебв повърить!»
- «Лишь бы повърила мив жена, а впрочемъ я право не безнокоюсь о мивнін даже моей матери... Любилъ миссъ Адду не я, а глупый честолюбецъ, покорный сыпъ, слабый другъ.... Но, нора, пора! Парламентъ собрался.... Всъ ли?...»
 - «Педостаеть Сиръ Роберта!»
- «Онъ въ темницъ! Добрый другъ его, Яковъ, еще съ вечера принялъ противу своего любимца ръшительныя мъры. Всв ли, господа?...»

- «Если такъ, кажется всв....»
- «Бдемъ!..» сказалъ Орселей, но я остановилъ его за руку и сказалъ почтительно:
 - «Еще пе всв, графъ!»
 - «. leсли! Ты какъ попалъ сюда?»

Я отвориль двери въ компату; прямо противъ дверей, утомлениая Берта спала спомъ кръпкимъ. Орселей поблъдиълъ. Друзья съ любопытствомъ окружили его.... Протянувъ руки къ графинъ, Орселей стоялъ какъ вконанный и пе зналъ, не умълъ, не могъ вымолвить слова.

— «Если время пе терпить, графъ....» сказаль я почтительно: «извольте ъхать; мы отправимся съ графиней по той же дорогъ, по которой пріъхали. Вы только дайте знать, куда памъ явиться?...»

Графъ взглянуль на меня съ бъщенствомъ и спросиль задыхаясь:

- -- «Ты съ пей одинъ!... Ты смълъ!...»
- «Что же было дълать....» отвъчаль я хладнокровпо: «когда не только мать, но самъ мужъ отказался отъ добродътельной женщины?...
 - «И она знаетъ?...»
- «Все знаеть, графъ, для того только, чтобы простить любимому преступнику...»
 - «Лесли.... Берта!...»

Берта проспулась, и я пе стану описывать ихъ трогательного свиданія. Скажу тебъ только, что эти минуты совершенно меня успокоили. Я радовался чужею радостью; я быль счастливъ счастьемъ Берты. Я поняль, что я не влюбленъ, а люблю графиню какъ несчастнаго друга, и услуги мон

возрасли въ собственныхъ монхъ глазахъ; я сталъ цъпить себя человъкомъ и человъкомъ хорошаго сердца, возвышеннаго образа мыслей, — я сталъ гордъ. Эти минуты, Орлей, ръшцли и составили мой характеръ. Краткій разсказъ графа открыль намъ всю истину. Мы видъли, что молодой человъкъ, разлученный съ супругой, пылкій, страстный, не могь устоять противу чаръ молодой кокетки, съ умысломъ паправленныхъ па всъхъ любимцевъ короля. Яковъ съ Карромъ рашили унизить Валлиса, выдать дочь его за женатаго; дальпъйшія намеренія ихъ были тайной, но всеми силами, при содъйствін матери Орселея, Карръ хлопоталъ, какъ бы осуществить этотъ певозможный бракъ.... Хотя Орселей скоро опомиился, хотя долгъ и любовь къ Бертъ взяли свое въ сердцъ легкомысленнаго юпони, по дъло было подвинуто слишкомъ далеко.... Не оставалось путей къ спасенію; надо было Божьяго вмъшательства, и деспица Всемогущаго, въ самый день прітзда въ Лопдонъ добродътельной Берты пизвергла пепасытнаго честолюбца со всъми его планами. Мириться вообще гораздо трудиъе, пежели ссориться, но въ этотъ разъ вышло наобороть; и это мпогочисленное Шотландское дворянство послужило только свитой для графиии Берты, при торжественномъ ел вътздъ въ Эдинбургъ.... Тамъ уже всъ знали о паденін Карра; ожидали только приговора Лопдонскаго, по осторожный нарламенъ шикого изъ друзей Карра не казпиль смертью; за то болье тридцати лучшихъ Шотландтскихъ фамилій въ одинъ

SECTION AM A SULLINGIAN CO.

день объднъло. Въ томъ числв и домъ графовъ Орселеевъ лишился своихъ замковъ, дворцевъ, помъстій, и сталь бъдень, въ полномъ смысль бъдепъ, потому что гордая графиня съ сыномъ н Бертой должна была со стыдомъ укрыться въ домъ судьи, котораго прежде она допускала въ свои покон только по воскресеньямъ и то для церемопіальныхъ привътствій, и не позволяла ему дружески говорить даже съ дочерью.... Матушка моя была изгнана изь Орселеевскихъ номъстій, и тотъ же инчтожный судья даль ей уголь въ тесномъ своемъ домъ. По бъдность, нищета, все это еще ничего въ сравнении съ потерей свободы. И потому мое положение было самое непріятное. За самовольную отлучку мою изъ Эдипбурга, меня за глаза осудили къ шести-лътнему заключению въ какой-то отдаленный замокъ. Я узналь объ этомъ отъ людей графиии въ день прівзда.... скрывался пъсколько дией у того же судьи; бъжать было не куда; я не зналь на что рышиться; вдругь ночью стучатся у дверей нашего общаго благодътеля.... Кто тамъ? Сиръ Вилльямъ Броверъ, пачалникъ королевско-Шотландской гвардін; именемъ короля вошелъ опъ въ комнату; я весь дрожаль, но прятаться было бы безполезпо.... Опъ взяль меня за руку, не сказалъ никому ни слова и увелъ изъ дома.... Мы шли по улицъ, Броверъ молчалъ; мы вошли въ ганань, Броверъ молчаль; онъ любилъ меня, храбрый Броверъ, по я былъ преступникомъ; я даже не хотълъ у него попроситься въ Лондонъ, не хотълъ посовътоваться: я былъ кругомъ виноватъ,

и уста мон были окованы певольнымъ молчаніемъ. Въ гавани ожидала меня лодка. Броверъ почти толкпуль меня туда, я новиновался; весла всилеснули; лодка поисслась; мы догнали купеческій корабль; и еще той же ночи потеряли изъ виду дорогіе берега милой отчизны. Пе зпаю, сколько дней, недъль, мъсяцевъ шли мы сначала чистымъ моремъ, потомъ стали встръчаться съ огромными льдинами, паконецъ между безчисленныхъ острововъ и горъ льда и ситга вошли мы въ Бълое Море и бросили якорь въ виду Архапгельска. Дорогой познакомился я и подружился съ товарищами.... То были преступники — противу Англіи.... Всъ ъхали искать счастія въ новооткрытую Мо-Богатства этой Америки соблазияли не только купцовъ, по и воеппыхъ людей. Въ томъ же Архангельскъ пристава стали насъ нанимать на службу, торговались, торговались, а копчилось тъмъ, что меня, какъ благороднаго и королевскаго офицера, приняли полковникомъ, другихъ — другими чинами, и я тамъ же получить начальство надъ новымъ Пъмецкимъ войскомъ. Здъсь, уже въ Москвъ, я нашелъ еще одну роту дъйствительно Пъмецкихъ солдатъ; въ короткое время полкъ мой пополнился новыми охотниками.... Педоставало хорошихъ мушкетовъ и того, и другаго; я сталъ ежегодно посылать за этими вещами въ Эдинбургъ добрыхъ и надежныхъ людей, а съ пими и четыре тысячи добрыхъ ефимковъ моему семейству... Ты знаешь, Орлей, какъ опо велико; и педавно еще оно умпожилось новымъ членомъ. Графиия Берта родила сыпа, котораго, по милости царскихъ денегъ, назвали моимъ именемъ. Вотъ Орлей, гдъ мое жалованье! Пе пеняй же, если я не могу помочь тебъ сегодня, потому что капитанъ Фростъ, пе дальше какъ вчера, поъхалъ за мушкетами въ чужіе краи...»

— «Простите, благородный человъкъ!» закричалъ Орлей, вскочивъ съ мъста. «Миъ остается сожалъть, что не осталось пи каили вина, которымъ бы я могъ выпить за здоровье вашего драгоцъплаго семейства.»

III.

EBUXII.

Дальнъйшему разговору помъщалъ Тимоща, шутъ боярина Кречета; опъ вошелъ въ гостинную полковинка съ такою непринужденностью, какъ будто въ спальню своего господина.

- «Что сосъдушка?» сказаль онь, спимая свой длинный колпакъ, на копцъ котораго болталась связка разкыхъ пряниковъ. «Пе спинь; сказки разсказывай, разсказывай, а коли усталъ, я помогу....
 - «Ахъ ты дуракъ!» закричалъ Орлей....
- А ты, небойсь, уминца; у сосъда самый сладкій пряникъ схватиль; да не подъ мочь; назадъ принесъ; только меду сверху маленько полизаль; облизывайся на здоровье; по усамъ текло, въ ротъ не понало.
 - «Вонъ ты, шутъ!» опять прикрикнулъ Орлей.

- «Оставь его, оставь!» сказаль Лесли. «Я радъ сосъду.»
- Вотъ кто умница! Падо съ сосъдями въ миръ жить, да любовь вести.... Не такъ ли, илемянникъ?...»
 - Что ты этимъ хочешь сказать?...»
- «Такъ, пичего! Сказка съ правдой все одпо, что пустыя шти съ говядиной; пустыя, пустыя, а все паешься досыта.... А тебъ, племянникъ, и того мало, вотъ ты и кашицу заварилъ. Только гляди! Пъмцамъ нана спъдъ не въ привычку; здорово ли расхлебаешь!»
 - «Что опъ тутъ вретъ, полковшикъ?»
- «Вру? Да кто тебъ сказаль, что я вру; племянница или племянникь?»
- «Да какой я тебъ племяшинкъ?» спросилъ . Лесли.
- «По племянища и ты мна племянника. Вса мы сродичи. Ужь туть нечего танться.... Пу, а что, если племянница моя, Параша, отъ укуса за-хвораеть? Мна же придется лечить...»
- «Прасковья Ивановна больна?... Кто ее укусилъ?... Что ты тамъ городишь?...»
- «Воть видишь и ты неумница, когда безь обычая говоришь. Это хорошо въ пъснъ: Огородъ городити, а ужъ если съ сосъдомъ, да еще съ дядей ръчь ведешь, страмнаго слова остерегайся... Слышь, племянникъ!... А укусиль племяницу подъ старой липой видно пе ты, а лъний?...»
 - «Какъ, Тимоша?... Опа сказала?...»
 - «Мы не таковскіе, Александро Ульяновичъ!

Прть, мы не таковскіе. Памъ ничего сказывать не надо, когда мы что ни есть сами изволимъ видъть со старой лины, что на заборъ, словно баба, локоткомъ прислонилась. А куда у Бога все хорошо! Въдь знаетъ, гдъ лъстищу, гдъ калапчу поставить.»

- «Такъ ты все видълъ, все слышалъ?...»
- «Обопъ полъ стъпы, по ту и по сю сторорону, лъвымъ глазомъ и правымъ глазомъ, племянника и вотъ этого насыпка, въ темныхъ Муромскихъ лъсахъ, на охотъ: какъ они пушнаго
 звъря товили. А знатные звърки.... И бусурманка
 не что; ловко ее съ природы смазало; здобная
 такая; только жъ куда некрещеной прелести противу нашего боярскаго рода! Видно, по чину
 и родичи. Кто постарше, тому и получше »

Лесли и Орлей, повъсивъ головы, стояли въ раздумый. Тимоша, подбоченясь, посмъпвался, да покачивался съ боку на бокъ.

— «Что вы такъ не веселы? Что посы повъсили? То-то и есть!

Ахъ, зачъмъ было ихъ вверхъ задирать? Ахъ, зачъмъ было вамъ по саду гулять...

Пу чтобы тебъ боярыщпю боярамъ оставить, а въ мою родную племянницу втюриться.... Все бы легче; Лукьянъ Стенановичъ — простой человъкъ. Пе сталъ бы ломаться, даромъ что подъ Можайскомъ живеть; дочка па моихъ рукахъ....»

- «Это та, другая, прислужища?...»
 - «Да, да, прислужница! Стара шутка! Я по-

шутиль и скорье тебь боярышню отдамь, чьмъ Евдокію Лукьяновну; мнь старый хозяннь, даромъ что братцемъ зоветь, такъ бока за нее пакостыляеть, что ну да два. Простой онъ человъкъ, да страшнъе всякаго боярина ... Пу, прощенья просимъ. Мы довольно поговорили; теперь надо службу править; боярину и сосъду, каждому свое дъло разсказать! »

- «Что ты хочешь дълать?» вскрикнули и капитапъ и полковникъ.
- «Говорять вамь толкомь: службу править. Въдь за то насъ кормять, поять, одъвають, иноразь и деньги дають.»
- «Да и мы тебъ дадимъ...» сказалъ Орлей: «только молчи!»
- «Вотъ, бъда, пасьшокъ! Совсъмъ молчать забылъ. Пу, да про тебя, не куда шло, если заплатишь, буду отъ сосъда сторонить, такъ авось не проболтаюсь; ну, а съ боярипомъ съ утра до ночи съ глазу на глазъ.... Право не знаю.... Послушай, племяншкъ, да лучше ты самъ ему все скажи, такъ тогда и мнъ молчать не нужно.»
- «Я?» спросиль Лесли и покрасивль: «Я?... Мив смать думать, что Прасковья Ивановна....»
- «Да что Параша, ей всякой молодецъ жешихъ, а ты же ей и по сердцу припелся.»
 - «Я?... Тимоша, разсказывай, разсказывай!...»
- «Стой, попытаюсь, умъю ли я молчать. Пу я молчу. Знатно, Тимоша, ай да Тимоша, знай себъ молчитъ! Слова не говоритъ! Экое чудо! Отродясь не слыхаль, какъ я молчу....»

- «Пе мучь Тимоша? Ефимокъ дамъ....»
- «Два?..»
- «Два!..»
- -- Tpu?.. •
- «Tpn!..»
- «Давай три ефимка и ступай къ боярину. Въдь ты почитай Воевода. Царской милости и любви на тебъ не мало.... Отказъ не обухъ.... Шишекъ па лбу не будетъ; попытка уда; иной разъ на дряпнаго червяка стерлядь вытащишь.... Ты же воепной стати человъкъ. Храбрости хватитъ, молодечества достанетъ. Какъ ни великъ медвъдь, а если съ доброй спаровкой мътко рогатиной озадачишь, сдастся. Слышишь, а мой Кречетъ, не Лукьянъ Степанычъ.... Право приходи; а въдь если не придешь, хуже будетъ, я самъ все разскажу.... У меня въдь боярышия па сердцъ.... Зачъмъ ты ей показался.... Въдь пе я, ты виноватъ, такъ пустой любовью не безчесть! Сватайся!...»
 - «Да развъ опа тебъ сказывала?... Тимоша... ради Бога....»
 - «Видио у тебя есть еще три лишийе ефимка; да я ужь самъ не хочу.... Говорятъ тебъ: показался. На то двери и уши, чтобы чужія мысли знать....»
 - «Что же она говорила?...»
 - "lluyero!"
 - «Какъ шичего, ип одного слова?...»
 - «Ин одного слова....»
 - «Такъ какъ жо ты узпалъ?...»

— «Эхъ ты, уминца! Коли ахъ за охомъ, да вздохъ за вздохомъ перекликаются, такъ ужъ върпо въ сердиъ красный бъсъ сидить. А ты знаешь красный па любовь, а черпый па зло по-казываеть; все одно, что корова на погоду.... Прощай!...»

Тимоша шибко побъжаль по льстниць, въ калитку, па боярскій дворь, да прямо въ терема стараго дома, куда уже переселился бояринъ со всъмъ семействомъ. Съппыя дъвушки, какъ говорится, уже были вставши, чесали косы другь дружкъ; смотръли черезъ узкое окно на пепелище, па краспое солнышко и шептались. Откуда ни возьмись Тимоша: ту дерпетъ за косу, другую ущиниетъ, третью защекочетъ. Подпялась суматоха, крикъ; изъ опочивальни вышла Евдокія Лукьяновна посмотръть, какъ старикъ забавляется.

- --- «Видинь ты, чучело...» сказала съпная дъвушка: «видно, ты боярышию разбудилъ....»
- «Пъть, инчего, Тимоша...» сказала Евдокія Лукьяновна: «Параша и не раздъвалась. Всю ночь такъ промаялась.»

Тимоша вошель въ спальню Параши и сказалъ сурово: «Полю, племянища! Стыдно! Что ты у меня, дитя, что-ли? Велика бъда, что полюбился Пъмецъ! Мало ли кто полюбится, такъ ужъ и не спать...»

Параша покрасивла; Евдокія смотръла на него въ оба.

-- «Я быль и у Пъмца. И тоть по спить да воркуеть. Воть тебъ и пожаръ; горъло дерево, а

людей туппть приходится.... Ого! да и въ этихъ теремахъ жить вамъ нельзя! Окна противъ оконъ... Чего добраго; надо пойти сказать боярину....

- «Тимоша.... Тимоша!» закричала Параша: «Въчная ссора, еслп...»
- «Видинь, племянница, зачъмъ сразу дядъ не повинилась. Признавайся, любишь?...»
 - «А ты пойдешь, да отцу скажешь....»
- «Такъ пе говори, племяпцица. Ты ужъ все сказала....»
 - «Да что же я сказала?...»
- «Пу благо, что Пъмецъ идетъ... Пойти вельть ворота отворить; придетъ по добру по здорову; да у насъ отъ стараго пожара чадъ, угоръетъ, обожжется, полечится у Пъмецкихъ знахарей—и выздоровъетъ; а тебъ, племяница, нужно
 будетъ соппаго масла дать, да еще чего пибудъ
 въ придачу, такъ дъло и уладится....»
- «Тимоша, Тимоша!» кричали объ дъвушки; по шуть уже клапялся боярину и поздравляль его съ обновкой.
- «Съ какой обновкой?» спросилъ Кречеть, сидя въ большихъ старишныхъ креслахъ и сводя итоги.
- «А вотъ съ той обновкой, что будетъ; ты чай на бумагъ новыя хоромы строишь: такъ ужъ не трудись теремовъ дълать. Пока домъ съ земли за уши подымутъ, дъвушекъ на боярскомъ дворъ не будетъ. Газберутъ!...»
- «Что ты говоришь. Видно ты, гдв ни есть, про сватовъ заслышалъ. Только, признаюсь, я на

Москвъ всъхъ жениховъ знаю. Всего трое, да и тъ по нашему роду пе приходятся. Боюсь я, что Параша долго въ дъвкахъ просидить.»

- «Пу, братецъ, это ужь не твое дъло. У насъ нышче мпого новаго. Пъмецкое войско одно чего стоитъ. Пе равенъ часъ, еще прилучится какая бъда....»
- «Хорошо, что ты мив вспомииль. Пошли за полковшкомъ. Падо его за труды паградить соболями, золотомъ, серебромъ, всякимъ добромъ, чтобы люди про пасъ худаго не говорили.»
 - «Ой, братецъ, мало!»
- «Что ты, Тимоша! Сорокъ соболей, сорокъ черныхъ лисицъ; это за меня.... Золотое блюдо, серебренный ларь съ посудой, по куску парчи и веницейскаго бархату; это за дочь.... три бочки вина, меду и инва, за Евдокью; да за прочихъ людей добраго коня по его выбору.»
 - «Ой, мало! Пе возьметь!»
- «. la что опъ, съ торгу выручалъ меня, что ли?...»
- «Почитай съ торгу! Видълъ онъ у тебя жемчужину....»
 - «Какую жемчужину?...
- «Да воть пускай самъ разскажеть. Пришель. Можно пустить?...»
- «Поди! Стану я съ нимъ говорить. Отдай ему подарки; чай уже казначей все приготовилъ, да и проводи....»

Тимоша ущель и воротился:

- «Вотъ...» сказалъ онъ: «я и не пророкъ, а отгадалъ. Ничего не хочетъ; къ тебъ просится.»
- «Поди, скажи, что я съ простыми людьми не говорю.»

Тимоша опять пошель и опять воротился.

- «Пъть, бояринъ, съ нимъ не сладишь. Баитъ, что опъ съ царемъ говоритъ: такъ боярской чести ръчью своей не уронитъ.»
- «Вотъ присталъ! Ну, зови; только гляди, пикому не сказывай!...»

Вошель Лесли; за инмъ Тимоша.

-- «Что тебъ надо?» спросиль бояринь, не глядя на полковпика.

Лесли смъщался и не могь начать ръчи. Гдъ же благодариость, на которую опъ такъ много разсчитывалъ? И благодарность за спасеніе жизни его, боярина, и Параши! Лесли пылалъ досадой за себя и презръціемъ къ боярину. Тимоша почелъ за нужное вмъщаться въ ихъ разговоръ и выручить обоихъ изъ затруднительнаго положенія.

- «Слышь ты, нъмецъ...» сказаль опъ: «говори боярину все, какъ отцу родному; опъ у меня, хотя и младшій брать, да добрый такой... Говори, говори, опъ тебя помилуеть.»
- «Если бъ я могъ надъяться...» отвъчалъ Лесли: «что твое боярское вельможество не отвергнетъ моего предложенія! Давно уже я люблю твою дочь; но вчера только я могъ убъдиться, увъриться въ моихъ чувствахъ. Вчера только я попялъ, что я несчастныйній человъкъ, если ода не будеть моею женою!»

Боярить разннуль роть, выпучиль глаза и глядъль па Лесли съ безсмысленнымъ удивленіемъ. Лесли продолжаль:

- «Бояринъ! Я удивилъ тебя моею дерзостью, но...»
- «Пать! Пичего!» сталь говорить Кречеть, едва складывая слова: «Бываеть на свътъ и такая бользиь. А что Тимоша, онъ на людей не бросается...» Прибавиль бояринь тихо. Тимоша отвъчаль также: «Пъть! Онь только на дъвушекъ нападаёть и любить кусать ихъ въ руку...»
- «Экой педугъ!» сказаль Бояринъ громко. «А что, у васъ есть въ полку и врачи? Неужто бользян и помочь пельзя?»
- «Я попимаю, бояринь, твою презрительную шутку, но клянусь Богомь, пе сержусь. Вижу только, что твои обычаи противиы моему поступку. Я пе могь медлить, засылать свахь, переходить черезъ всю цъпь твоихъ обрядовъ... Я и иепуждаюсь въ нихъ, потому, что я уже видълъ Парасковио Пвановну!...»
- «Во спъ, что ли? Видипь, недугъ съ горячкой! Поди же, пожалуй, проваливай; я пе врачь; ступай съ Богомъ!»
- «Путка бояринъ можетъ сдълаться обидой. Я не прощу обиды... Я не съумасшедній!»
 - «Господи Боже мой!» сказаль жалобно бояринъ: «Такъ кто же ты! Пу, самъ посуди, какъ я долженъ о тебъ думать...»
 - «Какъ о честномъ и благородномъ сановникъ Царскомъ.»

— «Да я такъ и думаю, только съ прибавкой: что тебя сегодия на пожаръ видно трудъ уходилъ, дымомъ голову повредило; вътромъ проияло. Вотъ что я думаю... А если бы я этого не думалъ, такъ въдъ у меня малая толика людей дворовыхъ... Мы бы тебя за такую шутку по свойски отподчивали!... И какая это шутка? Такой обиды чай ни одному боярицу, при самыхъ самозващахъ, приглотигь не приходилось. Да ужъ не даромъ примътчицы говорятъ: бъда одна не ходитъ, а ужъ если гдъ пожаръ, такъ жди всякаго недобраго... И я...»

Бояринъ не уснълъ окончить. Вошелъ царскій прислужникъ и подалъ Кречету указъ.

— «Прочти!» сказалъ боярипъ Тимошъ, а тотъ ирочелъ.

«Льта семь тысящь сто тридцать четвертаго, іўнія вь 10-й день Государь и Великій Князь Михайло Өеодоровичь, всея Россіи Самодержець, совътоваль съ Отцомъ Своимъ Великимъ Государемъ Святьйнимъ Патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ, Московскимъ и всея Россіи и съ Матерыю Своею Великою Государынею Инокою Мароою Ивановною, чтобъ ему Государю сочетатися законному браку, въ наслъдіе роду Его Царскаго. И Великій Государь, Святьйшій Патріархъ, Филареть Пикитичь, Московскій и всея Россіи и Великая Государыня Инока Мароа Ивановна, Сына Своего Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Өедоровича, всея Россіи, сочетатися законному браку Слагословили. И Государь Царь и Великій Князь

указаль, какія на Москвъ пи есть дъвицы княжескаго и боярскаго роду, іунія въ 11-й день, послъ вечерень, матеремъ или ближнимъ сродичамъ отвести тъхъ дъвицъ къ Великой Государынъ Инокъ Маров Ивановиъ, и велълъ тотъ указъ подписать думпымъ дъякамъ, Ивану Грамотину, да Өедору Лихачеву, да...

По бояринъ уже песлупалъ окончательныхъ формулъ тогданнихъ указовъ; лице его сіяло радостью; онъ поднялся съ креселъ торжественно, посмотрълъ на Лесли презрительно, сказалъ ему съ лукавою усмъшкой:

- «Воть для моей Парании женихъ, такъ женихъ!» II ущель медленно и важно во внутренние покон...
- «Да!» прибавиль Тимоша: «Съ такими жепихами не потягаешься... А ужъ на Москвъ давно слухъ живеть, что краше моей Паращи во всемъ царствъ дъвушки пътъ...»
- «Все погибло!» сказаль Лесли. Ни дядя Тимоша, ин самъ гордый отецъ не были такъ увърены, какъ Лесли, въ томъ, что выборъ падетъ
 непремънно на Прасковыю Ивановну, потому что
 полковникъ любилъ красавицу больше и дяди и
 отца вмъстъ.

IV

выворъ царской невъсты.

Смотръ копчился. Дъвушки сбъжались въ одпу кучу и поздравляли веселую Парашу. При каждой была служанка изъ дальнихъ родственницъ, изъ бъдныхъ дворянокъ; между ними была и Евдокія Лукьяновна; она спокойно убирала разныя принадлежности тогдашняго туалета и только одна не участвовала въ общей радости....

- «Жаль мив этого ивмца!» подумала она: «Кръпко полюбилъ онъ Парашу. По Богъ милостивъ, найдетъ онъ себъ другую любовь. Вольная птица. Какъ прикажещь, Параша, оставаться ли при тебъ или домой ъхать?
- «Да съ чего вы взяли...» спросила Параша весело: «что Царь выбралъ меня?»
- «Какъ, съ чего взяли?» сказала одна изъ княженъ и боярышень: «Государь простоялъ возль тебя очень долго, а потомъ пошель такъ скоро, что на насъ и взглянуть не успълъ.
- --- «Такъ знайте же, мон милыя, что онъ и на меня не больше раза взглянулъ....»
 - «Такъ на кого же смотръль онъ?

Параша не успъла отвъчать, двери растворились, вошли прислужницы съ Верху, т. е. изъ царскихъ теремовъ, гдъ жили Царевны; прошли мимо всъхъ боярышень, спросили Прасковыю Ивановну, потомъ у Прасковыи Ивановны, гдъ ея комнатиая дъвушка; Параша показала на Евдокію и прислужницы поклопились ей въ землю... Евдокія испугалась и стала кричать... Всеобщее изумленіе и радость, непритворная радость одной только Параши, все это вмъстъ представило чудную картину.

— «Успокойся, Государыпя Царевиа!» сказали

дввушки съ Верху: «Государь избраль тебя для своей Царской радости. Иди съ нами!...»

- «Пе правда, не правда!» кричала Евдокія: «Опъ выбралъ Паращу....»
- «Тебя, Государыня Царевна, не гиввайся на насъ; мы только правимъ волю Его.»
- Параша, Параша!... Чего онв хотять отъ меня! Растолкуй имъ, что я бъдная дворянка, что инъ Царицей быть не приходится....»
- «Всъхъ бояръ...» отвъчала Параша: «Царъ боярами сдълалъ, такъ ты не упрямоя и не гиъви Великаго Жениха твоего.
- «II ты то же, Параша?» со слезами сказала Евдокія.
- «И я то же...» отвъчала Параща, кланяясь ей въ ноги: «радуюсь и поздравляю тебя, Евдокія Лукьяновна! Ты достойна быть Царицей! Богъ тебъ для такого сана и образъ небесный и ангельское сердце даровалъ. Пе оставь меня своею милостью, какъ ты не оставляла меня своею дружбой и любовью!»

- «Hapaina!»

Подруги обиялись и сладко плакали... Между тъмъ, не смотря на глубокую ночь, на перекличку пътуховъ и темноту улицъ, Москва, не въ примъръ другимъ днямъ, не спала; по улицамъ стучали колымаги; бояре ъздили одипъ къ другому и заключали между собою союзы па случай выбора невъсты изъ того или другаго рода. Избраніе Царской певъсты было всегда слишкомъ важымъ событісмъ въ боярской іерархін; молодые

сродичи Царицы возвышались на счеть отараго. боярства; печувствительно среди могущественныхъ, тъсно связанныхъ партій, возставала новая, сильпъйшая и способностями и вліяпіемъ. Надо было обновить союзы, укръпиться впередъ противу того или другаго рода, придумать плапы новыхъ, козпей, и все это дълалось за скоростью въ самую ночь выбора, потому что утромъ многіе бы пристали къ противной сторонь; надо было размвняться словомъ-и тогда уже отставать не годилось. Больше встхъ хлопотали отцы, которые знали, что дочери у нихъ красавицы и потому не удивительно, что бояринъ Кречеть всю почь не быль дома. Тимоша воспользовался отсутствіемъ боярина и пошелъ на вечеринку къ Орлею. У капитана въ тоть вечеръ были гости. Между ними печальный Лесли и Мустафа, купецъ Персидскій, задушевный друго капитана Орлея. Онъ дълалъ въ угодность хозянна все, что только тому на умъ ни приходило: плясалъ, пълъ, пилъ пиво, а Орлей только подхваливалъ Мустафу, только восхищался его талантами и не зналъ чъмъ повеселить дорогаго ГОСТЯ....

- «Слушай, другъ!» сказалъ Орлей, ударивъ по плечу Мустафу: «Ты моей ротъ по рублю далъ за усердіе: такъ ужъ позволь мит разсчитаться съ твоими людьми, позволь угостить ихъ виномъ и ужипомъ....
- «Много будеть, капптапъ, мпого будеть, ихъ больше чвмъ три десятка.
- Вотъ вздоръ какой! Знаешь ли, у насъ,

Англичанъ, у простыхъ офицеровъ бываютъ балы на тысячу персонъ. Тутъ въ Москвъ боярская спъсь мъщаеть, а то бы я задалъ такой пиръ, что царство бы ахнуло. Вели позвать своихъ людей, а то если мой король узнаетъ, скупцомъ назоветь. Не обижай друга!»

- «Да они вина не будуть пить...»
 - «Вздоръ, будутъ, только ты не мъщай!»
 - «Постой же, я самъ за ними схожу.»

Столъ для Персіянъ давно быль готовъ на узкомъ дворъ подъ навъсомъ. Гости не чинились. Орлей скоро достигь цъли всъхъ гостеприменахъ хозяевъ. Перепились Персіяне и побрели домой чуть чуть пе на четверинкахъ. Между тъмъ Орлей усадилъ главнаго друга за шахматы съ полковымъ лекаремъ, подливаль въ стаканы какой-то сладкій сокъ и дело кончилось темь, что все гости Орлея уснули, гдъ кому случилось, кромъ одного Лесли. Полковникъ давно уже оставилъ шумное общество и бродиль по Кремлю, около царскаго чертога, гдв множество колымагь и прислужниковъ толковали о необыкповенномъ съъздъ... Орлей больше другихъ старался опонть шута; Тимоша не позволиль себя упрашивать и первый нализался сладкаго яда, по на бъду, первый просиулся, протеръ глаза, всв спали, всв вчеранийе собесъдники были на лицо, не доставало одного Ор лея.... А гдъ же быль Орлей? Онь давно уже забрался на Персидскій дворъ, съ величаниею осторожностью прошель мимо спящихъ людей; отравиль псовъ, и не смотря на глубокій мракъ. нашель сладь огня сквозь щели одной ставии. Смотрить: тамь Фатима одна.... Ставия распахпулась, Фатима отперла окно, узнала капитана,
сначала было вздумала перепугаться, но проворный Орлей уже быль въ компать, уже потушиль
огонь, и Фатима сама уже стала говорить ему:
«Тиха, тиха, не говори такъ не тиха, мужа услышить.»

- «Гм!» сказаль Тимоппа, оглядываясь: «Мужъ пьяпъ, а у жены похмълье.... Вотъ поди, чего пе выдумаетъ заморская хитрость! Экой проказникъ! Выдать его, уши обрубитъ; не выдать заплатитъ....»
- «Пепремъппо...» сказалъ Орлей, входя въ компату: «По также пепремъппо поколотить, если вто станстъ о такихъ важныхъ государственныхъ тайнахъ разсуждать вслухъ....»
- «Да что же ты хочешь меня въ свои думные дьяки взять, что ли?»
- «Пожалуй, хотя мив вовсе секретаря не нужно. Всъ мои политическія спошенія съ Персидскимъ царствомъ производятся живымъ языкомъ и наличными деньгами. И ужъ если ты непременно хочешь получить при мив выгодное мъсто, изволь; я принимаю тебя на службу, ты по-Персидски не знаешь, во все равно, жалую тебя въ толмачи.»
- «Милости твоей благодарствую; а великъ ли будетъ окладъ?»
- «Молчи!... Я примъчаю движение въ непріятельскомъ станъ. Молчи и спи!...» Орлей упалъ

въ первыя пустыя кресла, Тимоша растянулся на полу и оба усвули.... По за то проспулся Мустафа, протпралъ глаза и не върилъ, что проспулся... Мало по малу опъ сталъ припоминать событія вчеранняго дня и улыбался, покачиваль головой, поглаживалъ бороду и опять улыбался.... Онъ не сводилъ глазъ съ серебряныхъ стопъ и съ немецкихъ бутылокъ; примътно было, что съ этой стороны ему поправилась Европа.... Пе извъстно, какія послъдствія должны были произойти изъ этого созерцательнаго состоянія духа Мустафы, потому что глубокомысленныя, истинно восточныя его размышленія были прерваны върными Персіянами. Они раскричались еще на дворъ и разбудили всъхъ собесъдниковъ.

- «Что случилось, что случилось?» кричалъ Мустафа.
 - «Злые духи всъхъ твонхъ псовъ отравили.»
 - «Всъхъ трехъ?»
 - «Всъхъ трехъ!»
 - «А товары? а Фатима?»
 - «Цълехонки!»
- «О, это видно хитрый воръ былъ у тебя...» сказалъ Орлей значительно: «Сначала отправилъ собакъ, потомъ и до людей доберется. Иди къ полковнику, Мустафа; проси, чтобы онъ тебъ далъ съ полдюжины добрыхъ солдатъ; пускай у тебя живутъ будто на постоъ. Расходъ вздорный, а ужъ за то безопасно.»
 - -- «Ахъ, какъ бы это было хорошо!» сказалъ

Мустафа умильно: «По полковникъ такой злой; вчера со миой слова не сказалъ.»

- «Это съ виду, а въ самомъ двлв Лесли первый человъкъ на цъломъ свътв.... Да ты по-жалуй пе трудись. Для добраго друга я самъ объ этомъ похлопочу, а ты ступай теперь домой, погляди самъ, пъть ли гдъ изъяна какого; что на людей полагаться....»
- «Воть другь!» сказаль Мустафа: « и двломъ и совътомъ....»
- «Воть козель!» прибавиль тихо Тимоша; «Видио, у него въ огродъ много всякой зелени; другаго козла на помощь просить.»

Собестдники стали расходиться, хотя на дворъ только что заря занималась. Вдругь загудъль Иванъ Великій и, за исключеніемъ Мустафы, всв броснлись къ Кремлю: всв знали, что этотъ колоколъ созываеть всъ духовныя и мірскія власти, да услышать, кого Государь выбраль себь въ царскую радость. По въ Кремль не было шикакой возможности протъспиться. Всъ ворота были не заперты, а залиты пародомъ. Въ Успенскомъ Соборъ собрались всъ государственные чины. Ожиданіе было панисано на всъхъ лицахъ, можно было какъ па лапдкарть указать, какъ въ эту почь раздълилась Москва на нартін, потому что каждая оть другой отдълялась явственными проходами; по этимъ дорожкамъ могли свободно пройти два человъка жь рядъ. По средпив воздвигнуть былъ небольшой амвоиъ. Послъ третьяго удара въ большой колоколь, па амвоиъ вошелъ думный дьякъ Грамотинъ,

и объявиль, что Государь избраль въ невъсты дъвицу Евдокію, дочь Можайскаго дворявина Лукьяпа Степаповича Стрешнева. Своды Успенскаго храма застонали, и одновременно изъ устъ боврскихъ вырвалось единодушное удивление. Всъ опечалились. Пикто не могъ попять, откуда инспослана Государю эта невъста; который родъ отъ выбора этого получить пользы; которые потеряють. Боярипъ Кречетъ больше всъхъ былъ опечаленъ. Въ первыя минуты общей смуты, опъ даже забыль, что певъста его родственница, что ближе всъхъ къ нему царская милость; и тогда только опомпился, когда кто-то изъ бояръ спросилъ у него: да не при твоей ли дочери Царевна была въ прислужищахъ? Въ это мгновенье оскорбленпыя падежды, злоба, месть, досада, стыдъ, все проснулось въ сердцв Кречета; разумъ его сложиль слово проклятія ... по опъ вспомпиль, что Евдокія—певъста Царя.... и опъмълъ, и бормоталъ несвязныя ръчи, и разсмънилъ самыхъ степеппыхъ саповинковъ.... Какъ бы то ин было, воля великая объявлена и-педовольные бояре потянулись изъ Успенскаго Собора на Красное Крыльце.... Пародъ, наполиявшій и окружавшій Кремль, громко прославляль мудрость цареву. Крики радости потрясали воздухъ, колокола гудъли, Тимоша бъгаль изъ улицы въ улицу по всему сосъдству и кричалъ: «Паша взяла! наша взяла!...»

٧.

цинцинатъ.

Въ двухъ или въ трехъ верстахъ отъ Можайска, по Московской дорогв, лежала небольшая деревия, а за ней на холмикъ стоялъ господскій домъ, не большой, съ немпогими службами, но чистый, опрятный; отъ дома, къ пахатному полю, по холму, лъпился довольно общирный молодой садъ. Утро едва заиялось на востокъ и позлащало - бъдный городокъ Можайскъ съ его единственнымъ .1ужецкимъ мопастыремъ и немпогими церквами. Вдали синъли Москва ръка и Можайскіе холмы... День быль прекрасный. Золотая жатва мягкимъ ковромъ стлалась вокругъ господскаго дома; но нолоса, примыкавшая къ Московской дорогъ, не была засъяна; на ней въ трехъ разныхъ мъстахъ шли три лошади, и тащили за собой три сохи и трехъ работниковъ.

- «Копчай, Евлампій!» сказаль одинь изъ нихъ въ красной рубахъ, въ чистыхъ бълыхъ исподпяхъ, въ легкомъ колпакъ изъ простой соломы, весьма искусно сдъланномъ: «Сережа, видишь, кончаетъ, я тоже, а ты сегодня, кажись, птицъ заслушался.»
 - «Жаворопокъ, баринъ...» отвъчаль Евламийй.
- «Ужъ и жаворонокъ. Мало ли какихъ у Бога птицъ нътъ. Слушай себъ сколько хочешь,
 только сегодия падо всю эту полосу кончить до
 объдень. Сегодия, ты знаешь, праздинкъ, хотя
 работать можно, да все таки къ объднъ сходить не
 мънаетъ. Въ нашемъ городъ и колокола добраго

насъ и не дохватитъ, а чтобы не опоздать, всегда къ первому часу придень; и ужъ скоро весь часословъ буду знать. Пу, Евлампій, вусть себъ жаворонокъ поеть, въдь и онъ дъю дъластъ. Пе льнай ему работать.»

- «Охъ, плохо, баринъ! Не будетъ проку въ нашей работв. Чернецъ идетъ.»
- «Охъ плохо, Евлампій, не будеть проку съ твоей работь, когда ты слугь Божьихь бабыми сказками обижаець.»
- «Ей, баринъ, праздникъ... чернецъ... бросимъ лучие сегодня работу. Времени хватитъ. Погляди: у сосъдей яроваго еще и не съяли, а у тебя подъ паръ почитай земля готова.»
- «Воля твоя, Евлампій; въдь ты миз не изъ дружбы, не изъ кръпости работаень, а изъ илаты. Не хочень, ступай съ Богомъ, а я другаго найму, а если времени хватитъ, такъ и самъ доработаю. Вотъ и Сережа! Что? Кончилъ?...»
 - «Кончилъ, баринъ.»
- «Пу, воть тебв твонхъ семь денегъ, да возьми мое спасибо въ придачу.... а соху и лошадку потрудись на мъсто поставить.»

Сережа получилъ деньги, поклонился, приподнялъ соху и погналъ лошадь къ господскому двору. Въ это время, черпецъ поровнялся съ нашими новыми зпакомцами:

- «Богъ помощь!» сказалъ опъ.
- «Спасибо, честной отецъ; куда Богъ ведетъ?»

— «На Москву, Лукьяпъ Степановичъ; на Москву, на монастырь; право неохотно, да что будешь дълать. При самозващахъ, всв волости наши раззорили; а и тъхъ то сколько, самъ знаешь; весь доходъ пошелъ на то, чтобъ крестьянъ пообстроить, да поустроить, такъ иътъ, и крестьянъ состдийе бояре смащим, придетъ юрьевъ) депь, сотиями приходятъ въ монастырь, расплатятся, бросятъ по дены въ кружку, иногда съобща молебень отправятъ, да и переходятъ къ боярамъ. А что досадно, есть и указъ Василья Иваныча Пуйскаго; опъ было всъхъ крестьянъ на мъстахъ закръпилъ, да поди теперь съ боярами тягайся; у пихъ и люди наши, у пихъ и Царская дума. Пе совладаень.»

Лукьянъ Стенановичь Стренневъ (то былъ знаменитый родитель Государевой певъсты) носмотрълъ на чернеца съ неудовольствіемъ и сказаль:

- «Въ Евангелін и во всъхъ священныхъ кингахъ много писано о томъ, что житейскія хлоноты не наше дъло. Такъ ли, отецъ Іоасафъ?
- . «Такъ!»
- «Вогъ у меня крестьянь было рабочихъ душъ триста; да роденька по сосъдству, бояринъ, изъ первыхъ боярскихъ родовъ; онъ, для забавы, и давай смашивать моихъ крестьянъ; да не одното, не двухъ, а всъхъ вмъстъ; такъ что въ флинъ порьевъ день я остался съ большими землями, да

^{*)} Всімъ изністный древній обычай, по которому крестьяне могли въ этотъ день переходить отъ одного владільца къ другому.

съ двумя руками. Эти руки — были мои. Земля даръ Божій что ему впуств лежать; вотъ я и пошель къ боярину и говорю ему: Пванъ Александровичь, люди мои тебя полюбили, да и я тъхъ людей люблю; ушли отъ меня, Богъ съ инми; только пускай и землю съ собою возъмутъ....»

- «Что же, Лукьянъ Стенановичъ, бояринъ взяль землю?»
- «Взяль, да въ придачу дурака моего и друга сманиль. У меня остался вотъ этотъ домишко, да поле что видинь. Съ меня довольно... Я въ то время быль не такъ еще старъ, жена со вторымъ ребенкомъ ходила; меня горе не тронуло, ну, а женщина не смогла; и ребенка мертвымъ родила и сама умерла. Въ цъломъ дворъ остался я, да маленькая дочка лътъ десяти. Взялъ я на руки ее, да и отнесъ къ боярниу. За Ивапъ Александровичемъ была моей жены впучатная племянища добрая, умная женщина. Я ей и отдалъ дочку, пусть растетъ съ боярской дочкой до замужства, однольтки. Да вотъ придется скоро итти на Москву, дочку замужъ выдатъ; бъдность, правда, да собой хороша, жениха найдетъ.»
- «Какъ же ты, Лукьянъ Степаповичъ, теперъ живень?»
- «Какъ Богъ велитъ. Работаю. Вотъ, признаюсъ, и вамъ я посовътовалъ бы тоже. Что чужими руками жаръ загребать. Трудъ Божіей службъ не помъха. А васъ на монастыръ сколько?»
 - «Да разно. Иноразъ двадцать, иноразъ три,

четыре. Ты знаснь; у насъ и монахи, что крестьяне, поживутъ, поживутъ, прискучится да и въ путь, а куда — Богъ въдаетъ *). Да и ты, Лукьянъ Степановичъ, будто все поле и всъ работы самъ въдаень....»

- «Первый годъ все самъ, да умаялся. Богъ благословилъ, знатный урожай былъ, деньги завелись, я и давай наниматъ, да только для жатвы, сънокоса, или вотъ когда пахатъ придется. У меня паемникъ столько сдълай, сколько я; больне пе требую. Такъ, право, отецъ Іоасафъ, не повъришь, столько времени, что куда дъватъ не знаю. Погляди какъ садъ-то у меня зеленъетъ. Иятый тодъ, не больше, а ужъ естъ гдъ и посидъть, и книгъ почитатъ; дай Бой здоровье вашему Можайскому протојерею. Опъ сердечный въ зимніе мъсяцы ко миъ почитай каждую недълю два три раза ъздилъ; Латипскому языку наставилъ; хотимъ на эту зиму за Еврейскій приняться.»
 - «Да зачьмъ тебь все это?»
- «Эхъ, отецъ loacaфъ! Землю что годъ надо перекипуть, такъ и разумъ; а не то дурпой травой поростеть. Тъло работаеть только для тъла. А душа-то причемъ останется? И опа если не знаеть чего, значить и у нее голодъ. Что это, честный отецъ, видно войско какое въ Можайскъ пдеть! Да время кажется мирное...»

^{*)} Въ эти времена монашестнующіе также вийля свободу переходить изъ монастыря въ монастырь, какъ заблаго разсуждали.

— «Пъть, Лукьянъ Степановичь, то Царскіе

Въ это время подъвхали верхомъ дворянскіе двти, за ними думпьті дьякъ Грамотинъ, а за нимь въ золотой колымагъ Кречетъ и еще другой бояринъ; за колымагой тянулся пебольной обозъ и огрядъ коннаго Ивмецкаго войска.

- «Богъ помочь! » сказалъ передовой: «Не знаете ли, гдъ здъсь живеть Лукьянъ Степановичъ Стрешпевъ?
 - «Пе знаю...» отвъчалъ Стрениевъ...
- -- «Какъ не знаешь?» спросилъ изумленный черпецъ.
- «Да разив не видинь, что имъ дъло пе до меня; видно есть на свътъ другой такой, а Царскіе люди со мною пикакого дъла имъть не мо-гуть. Видишь, тутъ цълое посольство.»

Между тъмъ повздъ подингался впередъ. Колымага поровиялась съ пашими собесъдниками, и Кречетъ закричалъ: «Воть опъ, воть опъ! Стой!..»

Поъздъ остановился; бояре вылезли изъ колымаги, всадники сифинлись и окружили Стрешнова... Кречеть, кланяясь въ землю, сказалъ:

- «Быо челомъ Государю моему милостивцу и поздравляю. Дочь твою Царевну Ендокію Лукья- повну Государь избралъ себъ въ невъсты. Радуйся и благодари Господа!»
- -- «Радуюсь и благодарю Господа, что не падо въ Москву тхать жениха искать...»
- «Чго ты это, бояринъ! Гооударь присалъ насъ за тобою, велълъ тебъ эту грамату отдать,

дары къ ногамъ твоимъ положить, и просить тебя въ Москву къ Пему пожаловать...»

— «Милости просимъ въ домъ, честные господа, а тутъ миъ принимать васъ не приходится. Пойдемъ полемъ, ближе будетъ.»

Сказавъ это, Стрешневъ пустилъ соху въ землюи погналъ лопадку... То была послъдняя борозда, которую оставалось провести на всей полосъ, потому что Евламий, во время разговора Стрешпева съ чернецомъ, успълъ окончить свою работу... Лошадь подвигалась медленно. Стрешневъ пе спъщилъ, желая кончить, какъ пачалъ и когда вынуль соху, подозваль Евламиія, расплатился, подпяль соху и погналь лошадку на чистый дворъ. Па дворъ опъ попросилъ гостей въ компаты, а самь отвель лошадь на кошошню; сияль съ нея хомуть; подложиль ей съпа, уставиль соху подъ навъсъ; зашелъ въ опочивальню, умылся, одълся вь добрые, по простые сапоги, въ охабень грубаго сипяго сукна; подноясался; расчесаль съдыя кудри и вышелъ къ боярамъ съ шизкимъ поклопомъ. Грамоту Стрешневъ припяль на колънахъ поцъловалъ Царскую подпись и положилъ образами. Потомъ сталъ принимать подарки, и послъ каждаго клапялся боярамъ. Подали ему наконецъ и платье, въ которомъ онъ долженъ быль ъхать въ Москву.

^{— «}Это что?» спросиль опъ. Ему объясшили.

^{— «}Воть что! Царь хотълъ сдълать миъ удовольствіе; по я этой одежды пе падъпу. Моя знатнъе; та жалованая, эта заслуженая: Царскаго да-

ра не отвергну. Пусть лежить съ другими подар-

- -- «Государь нашъ, милостивецъ!» сказалъ Кречетъ жалобио: «не забудь, что дочь твоя Государева певъста.»
- «Такъ въдь опа, а не я невъста. Чъмъ же я виноватъ, что опа Царская невъста? Это ея, а не моя заслуга. Тутъ моего труда пътъ. И жизпъ и красоту Богъ ей далъ. А я стану чужимъ счастьемъ чваниться!.. Говорите вы, есть вамъ Цар² скій указъ миъ въ Москву ъхать... Ъдемъ, только дайте миъ татарку заложить...»
- «Государь нашъ, милостивецъ! для тебя прислапа золотая Царская колымага.»
- «Повзжайте вы въ ней, бояре. Я вду не къ Царицъ, а къ дочери; мнъ это все не въ приличіе. Я мое мъсто знаю...»

Сказавъ это, Стрешневъ вышелъ на дворъ; выкатилъ изъ сарая илетеную камышемъ татарку, вывель
изъ конюшии лошадь и сталъ запрягать. Посольство сначала съ изумленіемъ глядъло на всъ эти
приготовленія, потомъ всъ бросились помогать
Стрешневу... Запрягли татарку въ одно мгиовеніе;
Стрешневъ взялъ шапку; вывелъ лошадь за ворота; заперъ дворъ на ключь, съль и поъхалъ впередъ; посольство за нимъ; выъхали на большую
дорогу и Стрешневъ поворотилъ въ Можайскъ.
«Пе туда, не туда!» кричали бояре. По Стрешневъ не слушалъ ихъ восклицаній и остановился
только у паперти Лужецкаго монастыря. Отслушавъ объдню, Стрешневъ просилъ на гробъ Пре-

подобнаго отца Ферапонта, ученика Сергія, Радонежскаго чудотворца и строителя монастыря, отслужить благодарственный молебень — и всв полученные имь подарки ноложиль на гробницу Святаго. Поклоиясь честнымъ мощамъ преподобнаго и выслушавъ краткое папутствіе архимандрита, Стрешневъ свяъ въ свою татарку и повхаль въ Москву.

Юный Царь съ нетерпъніемъ ожидаль отца своей будущей супруги. Избравъ невъсту изъ мелкаго дворяпскаго рода, Государь, по соображеніямъ псториковъ, соедипилъ съ влеченіемъ сердца и политическіе виды. Всьмъ извъстны событія перваго выбора съ дъвицей Хлоповой; несчастное, кратковременное супружество съ княжной Долгоруковой; въ обоихъ случаяхъ Царь видълъ, что вся бъда происходить отъ боярского соперинчества; но отъ родии бъдной дворянки нечего было ожидать кромь безконечной благодарности, напряженпаго усердія и слъпаго повиновенія, безъ всякихъ козпей и происковъ, которые, если бы и оказались, то утушить ихъ не представлялось ви какой трудности... Съ примътнымъ безпокойствомъ услышаль Государь о прівздв Стрешнева; вышель въ золотую палату и ожидаль пословь съ будущимъ тестемъ. Стрешневъ вошелъ первый, со всею неприпужденностью, не скажу придворнаго, но философа; поклонился Царю вр земчю всталь и глядъль покойно въ Царскія очи. Юно-· ша Царь смотръль на него съ удивленіемъ.

^{— «.} Іукьянъ Степаповичъ! Богу изволившу...»

сказалъ Царь: «Мы избрали дочь твою единородную для Царской Пашей радости...

— «Я уже благодарилъ Господа за такую великую милость къ моей дочери. Пришелъ благодарить тебя. Прими, Государь, мою благодарность и отпусти раба твоего къ сохъ и нивамъ... Тамъ мое мъсто!»

Удивленіе Царя возрастало.

- «Какъ! Ты не хочешь остаться съ Нами?
- , «Зачъмъ, надежда Государь?..»
- «Какъ, зачъмъ! Ты отецъ моей невъсты...»
 - «Если воля такая, я останусь на свадьбу...
 - «A послъ?..»
 - «Паступаетъ жатва, рабочее время...»
- «По я хочу, чтобы ты остался здвсь, заняль свое мъсто между князьями и боярами, быль намъ-другомъ и совътчикомъ.»
- «Ты мив, государь, послв Бога первый! Приказывай, но выслушай. Я думпому делу не привычень. Какой изь меня будеть сановникь? Одинь бояринь глупь, а у тысячи оть его глупости голова болить. Не хотъль бы я на себв видеть слезь людей невинныхь. Для прислуги твоей домашией я готовь, да старь больно. Теперь я счастливь, а засну оть старости, недалеко и до опалы. Къ чему же я годець, Государь!»
- «Къ дружбъ твоему Государю!» отвъчалъ Михаилъ съ кротостью и протяпулъ къ нему руку. Стрешиевъ поцъловалъ руку и со слезами палъ къ погамъ Царя. По Царскому мановепію

бояре подняли Стрешнева, а Государь сказаль ему ласково:

— «Угадываю твои желанія! Санъ твой при моемь дворъ: — да будеть полная твоя воля; а долгъ твой: не увзжать никуда изь Москвы безъ Насъ и каждый день видъться и со мною и съ невъстой моей... Пойдемъ къ ней!»

Царь съ Стрешиевымъ ушель въ терема, гдв Евдокія Лукьяновпа ожидала родителя... Увидавь отца, Евдокія бросплась ему въ ноги. Стрешневъ поднялъ се, поцъловалъ, перекрестилъ небольшимъ образомъ и повъсилъ его дочери на шею: — «Передаю тебъ благословеніе матери; будь для всвхъ людей земли Русской тъмъ, чъмъ она была для тебя и помии, что я только первый твой сыпъ, пе больше! а дастъ Богъ дътей тебъ, съ каждымъ, отецъ твой одной ступенькой отъ тебя подальше. По изъ виду, т. е. изъ любви его не теряй шикогда... А изъ любви зпачить: дълай все такъ, чтобы ему не покраспъть за тебя. А какъ мит сказали, будто я у Царя и у тебя сегодия должень просить милости, такъ я къ вамъ и просьбы приготовиль. Тебъ, Государь, быо челомъ, - пошли въ пашъ Можайскій соборъ добрый колоколь, а тебъ, Государыня: молись обо миъ, чтобы Господь уклопилъ сердце мое отъ соблазна честей, потому что съ ними я потеряю мое сердце. Воть и все тугь.»

^{- «}Куда жь ты?» спросиль Государь.

^{— «}Позволь мив въ Посквъ осмотръться и поустропться...»

- -- «Въ моемъ дворцв все для тебя готово.»
- «Государь, ты объщалъ мив волю.»
- «Ступай, по не забывай же и ты свойхъ обътовъ.»

На прыльцъ ожидалъ Стрешиела Кречеть со многими боярами, чтобы проводить его въ назначенное жилнице.

- «Пъть!» сказалъ Стрешиевъ: «Пустите меня. Я себъ найду въ Москвъ домъ по моему вкусу, съ садомъ и прудами...»
- «Государь нашь, милостивець!» сказаль Кречеть, низко кланяясь: «возьми мой садь со всъми угодьями. Ты его зпаешь. Возьми его. Тамъ и домъ жилой есть, и церковь возлъ, и шикто тебя не обеспоконть...»

Стренневъ подумалъ и сказалъ: «Хорошо. Спаспбо!»

И въ саду, въ этомъ дорогомъ саду, гдъ разыгралась первая сцепа нашей повъсти, поселился новый Цинцинать, Можайскій дворяниць, Лукьянъ Степановичь Стрешневъ.

VI.

CBATЪ.

Прекрасное уединеніе въ саду Пвана Александровича.

- «Воть, Государь мой и милостивець!» говориль Кречеть, показывая Стреппеву садъ свой и вст его угодья: «вотъ прудъ: туть водятся лещи огромные; прадъдъ еще самъ сажалъ ихъ въ этоть прудь... А тамь другой, побольше, сь разной рыбой; а воть тамь есть птичникь и голубятня... Всякая птица есть, и еще припасемъ...
Воть это у меня льтній домь, только и зимой
жить можно: печи уже при мнъ сдълапы; а туть
цвътники: въ пихъ всякое растепіе; садовникъ это
растепіе у Пъмцевъ перепяль, да и еще перейметь;
сосъдъ у меня Персіяпинъ, у него Цареградскіе цвъты есть. А что тебъ не покажется, только прикажи; — все будеть, какъ въ сказкъ. Только, Государь мой и милостивецъ, не сердись за старое;
право всъхъ людей отдамъ; всъ волости возвращу;
мнъ твоего не надо; а держалъ я все это для твоей
же дочери. Благо, теперь приданаго не надо; все
тебъ возвращу...»

- «Пе нужно! я объ нихъ и не вспомпилъ бы, если бы ты самъ не началъ. Пу, а если пачалъ, такъ отдай мнъ моего дурака Тимошу. Чай, сталъ врать по столичному, по-Пъмецки и Персидски выучился. Что, онъ у тебъ еще?...»
- «Сейчасъ, Государь и милостивецъ, сейчасъ пришлю его; только ты пе говори Государынъ о старомъ времени. Въдь опа дитей въ мой домъ пришла; пичего не знаетъ...»
- «Только ты мят Тимошу пришли! Буду молчать; я въдь и тебъ не попрекнуль; кто старов вспомянеть, тому глазъ вонъ. Ну, бояринъ, такъ пришли мнъ Тимошу, да и оставь меня въпокоъ. Мят старику ваши дворцевые обряды не подъ мочь. Усталь. Пришли-ка Тимошу!»

Бояринъ поклопился и ушелъ; не прошло и че-

тверти часа, два дюжіе холопа тащили за шивороть шута, а онъ кричаль: «Выдаль! Конецъ свъта! Брать возсталь на брата! Выдаль! выдаль!»

Примътивъ Стрешнева, шутъ повалился ему въ ноги.

- -- «Здорово, Тимоша?» спросилъ Стрешневъ.
- «Не совсьмъ...» отвъчалъ шутъ, подымаясь на ноги: «Ломъ въ востяхъ; языкъ свело; говорить не могу, а вы тутъ чего торчите, разбойники?» спросилъ Тимоша, оглядываясь на дюжихъ холоповъ: «Спасибо за проводы, убирайтесь къ черту. Мы съ братцемъ тайности говорить станемъ. Вотъ, любезный братецъ, если бъ у меня ростъ да сила были такія длинныя, какъ языкъ да разумъ, не видалъ бы ты меня. Я бы этихъ медвъдей на Ивана Великаго забросилъ, да и далъ бы тягу. На дураковъ много охотниковъ.»
 - «Да отчего же ты ко мнв итти не хотвль?»
- «Отчего?... Оттого, что ты сердиться, бить станень. Ужь какъ ты тамъ ни уменъ, ни ласковъ, а въдъ я передъ тобой все-таки измънщикъ; все таки я скотъ; утробъ послужилъ; на боярскихъ поваровъ полакомился; брата добраго да бъднаго бросилъ... Ужь не умничай, братецъ, пожалуй не умничай! Въдъ я знаю тебя: ты, чего добраго, если на то пойдетъ, ты мнъ самому докажень, какъ на пальцахъ, что я честный человъкъ... Полно, полно, не гобори!.. я, лучше тебя, знаю... я скотъ, скотъ... Вотъ и все тутъ, а новара не приведи Господи! Вотъ этакую стерлядь я сегодня на кухиъ видълъ. Часъ на нее глядълъ, да все на

пальцахъ выститываль: сколько времени ждать надо, пока она ко мит въ животикъ пожалуеть... Мудреная рыба! Проглотинь, а она все еще во рту плаваетъ...»

- «Слушай, Тимоша! Я старое забыль, да гляди, чтобъ новаго не было...»
- «Да изъ чего я отъ тебя теперь бъгать стану? То было такое, зваешь, голодное время. Самъ вспомпи, чъмъ ты меня кормилъ. Чечевицей да горохомъ, горохомъ да чечевицей. Ты скажешь, что ты самъ то же влъ; да мы въдь слуги. Памъ не приходится того ъсть, что господа кушають... Чтобъ новаго не было. Да чему туть новому быть!... Развъ что съ царскаго объда какое ни есть блюдо мимо тебя ко миъ попадеть. Оно будетъ и новое, да хорошее... Повое... Мало ли чего на свътъ есть новаго, такъ все и дурно. А видълъ ли ты Царскихъ Пъмцевъ?»
 - "ITTL!"
- «То-то же. Вопъ полковникъ выше этой липы. Сердце у него — съ домъ будеть. А тамъ илемянища себъ гуляетъ, да гуляеть, словно въ теремъ какомъ. Поди, а Пъмецъ!...»
 - «Какая племянпица?»
 - A nama, Napama!»
- «Ахъ. Боже мой, а я съ нею и не видался. Пойдемъ, Тимоша. Пе хорошо. Она моей дочкъ другомъ была...»
- Эй, не ходи. Что тебъ межъ дверей палецъ совать.»

ij,

I

5

- «Что ты тутъ врешь, Тимоша! Снимай дурацкій колпакъ, говори человъкомь.»
- «Знаю я твой обычай. У тебя на разный ладъ служить надо; изволь. Пу, я человъкъ. Пол-ковникъ тотъ знатный парепь, почище меня; чутьчуть не ты; понимаешь? По разуму я; по честности ты, ну а по пригожеству ни ты, ни я; понимаешь ли? Былъ тутъ у насъ пожаръ. Опъ боярипа, боярышию и твою великую дочь Царевну спасъ...»
- «Что такое? Онъ спасъ мою дочь, а я ничего не знаю? Такъ, пожалуй, и я твой колпакъ падъпу; честпость оброню... Разсказывай, только докладно и шутки въ карманъ.»
- «Слушаю... Снасъ, всъхъ спасъ, а я самъ спасся, гляжу: горитъ. Думаю: что я, жаркое, что ли? Стану я какъ нечоное яблоко въ золъ наляться; и шарахъ на лину и гляжу на пожаръ, словно съ колокольни. А онъ и припесъ боярышнию въ садъ, и Евдокія Лукьяновна съ ними придти сонзволила. Тутъ и пошли разпыя шашпи... Полковникъ занкался, занинался, да разомъ Парашъ и бухъ: люблю!... Та было ни то, ни сѐ, а онъ: люблю! Словно мельница какая, все на одну сторону вертится, такъ и онъ: люблю, да люблю... Тутъ насъ всъхъ бояринъ разогналъ... А полковникъ на другой день прямо къ нему, къ боярину, и онять бухъ, какъ изъ нъмецкой пунки: подай миъ Парашу въ жены!...»
- «Слава Богу!» сказалъ Стрешневъ со вздохомъ.

- «Отчего Слава Богу!»
- «Да начало-то сказки было не хороіно, да вотъ сватовствомъ все поправилъ. Пу что жъ на это бояринъ?»
- «Да ты развъ Кречета не знаешь? Спъсь въ немъ задъли; чуть не лоннулъ отъ гордости; принесли указъ невъсту выбирать. Кречетъ и кричитъ: Вотъ женихъ! Вотъ женихъ! Вотъ тебъ и сватовство и любовь и шанипп... Все такъ и расплылось... Все! Не то что все, потому что Нъмецъ и теперъ мимо воротъ ходитъ да хныкаетъ, а Параша плачетъ. Кречетъ говоритъ, будто отъ того Параша плачетъ, что въ Царицы не попала, а ейъ вотъ не оттого, а отъ Пъмца, вотъ те Христосъ отъ Пъмца. Въдъ ты, братецъ, мой глазокъ знаешь...»
 - -- «Пу что же, Тимоша! Если твоя правда, такъ жепить ихъ...»
 - «Право, братецъ, жепить!»
 - «lly, что же? Я готовъ...»
 - «II я, по рукамъ!»
 - «По рукамъ Тимоша! Только гляди: ни гу-гу! Дъло тайное...»
 - «Эхъ, братецъ, я тебъ еще повое позабылъ сказать. Я пынче молчать умъю. Пъмцы выучили. Пойдемъ, я тебъ покажу, какъ я важно молчу...»
 - «Увидимъ, и воть на первый случай пойдемъ къ Парашъ.»

Въ высокомъ новомъ теремъ сидъла Параша, окруженная сънными дъвушками.

— «Вотъ это все мои жены...» сказалъ Тимоша,

показывая Стрешневу на съпныхъ: «всв дуры! Пошли вошь! Вамъ не приходится нашихъ ръчей слушать. Милости просимъ...» И съппыя подвицулись, вышли. Параша весьма обрадовалась Лукьяпу Степановичу.

- «Дядюшка, дядюшка! Ахъ, какъ я тебъ рада, дядюшка!...»
 - «Да отчего же я тебъ дядюшка, Параша?»
- «Да ужъ позволь тебя дядюшкой звать; мы сь твоей дочкой сестрами и назывались, и жили сестрами.»
- «За то я и пришель благодарить тебя, IIaраша, и спросить: не могу ли я и тебъ, въ уплату, какой службы сослужить?»
- «Мит ?... Мит ничего не нужно!» сказала Параша грустио, и слезы наверпулись па мутиые глаза.
- «Да что, въ самомъ дълъ, нужно молодой дъвушкъ? Пе знаешь ли ты, Тимоша?»
- «Другимъ дъвушкамъ извъстно, что нужно добраго жениха, а ей не надо...»
 - «Почему же не падо?» спросиль Стрешиевъ.
 - «Потому что есть.»

Параша закрыла лице руками и стала горько плакать.

- «О чемъ ты плачень, милая Параша?»
- «Да какъ же миъ пе плакать? По милости Тимоши, скоро вся Москва про меня заговорить...»
- «Пе бойся, Параша; опъ мив правдой должепъ, такъ какъ я тебъ благодарпостью. Ты любишь Пъмецкаго полковинка?...»

- "He CMB10..."
- -- «А хотълось бы?...»
- «Поди съ Богомъ, Тимоша!»

Тимоша ушелъ и Параша бросилась въ ноги Стрешпеву, и откровенная исповъдь нъжной, пламешной любви, вмъстъ со слезами обильными, изливалась въ разорванныхъ ръчахъ.

— «Богь милостивъ!» сказалъ Стрешневъ и поцъловалъ се въ лобъ: «Богь милостивъ, Параша!
- Станемъ молиться и падъяться.»

Стрешпевъ ушель...

- «II только?» вскрикнула Параша; упала на подушки и стала горько плакать...
- «А гдъ живеть Пъмецъ?» спросилъ Стрещпевъ, выходя изъ калитки па улицу.
- «Вонъ видишь, китайскіе цвъты на окнахъ; тамъ онъ и живетъ. Да что же ты меня, братецъ, не похвалилъ?»
 - «За что?»
 - «А какъ я зпатпо молчалъ.»
- «Такъ помолчи же ты еще часокъ, здъсь, на улицъ, пока я къ Пъмцу схожу...»
- «Пу, расходился ты, братець!» говориль Тимоша, оставшись одинь на улиць: «Онъ ходить, ходить, а Кречеть устанеть, да, чего добраго, сляжеть оть устали. Что, если у индъйскаго пътуха хвость обръзать? Чай больно? А боярская спъсь на самомъ сердцъ растеть. Воть загорланить Кречеть... А! Съ праздникомъ поздравляю!»
 - «Съ какимъ праздпикомъ?» спросиль Орлей, выходя изъ Персидскаго дома.

- «Съ повосельемъ, честный господинъ, съ повосельемъ! Ты, я чай, уже совсъмъ обжился. Иу, а что твои солдаты, хорошо Персидскій товарь берегуть? Только если ты имъ будешь илатить жалованье такъ, какъ миъ, то придется къ тъмъ солдатамъ другихъ приставить, чтобы за вими смотръли.»
- «Воть тебъ жалованье; я и позабылъ...»
 Орлей подаль шугу горсть денегь и пошелъ.
 Шуть тщательно ихъ пересчиталь, положиль въ
 карманъ и сказаль съ усмъшкой: Славная служба,
 да не даромъ пословица: Долгъ красенъ платежемъ.
 Опи съ насъ даромъ деньгу лунять, а мы только
 свое назадъ беремъ... Черть знаеть, какая скука!...
 Братецъ себъ говорить съ Пъмцемъ, а миъ не съ
 къмъ. Эй, ты, мальчинка, что ты это въ бабки
 передъ моими глазами разыгрался?...
 - «Да что твои глаза, боярскія окна, что ли?»
- «Ахъ ты вострушка! Будь я женать, подумаль бы, что это мой сышь... Послушай ты, мальчишка, ты не сышь ли мой, съ какой ни есть стороны?» II Тимоша увлекся весьма зашимательнымъ разговоромъ, котораго мы, по правиламъ сказочнаго искусства, никакъ здъсь повторить не ръшаемся, какъ эшизодъ, совершенио постороний и къ исторіи полковника Лесли вовсе не принадлежащій...

Стрешневъ между тъмъ вошелъ къ полковшику и въ передией ожидалъ позволенія войти въ гостиную.

— «Я боленъ.... я пездоровъ....» говорилъ

•

Лесли Филиппу, когда тотъ докладываль: «По нечего дълать. Можетъ быть, у гостя важное дъло. Я царскій слуга, отказывать пе смъю. Проси!...»

- «Пачало очень хорошо!» подумаль Стренвевь, входя въ гостиную. Передъ нимь стояль мущина, лътъ тридцати не болье, прекрасной наружности, высокаго роста; здоровье цвъло на лицъ Лесли, но изъ глазъ, изъ устъ что-то говорило о глубокомъ горъ... Старикъ долго смотрълъ на него и, казалось, что-то соображалъ. Лесли также задумался, хотя также смотрълъ на Стрешпева.
- «Пе осуди меня, полковникъ, если я обеспокоилъ тебя...» сказаль Стрешневъ.

. Лесли проспулся, посмотрълъ пристально на гостя и сказалъ:

- «Пичего! ничего! Что тебъ нужно, старичекъ?»
 - «Продай мив твои цввты.»
 - «Цивты! Да на что тебь эти цввты?»
 - «Я охотникъ....»
- «Ахъ, любезный! Прости, молодому человъку стариковъ учить не слъдуетъ, но всякая охота,
 всякая страсть раззорительна. Глядя на тебя, миъ
 кажется, не осердись, ты не такъ то богатъ. А
 эти цвъты дороги. И побогаче тебя, а не купилъ
 бы такихъ цвътовъ. Мнъ подарилъ ихъ прівзжій
 Голландскій садовникъ.»
- «Да все таки продай. Я ужъ давно хожу, да гляжу на нихъ, да горе береть, что у меня такихъ нътъ. Вамъ-то молодымъ хорошо: вы мо-

ете красныхъ дъвушекъ любить, а намъ-то стаикамъ что осталось? Цвъты цвъточки....»

- «Право, любезный.... я не знаю, какъ съ
- «Послушай, полковникъ, послъднихъ денегъ пожалью, только продай.... Въ нихъ мое настіе.»
- «Пъть, старикъ, это будеть гръхъ, а вотъ го, если опи тебъ до такой степени понравились, ери ихъ такъ, какъ я ихъ получилъ. Бери да-омъ.... Бери! Да ты не сможешь, Филиппъ, по-оги! Процай!»
- «Вотъ онъ кто!» сказалъ громко Стреневъ: «Когда такъ, то не прощай, а здравствуй! алъ бы то Богъ, чтобы за твои китайкіе цвътки могъ подарить тебъ русскій цвътокъ, о какомъ не читалъ и у Овидія Назопа.»

Лесли посмотрълъ на гостя съ изумленіемъ.

- «И какое у того цвътка мудреное имя; ни речески, ни по Латынъ не напишенъ...
- «A какъ же зовуть твой русскій цвътокъ?»
- «Hapamen!»

Лесли вздрогнулъ. Стрешневъ подошелъ къ неу, взяль его за руку; завязалась бесъда, но не олго длилась она и кончилась дружбой.... Между вломъ и запимательнымъ разговоромъ старикъ имътилъ, что на полкъ стоятъ кинги.... Подоелъ, посмотрълъ, нельзя читать.

- «Это видно по-Иъмецки?» сказалъ опъ.
- «Точно такъ, Лукьянъ Степановичъ! Служба аставила выучиться и по-Нъмецки и по-Русски...»

- «Коли ты выучилси по-Ивмецки, такъ потрудись выучить и меня. Даромъ что старикъ, а смъкну....»
- «Всему, всему, что самъ знаю, Лукьянъ Степановичъ.»
- «Пу, ипому въ наши лета и не приходится. Прощай сосъдъ, до свиданія.»

Стренневъ вышелъ на улицу и невольно усмъхпулся. Тимоша отъ скуки сталъ играть въ бабки,
проигралъ и возилъ на хребтв своемъ мальчиинекъ. Вся улица наполиклась народомъ; всв хохотали. Примътивъ Стрениева, шутъ выпрямился;
мальчишка полетълъ; хохотъ усилился.

- «Видипь, братець....» сказаль Тимона: «какой па нашей улицъ праздникъ. Это я для твоего пріъзда такое веселіе затъяль. Видпо, будеть свадьба....»
 - «A вотъ пойдемъ прежде сватать....»
- «Слышите, дураки!» сказаль Тимота пароду: «Пошли по домамъ; я уже довольно потвшился, а теперь воть братецъ хочетъ меня парядить свахой. Прощайте!»

Изъ новыхъ хоромъ па встръчу Стрешневу вышелъ какой-то дворяшить, изъ дальпихъ родственпиковъ боярипа, не въ маломъ числъ проживавшихъ на дворъ и па службъ у Кречета. Тимоща этого дворящиа звалъ стольпикомъ, потому что этотъ чаще другихъ за боярскимъ столомъ объдалъ.

Стольшикъ поклопился Стрешиеву и сказалъ:

- Государь вплостивецъ! Боярипъ указалъ

мпъ слугъ своему спросить: гдъ изволшнь сегодня кушать, у себя мли у боярина?»

- «У Ивана Александровича, » отвъчалъ Стрешпевъ и шелъ прямо въ хоромы.
- «Хорошо...» сказалъ шуть: «что меня мальчишки сегодия промяли; будетъ же меня знать стерлядь; я ей еще сегодня говориль: эй, списнерая, худо будеть!...»

Вошли. Боярицъ съ гостьми встрътилъ Стрешнева на лъстинцъ.

- -- «Государь нашъ, милостивецъ, вотъ, Божішть изволеніемъ, и сродичи наши всъ собрались.»
 - -- «Какіе сродичи?»
- -- Вотъ Василій Ивановичъ Стрешневъ, вотъ Илья Аво-Сергъй Степановичъ Стрешцевъ, воть Илья Авопасьевичъ, Матвъй, Максимъ и Степанъ Өедоровичи, да Иванъ Филипповичъ.... Все паши сродичи, все Стрешневы.»

Старикъ посмотрълъ па нихъ безъ гнъва и радости, и удивился только богатству ихъ одеждъ.
Онъ зналъ, что всъ они бъдияки, безпомъстные
дворяне, разбросаны по всему лицу царства и
вдругь увидълъ ихъ всъхъ вмъстъ, въ роскоши,
въ богатствъ и опечалился. Не отвъчая Кречегу
ни слова, Стрешневъ ношелъ далъе и остановился
въ той налатъ, гдъ приготовленъ былъ объденный
столъ. Пиръ былъ самый продолжительный, самый
тяжелый. Стрешневъ мало ълъ, еще меньше пилъ;
за него исправлялся Тимоща съ необыкновеннымъ
усердіемъ. Стоя за Стрешневымъ шутъ подсказывалъ ему какого кущанья отвъдать, да взять по-

больше па тарелку, для того, какъ говориль Тимоща, чтобы было что убирать, а не то онъ служить разучится. Объдъ кончился. Стрешневъ все
время промодчалъ, но когда встали, Стрешневъ,
безъ обычая, взялъ Кречета подъ руку и повелъ
иъ образную.

- «Слушай, бояршиъ!» сказалъ опъ сурово:. «Это все твои продълки! Ты созваль весь этоть. Стрешпевскій полкъ, ты ихъ одълъ — и, върно, хочешь на Царскій дворъ ихъ втискать!... Ile хорошо. Гдв они жили? чему учились? какіе изъ шихъ будутъ слуги Царскіе? Если Богу было угодно дочь мою возпести и украсить лучшимъ земшымъ величіемъ, такъ не для того, чтобы возпести и возвеличить дальшихъ и ближиихъ сродичей, безъ всякихъ заслугь, ради одного прозвища. Не буду мъшать счастію кого бы то ни было, но буду строго смотрать, сколько силы достанеть, чтобы любви къ Евдокін Государя Царя нашего не употребили во зло коварные люди! Помни это, бояршть! Ты собраль ихъ для того, чтобы при дворъ имъть покрънче руку; гляди, чтобы тебя лишияя сила въ омутъ не перетянула. Это тебъ совъть изъ благодарности, а тенерь просьба оть души, отъ желанія всякаго добра твоей дочери... Я у тебя сегодия не простымъ гостемъ, а сватомъ...»
 - «Сватомъ? Оть кого, Лукьянъ Степановичь, ты почитай ин съ къмъ изъ князей и бояръ не видался....»
 - «По видался съ твоею дочерью и полковиикомъ Лесли.»

- »Хе, хе, хе! Видно этоть угорълый Нъмецъ и къ тебъ присталъ. Насмънилъ онъ меня послъ пожара; и кажется много времени ушло, а онъ неунимается »
 - «Видинь, боярипъ, ты безъ толку спъсивъ. я безъ нужды у погъ валяенься: Будь человъкомъ....»
 - «Да кто же я!»
 - «Говорю тебъ, бояринъ, я въ сватахъ безъ шутокъ; такъ и ты миъ отвъчай безъ шутокъ...»
 - «Государь, мой милостивецъ! Самъ посуди: ну статное ли дъло выдать Парашу за нехристя, за бездомнаго Пъмца, за бусурмана: съ нашимъ родомъ не многіе и княжескіе потягаются. Самъ видинь, дълу этому быть не можно. Скоръе утоплю дочь, а за Пъмца не выдамъ. И примъру такого на Руси не бывало.»
- «Вздоръ, бояринъ, вздоръ мелешь! Заучилъ старую боярскую пъсию, да не тому разсказываень. Лесли въры твоей дочери не коснется. Опъ служитъ тому же Государю; служить, какъ и ты, изъ жалованья; служитъ пелковникомъ; чинъ не малый; а что онъ Пъмецъ, въ томъ бъды пътъ; дочери Царей нашихъ за иновърцами бывали. Все это не дъло, не отговорка. Стыда пикакого. А вотъ что важите всъхъ твоихъ отводовъ, они другъ друга любятъ.
 - «Кто? Параша?»
 - «Да, Параша!»
 - «Да какъ она смъетъ!»
 - «Ily, ужь вь этомъ дъль ты ей ие указъ.

- «Посмотримъ!»
- «Посмотримъ!» сказалъ Стрешневъ и ушелъ... Подиялась въ домъ жестокая буря. Бояринъ осыпалъ Парашу такими упреками, какихъ мыт и повторить не смъемъ; заперъ теремъ, приставилъ стражу; повелълъ дочери пе давать ничего, кромъ воды и хлъба... «Вылечимъ! отрезвъсть дъвка!» кричалъ онъ. «Чести нашей не урошимъ; пикому въ зубы не посмотримъ...» и тому подобное.

YII.

подвиги орлея въ персидскомъ домъ.

Въ Персидскомъ домъ, какъ извъстно, былъ постой Пъмецкихъ солдать. Было время вечериее; Мустафа съ Персіянами повхаль отвозить во дворецъ товары, купленные у него для предстоявшей На дворъ осталась Фатима и шесть человъкъ Персіянъ, нязначенныхъ собственно для того, чтобы Фатиму не увидали Пъмцы; они лежали, какъ псы въ компатъ, передъ дверьми Фатимы а по двору ходилъ часовой, Пъмецкій солдать; прочія постояльщы спали въ избъ, отведенной для ихъ жительства Пришель Орлей; онь зналь, куда и зачъмъ увхаль Мустафа и что воротиться ему раньше ночи не было никакой возможности. Знакомое окно растворилось: Фатима стала руками показывать, .что въ сосъдней компатъ есть кто-то. Орлей на томъ же языкъ сообщилъ Фатимъ, что она въ этоть разь можеть выпрыгнуть изь окца и пойти

гулять съ пимъ въ садъ. Опа посмотрвла на дворъ; Орлей показаль, что его люди и бояться нечего. Фатима была уже въ его объятіяхъ; счастливая чета побъжала въ садъ, и скоро исчезла въ блаженствъ и густой тъни кустовъ.... Вдругъ у вороть раздался стукъ. Часовой не отзывался.... Стукъ усиливался. Часовой черезъ щелку калитки посмотръль, видить Мустафа съ дюжиной Персіянъ. Расторонный Пъмецъ разбудиль товарищей, тотчасъ послали депутацію въ садъ; отрядъ пошелъ въ компаты и объявиль Персіянъ военноплънными. Пе смотря на суматоху, смътливые Ивмиы ходили тихо, на цыпочкахъ. Орлей не шелъ а бъжаль за Фатимой; когда подияли Фатиму, чтобы могла войти въ окно, она оглянулась и вскрикиула. Пъмцы также оглянулись. О, ужасъ! Па оградъ сидълъ Мустафа и глядълъ на всю эту продълку съ бъщенствомъ, рвалъ на себъ одежды, кусаль губы и не зналь на что рышиться. Ревность превозмогла чувство безопасности; опъ соскочилъ съ ограды; ушибся, но не чувствовалъ боли; вскочиль, подбъжаль къ калиткъ, отодвипуль засовь и впустиль своихъ Персіянъ. Хотя они были не всъ, потому что большая часть осталась при товарахъ, но все-еще число ихъ зпачительно превышало Итмецкій гарпизонь. Кинжаль заблисталь въ рукъ Мустафы; дикіе крики вырвались изъ устъ его, и Персіяне бросились на Нъмцевъ. Услышавъ крикъ господина, военноплънные опрокинули своихъ стражей и соединились съ хозяиномъ.... Орлей, защищаясь длинной своей саблей, кое-какъ собралъ свою команду и весьма искусно исполнилъ затруднительную ретираду къ воротамъ: на общій крикъ съ улицы повалиль народъ и, видя въ опаспости отъ Персіянъ Царское войско, отворилъ ворота и такимъ образомъ выпустилъ волка изъ западпи... Мустафа въ припадкъ ревности хотълъ было преслъдовать капитана, но толпы парода раздълили сражающихся и заста. Мустафу войти въ свои укръпленія.... Заперли ворота, калитку. Мустафа поставиль всъхъ своихъ Персіянь въ кружокъ, побъжалъ въ комнаты, вытащилъ за волосы Фатиму и посреди двора, на глазахъ изумленной скоей челяди, заръзаль певърную жену, какъ цыпленка.... «Теперь вани головы, невърпые рабы! - закричалъ опъ по-Персидски и схватилъ за шею одного изъ Персіянъ, остававшихся на стражъ. Общій крикъ былъ ему отвътомъ; всъ Персіяне бросились бъжать, но несчастный не могъ вырваться изъ ревнивыхъ рукъ, и кровь его пролилась вмъстъ съ жизнью... Персіяне благимъ матомъ бъжали по улицамъ и кричали по-Персидски: «Ръжеть, ръжеть!»... Нвкоторые изь шихъ добъжали до красиаго крыльца, въ самое то время, когда Государь возвращался, отъ вечерни, упали Царю въ ноги и молили о защить. Позвали толмачей: съ трудомъ они могли узнать отъ Персіянъ подробности дъла, и когда доложили объ нихъ Царю, Государь приказалъ пемедленно собраться Боярской Думъ.... Долго собпралась Дума, паконецъ собралась. Отецъ невъсты, по обычаю, долженъ былъ засъдать въ Думв, какого бы опъ званія ин быль; почему бояре, въ ожиданіи Государя, послали просить Лукьяна Степановича пожаловать въ Грановитую Палату.... Пошель за нимъ дьякъ съ двумя дворянами. На крыльцъ узналъ дьякъ, что Стрениевъ во дворцъ и пошелъ въ терема къ дочери. Ждалъ, пождаль опъ его за золотой ръшеткой; наконецъ идетъ Лукьянъ Степановичъ, въ своемъ простомъ илатьъ; вышелъ; перекрестился; надълъ шанку и хотълъ итти; дьякъ поклонъ ему въ землю и говорить:

- «Государь Лукьянь Степановичь, Дума собралась.»
- «Очень радъ. Собралась, такъ пускай и думаеть.
- «Да великіе бояра велъли тебя звать низкимъ поклопомъ, къ нимъ въ Палату пожаловать.»
 - «Зачъмъ?»
- «Да говорять, что послъ Великаго Государя, Святьйшаго Пагріарха Филарета Пикитича, ты у Царя теперь первый совътчикъ.»
- «Ну, это они плохо выдумали. Поди и скажи имъ, что Государь даль мив волю и долгъ; а по этой воль и по этому долгу могу и въ Лумв сидъть, могу и не сидъть. Сегодия мив сидъть пехочется, а то еще, чего добраго, что пи есть такое въ Думъ скажу, что по боярскому разуму глупо будетъ. Одна голова Думъ разума не прибавитъ и не отниметъ. У меня же и голова не боярская: ни ихъ спъси, ци ихъ правовъ не попимаеть. У меня и спъсь и все—свое. Пе пола-

- дишь; а я старый человъкъ. Ссоръ не люблю. Да еще скажи, что у меня двъ свадьбы на рукахъ. Кому о томъ въдать надлежитъ, догадается. Да еще скажи, что я отъ Государыни Царевны указъ несу. Время не терпить. А если еще мало; придумай! Ты дьякъ, тебъ не впервые. Ступай!
- «Воть пажили дядьку!» сказаль дьякъ, когда Стрешпевъ сходилъ съ лъстищы; и воротясь къ боярамъ, повторилъ ръчи Стрешнева и перепугалъ Кречета. Всталь Кречеть, поклонился боярамъ и говорить: «Великіе бояре! отпустите меня; больно пе здоровится. Да и Персидское дъло прилучилось у меня по сосъдству. Пехристи, пожалуй, еще въ задоръ войдуть, подожгуть опять; чего оть такихъ злодъевъ ожидать добраго?...» По Кречетъ не могь уйти; вошель Царь съ Патріархомь Родителемъ и Дума началась и приговорили: пе медля схватить Мустафу и, смерть за смерть, предать его казни на лобномъ мъстъ. И того для приказать Леслію съ Пъмцами взять того Мустафу и представить въ Думу, а Думъ опять собраться посль объдень. — Разътхались бояре. Кречеть у самаго своего дома нагналъ Стрешнева, опъ шелъ пъщкомъ съ Тимошей и смъялся.
 - «Видно, надо мной...» подумать бояринъ: «да пе рапо ли сталь смъяться? чтобы завтра плакать пе пришлось!» П выходя, не приказаль откладывать колымаги.
- «Послушай, братецъ, у нашего роднаго Кречета что-то не доброе на умъ...» сказаль Тимоша. «Онь сегодпя, какъ расходился, такъ и сболтпуль,

что онь боярышню туда упрячеть, откуда никакая человъческая власть ее не вырветь...»

- «А вотъ поглядимь, посмотримь! Ты ему только эту бумагу отдай. Сласный гостинець! а я и видъться съ нимь не хочу. Цзъ дому его въ простой какой ни есть домъ переъду. Онъ и меня, пожалуй, на хлъбъ да на воду посадить.»
- «Эй, братець, не шути такь странно! Волосы дыбомь, когда подумаю о хлъбъ и водъ... Ужь если въ тюрьму, такъ пусть насъ лучше запретъ на кухию. Мы, братецъ, люди умные: тотчасъ съ тюремициками поладимъ. Куда же ты?»
- «Къ полковнику, а ты дълай свое, Тимона!» Стрешневъ нашелъ полковника въ страиномъ расположения духа. Онъ стоялъ надъ Орлеемъ сложа руки и качая головою, а тотъ плакалъ какъ ребенокъ.
- «Я говориль тебъ...» примътно было, что Лесли продолжаль давно начатую ръчь: «Я говориль тебъ, что въ этомъ дълъ благословенія Божьнго быть не можетъ. Мало того, что ты сдълался причиною преждевременной смерти иссчастной женщины; мало того, что ты ввелъ ее въ гръхъ, сдълалъ преступницей, по самъ-то ты кругомъ виноватъ и не можешь уйти отъ строгаго суда. Я только жду указа или жалобы, и ты будень арестованъ, наказанъ и, въроятно, высланъ за границу!»
- «Все это вздоръ!» кричалъ Орлей: «я готовъ на все... по Фатима, моя бъдная Фатима! Ахъ, полковникъ, я ее не любилъ, она служила миз

забавой, шалостью и за шалость вътреннаго капитана потерять жизнь!... О, этого я никогда не
прощу себъ! пичвыть не выкуплю, пичвыть, ничтыть!... Возьмите мою саблю, арестуйте, накажите, все будеть легче!»

Лесли смотрълъ на Орлея съ чувствъмъ состраданія. Общее молчаніе было прервано появленіемъ Тимони... По мы должны прежде сходить съ Тимоней въ боярскія хоромы и быть свидътелями всей сцены, побудивней шута броситься къ полковнику Лесли. Бояринъ изъ колымаги прямо пошель въ терема къ дочери. Параша, не въ примъръ другихъ романическимъ героинямъ, свернулась, съёжилась въ огромныхъ креслахъ подъ пушистою душегръей и спала спомъ сладкимъ. Передъ ней на столикъ стояла вода и нъсколько ломотковъ хлъба. Отъ стука дверей и тяжелой боярской походки, Параша проспулась. Въ теремъ было совершенио темно, по Параша узнала отца и невольно задрожала.

- «Что?» спросилъ бояринъ: «покаялась?». Параща молчала.
- «Выкинула изъ головы Пъмца?» Параша молчала.
- «Да отвъчай же, Параша! Миъ нъкогда. Разлюбила ты Пъмца?»
- «Пъть!» отвъчала Параша такъ твердо, такъ ръшительно, что бояринь не выдержаль и топнуль погою.
- «Напрасныя угрозы, батюшка!» продолжала Параша тъмъ же голосомъ. «Будто я хочу за не-

го замужъ. Да и замужъ пошла бы, чего танться, когда бы на то моей воли добольно было. Заперъ ты меня также напрасно. Не уйду. Для самой себя страму не сдълаю, да и, безъ твоего позволенья, ни за кого не выйду. А хлъбъ и вода, что за бъда! Мало ли людей на свътъ тъмъ только и живутъ! А я отъ тоски и такъ ъсть не могу... Видинь! Все это напрасно. Любви этимъ не выгонинь...»

Въ это время съпныя дъвушки внесли свъчи и освътили бъщенство боярина. Онъ слушалъ Парашу, подиявъ руки и сжавъ кулаки, и когда опа увидъла его въ такомъ положеніи, певольно вскрикнула и спряталась подъ душегръю.

— «Выгоню, матушка!» кричаль, реввль бояринь: «Выгоню! Непокорной дочери мив не нужно. Выгоно и этоть гръхъ съ тобою вмъств.»

Параша вскочила, бояринъ выпрямился и ждалъ что она скажетъ, но вошелъ шутъ съ безчисленными поклонами: онъ держаль объими руками какую-то бумагу и все клаиялся.

- «Что тамъ еще?» закричалъ боярипъ гиввно.
- «Указикъ, братецъ, указикъ съ Верху, отъ Государыни Царевны.»

Бояринъ схватилъ указъ, самъ прочелъ и, швырнувъ его на столъ, сказалъ съ возрастающимъ бъщеиствомъ:

— «Я падъ моею дочерью отецъ! Пе дамъ моей дочери Царевиъ, пусть хоть Стръльцовъ, хоть Нъмцевъ пришлють! Знаю я, откуда вътеръ дуетъ; видинь какой боярипъ! Отъ сохи во дворецъ по-

паль, такь ужь ему кажется, что и солнце по его воль ходить станеть....

- «Братецъ, а братецъ!» сказалъ Тимоша жалобно: «Пе ослушайся. Въдь это святой обычай.
 Кого Царевна-певъста или Царица себъ въ комнатныя изберетъ, кому къ себъ на Верхъ велитъ
 быть, такъ будь она дочь султана Турскаго, а
 нечего дълать, ступай!»
- «Ужь пе тебъ меня учить царскому обычаю...» сказаль боярниь угрюмо и взяль Паранну за руку: «Колымага готова! Тдемь.»
 - «Куда?» спросила испугациая Параша.
 - «Не твое дъло! Бдемъ!»
 - «Куда?» повторила Параша, вырываясь.
- «Въ монастырь!» сказалъ Тимоша, и Параша вырвалась изъ рукъ боярина.
- «Дуракъ!» заревълъ бояривъ. «Зови сюда холопій. Я поставлю на своемъ.
- «Сейчась, сейчась, бояриць!» отивчаль Тимоща и бросился къ Лесли.

YIII.

APECTЪ.

Тимоща вбъжалъ въ гостиную Лесли съ такою мицой, которая по неволъ обратила на себя общев вниманіе.

- «Худо, худо, братцы!» кричаль онь: «тамъ у Кречета разбой.»
 - «Что такое? Что такое?»
 - «Кречеть у боярышии, я съ указомъ къ

Кречету, онь указь объ столь, да боярышию за руку.... Куда? — Въ монастырь.... Не хочу.... Зови ходопій.... Колымага готова.... Поминайте какъ звали Парашу, завтра и самое ими у нея другое будеть....»

- «Что намъ двлать!» вскрикнуль Лесли:
 «Лукьянъ Степановичъ, что намъ двлать?»
- · На зло, такъ и глупость умна. Ума не приложу. »
- Видинь, братецъ, плохо быть большаго разума. Вотъ твой нашему дълу и не помъркъ.»
- «Пашель время шутить. Поди себъ съ Богомъ, Тимоша; ты только нашему совъту помъха... Пди, сиди, да протверживай то, чему тебя Пъмцы учили.»
- «Молчу, молчу, да чего тамъ няня горлашитъ.»
- «Батюшки-свъты!» кричала няпя, вбъгая въ гостиную Лесли: «Помилуй и защити, Лукьянъ Степановичъ! Бояринъ Парашу бъетъ!...»
- «Бьеть!» закричали всв. Лесли и Орлей, обпаживъ сабли, бросились къ дверямъ, но тамъ заградилъ имъ дорогу огромпый солдатъ, изъ Нъмецкаго приказа, указъ принесъ и подалъ Леслио...
 - «Что тамъ такое?» спросплъ Стрешевъ.
- «Указъ: схватить Мустафу сейчасъ, сію минуту и съ разсвътомъ представить въ Болрскую Думу, гдъ ему прочтуть смертный приговоръ.
- «. Тукьянъ Стенаповичъ, вы видите, мой долгъ не позволяеть итти къ Кречету.... Ступайте вы, бъгите! Ваще значене, ваши вліяню....»

- «Позвольте! позвольте!» кричаль шуть, махая колпакомъ: «Видпо, птица Божія принесла мпъ такую диковинную думу.... Ухъ! какъ подумаю, такъ животъ отъ смъху болитъ, а что же, если я на всю эту катавасио глядъть стану....»
 - «Да говори, что ты тамъ выдумалъ?...»
- «Чудо, и воть какое. Вельно взять Мустафу, а бояринъ Кречетъ больно на Мустафу смахиваеть, дай ему на колымагъ изъ вороть вывхать, да и цапъ-царанъ. Что за бъда Обознался. За это въдь ни быють, ни въшають; вы только боярина захватите, а мы боярышно, но указу, къ Государынъ Царевнъ отвеземъ....»
- «Пъть,» сказалъ Лесли; «я не ослушаюсь царскаго указа, будь что будеть!... Да притомъ какъ же я обознался, когда я боярина въ лице знаю, да еще, чего добраго, и преступникъ уйдеть. Пе могу....»
- «Полковникъ!» сказалъ Орлей: «вы, кажется, изволили приказать миъ пойти и взять Мустафу...
- «Я угадываю, что ты хочешь дтлать, Орлей; по па твоей головъ и такъ уже много преступленій. ІІ все-таки буду отвъчать я!»
- «Пъть! я'» сказалъ Стрениевъ. «Я, я одинъ; я принимаю па себя всъ послъдствія. Полковникъ, исполияй свой долгъ: возьми Мустафу, а ты, капитанъ, боярина, и завтра поутру обоихъ въ Думу. Я тамъ буду.»
 - •llo....
 - «Повинуйтесь! Я вазгь приказываю име-

немъ.... Пътъ! Я вамъ приказываю, какъ отецъ Государыни Царевны и за все — отвъчаю....»

Вст разошансь; полковникъ Лесли преждо другихъ пришелъ на свое мъсто и объявилъ царскій указъ Мустафа, по Мустафа его не слушалъ; опълежалъ на копръ въ глубокой задумчивости, передъ нимъ были разбросаны одежды и драгоцъвности несчастной Фатимы. Лесли повторилъ указъ... Мустафа посмотрълъ па него; глаза налилисъ кровью: опъ схватился за кипжалъ, но Нъмцы его обезоружили и повели въ сътзжую избу полка. Лесли шелъ за ними, опустивъ голову. На улицъ разбудилъ его крикъ: «Стой!» То былъ Орлей. Опъ папалъ съ своими людьми на боярскую колымагу. И хотълъ именемъ Царскимъ арестоватъ Кречета, какъ будто Мустафу...

- «Что?» сказаль бояринь: «Меня? Меня, боярина, ты смъень называть Персидскимь кунчинкой?..»
- «Окажется, окажется, какой ты бояринь! Мы павели брать справки! Стара штука! Мы все знали и знаемь: кто ты и какъ устроиль побыть. Сдавайся, а не то худо будеть....»
- «Да какой я Персіянинь? Видпо, что Пъмець! П Бога у него цъть. Пу воть тебъ кресть. Гляди, Персіянинъ ли я?...»
- «Знаемъ, знаемъ! Со страха ты и жидомъ прикинешься. Сдавайся!»
- «Да знаешь ли ты, что тебя, Намца, за такое безчестье изъ пушки выстралять....»
- «Полно, братъ, стращать. Пе на таковскаго напалъ. Хуже будетъ, какъ уйдень.»

- «Что за чертовщина! Вотъ привязался! Да погляди вонъ Персидскій дворъ.»
 - «Почь, брать, пичего не вижу. Выходи!»
- «Да спроси вотъ у нее; она мив дочь; лгать не стапеть; у людей; позови сосъдей; всю улицу, всю Москву.»
- «А ты пока улизнешь. Пъть, брать, насъ не надуень; благо, что не опоздали. Вылезай! Такихъ бояръ много.»
- «Много! Такихъ бояръ, какъ я, много! Ахъ, ты Пъмецъ окаянный! Заплатишь ты мнъ тройную неню за такую обиду....»
- «Хорошо, хорошо! заплачу, только вылезай!»
- «Да что ты въ самомъ дълъ пьянъ; али только такъ съ придурыю; а можеть прислъповатъ. Въдь право это все на шутку не похоже.»
- «Воть нашелъ шутку! Подымай-ка ноги, вылезай, а въдь не то, я и за бороду....»
- «За бороду! Ахъ, ты, холопъ нечистый! За боярскую бороду!... Да я тебя тростью изломаю...»
- «Только выходи, а тамъ увидимъ. Не хочень?... Пу, печего дълать, приходится силой за ноги тащить.»
- «Помилуй!» завопила Параша: «Пе тропь родителя!»

Услышавъ голосъ Параши, Лесли было бросился на помощь, по Стрешневъ и шутъ удержали полковника за объ руки....

- «Сданайся!» кричаль Орлей. Бояривь сталь причать, Орлей завязаль сму роть и Пречета увели. Лесли, Стрешневь и шуть бросились къ волымагь, гдв Параша зпливалясь слезами и тяжко кричала о помощи.
- «Полно плакать, Параша...» сказаль шуть: «видишь, боярнить больно растучивль, спить много; такъ ради здоровья, Нъмцы повели его маленько прогуляться. Худаго ничего не будеть. А тебъ въ монастырь надо вхать....»
- «Какъ? Все таки въ монатырь?» спросила опечаленная Параша.
- «Да, да, из мопастырь, только веселый, знатный, Царскій, на Верхь, къ Евдокін Лукьяновив.»
 - «Къ Государынъ моей и сестрицъ?»
- «Экая отгадчила! А ты, илемянникъ, что молчинь. Въдь это мы для тебя стрянаемъ, а онь будто глину встъ; молчить!...»
 - «Что же я скажу, Тимоша!
- -- «П онь здъсь!» закричала Параща и стала прятаться въ колымагъ: «Ахъ, какой страмъ! Дядюшка, поъдемъ!»
- «Потдемъ, племянница!» сказалъ Стрениевъ, садясь въ колымагу: «До завтра, полковникъ! Увидимся въ Думв.»

Піуть поправиль компакь, вскочиль на узкія запятки закричаль: «Пошель въ Кремль, по Царскій дворъ!» — и комымага покатилась...

ŗ.,

IX.

MEHH NO ORALAY.

Дума собралась очень рано, темъ болье, что слухъ о какомъ-то странномъ пепонятномъ происнествін съ Кречетомъ достигъ черезъ спальниковъ до Царской опочивальни. Царь также поспышилъ въ Думу, гдъ къ особенному удовольствію замътилъ Стрешнева и кивнулъ головой ласково. Бояре стали шептаться: Видно, спъсь отложилъ; милостей ищетъ; пришелъ въ Думу... «Потому, что нужно...» отвъчалъ Стрешневъ и бояре прикусили языки. Царь приказалъ ввести преступника и, къ общему удивленію, капитанъ Орлей ввелъ Кречета. Государь улыбнулся; дума ахнула; Стрешневъ одинъ только сохранилъ важный и спокойный видъ.

— «Что это значитъ?» спросилъ Царь.

Кречетъ отвъсилъ три земныхъ поклопа и сталъ говорить:

— «Великій Государь, Царь и Великій Князь, вашь отець и милостивець, Великій Государь, Святьйшій Патріархъ, и вы, всь князья, бояре, окольниче, стольники и думные дворяпе, бью челомь Государю моему на твоего Итмецкаго полковника и рыцаря Александра Ульяповича Леслія; онъ у меня прошедшимь льтомъ хоромы поджегь, огонь учиниль, чтобы дочь мою Итмецкой лестію изловить, колдовствомъ въ нее чары угитадить и любовью къ себт испортить; и потомъ въ воровствъ и зажигательствъ, нанесъ мнъ смертельную обиду: безъ сватовъ, самъ по себъ, будто къ

суда и наказанія ўволеть быть не межеть. Но если вы, бояре, изволите, ради мхъ нодданства королю Аглецкому, увольнять ихъ отъ казин, то за что же присудили вы къ той же казия Мустасу, купца Персидскаго, который, не отоить нодъ нашими законами, да опричь того у нась и ме на службъ; никого изъ подданныхъ Его Царскаго Величества не убилъ, не обидълъ, а по своимъ правамъ или по своимъ обычалиъ заразалъ жену и раба? Можеть ли онь такь поступать или не межеть, пускай ръшить Государь его, Шахъ Персидскій... Мой соевть, выслать Мустафу и людей его изъ Москвы и государства и отдать его Персид-СКИМЪ ВЛАСТЯМЪ, ПУСТЬ ЕГО СУДЯТЪ ПО СВОИМЪ ЗАКОнамъ; выслать, чтобы соблазну и смерти здъсь ве было; вотъ моя простая мысль, Государь.»

Всв одобрили совъть Стрешнева и послали сказать Лесли, чтобы онъ сдаль Мустафу въ Посольскій Приказъ, до указа... Кречеть зналъ, что у Стрешнева нъть денегъ, и всталъ, и началъ бить челомь, что, такъ какъ обида была на общихъ главахъ, то пусть Стрешневъ или Нъмцы заплатить безчестье въ самой Думъ....

— «Разсчитаемся, бояринъ!» сказалъ на это Стренневъ: «Великій Государь, быю тобъ челонъ на боярина; былъ я у него въ сватахъ за леслія; отказалъ; хотя, по нашимъ обычаямъ, это и обида, я не разсердился и волю отцевскую уважилъ. Но въдомо тебъ, Государю Великому, что Великая Государыня Невъста твоя съ боярскою дочерью Прасковьею Пвановною въ сверстинцахъ, въ любия

и: дружбв росла и пожелала ту боярышню у себя на Верху имъть для веселія и забавы дъвической, и указъ о томъ съ Верху посланъ былъ къ боярину вчера, и бояринъ указъ тотъ безъ почета бросиль, и ослушался: дочь свою едипородную на Верхъ не пустилъ, а посадилъ на хлъбъ и воду, сталь бить до снияго, и, по жестокости своей, посадивъ въ колымату, везъ постригать и постригъ бы, если бы я рабъ твой, Великій Государь, на крайнюю мъру не рышился и не представиль бы его боярина на справедливый судъ Твой, а боярышшю по указу отвезъ и сдаль па Верхъ, какъ жертву, спассиную оть звъря хищиаго, отъ отца безчеловъчнаго; такъ поступилъ я, изъ одной только крайности и съ великою радостыю плачу четверную пеню противу оклада боярскаго. По - и онъ обидчикъ противу Государыпи Певъсты а Евдокія Лукьяповпа неню, какую Государь и бояре, за проступокъ его приговорить изволите, по дочерней своей ко мнъ милости, соблаговолила пожаловать мив, Лукьяну, рабу твоему, на бъд-HOCTL ... »

Всъ разсмъялись. Кречетъ горълъ отъ стыда, по когда услышалъ предложение Стренинева, поблъднълъ какъ полотно. Алчный умъ его мигомъ сосчиталъ, что на эту исполнискую пеню не хватитъ всего состояния его, собственнаго и присвоеннаго. Не смотря на общий смъхъ, одинъ только Царь былъ не веселъ; видно было, что ему эти ссоры и распри были вовсе неприятны и, желая прекратить дъла пустыя, педостойныя впи-

манія Боярской Думы, сталь говорить и советовить съ боярами о восиной пужде своей и потробоваль мпенія отъ Дукьява Степавошича, отъ перваго...

- «Совъть мой прость, Мистинь иноземнымъ королевствамъ война нама, справедливая и необходимая, придетоя по сердцу и послужить ва пользу; если ты, Гооударь Великій, не жаласнь убытковъ и важныхъ издержекъ для войны, которая не для одного тебя полезна, такъ пускей же н тв короли за пользы свои помощью тебв заплатять. По для того важнаго и великаго дъла не посылай дьяковъ своихъ, жиоземного обычая веспъдущихъ, а пошли Алексапдра Ульяновича со мпогою властио и казною, и полномочными грамматами къ кородямъ, киязьямъ и другимъ государственнымъ управамъ. Лесли исправить все къ твоему удовольствию, исправить скоро, года въ два, потому что иноземиого добраго войска надо по малой мара тысячь тридцать, зря на то, что цаше безвременьемъ совсвых разстроено, а въ добрый порядокъ и многими лътами приведено быть не можеть. Два года не много времени; зампрению панисму чай еще сроку больне; а пока надо не только войска набрать, но и мушкеты и другое вооружение искупить, для Измецкаго, такъ ы для своего войска, и спарядить ими полки, и запасы учинить, такъ чтобы ин въ чемь нелостатка не было, нбо въ этомъ долиму двлу лежить зерно усивка. •

Государь остался весьма доволень вивнісму

Стрешпева. Болре пе смъли прекословить. Приказали дьякамъ указы писать, и Государь съ Патріархомъ оставили Думу...

— «Пу, что Иванъ Александровичъ...» спросилъ Кречета старшій бояринъ: «прикажещь съ Лукьяна Степаныча пеню править?....»

Кречеть смотрыль жалобно на Стрешнева, который, забывь о частныхь делахь, толковаль дьякамь какь надо написать инструкцію Лесли; какихь людей ему съ собою взять, въ томъ числь и капитана Орлея; какъ ъхать, чего просить у королей, что искупить и какъ прислать въ Россію. Старшій бояринь повториль вопросъ. Стрешневь отвъчаль.

- «Бросимъ, бояринъ, эти дрязги. Государство въ пуждъ, а мы запимаемск личными обидами. Все обощлось миролюбпо, такъ зачъмъ же намъ продолжать нашу ссору? Если Кречетъ отъ своего иска отступится, о своемъ и не вспомпю...»
- «Отступаюсь, отступаюсь! Только, Государь, мой милостивецъ, дочери моей за Нъмца пе выдавай!..»
- «Да ты развъ не видишь, что я полковника на два года ради твоего покоя на край свъта посылаю. Пусть погуляеть по разнымъ державамъ; тамъ у него и дъла и невъстъ много будеть, такъ про твою и забудетъ!...»
 - «Мудрецъ!... воскликнули бояре.»
- «Во истину мудрецъ!» повторилъ Кречетъ, и бросился обнимать Стрешцева.

. ГЛАВА X и ПОСЛЪДНЯЯ.

OTTAKTES.

— «Что ты нагородиль, братець? Мустасу отравиль во свояси, даже розочкой такого злодая
в посъкли; друга выдаль, на море отправиль, съ
в бами любовь вести, что ли, когда у него на
осквъ такая зазпобушка; умреть съ тоски, а
арскаго дъла не исправить, а канитава ты не
наешь, — умреть полковникь а опъ за казну и унъится.... Ла что, казны у Государя на сечь царствъ
ватить, а племянница у меня одна осталась, —
стомится бъдная, исчахнеть, такая будеть сухоарая, что и я ее въ жены не возьму. Дза года!
ахъ, ты, братецъ мой, братецъ; перехитриль ты
ольно! Зналь я напередъ и говориль, что, раумъ твой нашему двлу не по мъркъ!»

— «Въ который разъ, Тимоша, ты посить мата при и ту же пъсню. Перестань говорить о томъ, его ты не знаень. Лесли ужь больно горячо посибнять боярынино съ одного пожара, да съ того не огня и у нее занялось сердце. Какъ я по разыслилъ, такъ признаюсь, моей посившности самъ снугался. Вотъ поглядимъ, посмотримъ: любятъ и они другъ друга? Время покажетъ. Да къ тому, акъ бы я ихъ женилъ, когда никто изъ бояръ меня не вступился? Лаже, Государь, показалось иъ, былъ моимъ сватовствомъ не доволенъ, а врея все уладить.»

Такъ говориль Стрешпевъ, положивъ кингу, и ежа на софъ въ своемъ уединеніи, на берегу Нузья,

въ небольшомъ опрятномъ домикъ. На окнахъ его спальпи стояли китайскіе цвъты Лесли; вся утварь была чрезвычайно проста; прислуги цикакой; кушанье со дворца приносили.... Въ этотъ день вся къ великой радости; завтра Москва готовилась пазначена свадьба царская; минуло и 5 февраля, и свадебные праздпики отопли; промелькнулъ и пость; весна покрасовалось, понграла и уступила вівсто степенному льту; и льто состарълось до . желта, и побълъло, и родилась у Царя въ надочь Припа Михайловпа.... Время idmie algp шло, какъ привыкло, безостановочно впередъ: na одно время такъ этомъ свътв дить; никогда не вознаграждается, шага назадъ пе дълаеть; и родилась у Царя другая дочь Пелагъя Михайловиа, радость съ нечалью, зачъль нъть отцу сыпа, государству наслъдника.... А время все идеть да идеть, и два года сполна мипуло съ тъхъ поръ, какъ уъхалъ Лесли. Паступило и лъто зпойное; Государыня съ Государемъ ходили къ Троицъ: - просить заступичества у Сергія, Радопежскаго Чудотворца, да благословить Господь ихъ и царство сыпомъ. И возвращался Государь съ Государыней въ Москву. На отдыхахъ только и разговариваль Государь съ однимъ Стрешпевымъ; много умнаго, много новаго слышалъ Государь оть Лукьяна Степановича, и полюбиль его Государь пуще прежняго. Когда пришли на Москву, Царь сталь перъдко навъщать Стреннева и просиживалъ у него иногда допоздна въ тихой оссъдъ.

- «Вотъ Государь,» сказаль однажды Стренневъ: «получиль и отъ Леслія пріятное письме. Панеть, что король Аглецкій на издержки теба весинаеть три тысячи добраго своего войска съ Генераломъ Томасомъ Сандерсономъ; что онъ Лесли все уже тамъ исиравилъ и покончилъ; войска и спаряды отправилъ, а самъ сухимъ путемъ черезъ Польскія области провдетъ, да дорогой себеретъ слухи, въсти и что твоей службъ мужное встрътится; да пишеть, что все войско соберется подъ Москву не раньше освраля, а къ тому времени и опъ подоспъсть.»

И это время промелькнуло; наступиль осврамь, а Лесли не возпращался. Прівхаль зъ Стрешневу Царь Михаилъ Өеодоровичь. Государь приметно быль обезнокосив тяжелою мыслію.

- «О чемъ грусть, Надежа Государь?» сказаль Стрепневъ: «Будеть сыцъ!»
 - «Да какъ ты знаешь мои зяватныя думы?»
 - «Государь, это дума всего твоего наротия.»
 - «Отчего же сынъ?»
- «Пу, ужь такъ Государь; я но пророкъ, а отгадчикъ. Я по примъру Царя Адріана гадаль на Эпендъ, и вышель стихъ такой, что быть не дочери, а сыну; загадаль сонъ, и приносинь ты на гробъ Святителя соименнаго ему сына... Проснулся я, и сталъ молиться. И невъдомо, отъ чего, поминая дочерей твоихъ, я помянуль и утробъ сына твоего.... Быть сыну, Государь!...»

- «Быть великой радости всему царству, а отгадчику всякая милость; чего ни попросить, что ин вздумаеть—все исполню...»
- «Да мив вичего не пужио.... Пътъ, Государь, я вспомпилъ. Есть и у меня нужда, да не знаю, захочень яп ты сдержать слово....»

Государь не успъль отвъчать. На дворъ послышался шумъ. Кого-то не пускали въ покои; Стрешпевъ поглядъль въ окно и вскрикнулъ: «Лесли!
Лесли воротился.» Царь приказалъ впустить своего върнаго полковника, украшеннаго многими иностранпыми орденами. Государь прпиялъ его ласково, допустилъ къ рукъ своей, выслушалъ любопытный разсказъ о дъйствіяхъ и дипломатическихъ спошеніяхъ Лесли въ чужихъ земляхъ, объщалъ милость и приказалъ приготовить все войско
къ смотру къ 10 числу марта и, простясь съ върпыми слугами своими, уъхаль. Только уъхалъ
Государь, въ компату, гдъ остались наши друзья,
вбъжалъ Тимоша, бросился на шею Лесли и сталъ
душить его въ своихъ объятіяхъ.

— «Ай да, племянникъ! А сколько у него новыхъ пряпиковъ! Да какъ расписаны, да раззолочены! Любо дорого смотръть! Съ рожи, все тотъже, а каковъ-то на изпанку сталъ, какъ-бы его выворотить путромъ вверхъ. Пу, племяпникъ, покажи-ка сердце, отвори-ка душу, кто тамъ?»

Пшуть сталь глядьть въ кулакъ на грудь Лесли.

— «Ты меня не знаень, Тимоша, и я прощаю твоей педовърчивости. Какъ эти Китайскіе цвъты растуть и всселятся полною жизнію въ обители

моего благодателя, такъ и цватокъ Лукьяна Стеваповича у меня въ сердца...»

- «Ай да племянникъ! И какъ говоритъ по заморскому, словно сказку читаетъ...»
 - «Я тоть, да она та ли? Мпого воды ушло.»
- «Да...» сказалъ Стреппевъ: «если ты и слевы Парапи водою считаень. Опа любитъ тебя. Въ этомъ пътъ сомнънія. Много жепиховъ было, я Государя объ одномъ просиль: не отнимать у Парапи воли — и всъ женихи остались...»
- «Съ носомъ!» докончилъ шуть. «Вотъ кокъ мы любимъ. Ужъ это у насъ вся семья такля, ня, и братецъ, и Параша... Можемъ похвалиться, чудо не люди. Ну, а ты?..»
- «Въ самомъ двав...» спросилъ Стреншевъ:
- «Признаюсь, Лукьянъ Степановичь двъ лишвихъ недъли я у Царскаго дъла утанлъ. Я нашелъ
 мою семью, графино, графа, Берту, матушку,
 судью и двухъ дътей Берты, въ полномъ довольствъ, въ полномъ счасти. Всъхъ ихъ нечалило
 только мое отсутствіе. По матушка моя не перенесла радости свиданія; утомленияя восторгомъ
 материнской любви, Гертруда заснула спомъ крънкимъ и уже не проспулась. Графиня съ Бертой и
 съ двтьми переъхали въ Ригу, чтобъ быть отъ
 насъ поближе, а графъ Орселей переменилъ фамилію и служить у меня капитаномъ въ третьемъ
 полку. Не хочетъ чужаго хлъба ъсть, особенно
 когда узпалъ; что и я имью нъкоторыя намъревыя, нъкоторыя надежды...»

HCHXER.

- «Женой обзавестись?» докончиль инуть.
- «Ily a у васъ, Лукьянъ Степановичь, что новаго?..»
- «И у меня кое-что есть.,. Ивмецкому языку выучился... Вотъ твои книги дочитываю...»
 - «А у тебя, Тимоша?..»
- «Есть, есть и у меня обновка: я Нъмецкому языку разучился. Да что обо мив! Вотъ ты лучше скажи: гдъ мой должникъ?»
 - «Какой?»
- «Какъ какой! Я все молчу, да молчу; про Персидскія шашни его пикому пичего пе сказываю, а опъ мпъ третій годъ жалованья не платить.»
 - «Бъдный Орлей, пожальйте объ немъ!»
 - А что такое?..»
- «Въ Лондоцъ онъ хотълъ по легкомыслію повторить Персидскую шалость; его поймали и заръзали.»
 - «Опять Персіянку?..»
 - Патъ, его самого...»
- «Пу, что же туть важнаго? Око за око, зубъ за зубъ. Мало ему было у насъ науки; мы, посль Капитанскаго случая, съ братцемъ такъ перепугались, что совсъмъ за красными перестали волочиться.»

Счастливые собесъдники просидъли до поздняго вечера; ихъ пріятное общество было умножено четвертымъ гостемъ капитаномъ Эльдреномъ, т. е. Графомъ Орселсемъ. Нъсколько дней пріъздъ Лесли былъ совершенною тайной для всей Москвы. Пемпогіе однако же знали, кому о томъ въдать

псикел.

Hosenna.

«...Вы требовали, я исполняю. Въ первый разъ рашаюсь импровизировать новеллу. Содержаніе Богь дасть, а задачу — вы, очаровательные звъзды Итальянскаго неба; да; если бы я управляль зодівкомъ, пебесныя завзды перемвивли бы имена; въ кружокъ, вотъ какъ сидите, я назвалъ бы Целестиной, Джюдитой, Гортензіей... Гортенвіей! Вы покрасивли, синьора — и подвломъ! Пестыдно ли напоминать старику блаженныя меновенія отцивтшей юности, дан падеждв, годы испытаній и целую въчность раскаянья....

- «Разскажите, разскажите!» - запумъля дамы. Сильвіо Теста, профессоръ медицицы и врачь знаменитый по всему озеру Комо, съ улыбкой посмотръль на своихъ очаровательныхъ націентокъ, стукнуль пальцами нъсколько разь по волотой табакерка, украшенной ланнымы портретомъ женщины, привсталъ, лодка закачалась, дамы насильно усадили его на прежнее мъсто и снова

настоятельно требовали разсказа.

-- «Разскажите!...»

— «Слова медика — рецепты; о, если бы разсказъ мой могъ хотя одну изъ васъ вылечить отъ врожденной бользин, которая вамъ столько доставляеть блаженныхъ сповъ, сколько не произведеть цълый фунть опіума. Попытаюсь; нынче такъ много новыхъ системъ леченія; можеть быть и я близокъ къ открытію легкой и простой методы пользовать человъчество — разсказами. Дешевый способъ. Я же пойду по міру, но извольте, приготовтесь! Пачинаю.

II.

«...Огляпитесь; надъ вами возвышаются живописьпыя развалины замка Комо; виизу въ оливковыхъ садахъ и каменной рамкъ стъпъ спить нашъ торговый городокъ; чулочищы и перчаточищы шушукають въ постеляхъ; фабриканты бархата и тафты сводять счеты; дъятельность уснула; такъ бывало и въ прежије годы; только на склонъ бъловатыхъ горъ, видите вотъ тамъ, гдъ бока огромныхъ холчовъ изрыты орудіями человтка, только тамъ въ прежије годы копошились люди далеко за полночь, добывали мраморъ для епископскаго собора, или дворцевъ Галли и Одескальки, украшающихъ предмъстіе Вико, или для работь на виллу Д'Эсте, куда герцогъ Торлонія бросиль часть избытка своихъ неимпърныхъ богатствъ. Мраморъ нашъ неровенъ; случаются превосходные куски и ваятели со всъхъ сторонъ Италін перъдко навъщають нашу мраморную лошку...

Въ 1783 году я возвратился на родину; вотъ

на такой же лодочка каждый день уважаль озеро, и возвращался домой поздно ввечеру; повая медицинская книга и новыя ноты для флейты были со мной неразлучны; при такой жизии; конечно, практика моя была весьма ограниченна; на зовъ къ больпому я шелъ неохотно, повинуясь болъе обязапности, нежели необходимости промышлять деньгу; молодой человъкъ двадцати шести. льть, вь тогь доктора оплосооін, хирургін и медицины, купленной въ Италін и Германін не деньгами, а трудомъ и небольшими способностими... не правда ли, будущность улыбалась? Свъжесть юности, огромпыя права мосто званія, недостатокъ въ медикахъ и множество больныхъ: жела: піемъ лечиться на очаровательномъ озеръ.... не смотря на все это, я не върняъ моему назначенію: мив казалось, родители ошиблись въ монтъ СКЛОППОСТЯХЪ; МУЗЫКА МЕНЯ СВОДИЛА СЪ УМА; ЖМвописные берега озера просились подъ карандашть н сами отзывались во мив звучными, краснвыми строфами стиховъ; вмъсто медицинскихъ киигъ со мной плавали Аріосто и Тассо, и часто весля гребцовъ останавливались отъ поразительныхъ описаній, особенно изъ Аріостова Орландо. Такъ прошло болье трехъ недвль; пемпогіе больные, съ первыхъ дисй моего прівзда призвавине меня на помощь, выздоровам; я совершенно сталъ свободенъ, и цълый день, а иногда и большую часть почи, озеро оглашалось октавами стиховъ или звуками флейты. — Въ одну изъ прогулокъ я замътиль лодку; въ теченіи двухь слишкомъ часовъ

опа плавала по следамъ моей, но въ такомъ отдаленін, что я не только не могь разглядьть лиць, но даже одеждъ; я уходилъ, перемънялъ направлоніе плаванія, сердился, все напрасно; наконецъ пошелъ прямо къ ней на встръчу; враждебная додка шибко бросилась къ городу; я прибавилъ ходу, по пе смотря на всю поспъшность, она пристала прежде насъ къ берегу, и я видълъ, что двъ жепщины съ особенною легкостію выпрыгнули и скрылись.... Распрашивать гребцовъ не позводяла гордость; я возвратился на озеро, llo странное дъло: съ этого мгновенія я забыль Тассо, Аріосто и флейту; скрестивь руки, я недвижно глядълъ на пънящійся слъдъ лодки; въ первый разъ въ жизпи я впалъ въ глубокую задумчивость, т. с. инчего не думалъ; предметы быстро, но безпослъдовательно смъпялись въ воображении; миъ стало грустио; я не понималь причины; какъ будто попался въ запутанное дело и не зналъ какъ изъ него выдти. Не знаю, чълъ бы все это коичилось, если бы крикъ: «берегь!» не разбудилъ меня.

- •Гдъ мы? спросилъ я.
- «А воть у мраморной ломки...» отвъчаль гребецъ: «Поло сходить къ своему брату, что на работахъ, а мы пока отдохнемъ; устали.»
- «Пойдемъ, Поло!» сказалъ я, почти не думая, что дълаю, чего желаю, и вскоръ мы остановимись у мраморной глыбы, которую весьма внимательно осматривало нъсколько человъкъ.»
 - «Для большаго и столь сложпаго памятника

аморъ вашъ рашительно не годится, сертувъ ловъкъ небольшаго роста, въ темномъ сюртувъ широкополой соломенной шляпъ: «Но л везъму у съ нъсколько кусковъ меньшаго размъра; для большихъ статуй, я думаю, они будутъ хороми; постараюсь въ отдълкъ придать какъ можно бенъжности, лоска; можетъ быть это вослують въ пользу для вашихъ горъ...»

- «Повърьте, синьоръ...» отвъчалъ небольной новъкъ, безпрестанно кланяясь: «повъръте чест» му слову, что у насъ случаются такія глыбы, кихъ нъть и въ Карраръ; только въ томъ наша да, что гг. скульпторы называють нашъ мраръ Каррарскимъ, чтобы сбыть свои произведе: подороже, а иногда и по незнанію, потому что купають не у насъ изъ первыхъ рукъ, а у Римихъ и Флорентинскихъ барышниковъ. Сивьоръ нова! вашимъ произведеніямъ не придасть цвим опсхожденіе мрамора, а достоинство его вы саиспытаете; хотите, не хотите, а я все-таки шлю вамъ эту глыбу въ Римъ и увъренъ, что а попадеть въ Ватиканскую Базилику или къ остоламъ. Денегъ не беру! Сами пришлете, къ поработаете. Мягкій безь дряблости, жилокъ много; пещерокъ вовсе нътъ; увидите, сами идите; только объ одн**омъ прошу: не скрывай. Т** , что этоть мраморъ съ нашего озера!»

Канова улыбнулся и сказаль ласково:

-- «Я беру мраморъ и прошу прислать миз въ мъ пять, шесть кусковь для малыхъ статуй, э 3

M36 STOPO, HISTOPO, N. CARAGIO IICHRETO; AL АУШЪ ЛОЖИТЪ, ДО НО МОГУ НИЙТИ ЛИЦА.... Il HOLINGA'S C'S CHOHN'S ILIETPO K'S 40/KARTS; нимъ; извъстность Кановы въ то время уже общирия, во меня влекло къ вему еще как особенное предчувствіе, которому в повинові какъ слуга приказацію хозяпна.

— «Папраспо вы набрали такую кучу мра ра!» сказала Пістро: «Богъ знасть, будеть ли 1 него еще прокъ....

«Я убъжденъ, что мраморъ плох»; но м стало жаль трудолюбиваго Цекки; вся Пталія спит. CHOMB SCTAPINIACKNING OTS TOTO, TO BE ROMB. ВИ КЪ ЧСМУ ИБТЪ ОХОТЫ, ВЕТЪ Ободренія; ВЕСКОЛЬко сотъ скулъ не раззорять пасъ; Ценки на десять пельль булеть чемь жить и кормить два три досятка вищихъ работинковъ!...

•....Па другой день миз уже не хотелось тхать на озеро; какъ будто я чего-то болдея; дома было CKYTHO; A HOUSELL HABBETHTE HEMBOTHER SHAKOMEIKE, И, Такъ сказать, не монхъ, а старыхъ пріятелей покойныхъ монхъ родителей, и началь съ одной старушки, у которой не быль съ прівзда. — Было еще очень рано, къ ней лежаль путь но самымъ отдаленнымъ персулкамъ предмъстія Вико; на улицахъ почти шикого не было; только слуги носили Въ дома воду, мели дворы, и т. д. Пе доходи шаговъ двадцати до пебольшаго домика моей зпакоики, вдругь вижу: окно распахнулось и старушка

кругомъ, какъ колпан тяпула къ ведру, дру. человъку, который, в данною свидътельницев рій, отворотился отъ М рону и, покрасивит до баку; онъ воображаль, шенцо увольнить Маріані ковъ, а можетъ быть и убъдительнъйшихъ фигур чія... Этотъ мимическій (главокор йодоком и ,онов старушкою и судьбою, по потерялъ охоту навъстить понасть изъ балета нъ тр водымъ человъкомъ безъ дывался безпрестапно, вър по крайней мъръ, угадат ріанна изъ затич

- «А за чъмъ же тебя посылали?» спро-CHAL A.
- «За докторомъ, синьоръ...» отвъчалъ Джакомо, почти съ плачемъ: «Будетъ же теперь мив... Ахъ, Маріаппа, Маріаппа, зачъмъ ты такъ рано ходишь за водой? Зачемъ къ этому проклятому водомету? и вода пехороша; тамъ только лоша-

И конца бы не было его упрекамъ, если бы я . не сжалился надъ бъднымъ Джакомо, и не сказаль ему, что я также медикъ и могу помочь его горю... Гермесъ, прибавилъ я съ неумъстною важностью, покровительствуеть и любовниковъ и нашу братью.

IY.

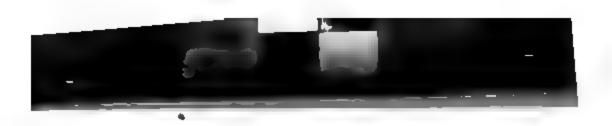
 Мы были слишкомъ близки къ окну, въ которомъ съ выраженіемъ искренняго нетерпънія торчала старушка лътъ шестидесяти; Джакомо сзади шепталь мив что-то; но я не могъ разслушать. Мы вошли, и Джакомо, не запинаясь, объявиль, что синьора Лангодуччи онъ не пашелъ дома и ръшился обратиться ко мпъ, по указапію одпого товарища, который шель къ рашей объдпъ въ собориую церковь...

Старушка, не смотря на преклонныя лъта, была совстмъ одтта, съ особенною важностью и особенно отборными словами привътствовала меня. Я кланялся и отвъчалъ довольно ловко...

— «Все мое богатство...» говорила старунка:

динственная драгоцанность — Гортензія. Я живу я нея. Она сирота. Отець умерь въ Неаполь, дочь моя, мать Гортензін, перецла въ въчность всь въ Комо; вы въроятно видъли мраморный мятникъ въ церкви Св. Луки; миз прислаль я него рисунокъ синьоръ Канова, когда онъ еще ился въ Венеціи. Я тотчасъ угадала въ немъ нія; мраморщики перепортили — но я имъ пе остила и наказала по своему.. »

Я никакъ не могь понять зачамъ зовутъ докра; гдъ больной, гдъ опасность, къ чему эта кровенность?.. но вскоръ все разрашниось... Тяело и сладостно вспоминать эту ужасную встра-; о, прелестныя, милыя, очаровательныя женщы, зачъмъ вы не скрываетесь въ монастыряхъ прямо изъ келін не идете къ брачному обраду? чъмъ, на пути къ этой единственной цван, вы лпусте, воличетесь, и всв воспоминанія свои полняете жертвами, какъ аптекари свою библюку, исполненными безполезными рецентами! Вола, вбъжала больная; румянецъ здоровья игралъ всю щеку; черные какъ смоль волоса, въ елкихъ косичкахъ, скользили по бълой одеждъ; рпые большіе глаза блистали ярко; станъ выкій, стройный, гибкій; правильныя черты, — н конецъ нечаянность... Пе смъйтесь, сниьоры, влюбился. Влюбился съ перваго взгляда; влюися такъ, что у меня потолокъ въ глазахъ вервлся; влюбился такъ, что и бабушка улыбпулась, внучка покраснъла; такъ, что до сихъ поръ ве огу освободиться отъ этихъ докучныхъ слезъ... »

398

Henres.

Сильню Теста отвернулся, желая скрыть, но крайней мара, стереть живые признаки живыхъ воспоминаній и, не позволяя опомниться слушательницамъ, продолжаль:

— «Вотъ больная!..» съ улыбкой сказала старушка: - Она всъхъ ужасно перепугала; на меня нашель папическій страхь. За полночь Морфей раскинулъ свой маковой покровъ, и мы услули. --И я въ свое время была не хуже Гортецзін; и у меня были Нарцисы и Адописы; по всъхъ болъе поправился мив сипьоръ Каэтано Алальки, здвиній фабриканть тафты и бархата; вы можете судить но его портрету, который вмъсть съ монмъ, видите, висить воть тамъ на ствив, надъ моею кроватью; давно мы съ нимъ разстались, но въ продолженім тридцатильтвей пащей разлуки, вечеринии молитрами всегда сливалось и объ немъ восноминаніе; такъ было вчера. Только что л уснула, и представьте себъ: гляжу, какъ-будто наяву; и я, и овъ улыбаемся на портретахъ; я со всею скромпостію невъсты, онъ со всею винмательностію жениха: онь необыкновенно въжень и учтивъ; во всемъ Комо и кругомъ по озеру, онъ считался первымъ щеголемъ, а въ наше время нашествіе Французской моды сдълало щегольство затрудинтельнымъ и дорогимъ; ношли кафтапы à la Louis XIV; пошли мушки и фижмы; Картапо, я думаю, половину произведеній фабрики тратиль на себя и невъсту. Мы были уже на дружеской погъ, и я перъдко позволяла себъ двлать замвчанія. Такъ и вчера.... Ахъ Картано, говорю я ему...

опять повый костюмь!» — А ост, шалукъ, вмъсто отвъта, подаеть мнв розу и съ такою улыбкою, просто изъ Гольдонісьской комедіи, я такъ и расхохоталась...

Старушка въ саможъ двла раблокоталась и закашлялась.

Все время я слуналь ее опустивь глаза; теперь коталь воспользоваться удобною винутой, украдкой взглящуть на Гортензію, по не успъль рышиться, какъ старушка опять забарабанила:

- «Не знаю, чемъ бы кончилось свиданіе съ Каэтапо, какъ вдругъ сльппу чьи-то столы, крикъ, просынаюсь, и при слабомъ блескъ лемпады вижу, моя Гортепзія лежить вся скорчившись, въ ужась, совсимъ раскрылась; на лици видно, что се тяготить странивый сонь; не услвав и приподняться, какъ она вскрикнула произительно, и вскочила... «Что съ тобой, Гортензія?... — Гдв опъ? спросила она. — «Кто?» — Мой мавзолей и эти ужасные барельесы? — «Какіе?» — Ахъ, бабушка, что мив сиплось! Въ этомъ углу двое мужчинъ ставили мив памятинкъ! Я, мертвая, лежала уже въ гробу, они хотъли опустить меня въ скленъ; съ ужасомъ вглядываюсь въ мою гробинцу; вей, вывсто барельефовъ, какіе-то крылатые кони, скелеты, сказочныя, чудовища. — Не хочу! закричала я. -- Не хочешь, глухо застопали чудовища, ожили, силлись съ мрамора, и закружились падъ мосю головою въ воздухв съ ужаснымъ шумомъ и хохотомъ; я хотвла укрыться поль саваять; не нахожу его; опи все ближе; однив барельефь, крылатый всадникъ, вырваль меня изъ гроба и попесъ по воздуху; я собрала послъднія силы, закричала и проспулась...» Представьте, синьоръ, мое положеніе! Гортензія — все мое богатство, единственная драгоцъпность; не успъла она разсказать свой сопъ, какъ уже разумъется весь домъ быль на погахъ, а Джакомо на пути къ доктору. Спинкомъ часъ Гортензія не могла успоконться, наконецъ мало по мало затихла и усиула; по я тотчасъ одълась и до сей поры просидъла у окошка. Благодаренье Богу! Гортензія, какъ сами видите, теперь впъ опаспости; но я должна была, согласитесь сами, на всякій случай принять свои мъры; а теперь не могла не разсказать подробно причицы, по которой я обезнокопла васъ и вмъств пріобръла пріятное знакомство. Ваша готовность заслуживаетъ полную мою признательность...» — Благодаренія посыпались градомъ, такъ что я не зналъ куда дъваться и считаль себя дважды счастливымъ, когда опи окончились завтракомъ...

Y.

«...Если бы старушка не перепугала Джакомо и Маріанпы, а глупый сопъ не посътиль Гортензін; если бы эти два совершенно пичтожныя обстоятельства не вытшались въ мою жизнь, можеть быть... пъть! такъ слъдовало, такъ нужно было для тайнаго порядка природы, для глубокихъ и мудрыхъ намъреній промысла, и ропоть мой похожъ на негодованіе ребенка, когда его заставляють гулять во время бури

и пенастья, п стараются пріучить съ малыхъ льть нъжпую его природу ко всемъ перемънамъ воздуха.

За завтрякомъ старуха говорила одпа долго и много; между прочимъ, какъ сопъ пгралъ немалую роль во всемъ этомъ пропсшествін, старушка наша и ему закопную причину, именпо: вчера со внучкой. опи ходили къ С. Лукъ и молились у праха матери Гортензіп. II она была очепь тропута, продолжала старушка, плакала; я ей разсказывала всю жизнь ся матери и какое дала воспитанів доброй мосй Аврелін, и какъ она прекрасно играла на арфъ, и какъ хорошо писала портреты и небольшія картипы, и какъ знаменитый Феррари, племяппикъ или впукъ Торрети, сожальль, что опа уже за мужемь, и какъ я досадовала, что поспыпила ся замужствомъ; опъ хотълъ увезти Аврелію отъ мужа, также фабриканта Комскаго, по Аврелія, правда, хотя и любила его искренно, однакожъ покорилась долгу добродътели и мончъ совътамъ, и какъ дорого за то. заплатила! Въ отчаянін онъ убхаль, а моя Аврелія въ ниесть мъсяцевъ исчахла, изсохла, умерла, оставивъ мнъ живое свое изображение въ десятилътней дочери; знаменитый Феррари, узнавъ о ея смерти, захворалъ; ученикъ его, Канова, желая утъщить учителя, сдвлаль рисунокъ ея памятнику; получивъ рисупокъ, я тотчасъ угадала въ Кановъ генія п приказала нашимъ мраморщикамъ сдълать гробинцу по этому рисунку изъ нашего мрамора. Испортили, испортили: это просто речесленики, барышпики. И спачала думала жаловаться; по поточь ръшилась наказать ихъ самымъ чувствительнымъ образомъ: ничего не заплатила имъ за работу, они не посмъли жаловаться... И этотъ памятникъ, и воспоминанія о жизни Авреліи, въроятно, накъяли на нее такой тягостный сонъ... Пе правда ли, сипьоръ? Какъ вы думаете?..

Продолжительныя рвчи старушки дали мнв нвкоторую возможность придти въ себя, и я довольпо порядочно могъ отвъчать на этотъ вопросъ:
но въ соображенія медика впуталась германская
мечтательность, и я въ заключеніе прибавиль:
«—Впрочемъ за горами, подобные сны и даже существенныя, важныя событія жизни любять приписывать таннственнымъ отношеніямъ людей, невидимой связи душъ, магнетическому сродству... и
признаюсь, многіе опыты заставляють подозръвать
въ этихъ предноложеніяхъ пъкоторую степень истины. За горами непремъпно-бы сонъ сипьоры
Гортензін принисали прівзду Кановы въ нашъ городь...»

— «Развъ онъ здъсь?» вскрикнули объ. И я примътиль на лицъ Гортензіц такое странное смъшеніе удовольствія и досады; въ румянцъ такую
сильную перемъну, въ голосъ такіе звуки, что невольно затрепеталь всъмъ тъломъ. Скръпя сердце,
я разсказаль, какъ я его увидълъ; по когда разсказъ коспулся обстоятельствъ, которыя привели
меня на мраморную ломку, новое удивленіе! —
Гортензія нокраснъла, отворотилась отъ старушки,
а я совершенно смъщался. Старушка отъ души
смъллась и журціа за мечтательность; къ проно-

им она вдругъ приложила обращение къ внучкъ:

«Вотъ и ты, Гортензія, связалась съ атой Идой,
о спитъ и видитъ картины, стихи, музыку... И
пъ тоже, спиьоръ, частепько гуляютъ по озеру
поемъ, и норотясь пишутъ стихи, а Гортензія
пречертила почти всъ берега нашего озера, и
пень недурно: у нея талантъ посильнъе еще, чъмъ
Авреліи. Покажи, Гортензія, свои рисунки.»

- «Помилуйте, бабущка...»
- «Покажи, покажи! Пеумъстная скромность! чень хорошо, нечего стыдиться... И если Канова зажеть, что изъ тебя можеть выйти со временых хорошая художища, я найму тебъ учителя, до тъхъ поръ я дозволяю твои заиятія, какъ юзву... Пу, Гортензія, покажи, покажи свои вранія...»

Гортензія запланала съ досады и усвлась у па съ видимою рашительностію не показывать ючновъ....

- -- «Упрямица! неблагодарная!» и упреки посымись градомь. Я не хотвль быть сипдвтелемъ
 иманией сцены и началь откланиваться... «Нать,
 годите, погодите, синьоръ! Я поставлю на
 юемъ...» «Никогда, бабушка!» вскочивъ сказала
 эртензія и стрвлой бросилась въ спальню. По
 юшло минуты, Гортензія вышла держа въ горсти
 учу лоскутовъ.»
- «Воть мон работы, бабунка!...» и вътеръ типесъ ихъ по пустой улицъ.... Я ущель.

VI.

. ii '

На улицъ никого не было; лоскутки кружились, вътеръ опять подымалъ ихъ и разбрасывалъ; точно мои мысли, мои чувства въ это ужасное утро: я собиралъ лоскутки, и у самаго окна поймалъ на лету послъдній. До того времени я и не примътилъ, что у окна стояла Гортепзія, но въ эту минуту опа перевъсилась черезъ окно и шепотомъсказала миъ:

- «Синьоръ, не стыдио-ли?» Я остолбенълъ.
- «Отдайте мив....»
- «Не могу!...» И постояпно воспламеняясь, я началь цъловать кучу лоскутковъ съ восторженными приговорками.... Голосъ мой возвышался. «Бабушка идеть, бабушка! Сожгите ихъ...» торопливо сказала Гортензія; окно захлопнулось, а я, какъ стръла, умчался въ противную сторопу, такъ, что старушка не могла меня замътить.

Три для я не выходиль изъ дому; ползаль по полу, складываль лоскутки, подобранные подкленваль; вътеръ унесъ у меня нъсколько кусковъ и первый мой выходъ быль прямо къ дому Алальки; понски мон были папрасны; завистливый вътеръ далско уже тъщился своею добычей; но и моя побъда была немаловажна; въ три дня я успъль сложить 43 разной величины эскиза, рисованныхъ карандашемъ въ однъхъ чертахъ и съ туновкой. Видовъ озера Комо было немного,

большею частію минологическія бредни молодаго, но художнического воображенія. Конечно, все это было плохо связапо, плохо парисовано, но во всемъ однакожъ проявлялось сильное, возвышенпое чувство. Удачивйшими были граціозныя фигуры дътей и женщипъ.... Почти въ каждомъ сочиненін съ фигурами, я замьчаль одну и ту же дъвушку, съ гордой осанкой, съ повелительными жестами, но съ темъ вмъсть съ какою-то простодушною невиппостью въ лицъ. — Эта дъвушка никогда не принимала участія въ главномъ дъйствін; занималась то разсматриваніемъ намятника, то чтеніемъ книги, то держала на рукъ за легкія крыльники мотылька, то карандашемъ чертила виды далекихъ горъ.... по болъе всъхъ поразиль меня одинъ эскизъ. На озеръ въ лодкъ человъкъ, будто играеть на флейтъ; и туть та же дъвушка на берегу, по не одна, а съ подругой; онъ обиялись; будто слушають далекую игру.... Ila было больше сомпънія; это она, это я!... Самолюбіе, какъ кошка, любитъ само себя пъжить; любовь оправдывала вст предположенія, а догадки обращала въ доказанныя истины. Итсколько разъ я приходиль къ дому Алольки и не могь войти; не стыдъ, а какая-то добрая судьба была на стражъ; наконецъ я одолълъ это ужасное чувство, вошелъ и вижу: за столомъ сидить Канова; передъ нимъ большая кишта; опъ что-то чертить; за его столомъ, преображенная, едва дыша, стояла Гортенблестящими глазами слъдовала за всъми движеніями знаменитой руки. Старушка, падъвъ очки, сидъла возлъ и также не безъ внимапія разсматривала работу.

VII.

- «...Я не зналь, уйти, —или остаться, по старушка первая замьтила меня и вывела изъ затруднительнаго положенія —Милости просимь, милости просимь! сказала она, и опять принялась глядьть на работу. Пи Канова, пи Гортензія не замьтили меня, даже посль привътствія старушки.... Я подошель къ столу и цевольно посмотръль на работу; это быль портреть Гортензіи, именно въ томь самомъ положеніи, которое чаще другихъ новторялось въ ея собственныхъ эскизахь съ бабочкой на ладони.... Когда я подошель, художникъ уже подписываль: Антоніо Канова, Комо. 1783 года.
 - -- «Похожа ли?» спросиль онь старушку, сь самодовольною улыбкою подавая ей книгу....
 - «Удивительно, удивительно!...» кричала старупка....
 - «Такъ вчера я первый разъ имълъ удовольствіе васъ встрътить и не могъ налюбоваться....» сказалъ Канова, обращаясь къ Гортензін: «А знаете ли причину? Я нашель въ васъ совершеннъйшій идеалъ Психен, и какъ только пріъду въ Римъ, постараюсь передать черты ваши мрамору, въ этомъ самомъ положенін.»
 - «Вы скоро ъдете?» съ тренетомъ спросила
 - • Сегодия. »

воть бъда, у насъ учителя и — «Они нужны только длантъ въ дружбъ съ натурой: со многими ся таниствами и мымъ...» — Сказавъ это, Ка

— «Вы уже уходите?...»
— «Я должень быль увхат задержала... Пізтро сердится. работы... Мы непольники... располагать своимь временемъ. — наша постоянная обязанлост

Распростился... ушель... в зала подробную, но незаним какъ она замапила Капову въ показала рисупки внучки, полуеще въ подарокъ и пр. и пр. Я но сводя почти глазъ съ прев что дълалось въ дущъ ел не ч

мой? теперь паступаеть зной...» Гортензія какь была въ соломенной шляпкв, такь и свла за столь, и глядя на чудпую Психею, погрузилась въ глубокое размышленіе.... Бабушка ушла.... мы остались один въ первый разъ и.... но, слушайте, слушайте.... теперь только начинается существенная часть моего разсказа....

- «Вы сожгли ихъ?» спросила она тихо и съ дивнымъ спокойствіемъ.
 - «Ilttb.»
- «Благодарю. Теперь они имъють для меня какую-пибудь цъну; жаль, что ихъ не видъль Капова.... Исть! къ лучшему.... Успъхи будуть замътиъе; вы рисуете?...»

Я улыбпулся...

- «Парисуйте мив что пибудь на память....»
- «Послъ Кановы!?...»
- «Правда! Кто осмълится бросить мысль свою па бумагу возлъ этаго дивнаго карапдаша, обратившаго обыкновенную дъвушку въ греческую богипо!... Полюбуйтесь, синьоръ, полюбуйтесь! II бабушка паходить, что эта Исихея похожа па меня! Пътъ, это не я; это дума Кановы, пебеспая, чистая душа! Певипиая, она ищетъ уедипепія, бестды съ природой; посмотрите, какъ опа глядить на легкокрылую бабочку, какъ боится стереть эту живопись, которою укращены прозрачныя крыльшки!... II онь ъдеть, увхаль!...» почти забываясь, шентала Гортензія.... и въ это мгповеніе, она точно не походила па портреть свой: какая-то странная важность, царственное

гортензія: «Во мив есть прі Къ чену, Аптоніо?»

- «Къ искусству, синьо самыя горькія минуты, укра жизнь...; »
 - «Пе думаю, »
- •О, я испыталь.... с •все блаженство, всв райскія мыя музами....»
- «Такъ будьте же моня этоть рай; я не вижу пути: 1 ство приведеть меня...»

Она останопилась и потомъ, миная, спросила:

- «И пе уже ли па Божьем блаженства?...
 - «Въ одной мобы, синьор
- «Въ мобан!» съ примв спросила Гортензія:» Пяв нель: бить! Пе паши!...

VIII.

— «Бъда съ учителями!..» сказала бабушка, когда я на третій день посьтиль домъ Алальки. У насъ иъ Комо всего ихъ двое: ни одинь, ни другой не годится. Гортензія говорить, что опа сама больше зпаеть, а сама ничего не работаеть; воть нарисовала бы мой портреть, въдь мит седьмой десятокъ; умру скоро...»

Гортепзія мрачно взгляпула на старушку; мпъ показалось, какъ-будто въ глазахъ ея былъ написапъ вопросъ: «А скоро ли?...»

— «Пли воть портреть нашего новаго и добраго зпакомца...» продолжала старуха: «Сидить, сложивши руки; Богъ зпаеть, объ чемъ думаеть; вчера и вечернихъ молитвъ не прочитала бъ, если бы я не напомнила....»

Прошла недъля. Гортензія совершенно перемъпилась; объ искусствъ и думать позабыла; румянецъ
весьма уменьшился; глаза впали; отъ окошка къ
столу или въ постель, и опять къ окошку; въ
разговорахъ мелькали мысли и слова безъ значепія.... Я предвидълъ, что мит придется оставитъ
любовь и приняться за медицину; такъ и случилось.... Пе прошло трехъ, четырехъ дней, какъ
меня перенугалъ Джакомо ужаснымъ извъстіемъ:
«Пожалуйте къ намъ, молодая синьора умираетъ...»
Признанось, я повърилъ Джакомо; не помню промежутка времени, въ который я пробъжалъ отъ
себя въ снальню Гортензіи, а это было съ добрую
четверть мили.... Я нашелъ ее въ сильной горячкъ; сонъ, который мы съ бабушкою считали слу-

чайностью, воскресь въ больномъ воображении. .Странцы, пепонятны были явленія ея бользин; ей все видълся какой-то ненавистный вънецъ; опа рвала его, топтала, называла своими цъпями; то вдругъ рубила статую изъ мрамора и, дико оглядываясь, съ страшиою улыбкою спрашивала у насъ: «Пе правда ли, какъ я похожа?» Мив удалось сильными медициискими средствами уиять горячку; всю ночь я просидълъ у больной, наблюдаль за всъми послъдствіями монхъ лекарствь и ходомъ бользии; добился хорошей испарины, и не сводя глазъ съ спящей Исихеи, просидъль при ней до утра. — Она проспулась.... Первыя мгновенія были для меня сладостны; она какъ-будто угадала мою заботливость, и выраженіе нъмой благодариости отразилось въ потусклыхъ глазахъ п. улыбкъ.... По увидя бабушку, Гортензія миновенно потеряла веселый видъ и отвернулась.... «Падо оставить больную одиу...» сказалъ я: «ей нуженъ покой...» Гортензія онять новернулась къ памъ и сказала слабымъ п умоляющимъ голосомъ: «да, да.... одиу.... докторъ... не уходите!...» — «Я буду въ другой комнатъ...» отвъчалъ я: «и въ свое время приду навъстить расъ... Упдемте!...» — «Благодарю!...» прошентала больная; мы вышли; старушка, что то разсказывая, успула. .. усталость и безсопинца взяли свое; я съль возлъ самой двери въ спально и безпрерывно прислушивался, что дълаетъ больная... Она тяжко вздохнула. Тихо, пе слышно, какъ тънь, я проскользиулъ въ спально....

- «Садитесь, Сильвіо!...»

Я быль очаровань дружескимь обращениемь и позволиль себь отвъчать языкомь домашняго, близкаго человъка.

- «Гортензія! Не хотите ли чего?...»
- «Воды. Меня томить жажда.... Нътъ, Сильвіо....» печально сказала опа, возвращая кубокъ съ водою: «пичто не утолить меня; одна независимость... Сильвіо, я не больна... пе лечите меня... вы не можете вылечить.... воздухъ Комо для меня отравленъ.... Въ Римъ, Сильвіо, въ Римъ!... тамъ больница для такихъ больныхъ.... Тамъ произведенія Рафаэля и его божественнаго потомства, тамъ....

Опа остаповилась; я догадывался; смъсь досады и состраданія щемила сердце....

- «Договаривайте... договаривайте!...» сказалъ я почти задыхаясь...»
- «Зачымь же сердиться?—Пожалыйте лучше и помогите песчастной; или въ Римъ или въ могилу; я въ вашихъ рукахъ, Сильно; вы знаете мою тайну, теперь лечите;... послущайте.... Сильно... мить страшно говорить.... Она стоитъ надъ гробомъ; ей пельзя тать, безъ нея также пельзя.... все наше достояне принадлежить ей; она не пустить меня, да и съ къмъ, куда, зачъмъ?... Бъжать!... По что найду я въ Римъ? Можеть быть стыдъ, котораго я не спесу.... Убить ее, покрыть себя двойнымъ стыдомъ, вдругъ потерять все.... П кому, чему я върю?... Мечтамъ!...

— «Такъ, Сильвіо, все, ч передумала; сто разъ повтој мон возвращались въ Римъ, новы; я сидъла возла пего; ! и пенспытапное, непонятное лось въ душа моей.... Сильв сказала Гортензія, схвативъ се слезами: «Сильвіо, въ Рим

— «Не намъ судить...» сказа спокойствіемъ: «почему такъ создаль человъка; но, синьор искренность и права медика з правду. Вы полюбили по челог

THE RESERVE AND PERSONS ASSESSMENT OF THE PERSON NAMED IN

Болъзненный руминецъ вспы тензін; я продолжалъ:

— «Кахія падежды могуть інобовь, замужство? Не тицесл га перваго италіянскаго скулы зать, одного и единственнаго х свять

Гортензія глазами умоляла меня замолчать; сжавъ сердце, я продолжаль:

- «Можете ли вы думать, что художникъ будеть любить васъ больше своего ръзца и мрамора. Конечно, пътъ. Положимъ, что сердце его свободно, опъ васъ полюбитъ.... На долго ли? Пока встрътить Венеру или другую богино въ костюмъ земной женщины.... Въ измънъ, въ неминуемой измънъ, васъ утъщастъ честность художника, святость обязанностей, перушимость союза.... Инкто болъе художника не ищетъ независимости, и какую жизнь вы себъ готовите?... — Сердце художника ръдко бываеть человъческимъ; внутреннее неудовольствіе на постоянный неуспъхъ приблизиться къ патуръ дълаеть его желчиымъ, раздражительнымъ, вспыльчивымъ, лесть — свеправнымъ, а зависть-злонамятнымъ. Только тщательное восинтапіе и обширпое образованіе умственныхъ способностей съ пъжнаго возраста, могутъ устранить подобное направленіе права, а объ этомъ отцы и матери такъ мало думаютъ. И воть почему въ великомъ художникъ ръдко пайдете вы великаго человъка. — Пе думайте извинять ихъ какими-то пебывалыми законами натуры и прощать имъ всъ чрезитриости, вст дерзкія выходки своевольпаго себялюбія. Пустое! Человъкъ прежде всего долженъ быть человъкомъ, а тогда уже сенаторомъ, живописцемъ или плотпикомъ.... Чевозможности согласить хорошія качества человтка съ высокими достоинствами художника-я не вижу, и примъръ Рафарля, какъ нельзя лучше, ушичтожаетъ эту

невозможность.... Но, можеть быть, Канова не таковъ; можетъ быть, онъ ангелъ во плоти, дучие Рафаэля, Доменикина.... По согласитесь, вы нолюбили не его, а славу, которая со всъхъ сторонъ Италіи гремитъ ему похвальные гимны.... Погодите; можетъ быть, и самая слава Кановы есть честолюбивая лесть матери, которая, къ несчастию, имъя только одного, единственнаго сына, не можетъ довольно нахвалиться его достоинствами и, въ увлечении, про единороднаго разсказываетъ небывальщину....»

Лекарство не помогло.

— «Все знаю....» съ язвительною улыбкою отвъчала Гортензія: «и ношимаю, что люди съ его талантомъ одинмъ въ утъшеніе, другимъ въ тягость....»

Я вспыхнулъ.

- «Пеужели думаето вы, сипьора, что зависть говорила моими устами?...»
 - «Пъть? Такъ чтоже?...»
- «Ахъ, Гортензія, такая же безумная страсть, какъ и ваша; такая же самолюбивая мечта, обо- жающая недоступную богиню, однимъ словомъ....
- «Знаю, знаю!...» прервала Гортензія: «и потому-то у меня никогда не будеть друга....»
- «Вы ошибаетесь, Гортензія. Я пе художинкъ. Полюбивь разь, мив кажется, я не съумтю разлюбить даже и тогда, когда самою несправедливою клеветою вы предадите меня на носмъяніе черни.... Требуйте доказательствъ, Гортензія....»
 - «Сильвіо!...» опять прервала Гортензія, про-

тяпувъ ко мив мраморную, очаровательную руку: «или въ Римъ, или въ могилу! И то и другое въ вашей власти!»

— «Въ Римъ!» отвъчалъ я ръшительно... но въ то же время сердце рухпуло, брызнули слезы, и я, безъ шляны и намяти, прибъжалъ къ дверямъ моей келын.

IX.

- . «... Пе скоро я опоминлся; по первое чувство было... смашно вспомнить... было чувство дружбы; я хоталь себя уварить, что я только другь Гортензін, и опрометью бросился къ бабушкв. Старушка пасъ неожиданно удивила... Слушая продолжительное исчисленіе причинь, падъ которыми въ душа я самъ смаялся, она только покачивала головою, по когда въ конца моей рачи я, утвердительно, возвысивъ голосъ, сказаль, что Гортензія умреть, если не потдеть въ Римъ, вст ся сомпанія исчезли...
- «Добрый Сильвіо!...» сказала старушка, отпрая слезу: «Скажите, по по совъсти, умоляю васъ, твердо ли вы увърены, что Римъ поможетъ ей?»

Я примътно смутился— по мгновеніе, и я сталь лжесвидътелемъ. О, проклятая дружба!

- «О, если такъ...» сказала старушка: «мы ъдемъ завтра же!..»
 - «Какъ! и вы, сппьора?»
- «А вы думали, что я безъ себя отпущу Гортензію, когда, можеть, мпь остается быть съ нею нъсколько дией? Па что мив жизпь? Я жи-

ву для нея. Умру ли здъсь, въ дорогъ, въ Римъ, не все ли равно; покрайней мъръ до послъдней минуты я дважды исполнила на этомъ свътъ долгъ матери. Меня пугаетъ только одно: женщины, путешествие не близкое, па Джакомо трудно положиться; надо будетъ панять надежнаго слугу, а это у насъ въ Комо не такъ легко.»

Къ удивлению и особенной примътной радости старунки, я предложилъ мон услуги... На десятый день мы увидъли Римъ... всъ трое въ первый разъ!... Боже мой, Боже мой! какой счетъ лътъ назначенъ для старости? Мнъ кажется, что ото было вчера, и восноминаніе свъжъе утра... страннъе почи... Дайте отдохнуть... Я не привыкъ разсказывать собственныхъ несчастій...

X.

Все молчало: и природа, и люди. Лодочники устали; просились къ берегу; пикто не отвъчалъ и лодку причалили... Дамы вышли. Сильвіо также; всъ стояли на берегу; экипажи подъбхали; слуги засуетились; никто не думалъ расходиться. Сильвіо первый вышель изъ задумчивости. «Куда же теперь?» сказаль онъ хладпокровно: «По-бдемъ ко мнъ, если хотите дослушать разсказь мой. Старый холостякъ! Позволительно посътить его келію добрымъ друзьямъ. Пе такъ ли?...» — «Побдемъ, побдемъ!..» зашумъли дамы, и старый Джакомо не могъ понять, откуда столько гостей и въ такую поздшою пору...

- —«Дома твоя Маріанна?..» спросиль Євльвіо, входя на крыльцо... «Дома!» отвъчаль изумленный Джакомо, едга складывая слово... «Пусть хозяйпичаеть. Свъту, камелекъ и прочее... Ступай, ступай, Джакомо...»
- —«Джакомо, Маріанна?!..» шептали дамы, и Сильвіо улыбаясь сказаль имъ: «Вы съ пими уже знакомы... Двъ рушны печальнаго дворца; опъ мит дороги какъ эти подклеенные эскизы бъдной Гортензін...»

И дамы бросились разсматривать цвлую галлерею эскизовь, парисованныхъ ручкой Исихеп... Между тъмъ Джакомо и Маріаппа распорядились; принесли свъчей, затопили камелекъ, и Сильвіо онять началъ разсказъ свой...

«Римъ въ девятидесятыхъ годахъ не то, что теперь. Всъ сословія толковали о политикъ; всъ мысли невольно стремились къ Франціи и Россін; погода въ Парижъ была бурная; падъ Россіей заходило блистательное, покойное солнце, и царственными лучами озаряло и огромность новой Имперін, и необъятныя ея силы. ІІталія, въчная страдалица отъ усилій чужаго честолюбія, въ самомъ смъшномъ, каррикатурномъ географическомъ раздъленін, съ петерпъніемъ ожидала разръшенія грозы; всякая перемъпа, намъ всъмъ такъ казалось, будеть къ лучиему; по въ самыхъ желапіяхъ Италіанцы пикогда пе соглашались и пикогда не могли пользоваться политическою независичостью. Когда нибудь я разскажу вамъ, что надълало у насъ появленіе Суворова; теперь толькакъ ребенокъ; хвалилъ ба эная кто я, и зачъмъ прівх стодушное веселіе Кановы и между тъмъ, продолжая шут

-- «Пойдемъ, пойдемъ: пона теперь на мою Психею.. продолжаль онъ дорогой: «к Римъ. . Пикуда пойти нельз рижъ, Еврона да Еврона... усльпиннь слова... У пасъ кружокъ, она, вы, да л... Вы вописецъ?... Постойте, постои Римъ. Я буду ванимъ путев надо вамъ перевхать поближе тать въ моей мастерской; нель день ходить такъ далеко тож этого не прочь: у нея таланти ил теперь такія работы...»

«Все погибло!...» подумалъ

420

восторгъ песчастную, и едва ушелъ Канова, опа цъловала со слезами руки бабушки, чуть чуть по обпяла меня, суетилась, бъгала, прыгала... а я, безмолиный свидътель чужаго счастія... я... другъ... другъ!.. А?.. Подумайте, каково было мнъ?

Чудный человъкъ этотъ Канова. Не прошло пяти, шести дней, я самъ въ него влюбился... Каждый день я приходиль за пимъ и провожаль домой, часто очень поздно; бывали случан, что мы на капитолійской лъстпицъ заговаривались до утренней зари; разговоръ его — истинное очарованіе; никакихъ вспышекъ себялюбивой самоувъренности; мнънія свои опъ всегда предлагалъ какимито вопросами, на которые по неволъ надо было отвъчать утвердительно; если, бывало, по желанію судить обо всемъ, и проговоришься, опъ опровергиетъ ложную мысль съ такою кротостію, что умъ противника старается самому себъ доказать нельность выходки; безобидио, кротко, но убъдительно и сильио... Чудный человъкъ, этотъ Канова! Познанія его меня удивили. Ватиканская библіотека, казалось, сидъла цъликомъ въ этой прекрасной головъ; но вы могли заметить это только въ дружеской, откровенной бесъдъ; иначе Канова больше слушаль, нежели говориль; даже перъдко соглашался съ людьми совершенно ничтожными; когда они уходили, онъ не позволялъ себъ пасмъшки, по дсегда жалълъ и сердился на тогдашиее образование попошества. Въ немъ именно нашель я высокое и ръдкое соединение великаго человъка съ великимъ художникомъ... Множество

чами. Всв мысли его пог готвореніе... Сегодня группу Амура и Психеи; лійскаго музея, и для чег же соперпикамъ работу и мраморные бюсты изъ свона для него была святыня тиль чувствами невинной д буждать страстной жажды цины... Простодущіе вовлек бавныя происшествія; опъ нихъ чистъ, не замътниъ д пость. Правда, были жертвы жеть быть, и умыныенной в скала невиповата, если страс ся въ мелкія брызги, бросая ное ея чело! -- Ахъ, Гортена невиповать Канова!

только тремя, четырымя годами помоложе... Мраморь дышаль, лице жило... Мы пе могли, пе смъли произнести слова... даже бабушка пе болтала... Канова глядълъ па пасъ, покрасиъвъ; ему казалось, что опъ далеко еще не достигь образца, а Гортензія... слезы катились по лицу, озаренному какимъ-то высшимъ неземнымъ восторгомъ; этоть восторгъ примътно возрасталъ; Гортензія болъе и болъе одушевлялась; Исихея умирала, Капова краспълъ...

— «Пе похожа! не похожа! Я сдълаю вторую, третію, сотую Психею, я добыось натуры; меня сбили эти Пъмцы съ своими подражаніями древнимь. Да! надо подражать — теперь я понимаю; по какъ? Этого пикогда не поймуть красноръчивые педанты.»

И полотно упало; Канова закрыль Исихею, и опять сталь весель, любезень, прость... Долго мы разсматривали модели большихъ стагуй для разпыхъ намятниковь, эскизы, рисунки; Канова изумиль пасъ обширностью своей дъятельности, геніальнымъ соображеніемъ, преимущественно граціей, разлитою вездъ, даже въ героическихъ предметахъ...

— «Завтра первый урокь!..» сказаль Канова: «и я пришлю вамъ, сипьора, голову Лаокоона; конпруйте эту чудную голову; поговоримъ объ цей въ свое время.»

Уроки пачались и продолжались около трехъ педъль постоянно; въ это время мы обоили ръшительно весь Римъ; познакомились съ главпъй-

. только, что три пер бывания въ Римъ были д. Гортсизія была со KONT. какъ другъ, въ самомъ да ея откровенностью; Горте она замъчаетъ и въ Кановлюбии; что хотя онъ не пре ва, которое бы могло обнај нени развивалась уже немии изо всего однако же было ь есть... и мы... торжествоначерезъ домъ отъ Гортензін, слышала, какъ я зваль слугу. очень рано, я записываль вс ра навъяли на меня фрески . вдругъ слышу голосъ Гортег голосъ: «Спльвіо... Спльвіо!.. кинжаломъ, который я сор первомъ врикъ, а другою по Гортензію, я стояль невеч 6a6vm···

Психея.

XII.

- «...Съ бабушкой ушло и наше счастіе. Канова приходиль ръже, только для уроковь; Гортензія совершенно лишилась всякаго состоянія; я сдвлался искателемъ; при содъйствін Кановы практика моя распространилась; деньги, благодареніе Богу, лились обильно; я отдаваль ихъ Джакомо, и Гортензія не могла примътить ин малъйшей перемъны противу прежпей жизня... Да вирочемъ она на хозяйство и не обращала никакого вииманія. — Кругъ знакомыхъ быль уже въ это время довольно обширенъ; Гортепзио навъщали дамы и художпики; утро проходило въ уединенной работъ; ввечеру урокъ, прогулка и гости; такъ промелькнуло еще пъсколько дней; по однажды прихожу къ объду, вижу: Гортензія не своя; будто больна, сердита, пи то и не се; на вопросы ни полъ слова; за объдомъ мы почти ничего не ъли; я и говорить пересталь; вдругь неожиданный вопрось поразиль меня...
 - «Вы видъли ее?»
 - «Кого, Гортензія?...»
- --- «Сильно, не притворяйтесь! Говорять, маркеза такая красавица, какой на этомъ свътъ не бывало...»
 - -- «Какая маркеза?..»
 - -- «А эта прівзжая Полька?»
 - «Я пе видаль ее.»
 - «Върпо по дружбъ ко мив...»
- · «Гортензія!..» сказаль я сь упрекомь.
 - «Опр деласть ся бюсть, слышите, бюсть, и

зарево впутревилго пожа инхъ инекахъ.

- «Весьма естественно. Авлаеть ея бюсть...»
- «Ччо весьма естестве зія, схвативъ меня за руку
 - «Падо же вглядаться
 - «Зачемъ, зачемъ?..» Бъшенство возрастало;

ворить, что делать; выг шель, и тучи разбъжались пспытующіе, и дружескія подапляемые вздохи... Она мгнопеніе... Капона усълся стиль глаза по обыкновени говорить съ своиме чуднеем. хладиокровіемъ...

- «Сегодия грамина

- «Я васъ не понимаю, Гортензія! Неужели вы полагаете, что какое-нибудь общество въ міръ можеть замънить нашъ дружескій тріумвирать, пашь художественный клубъ, гдъ сердце отдыхаеть вь прохладъ простодушной и всегда питательной бесъды... О, вы ошибаетесь, вы пе знаете, какъ я берегу мою независимость; хожу къ графинъ точно такъ же, какъ въ Ватиканъ; гляжу на нее, какъ на мраморы Альбани. Ахъ, какъ она хороша, Гортензія! повърнть трудно! Завтра я начну лъпить бюсть; пріъзжайте, посмотрите, полюбуйтесь... Я непремънпо украду ее у природы и создамъ Венеру. Ей Богу! простительное самолюбіе... Кляпусь, польская Вепера лучше греческой, что бы ин говорили эти Итмиы... Сранинвая ихъ, я прихожу въ отчаянье. Если живая женщина выше образца красоты и граціп... такъ что же наше пскусство!..»

Бъдная, бъдная Гортензія! что съ нею дъла-

- «Покажите, Гортензія, вашу работу; сегодня мы можемъ запяться долье...»
- «Я была нездорова; я и теперь нездорова... Спльвіо!» прибавила она съ притворною улыбкою: «Миъ падо, кажется, не учиться, а лечиться...
- «Вотъ видите, Гортензія!..» сказаль простодушно Канова: «вы не слушаете вашихъ друзей, простите упреку: мы оба говорили, что вы ужь черезъ чуръ прилежны; я самъ вамъ не позволю заниматься болье трехъ часовъ въ сутки, а теперь цълую педълю, по крайней мъръ три, че-

-- видыль... Г — «Что съ нею?» спр притвориаго участія...

— «Очень больна!..» (KL neä....

- «Пдите, идите! Есл приходите ко мив; потолк — «Приду.»

XIII.

Вхожу въ спальню; пере. Божісіі матери на кольняхъ увы! ви на устахъ, ви во литвы; какое-то отчалије, писаны были крупными че тензін...

— «Скабвіо, Спабвіо! И і любовъ, за жертвы, за страст пустому искусству... Онъ донавсогда. Зачънъ же медлить Mera . ITana.

топіо? гдв его объты? гдв ваши права? да и эпаеть ли опъ, какое чувство привязало васъ къ учителю рисованія и доброму пріятелю! Мив жаль васъ, Гортензія. Позвольте, памекомъ, такъ, издали, печалино дать знать ему...»

- «Что вы, что вы, Сильвіо! Равподунів и сожальніе! Хороши мон друзья; хороша и я!... А, предложеніе! Дружеское предложеніе! ІІ вамъ не стыдпо-; вы хотьли меня урошить въ его мивнін; онъ могь бы подумать... О, я понимаю вашъ дружескій расчеть... Выбросьте изъ головы глупыя падежды! Пли онъ, или смерть!»
- «Гортензія! Такъ скажите ему сами, а такъ право пътъ возможности догадаться, особенно съ его аптельского певинностью, съ его простодушного върого въ вашу любовь къ одному искусству...»
- «Искусство! Пропади опо совстмъ... Птъ, Сильвіо, птъ! Я пе могу призпаться ему; я не могу... одинъ памекъ, п я пе спесу; сердце разорвется... Правда, если бы я могла положиться на чистоту вашей дружбы... Поклянитесь! Пе унижайте меня; достоинство женщины... Поклянитесь, Сильвіо, поклянитесь! Вы можете спасти меня...
- «Il спасу пасільно!» сказаль я и пошель къ Каповъ. О, проклятая дружба!...

XIV.

«... Аптопіо быль въ мастерской одинъ, почти одинь, потому что Апгличанинъ, лордъ Дрюрлей, или накъ-что въ этомъ родъ, сидълъ въ преслахъ въ глубокой

-, им чемъ дъло; есть (ствомь пельзя удовлетворит художникъ все таки челова любовь, и лучше сказать, : стливъйшимъ человъкомъ, устрою этого милаго, пламе бенка; скажите ей, что чер важнаго объяспенія; не отход Сильвіо; миз пужна ваша пом

XY.

Я шель, вать, я леталь просасывались па глазахъ мон Каповы конецъ моей дружбъ, увду въ Комо, — вать, въ Г въ Америку; я былъ песчастин въстію счастливою; последній р благовъстителемъ и завтра пр всегда. Быть свидетелемъ сва уже слишкомъ, говорияв =

- «Ступай себя, Джакомо. Божій свять инрокъ. Мпъ не нужно слуги. Я — ницая... А! синьоръ Теста...» сказала она, увидъвъ меня:» кто вамъ далъ право обременять меня пепрошенными благодъяніями. Вы думали обязать меня... кунить?..»
- --- «Сипьора!» отвъчалъ я почтительно: «Аптопіо Капова желаеть съ вами видъться еще сегодия и объясниться но весьма важному дълу...»

И распросамъ пе было копца. Я нъсколько разъ долженъ быль новторять его слова; Капова въ шутку не давалъ честнаго слова; по если говорять: «я приду, я сдълаю» то ника кія пренятствія не могли удержать его отъ исполненія сказаннато; частенько двъ три ночи проводилъ онъ безъ сна, только чтобы исполнить свое: «я сдълаю». Я повторяль уже въ десятьй разъ его ръчь; опъ вошель. Мы усълись по обыкновенію: Канова, опустивъ глаза, пачалъ говорить о скукъ холостой жизии, особенно для женщины...

— «II когда я обь этомь думаю...» продолжаль онь: «передо мирю является Психея... и этоть бъдный, честный, благородный лордъ...»

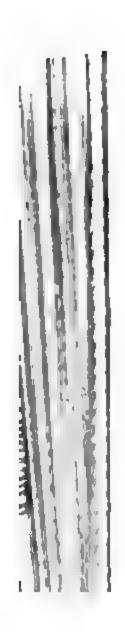
Мы взглянули другь на друга; ин я, пи Гортензія не могли понять, къ чему могуть относиться слова Кановы.

— «Да...» продолжаль опъ: «случай забавный, по у этихъ оригиналовъ почти всегда высокія чувства.... Педъли двъ тому назадъ, лордъ Дрюрлей пріъхаль въ Римъ, удостоплъ посътить мою мастерскую и влюбился въ Психею; безъ шутокъ,

«И зачъмъ теперь пъть симъ опъ однажды со сле — «Вы ошибаетесь, милс гиналь жинеть въ Гимъ, же похожа на свой образ неизажи на Тиволи и Альс -- «Вы шутите?» дрожа с — «Увидите сами!—II помин CILIE BAC'S HOCKTHEE MOIO того, чтобы поглядьть на ! вите!.. Бъдиый Эдваръ уви съ ума... Каждый день хо. вы бываете, и отгуда возвра хет; каждый день разспрани ровьв и онять предавался ме годия возвращаюсь оть васъ ень мьсть... attro lleuxen «Больна...» Да вы и были бо •Больна! закричалъ Эдваръ, больна: она

хотьяь куппть... просто хотьяь украсть его, если не продадите, а вы сняли маску съ моей Изиды и сожгли меня... Женитесь на ней, сиръ, слышите, жепитесь; или не препятствуйте моему счастио, помогите мив!..» И лордъ Дрюрлей сталъ такъ грозепъ, что я тотчасъ схватилъ карандашъ, чтобы поймать выражение лица для моего Тезея... — Что вы дълаете? закричалъ онъ. — Продолжая рисовать, я объясниль ему, что мы добрые друзья, что слишкомъ далеки отъ взаимной страстной любви, что въ самомъ дълв, если бы я задумалъ жениться, такъ върно бы не хотълъ жены ни лучше вась, ни умнъе, ни добръе: одпимъ словомъ, я сдълаль нашь портреть во второй разъ, счастливый Эдваръ опять усълся въ свои кресла. - «Завтра же вы должны мепя съ нею познакомить.. » сказалъ онъ, послъ минутнаго молчанія... Охотпо, отвъчалъ я, но зачъмь?... «Я хочу жениться на ней. - Если такъ, позвольте миъ быть посредпикомъ... Въ это мгновение вошелъ Сильвіо; не успълъ онь уйдти, какъ Эдваръ, слышавшій нашъ разговоръ, ръщительно требоваль уже моего посредничества и, Гортензія, я пришелъ именно съ тъмъ, чтобы предупредить васъ. Лордъ Эднаръ человъкъ умный, благородный, страстный; сверхъ того весьма богатый, безъ родителей и близкихъ родственниковъ; располагаетъ жить всегда въ Италін, гдъ назначить Гортензія. Лучще партін и желать нельзя; но вы должны прежде но-- знакомиться, сблизиться...»

До сихъ поръ Канова говорилъ, не обращая ни-

., anacte take, kake годариаго сына, и стара глубинъ сердца, а это с Гортензія была педвижні морнаго портрета, бъдн. такъ улыбаются иногда 🕽 дя отчаяціе мужа и стар: ты скрыть всю полноту . ской чувствительности; я моженія; Боже! я зналь в дыбомъ; протяпувъ руки з вадъ нею въ мрачкомъ . шится эта предсмертная то Слезами... проливными чилъ, испугался, поблъдав ну; по зпаю, какъ я порицо -«Скажите, Сильвіо, что ди Бога, скажите; я никог, дерзости... Каянусь вамъ .ЧУВСТВО....

И Канова не могъ удержаться отъ слезъ...
— Что я надълаль? что и надълаль...?» шепталъ
онъ мрачно и унелъ...

XVI.

- «...Прошло еще нъсколько минутъ; Гортензіл подпяла голову и съ выраженіемъ особенной нъжности произнесла мое имя...
- «Сильно!»—и я бросился къ ногамъ ея и слезами и поцълуями покрывалъ ея руки...
 - «Ахъ! зачъмъ суждено любить только одного и только единожды!» рыдая, сказала Гортензія.
 - «О, повърьте мнъ.... Не онь, а вы виноваты; одно слово признанія, одно искреннее слово такой безмърной любви, и Канова поняль бы свое блаженство. Великій во всемъ, онъ поставляеть свое счастіе въ счастіи любимаго предмета; онь думаль устроить вашу судьбу, его сердце...»
 - «Довольно, довольно, Сильвіо, послъдній опытъ, и сегодня же, сей часъ, сію минуту!..»

Она встада. Пе знаю почему, мнв она показалась больше ростомъ; величественно и медленно ушла она въ свою спальню.... Пе прошло пяти минутъ, Джакомо опрометью пробъжалъ мимо окопъ съ письмомъ въ рукахъ; въ то же время вошла Гортензія...

- «Куда это побъжалъ Джакомо?»
- «Съ письмомъ къ Антоніо...»
- «А о чемъ оно?» спросилъ я, но отвъта не было... Вотъ оно...

«По молю, не отдавайт «Зпасте мою бъдпость, «Тить меня... Не нужно.. «Я богата твопыъ винм «Можетъ вести меня къ с «Мощи пе отвергиетъ —

Скоро возвратился /жал завидьла его Гортензія; но, она ожидала всего, всего ка... Прочла... глаза пому нала она:... «Пенсіонъ!...! зін! Силы пебесныя!...»— знака жизни рухнулась на ства успъли привести ее втотвъть Кановы...

«Дорогая Гортензія! Два «Диться бъдности? зачъмъ са «Друзей..? Сельвы нътъ дом «Мою могу я располагать сы

- «Да, очнулась!» сказаль кто-то другой, не Сильвіо. Съ крикомъ вскочили дамы; у дверей съдой Джакомо продолжалъ говорить прерывистымъ отъ плача голосомъ, а Сильвіо, закрывъ лице руками, вторилъ ему рыданіями.
- —«Да, да, очнулась въ сумасшествін! И пока мы успъли прибъжать съ этимъ господиномъ, Богъ ему прости... она уже была па мосту... И только на другой день, и то на силу, мы отыскали трупъ покойницы... далеко въ поле, на берегу Тибра...

Странное двло! Неожиданное вмышательство Джакомо вдругь разогнало слушательниць; безь прощапій, безь благодареній, нымыя, блыдныя, опы оставили домь Тесты... Компата опустыла, и два старика, каждый про себя, долго, долго думали о прошедшемь... Вдругь въ раскрытыя двери вошель третій старикь, — Антоніо Канова.

Aloopling C.P.

Ивсть рож Armes Spin Nulle rose : Non é dolce Keen Rooze No roses wit Keine Rose 6

Какь мастерь и подмастеры пропулков

Збираю взв. да могу что lline studits alu

Провзжая черезъ Воропежь, льми внизу, за ръкою, старый трехъ этажнаго цейхгауза, пос торомъ Петромъ Везиивеличія новой имперіи.... ІІ теперь на Воропежь есть «Чижовскія» горы, «Акатово» предмъстье, и мпогія урочища съ своими завътными именами: но уже пъть тамь Петровскаго Воропежа! Огонь, вода и люди истребили слъды памятной поры, и, вмъсто монумента, оставили одинъ старый цейх-гаузъ, — нъмаго свидътеля славы Воронежа.

Посмотрите на эти горы. Тамъ, у деревяпнаго собора, въ тихой кельъ, обиталъ Епископъ Воронежскій и Елецкой, святый именемъ и дъломъ. Пъсколько приходскихъ церквей, съ золоченными главами, живописно, тъснились около собора. Высоко цадъ паствою своею жиль святой Митрофапъ, богомолецъ и сподвижникъ Петра Велика-Свътскіе люди, какъ-будто съ почетомъ благоговъціемъ, отступили оть святой горы и расположили жилища свои вдоль по Воронежу, на пизу, не много повыше весениихъ разливовь своеправной ръки. Самъ Государь завель себъ садъ и построилъ дворецъ на Воропежской набережной; возлъ подымался домъ кпязя Меншикова; по другую стояль вполнъ окопчепный, красивый домикъ адмирала Апраксипа. Вездъ вехи и кресты озпачали повыя постройки. Педалеко отъ Дворцовой Части лъпилась и кипъла народомъ Пъмецкая Сло-Два огромные пътуха вертълись на двухъ пъмецкихъ киркахъ. Тамъ, въ Чижовкъ, въ день Усъкповенія Главы Іоанна Предтечи, шелъ шумный торгъ; тамъ, на Акатовъ Предмъстьъ, тогда еще около полуверсты отъ города, въ воскресный день, подъ-вечеръ, гуляли жены и дочери зажи.. жымецкой Словодъ

гамъ разведуть, что во ді Государь, чертя съ Вейде не кается и значительно кивае будто говорить: — «Видищь возятся. Видно, плохо сегоди лись. — «Эхъ, Государь, Ті устали стать рабочей веселое чико лечать ..»

Да, превесело подъ-вечерт Намецкой Слобода! Но за то коть шаромъ покати.

Вотъ, въ ту пятинцу, что на ярмарку ушли; слобода он томъ дворъ, гдв новый домъ ходили. Хозянцъ съ сыномъ и шись ходять, да чего-то ищу обропили. Молчатъ-себъ будто Нъмкы! Олич

сипемъ: пуговицы противу стараго по-меньше; такъ, не больше иятака; тоже и чулки, и башмаки, и брыль; но лице совсвыт не немецкое, не поджаристое, а круглое, полное; также и ростъ не приземистый, а высокій; и всъ стати такія порядочныя, что хоть прямо въ рекруты: не забракуютъ. И ходитъ-то онъ не такъ какъ дрофа, а какъ-то проще; ногъ не подымаетъ, да и къ землъ головы не гнетъ: ходитъ-себъ будто прогулкою. Одно только забавно, что оба ходятъ не владъ и не по дорожкамъ, а цъликомъ по травъ и врознь, то на право, то налъво. Походили, помолчали; старому, върно, прискучилось; опъ сорвалъ какую-то травку, и заговорилъ по-нъмецки:

- «Quo modo,» кричить сыпу: «vulgo, ruthenice, vocatur Carduus Acanthoides?...
- «А тоть ему по-русски, во все горло: «Чертополохъ!»

A тотъ опять ему по-нъмецки:— «Et Eryngium oslicinale?»

А сыпъ опять по-русски:—«Чертополохь, только сипій.»

— «Вепе!» сказалъ старикъ, и оба опять давай ходить, да молчать.

Прошли добрые полчаса. Намцы все молчать да ходять, или ходять да молчать. Садъ ихъ, въ которомь они въ такую диковиниую молчанку играли, примыкаль къ италіянскому домику братьевь Гуадо; въ домикъ всъ окна и двери настежъ; и въ одномъ окнъ души не видно: только у за-

Torb: - «Audio!»

-- «Что тамъ такое?» спро но обезпокоясь: «Не змая ли?

- «Serpens generis human скаго рода)» отвъчаль старик сомъ, продолжая указывать русьда.

Въ самомъ дълв, къ грядки жалась оборнанная человвческая одно минокеніе былъ уже на за сосъдній садъ и, когда Цыга менокъ, чтобы набросить его нечно занятаго гербаризаціей си дой немецъ схватилъ его за объ м, прижавъ колтномъ къ земл помощь отца по-русски. Стари заборъ, но дальше пи шагу, и з набет пе віабіцт сен alteram у него меча кін другаго органість.

444 Благодътельный Апдроникъ.

— «Батюшка! Отець родной! Молодчикъ ты мой, бълой баринъ!» завопилъ Цыганъ: «не колдуй со своимъ старикомъ.... я тебя, красавчика, за самое лучшее яблочко засватаю, хоть за Машень-ку Апдреевпу.... Только отпусти!...»

Видпо Пыганъ и въ правду былъ колдунъ. Не успълъ опъ этого вымолвить, какъ Нъмецъ и руки врозпь.

— «Ступай!...» говорить Цыгану: «да гляди, не обмани!...»

И Цыганъ, на рукахъ и ногахъ колесомъ, скатился впизъ къ лодкв, и, не прошло мгновенія, скрылся, вмъстъ съ лодкой, въ кустахъ, покрывавинхъ островки воронежскіе. Старый Пъмецъ все сидълъ на заборъ и повторялъ въ ужасъ: — «Facies visu horrenda! (Видъ для взора ужассный!)»

— «Успокойтесь, батюшка, опъ уже не воротится....» сказаль молодой Пвмецъ.

Лице его пылало. Дума глубокая отъняла глаза. Онъ дышаль тяжело и оглядывался. Старикъ опять испугался; и сказалъ: — «Terror te premit? (Страхъ тебя мучитъ?)»

- «Пътъ, батюшка, какой тутъ страхъ! Пустяки! Я его пугнулъ. А вспомишлъ, что сегодия на Акатовъ ярмарка. Государъ тамъ будетъ; адмиралы, офицеры; а мы здъсь травъ ищемъ, когда и старыхъ никто не покупаетъ.»
 - «Ars urgit.... (Пскусство попуждаетъ).»
- «Да полио, батюшка, все по латыни да полатыни! Пе вы ли сами мит приказывали говорить

Розепау третій домъ строи дряннаго доминика по може Александровичу четыре со хоть украсть приходится....

- «Крадить! Я лючше б — «Да и такъ прійдется да, какъ зима прійдеть...»
- «Зима эще далекъ; бу деньга придеть...»
- чите....» «Конечно! когда вы и
- «Ты есть лженъ. Я бер — «А за чъмъ вы берете, вазначайте. Нога болить — пол носъ — два »
- «Ты съ ума сонель! З. когда можно съ саломъ пачкат
 «Что по-выше, то и дор лайте какъ Розенау на Москвъ

Благодътельный Апдроникъ.

446

давай подбирать; подобрами, отдами; онъ перосчиталь; двадцать пять. — «Э ньть, дъти! смъючись говорить: поищите ка получие! Видно куда подкатились. Пе можеть быть, чтобы бояринъ за такой недугь только двадцать иять пожаловаль: туть было по малой мъръ сто. Ищите-ка, ищите...» Слуги не поняли, бросились искать; а бояринъ смъкнуль, да въ мошну, да и приилатилъ семьдесять пять, приговаривая: «Тебъ некогда, Карль Ермолаевичъ; вотъ твои деньги, а эти мы помаленьку отыщемъ да соберемъ... Прости, съ Богомъ!..»

- «Да это Геродъ!.. Ilepo!.. Катилина!..»
- «А три дома выстроиль.»
- «Что жъ ты хочишь, чтобы я плутоваитъ?..»
- «Боже меня сохрани! А все бы не худо объденьгахъ думать. Я работаю, сами видите. Вся вана лабораторія одинъ я; и лекарствъ столько, что хоть весь Воронежь захворай, станеть! Да никто къ намъ нейдетъ. Ни вывъски, ни надинси.»
 - «Пошоль! меня самъ Государь знанть!»
 - «Да не у васъ покупаеть.»
 - «Да опъ, слава Богу, здоровъ!»
 - «Слава Богу! Да у него есть лазареты.»
 - «Гмь! Туть падо большихъ людей дарить...»
- » Пу, подарите имъ по фунту дъвичьей кожи.»

Старикъ по вытериълъ, и, всё еще сидя на заборъ, завопилъ:

Ступай, ступай на ярмарк рошковъ, тва, три...»

И старикъ слезъ съ забо кой избы вытащилъ ящикъ далъ сышу, приговаривая:

— «Ступай, лечи зуба п забирать.»

II.

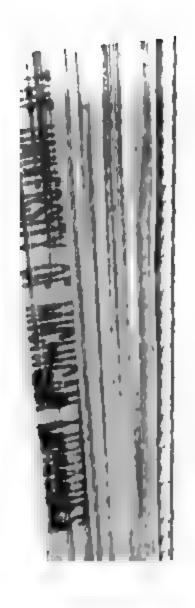
В каком видъ благодътельно ск на поприще св

He BCREOMY UTN.
Non cuivis passes

Воронежскій магистрать п смотря на ярмарку, у встхъ ч маго бургомистра, лица был ныя

до послъдняго волоса бережно отобрана; кафтаны, или, правильные сказать, армяки праздничные, синіе, съ золотыми, вмъсто пуговокъ, ша-.риками; пояса у всъхъ красные; изъ-за нихъ торчали русскія тиспешыя рукавицы. Хотя поги почтенныхъ члеповъ были подъ общимъ столомъ, однакожъ историческая истина принуждаеть насъ сказать, что исподии у всъхъ присутствующихъ были плисовыя, инфокія, собрапныя въ сапоги большаго калибра и непріятнаго запаха. Магистрать безмолствоваль: не доставало еще одного и весьма важпаго члена, Андрея Александровича Ковригина, первостатейнаго воронежскаго купца и подрядчика. Бургомистръ и члены изъявляли нетерпъціе, по не словами, а зпаками, какъ-то, ниые зъвали, другіе перестанавливали подъ столомь ноги, всегда одпакоже стараясь дълать эту операцію какъ-можно тише; третьи поглаживали бороды то одною, то другою рукою въ очередь. Пакопецъ магистратскіе часы зашипъли и кукушка прокуковала десять.

- «Пу, Андропикъ Евстафычъ....» сказаль бургомистръ, поворачиваясь довольно смъло въ своихъ креслахъ: «изволька, начинай! Что тамъ у тебя? Что пи есть въ печи, все на столъ мечи!»
- «Да воть!» отвъчалъ Андроникъ Евстафьевичъ, магистратскій секретарь, въ длипномъ-предиппомъ панковомъ халать, подпоясанный набивнымъ бумажнымъ платкомъ, и выдернулъ изъ подъворотицка косичку, которая въ трудахъ и запя-

быть въ получени у з модателя, съ положе соотвътствующихъ сро ненныхъ, то есть, по центонъ, то есть, чись тельстив впесены, и дан мъсяца, и съ выставлея то есть, вотъ здъсь, из особиякомъ, цыфирыю, есть, сбора, и прочам, жить и припадлежить, есть почистка, съ узако жеппыли законами, ого такъ далье, и такъ даля -- • Спасибо! • сказал важно: «спасибо, Андр ты это намъ все такъ / съ пынъшними порядкам

При слова вист-

Апдроникъ Евстафьевичъ отканлялся, поправилъ косичку, и ровнымъ голосомъ, безъ малъйшаго повышенія и пониженія, безъ всякихъ въ произношенін знаковъ препинанія, покатиль свой докладъ. Безъ малъйшихъ пропусковъ читалъ онъ всъ векселя и заемныя письма, совершенныя у маклерскихъ дълъ, и, не прошло десяти минутъ, присутствіе погрузилось въ дремоту. Тогда дьячекъ, опъ же и магистратскій секретарь, забылъ, _ предостережение бургомистра, и огромныя листы быстро перескакивали, чтепіе по прекращалось; изъ ста векселей такимъ образомъ выходилъ одинъ, совершенно безъ смысла. Андропикъ Евстафьевичъ быль уже близко конца первой книги, когда двери присутствія въ шумомъ отворились: бургомистръ и члепы въ испугъ вскочили съ кресель, дьячекъ опъмълъ; вошелъ Ковригипъ. Бургомистрь, а за нимъ члены и секретарь, снова отплюпулись.

- «Что ты это, Андрей Алексапдровичь, въ самомъ дълъ, право, признательно сказать...» проговориять бургомистръ съ примътнымъ неудовольствіемъ, опускаясь въ кресла.
- «А что такое?» оторопъвъ, спросиль Ковригинъ.»
- «Какъ, что такое! Будто не знаешь, что къ дверямъ присутствія и кирпичей я не нельль привъшивать, чтобъ не хлопали, да подъ часъ не пугали. Вскочилъ, право, признательно сказать, словно денщикъ Государевъ. Я было подумалъ такое, что, право, лихорадкой меня вздернуло. Нуопоздалъ, такъ опоздалъ! Велика бъда! Свой чело-

Thursday совершенно глазами, ничего не пони происходить. Въ испуга, в не замътили безпорядка ческв. Борода была вскло также; кафтанъ безъ пояс. труда ближайшій члень ус. гомистръ, нагнувшись, ска — «Андрей Александров стегнитесь!»

По Ковриганть, къ обще нію, не только не застегну. повалился на столъ и рука н бороду... Дишпая фигур выросла отъ удивленія, так тукъ оказался ему впору. П свой небольшой столикъ и маклерскихъ кингъ родъ ини

KV HA RRHANN.

Благодътельный Андроникъ.

452

- «Да что, государь Лупъ Власьевичъ!..» съ досадой заговориль Ковригинъ:» Ну, испорчена! Вотъ и всё туть!»
- Бургомистръ и члены нагнулись-было для слушанья длинной ръчи; но, послъ краткаго въта Ковригина, всъ опрокипулись на спинки креселъ, а дьячекъ, опъ же и секретарь, такъ чихнулъ съ перепуга, что маклерская ппирма повалилась: опъ вскочилъ и сюртукъ опять сталъ впору. - Инкто не замвчалъ эластическихъ прыжковъ Апдрошика; вст были поражены страшцымъ извъстіемъ; не оставалось сомитнія, что испорчена Марія Андреевна, единородная дщерь Ковригина, украшеніе и слава Онуфрісьскаго прихода. шенькъ тогда было лътъ восемнадцать; черезъ три года приходилось за мужъ выдавать, а жепиха уже около двухъ лътъ прінскивалъ Андрей Александровичъ, и парпя три четыре уже были па примътъ... Извъстпо, гри года — бездълица; прежде, бывало, въ приказъ каждое дъло три года ръшалось. Правда, теперь въ магистратъ сталъ шой порядокъ: Государь больно изволить навъдываться; да всё-таки три года, на Воронежъ, считалось паканунв. II нанапунь свадьбы невъста испорчена! Кромъ того, что педугъ великъ, да и стыдъ пе малъ! Какъ черпый глазъ Машепьку видълъ? Какъ колдунън не примътили? Гдъ няня была? Что опа дълала? Видишь, маковники ръзала, да просушивала, да пабрала къ себъ въ дъвичью спротъ для забавы; а тъ голубей завели, и пяпя за пими, вмъств съ дътьми и съ Машень-

чистая сила обощла, ил приключилось.

Первый прерваль молча что въ воропежскомы маг стренныхъ случаяхъ, сох почитаніе во время пребымого Государя.

— «Воть, признательно Евстафьевичъ...» началъ гов ведика спранку, какого го оберъ-комендантеру лепорто ганъ отъ Воронежа подалъс

Прямолниейный голосъ А
— «Прошлаго семь - тып
года, масяца явуарія въ ос
по наведеннымъ справкамъ,
жемъ, на луговой сторопа,
табора, то есть, скопица, в
не вайдено, то и обора

- ца, да я въдь и самъ въ нынвиникъ порядкахъ маленько смъкаю.»
- «Да какъ же исполнить, когда цыганъ не оказалось?»
- «Да пе уминчай, Андроникъ Евстафьевичъ! Сказапо исполнить, такъ и исполнить! Сейчасъ пини указъ, чтобы Цыганъ за пять верстъ отъ города отогнать.»
 - «Да мы не смъемъ...»
- «А па что же мы магистрать, что ужь и Цыгапъ гопять пе можемъ безъ указа? Они, пожалуй, у насъ всвхъ дочерей да жепъ перепортять, а мы будто и не магистрать, будто простые купцы безголосные? Пиши, пиши!»
- «Помилуй, Лупъ Власьевичъ!» завопиль Ковригипъ: «Что ты это дълать хочешь? Пу, уйдутъ Цыгане, кто Марью-то вылечитъ? Въдь опи, окаянные, для того на нее и напустили, чтобы съменя деньгу сорвать... чертъ ихъ побери!»

Всъ отплюпулись; Ковригинъ продолжаль:

- «Заплачу, да потомъ, Лупъ Власьевичъ, такъ дерпемъ, что небу жарко будетъ!»
- «Пътъ, съ позволенія вашего доложить...» сказаль младщій члень: «Мнъ сдается, чтобы Цыгань сегодня же пугнуть. А то половину ярмонки на луговую сторопу перетаскають. А что Марья Андреевна испорчена, такъ бъды большой пъть: всё-равно кому платить, Цыгану али Пъмцу; а Пъмцу всё-таки лучше.»
- «Воть то-то и есть!» отворачивая голову, тихо сказалъ Бургомистръ: «Яица стали курицу

онъ, знай себъ, оброкъ лу вотчина съ душами... Опо дорого прійдется, возьмет диемъ, при всъхъ; да ен комъ; да, за то, въ один то правда, что возьметъ да да, за то, можно его въ аз кой за ногу привязать; а н конюшав потрепать; да, во: вь городъ... А ты бы, Ан, папоротпикъ подъ ложечку п

- «He nomorao.»
- «Такъ ты бы нянь къ 1 же папоротникъ приложилъ. І.
 - «He nomorao.»
- «Эхъ, Андрей Алексан, одинъ изъ членовъ: «Ты бы М голову горшокъ надълъ, да поз ешь, немочь такъ съ по-

лучие всего въ подолъ все сговорить, да снести на Воропежъ, да въ воду и бросить.»

- «Воть это, не во гнъвъ будь сказано, бабын сплетии!» сказалъ второй членъ.
 - «Пе ты бы говориль, не я бы слушаль!»
- «Да ужъ, върно, я въ этомъ дълв болыне смыслю...»
- «Много ты смыслишь! Черта дикаго! Вонъ который годъ у тебя всъ дъти отъ скупости твоей хворають!»
- «Пу, ужъ ты тороватъ, небось!.. Бурмистеръ, а пищіе полушки отъ тебя не видали!»
 - «Врешь ты, плъшивая мышь!»
 - «Мышь?.. Кто?.. Я мышь? Того, я?..»

Андропикъ Евстафьевичъ, онъ же и секретарь, опъ же и дьячекъ, видя, что тучи собрались, молній посыпались, близко и до громовыхъ ударовь, бросился къ окну съ особенною торопливостью и закричалъ: «Государь! Государь!...» Бургомистръ и члены вытянулись въ струнку, и сидъли чинно и безмолвно вперивъ глаза въ зерцало; даже Андрей Александровичъ застегнулся и поправилъ волоса и бороду.

- «Пикакъ къ Курбатову па заподъ завернулъ...» продолжалъ Апдропикъ Евстафіевичъ: «Пътъ, мимо! Свернулъ къ оврагу... уъхалъ!...»
- II, не позволяя членамъ опомниться, онъ сталъ на свое мъсто и громогласно продолжалъ прерванный докладъ.
 - «Да что его слушать....» сказаль Бурго-

ОДНОЮ РУКОЮ УКАЗЫВАЛЪ
ЗЕРЦАЛО. БУРГОМИСТРЪ ОЕЗА
ВЛЕННЫМЪ КРЕСЛАМЪ, ПОГЛЯ,
ТО НА ЗЕРЦАЛО, А ЗЛОДЕЙ А
ТОГЛА ТОЛЬКО ОПУСТИЛЪ РУК.
СОВЕРШЕННО ПОГРУЗИЛСЯ ВЪ КІ
СОВЫЯ ИСПОЛНИ ПОЛЪ ЗЕЛЕНЬ
СТОЛА.... Пастала тишина, и
МУ ЧТО, не проилло и двухъ
СУТСТВІЯ СЪ ШУМОМЪ РАСП.
ЛОСТИ; СЛОВА И ТОГО МЕПЬШЕ.

— «Что вы туть сидите? щикъ: «Государь по ярмонкв з магистрата тамъ изтъ.»

— «Андроникъ Евстафьевичь гомистръ тихо и жалобио: «Что — «Да мив каков дело! Ь страть »

Андроникъ Евстафіевичъ и самъ струсиль; но, не желая въ глазахъ магистрата оказаться неизворотливымь, откашлялся, поправилъ косичку, и, заикаясь, сказалъ довольно громко, не глядя однакоже на денщика:

- «Какъ?... что-съ?»
- «Пе тебя спрашивають.» сказаль денщикъ.

Секретарь поклопился и, не ризгибаясь, повернулся къ Бургомистру и шеппулъ не на ухо, а - въ руку, потому что голова его приходилась прямо противу съдалища бургомистерскихъ кресель:

- «Пзволишь слышать? Не меня спрашивають: туть, кажись, печатное не поможеть.»
- «Да добыось ли я отъ васъ толку?» закричалъ опять депщикъ: «Слышите, Государь по ярмоикъ одипъ ходитъ?...»

Бургомистръ былъ въ величайшемъ замъшательствъ, и спова шопотомъ сказалъ Андронику:

— «Ily, подсказывай.»

Андроникъ и давай подсказывать; онъ на это быль больной мастеръ.

- «Говори!» шенталъ онъ, отворотясь отъ депщика къ окну и будто разсматривая маклерскую книгу: «говори, указа-де не получали.»
- «Указа-де не получали... » повторилъ тихо Бургомистръ.
- «Да какого вамъ еще указа надо? Ваше дъло смотръть; чуть Государь въ городъ, быть при немъ, или гдъ укажетъ изустно.... Пошли

плохъ, и батіоніка у нег матушка тоже....

Андроникъ даль имъ вс риться, и, когда они исто ныя догадки, секретарь съ преэръніемъ посмотръл правилъ торжественно коси всъ книги и бумаги. Члень его движеніями въ недоум беремя книгъ и бумагъ, Ав дверямъ и, не оглядываясь ственно:

— «Нечестивін! II спидет ваши!»

Бургомистръ уже держалъ мърныя полы безмърнаго на дрошикъ рвался въ дверя.

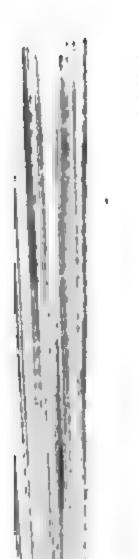
— «Куда ты это, Апдр вопиль Бургомистръ. и — дроникъ съ возрастающею торжественностью: «и покайтеся въ випахъ ванихъ Царю Царствующему. Да не пошлетъ на вы полчица свои и не посъчетъ мечемъ, и огнемъ не сожжетъ жилища вани, да не ударятъ въ кимвалы и органы...»

Андроникъ опъмтаъ, и весь магистратъ также-Изстари извъстно, что бъда одна не ходитъ. Андроникъ опъмълъ не безъ причины: вдали послышалисъ, не кимвалы и органы, по барабаны и флейты; черезъ минуту вся улица наполнилась солдатами; магистратъ остолбенълъ; Андроникъ пе върилъ глазамъ своимъ.

III.

Какъ для всякой Сазишны полезно имъть въ эапасъ нъмецкія лекарства.

Педалеко отъ ратуши или магистрата, тогда еще паходивнагося на Акатовъ предмъстът, въ грязной улицъ, между низенькими приземистыми домиками воронежскихъ мъщанъ, бълъла высокая стъна, окружавшая домъ и службы купца Ковригина. На этотъ разъ ворота были заперты, псы спущены, ставии пижияго жилия закрыты; словомъ, всъ предосторожности отъ всякой порчи и колдовства были приняты; только въ высокой свътелкъ сидъла на дъвичьей своей постелькъ Марья Андреевна, а при ней Сазишна, по имени Домпа; но это имя никъмъ и никогда употребляемо не было; «Савишна» замъняло все, и если бы нянямъ, какъ и другимъ порядочнымъ людямъ, ста-

тиополкци за дъякопомъ го прихода; брать былъ мастерьяхъ; у шурппа бі Гусипой Слободъ; наконен секретарь, Андроникъ Ев ей внучатнымъ братцемъ. можете представить, какук Савишна, не только въ доз вськъ пригородахъ Вороне ужъ кому, а Савишивъ въ Т приходъ каждое воскресенье рую діячекъ всегда подноси. донышкъ. У заутрени ли, у когда бы пи пришла, всегда дойдеть безь толчковь, буд тогда были въ модв, какъ рить о честности. Магистрасуть, а Савинив особо. Са благочестивая и, въ такихъ понторяла: «Всяное

и амбаръ у нея на дворъ Ковригина былъ свой; такъ и прозыпался: «амбаромъ Савинны». Ужъ какъ ее угораздило грамотъ сподобиться, этого ни одна колдупья не могла допскаться; знала-себъ грамотъ и читала уставомъ и полууставомъ. Словомъ, Савинна припадлежала къ числу замъчательнъйшихъ явленій въ концъ семпадцатаго въка. Слухъ о ней распространился во всемъ увздъ, и даже на Тавровской Верфи не ръдко, подъ-вечерь, работники, бесъдуя о достопримъчательностяхъ Вороне:ка, съ почетомъ упоминали о Савишит. Можете себт вообразить, каково было удивленіе горожань, когда услышали, что Марья Андреевна испорчена на глазахъ у этой Воронежской Семирамиды! По Савишна не удивлялась, и, сидя съ Марьей Андреевной въ свътлицъ, подчивала ее только-что подсушенными маковинками собственнаго издълія.

- «Семъ-ка, прикушай, Машппька!» говорила опа: «Пемочь наша маленько попритихла. Полно, ужъ не кручинься: пе даромь я у тебя Савишпа... Полно же, дитятко!... Пу, приглящулся, такъ приглящулся. Прійдетъ: я съ нимъ потолкую. Увидишь, какъ-нибудь дъло сваримъ. Знаю я, что Андрюшка поперечить миъ станетъ; да ужъ за то и я ему задамъ трезвону! А тамъ поглядимъ, да посмотримъ....»
 - «Ахъ, Cabunna!...»
 - «Что, мое дитятко?»
 - «Сердце ёкнуло.»
 - «Стало-быть, близко.»

— «Да какъ же я, ня — «Вотъ Машенька,

кочень! Дай напередь ж потомъ уже ты »

— «А какой опъ, плия, — «Вотъ ужъ и хороше Измиу быть хорошеньким) рая, »

— «Эхъ, няня, что ты і

нечего сказать, нать старо. того, въ свателка на спурт калитка, матупка, съ тре любовь вела: да какіе вса тре скіе!... Пу, да покойная тамь будь помянута, двопкъ с

присмотру на к... это, пяпіон

рота плакать; поплачемъ, поплачемъ, а туть, откуда ни возьмись, и подлипнуть съ маковниками, сь орвхами въ меду, подъ-часъ и платочекъ въ руку супеть.... Вотъ, матушка и сама то развеселится.... Ily, ужъ намъ не приходится скучать... Воть, мы на другую субботу то грибы выдумаемъ, то ягоду, то гаданье какое.... Да разъ, того, и насъ печистая сила попутала: отецъ мало продалъ, и мало купилъ, пе охмълълъ: за ворота, и ну матушку за волосы, да палкой; три дин похворала, да и похорошили. Туть ужь намъ другое житье пошло. Андотья хотъла-было по-прежиему, да то же подъ палку попала, да и умерла; Аксийью дьяконь засваталь; а мнв домь опротивьль; тайкомъ въ люди пошла....»

- «Ахъ, пяпя, няпя! Какъ ты это долго разсказываешь. >
- «Что ты, мать моя? Прійдеть, прійдеть! A то я его, Пъмца!.. »
 - «А если батюшка увидить?»
- «Куда ему! опъ въ магистратв до полудня проспапть, а оттуда прямо хотвль къ Стешкв Цыганкъ, что па бобахъ перекидываетъ.»
 - «Пяия, пяпя, а что если онъ узпаеть?»
- «Эхъ, ты, мое дитятко! Я ужъ, того, Aндрошку Евстафычу сказала: «Смотри, братецъ, чтобы Стешка не обмолвилась, проклятая.» А опъ у меня, Андроникъ Евстафынчъ, послушный, и у лукавыхъ Цыганъ — все одно, что гетманъ у Каваковь: духу боятся! >
 - «Да развъ Стешка все знаеть?»

Благодатваций Андроникъ.

- «Экая молодость! Колдуныя: текъ какъ же не знать! Я потому воть и на прионкъ какъ й разъ, то платокъ набинной, то ситцу какого егда ей покупаю. Оно все такъ: братецъ у шихъ силъ; да какъ у самого-то крылышки подрътъ, тогда, поди, со Стешкой не совладаень.... время, сама въдаень, крутое.»
- «Глянь, няня, коровы ложатся: видео вол-
- «Что ты, мать моя! солнышко още бочкочь сить. А коровы— глупый зварь; такъ, съ дуружится.... Я одного боюсь, дитятко мое....»
- «Господи Боже мой! чего же ты боншься, пя?...»
- «Да мнв сдается, что Нвисцъ тебя приколваль, да и полно! Пу, гдв тебв, такой молошкв, дитятку такому неразумному, но уни втються, когда, я чай, ты и молодцевъ всего-те туки три четыре на въку своемъ видъла!»
- «Э, пяпя! будеть по-боль.»
- «Пу, пусть и по-боль; да все-таки онь мецъ; чай, и одътъ по-нъмецки.»
- •Одъть такъ, какъ Государь одъвается.... Равишна поперхнулась и закашлялась. Пропусывъ чрезъ глотку стакапъ воды, она значительно качала головою и молвила:
- «Соблазиъ, Марья Андреевна, право соазиъ, ересь!... Поди!... Кастаны такіе кургуве; борода и все наружу.... Право, соблазиъ! П ужъ не зпаю, какъ я съ нимъ говорить ста-!... Что ужъ и въ вашей любовишкъ есть та-

Благодствльный Андроникъ:

466.

кое нечистое, не потаю, и, знаешь, страхомъ пронимаеть.»

- «Ахъ, пяня, какой онъ хорошенькой... добренькой... ласковой!.-»
 - «Постой, постой!.. Кажись, кличеть.»

Марья Андреевна проворно соскочна съ постелн и бросилась къ раскрытому окну. По улица шелъ молодой аптекарь. На кожаныхъ помочахъ висъла передъ нимъ походная аптечка. Опъ шелъ тихо возлъ ограды Ковригиныхъ и кричалъ: «Добрыя пъмецкія лекарства противъ всъхъ пемочей и недуговъ. Дешево, да знатно!» И, прокричавъ возваніе, запълъ пъмецкую пъсию, которой Исторія не сохрапила.

- «Пу, такъ и есть!» сказала Савишпа: «Знакъ подаетъ; такъ миъ и Андроникъ Евстафычъ сказысалъ... Прощай, мое дитятко!»
- «Матушка моя, няпя, Савишна! Возьми и меня съ собою.»
- «Что ты это?.. Противъ отцовскаго запрета!.. Ты ложись, да охай. Я Акулину къ тебъ пошлю, а сама пойду съ Пъмцемъ дъло стряпать.»
- «Только послушай, няня. Я твой норовъ знаю: ты еще, пожалуй, старое вспоминны, да Стешку подучинь, да, того, къ себъ его при-колдуешь.»
- «Экая ты, глупая! Да въдь ты мив всеравно, что дочь.»
- «Пу, пная матушка и дочкъ завидуеть: вонъ вдова Анкудинова за дочерияго жениха замужъ вышла.»

..... у пасъ домъ. 1 с всегда къ полудию готов

- «Да что же ты, н. безь толку, а онь и уйде «Уйдеть!.! Какъ бы оть нашей калитки и сомъ Ну, да Богъ съ тобой! Что Только постой, Мащенька, того, говорить буду? Въд
- --- «Вотъ тебъ разъ!.. . какъ же ты съ нимъ говори

разумъю. »

- -- «Знаешь, и дало тако мьзя; а у меня есть знако изъ Памцевъ; Тальянецъ, ка то на тебя въ саду искоса того, чтобы изъ зависти Ан не пересказалъ.»
- «Да какъ же онъ на » коса?»°

Пу, да что-же ты не идень? Слышинь, опять поеть?..»

- «Матушка ты моя! по-русски!.. слышищь? по-русски!..»
 - «Право, пяня Савишпа, по-русски!»
- «Еп Богу, по-русски... Слышшинь, слышпинь? Ай люли...»
 - «Ай люли, няпя Савишна!»
- «Паша взяла!.. съ Богомъ! А ужъ мив приходилось съ нимъ на рукахъ разговаривать... Если бы за себя, туда-сюда: за-разъ бы смъкнулъ! А за другую, того... Трудно... Ну, прощай, мое дитятко' Не гляди въ окошко, а то пенарокомъ сосъди подмътятъ.»

Вышла Савшина за ворота. Акулина за ней калитку заперла. Ни живой души на улицъ; всъ на ярмаркъ: только мальчишки въ бабки играли, и то по-одаль.

— «Зпатно!» подумала Савишна: «Тутъ-то опъмнъ турусы на колесахъ подпуститъ; а я, знаешь, напередъ будто не смъкаю; такъ и оборву его: «Что твоей милости надо? Ступай своей дорогой, а красныхъ дъвушекъ не замай!»

Антекарь сидъль въ раздумьт на прилавкъ и даже не замътиль, какъ вышла Савишна, какъ, охорашиваясь, уткою переступала по деревянной кладкъ. Прошла Савишна; Пъмецъ не пристаетъ. Верпулась Савишна, да цепарокомъ, съ деревянной кладки оступилась и вскрикцула. Аптекарь опоминлея, проснулся, и, вскочивъ, не зналъ, это ска-

- гь Савишив: слова спутались, сердце забилось.

 им разсердилась.
- «Тьфу ты, какой не обычный! а еще, того, любовь вызываеть!» подумала Савишна, и ехвалась уже за кольцо. Но молодой аптекарь вспомы все, и, поклонясь въжливо, сказаль тихимъ привътнымъ голосомъ:
- «Пе имъю ли **я чести видъть Домиы Са**-
- «А тебв на что?»
- «Да мнъ Андроникъ Евстасьевить сказываль; дто умиъе Домны Савишны во всемъ Воронежъ ть, и не бывало.»
- «Коли сказываль, такь онь върно пре те знаеть, а наше дъло сторона.»
- «Конечно; потому что, примърно сказать, скроминчать изволите.»
- «Дъвичье дъло, батюшка, дванчье дъло.»
- --- «А, позвольте спросить, Андрей Алексановичъ дома?»
- -- «А тебъ какое двло?»
- «Миъ-съ?.. Право ничего! Такъ, спроста просилъ, ради учтивства.»
- «Отваливай, братъ, отваливай! Видно къ пръв Андреевит въ свътелку норовнив. Да, винь, у насъ все на запоръ; собаки знатныя; вишна, того, у воротъ ходитъ; даромъ не пройшь!»
- «Воть тебв разъ!» подумалъ аптекаръ: вмъже я ее подарю? И на алтынъ еще непродалъ.» По, дъло извъстное, Иъмцы на выдумки гораз-

ды. Аптекарь уставиль на Савишну глаза, скорчиль рожу такъ жалобпо, и такъ сладко сталъ говорить, будто отецъ съ дочкой:

- «Что это у васъ, Домна Савишна, на лицъ?» Савишна совершенно смутилась, потому что не знала къ чему относится этотъ ужасный вопросъ, къ морщинамъ или веснушкамъ: и тъ и другія обильно покрывали лобъ и ягоды, по- ученому, ланиты Домны Савишны.
- «Чего ты присталъ ко мпъ, Нъмецъ?» полугиввпо, полу-робко отвъчала няпя, отворачиваясь.
- «А воть, изволите видьть, у меня туть есть разныя лекарства; и для вашего лица есть. Воть, возьмите эту башочку и эту траву. Травы щепотку бросить въ котель, занарить, остудить, да каждое утро, какъ умоетесь, конецъ чистенькаго ручника памочите въ настоъ, да и вытрите личико. А въ баночкъ мазь. Па ночь возьмите мази, такъ, съ горошину, да и притрите легонько:... и пройдеть!»
- «Что, батюшка, пройдеть? Веспушки, али воть складочки... какъ-бишь ихъ называють?»
- «Полю, Домна Савишна! Это у васъ не морщины; эта такъ, съ-вътру... Возьмите травки и баночку.»
- «Трава-то еще туда сюда, да размазни-то я боюсь.»
- «Помилуйте, Домиа Савишпа! Да это чистый рыбій жиръ.»
 - «А изъ какой рыбы, батюшка?»
 - -- «Изъ заморской, сударушка моя. Названіе у

- * 109HO Tak's, , lom Островахъ, за Аглецкима - Воть, чай, дорого — «Да больше рубля : — «Такъ не дино, что щинки, пли... какъ ты, бать — «Такъ, съ-вътру...» — «Да, такъ, съ-ватру Aenbrax'b!" — «Что вы это, Домпа (изволите. Стапу я съ такой Да ужъ одпо то, что вы во ки да бацочку, ужъ это ми; когда не забуду... Примите, — «Да, того, батюшка, чтс — «Стану я хвастать такон — «Да чтобы и но видали. — «Только приказывайто, не знаю отчего, а такъ васъ

CLINOBLE KT BANT NOR

- «Пе то, Домна Савишна! Зовутъ меня Германомъ Андреичемъ; прозвище у меня Ландшафферъ; ремесло аптека; отца Государь знаетъ н жалуеть.»
- «А какъ же все это, батюшка, по-русски будеть? Имя-то я смъкнула, Гаврило Андреичъ: ну, это ладно; прозвище туда сюда: Ландышевъ, говоришь ты; видно, по шерсти и кличка: траву продаешь, такъ по травъ и прозываешься. Ну, а ремесла, батюшка, не отгадаю. Опека... что за ремесло такое?.. Пу, да намъ до ремесла и дъла пътъ! Да ты, зпаешь ли что... того... Марья Андреевна такъ любви съ тобой вести не хочетъ; женись!»
 - «Ахъ, матушка Домна Савишна, дайте, я ваши ручки расцълую!»
 - «Поди, поди, волокита, не шали!..» отвъчала Савишна, кобенясь и оглядываясь, не отнимая однако же рукъ отъ благодарнаго Германна; но, къ ужасу пяни, за калиткой послышались шаги и голосъ Марыи Апдреевны. Марыя Андреевна кричала съ бъщенствомъ:
 - «Пяпя Савинна!.. Пяпя Савишна!»
 - «Это ona!» вскричаль Германнъ.
 - «Пътъ, не она...» отнъчала смущениая Савишна.
 - «Пе правда, я сама!..» кричала со двора Марья Андреевпа.»
 - «Пустите меня! Дайте взглянуть на Марью Андреевну!» кричалъ Германнъ.
 - «Пусти пяня!» вопила со двора Марья Апдреевпа. По Савишна закричала въ свою очередь:

— «Апдрей Алексан дровичъ идеть!»

Ключъ щелкнулъ; на дворъ Ковригина все утихло. Германиъ стоялъ съ банкой и съ травой въ рукахъ, остолбенъвъ и по смъя оглянуться.

Савинна обманула, но не обманулась: не успъльеще Германиъ прінти въ себя, какъ въ концъ улицы показался Ковригинъ. Онъ пошелъ быстро, потунивъ голову и размахивая руками. Аптекаръ, перекинувъ свою походную антечку на спину, пошелъ къ нему на встръчу тихимъ, мърнымъ шагомъ, и, поровнявнись, закричалъ: «Добрыя нъмецкія лекарства ото всякой немочи и недуга.» Ковригинъ остановился, посмотрълъ на Германна съ досадой и презръніемъ, и сказалъ довольно громко:

- «Пътъ, братъ! Только одна Стешка поможетъ.» Ковригинъ исчезъ.
- «Стешка!... Цыганка!...» также громко воскликнулъ Германиъ, и побъжаль по улицъ сколько силъ было.

IV.

Какъ можно черезъ зобъ пройпи въ сердце. •

Большіе съ меншими согласно звенять. Majora minoribus consonant.

Эмілена 294.

Есть имена самыя романическія, которыхъ, къ особенному удивленію, вовсе не употребляють наши романисты, и падобно дожидаться какой-либо чисто исторической статьи, чтобы встрътить

сколько-нибудь интересное имя. Если бы не исторія, міть бы пикогда и въ голову пе пришло, что жена Апдроника Евстафьевича называлась Голендухой Демьяновной. А какое романическое имя! Оно одио уже цълый романъ! А если къ этому прибавить еще ромапическій ея характеръ, тогда жеиа Апдроника ръшительно покажется цълою библютекой романовъ. Домиа Савишиа хороша, но, въ сравненін съ Голендухой Демьяновной, лице совершенио ординарное. Какой же быль характеръ у Голендухи Демьяновны, спросите вы? Романическій; то есть, въ ней не было шкакого характера. Она была добра, когда бестдовала съ Андроникомъ Евстафьевичемъ; молодилась и охорашивалась, когда передъ пей сидъла Домпа Савинпа; злилась и била сестру свою, малольтично Палашку, когда слышала, что на сосъднемъ дворъ попадья производила экзекуцію падъ неисправной челядыо; запкалась даже, когда Ерема Костыль, дьячекъ Тихвипо-Опуфріевскаго прихода, великій заика, приходиль къ главъ и солицу всъхъ Воронежскихъ делчковъ и произпосилъ торжественную ръчь, чарки ради. Когда Андроникъ Евстафьевичь, изрядпо напуганный, прибъжаль изъ магистрата домой, Голеплуха Демьяновна сидъла подъ образами и горько плакала. Андроникъ вытяпулся оть удивленія; сюртукъ послъдоваль за его движеніемь.

- «Что приключилось?» спросиль онъ.
- «Ахъ, Дроня ты мой! Пе могу паплакаться; такъ жалостно! Отецъ Павель умираеть.»
 - «Павслъ Пвановичь?...»

-- въ глаза пе ві ходила, стала плакать и

—«Павла Циановича жі евскій приходъ будеть пла на, чай, педван двв луг мазать, то есть, патирать Павелъ Цвановичъ съ перс сказать, и я струхпуль.

- «А что такое? Арон что такое?»
 - «Война на Воропежъ.
 - «Что ты, что ты, Др
 - «Говорять тебь, война
- «Солдаты!... Палашка! рота! Солдаты пришли; война же война, Дроия?»
- «Это не пъдомо, то есть сударь укажеть. — Ярмонку нерь ихъ по квартирамъ разв КЪ намъ постава....

то есть, надлежащую честь, чинъ и званю... Ты знаень, я человъкъ благодътельный: мив нельзя какъ-нибудь. Эй, Палашка! Отвори! Кто тамъ? Я сяду, а встану, смотря по чину. А ты, Душка, убирайся куда нибудь: ты у меня теперь, по милости Пъмца, авантажная, то есть, благовидная такая; а про солдатовъ, а еще нуще про офицерство, я довольно наслушался разныхъ исторій, то есть, случаевъ... Пу, Душка, пошла же, когда тебъ говорятъ!»

Должно замътить, что «Душка» происходило, не отъ души достойной супружинцы Андроника, а отъ ея романическаго имени; почему я и нишу это слово съ большой буквы.

Какъ пи велико было, по жепской натуръ Голендухи Демьяновны, любонытство видъть солдата, — вещь на Воронежъ давно певиданную, но романическій характеръ покорио уступиль волъ мужа. Голендуха уже двигалась по направлеино къ дверямъ. Въ самомъ дълъ, благодътельный человъкъ быль правъ. Супружинца его была очень миловидна; шелковый платокъ на головъ, и пабивной на плечахъ, придавали красотъ ея пъкоторое шляхетство, а походка, весьма похожая на утиную, какое-то барство. Въ самыхъ дверяхъ, Голендуха Демьяновна столкиулась съ Палагеей Демьяновной, которая, лицомъ и возрастомъ, весьма превосходила сестру свого, но за то, въ подражение другой состдкъ, которая ревновала къ мужу родную сестру, Голендуха Демьяновпа глядъла на Паланку всегда искоса и держала ее въ

--- къ Андронику Е — «Зови, проси, позн благодитель и другь дом Паланика побъжала, а па спокойно сияль папковый скришю, или ларь, служа седалищемъ, сияль висеви •аспую куртку, облачился, верстыми объятіями, приця — «Что, Гаврило Авлрес тесть, то есть, объявленіе дившаго тя и вашомъ!»

— «Слава Богу, слава Бо говоркою Германиъ, сброст вивъ въ уголъ коробку съ ч лекарствами: • Теперь все сч рукахъ, Андроникъ Евстафье!

- «То есть, въ десинцв в

— «Да, батюшка мой, да! нечь хочеть къ Степпца индайкв. Зобъ ел устраналъ прихожанъ моихъ и отгоиялъ ихъ отъ дома и вратъ моихъ далече, и бъ смута на дворъ моемъ, и приде въ онъ день Гавріилъ Пъмчить, и приложи персты своя къ зобу, и сокруши недугъ, и возликовахъ, яко.... То есть, просто сказать, ожилъ я, ожилъ, и Голендуха Демьяновна, и приходъ, и магистратъ; цълое засъданіе резоновали, то есть, разсуждали, объ исчезнованіи зоба, и Савишна разпесла въсть о томъ и горъ и долу, по всъмъ приходамъ.... Я человъкъ благодътельный, Гаврило Андръевичъ, и па томъ стою и амбицію мою ставлю. Грядемъ за Воронежъ!»

- «Позвольте, Андропикъ Евстафьсвичъ, позвольте!»
- «Грядемъ, и кончено!... По единая препона простерлась на пути нашемъ.
 - «Какая препопа?»
 - «Война на Воронежъ; солдаты.»
 - «Такъ что же?»
 - «Какъ что? Война и вон...»
- •, la это на Турка идуть: будуть въ Воропежв на тъ повыя суда садиться....»
- «Па Турка!.. О! да исполнятся уста моя всякаго хваленія Царю Царствующему, зане ополчастся сокрупшти рогь гордыни Султана Турскаго... Грядемь! или, первоначально... виновать прелиминарно.... нерекусимь.»
- «Перекусимъ, перекусимъ!» кричала Савинпа, входя поспъшно въ избу: «На перенутъв не

— «СО ВСЯКИМЪ ВВВИТ ВИДНОСТЬЮ: ВЫ СОГОДИЯ ПРІЯТИО...»

языкъ твой ноги не сломи Везъ ногъ бо есть

— «Пу зацъпила! Повз вымолнить: да еще и при г меня пе хватить, учтинсть Андренчемъ слова два перек Стешив...»

-- «Къ Стеникъ?..» воскан чая и Палашки.

По, за такое вывшательств по припадлежности толчка и вой стражь у доманией птиць — «Къ Стешкв, батюшка б Андрей Александравичъ къ Сприведи, да и полно!-

небольшимъ часа въ два: довольно скоро, если принять въ соображение врожденное фамильное расположеніе и сестрицы и внучатного братца ея къ гражданскому красноръчію. Жаль, что исторія сохранила только результаты этого занимательнаго совъта, а слова и ръчи пропали, какъ зобъ у Голендухи Демьяновны. Изъ этихъ результатовъ видпо слъдующее: Бъдный Германнъ, съ походной аптекой своей, обходилъ въ день почти весь Воропежъ, заглядывалъ во всв закоулки, и какъ бургомистерскій дворъ состояль изь тридцати разпаго пола и возраста членовь, то главная продажа ежедневная, которая простиралась иногда и до полтины, производилась тамъ. Машенька неръдко навъщала бургомистровыхъ дочекъ, ъла съ маковники и яблоки, щелкала оръшки, ъздила съ ними за Воронежъ, въ лъсъ, по ягоду и за грибами. Увидалъ ее Германиъ на дворъ у бургомистра, когда она въ горълки играла, и прилипъ будто тынь. Домой Савишна провожаетъ Машеньку, — Германиъ издали идетъ за пими; на грибахъ ли, на ягодахъ, — и Германпъ тамъ съ сумкою, па гербаризацін, заколдованныхъ травокъ ищетъ. Машенька спачала глядъла съ любопытствомъ на Германиа, потомъ стала догадываться, потомъ догадалась: и загорълась дъвка; никуда изъ свътелки не выходить, въ гости нейдегь: боится, чтобы съ Гермаппомъ не встрътиться; такъ и горить, а все только объ немъ думаеть. Пошель, что называется, педугъ, пограждански, лю-Слушая любовныя похожденія Савишны, и

была вполив возстацовлег ла безъ изъя**на. Какъ б**. Апдроцикъ искалъ случая но... увы! денегь Герман Андроникъ ихъ не давал. ненужны влюблепному антстоятельнымъ требованіямъ сдвлался его другомъ и ча веселую минуту призцался в себъ представить, какъ А когда узналъ отъ Савиншы, ригина въ свътелкъ. Удруж Апдроникъ ни на что болъ нія; воздвигся па Савишпу ръчіемъ, и побъднаъ. Сави цію и, вмъсть съ достойні рыстно ілопотала за пензві ковы были великіе романиче рое время. Гдв вы теперь KODLICTIA 9

дремала, совътъ всталъ и отправился за ръку Воронежь; тогда въ карманъ Савишны переползли изъ рукъ Германна цълебныя травы и баночка, а президенть, опъ же и магистратскій секретарь, онъ же и дьячекъ, получилъ удостовъреніе отъ мудраго аптекаря, что не всякій жиръ полезенъ для волосъ, а особенно для косички, и что для сего предмета онъ принлетъ ему бальзамъ выписной, съ магическимъ прозвищемъ «Мадашкарское масло», отъ котораго на весь магистратъ будеть разливаться благоухапіе онміама. Сверхъ того, и за перевозъ указной алтынъ былъ заплаченъ Германиомъ; наконецъ, садясь въ лодку, Германиъ поддержалъ подъ-ручку, не только Савишпу, по и Андровика. Опи усълись, а Германнъ объявплъ, что опъ, изъ почтительности къ своимъ заступпикамъ и благодътелямъ, пикакъ не сядетъ. О! лесть, ценсчетное богатство! Ila нее можно купить и то, чего и въ продажъ не бываеть.

γ.

Какь у всякой колдуны есть свой колдунь.

Вибсто собранная сила больщи есть. Vis conjucta major.

Эмблема 374.

Вотъ уже пятый годъ я всеусердивйшее собираю свъдънія о Цыганахъ, столь романическомъ народъ въ старое время; а теперь проза нашего въка уничтожила всъ поэтическія стороны этого нидійскаго племени, которое нъкогда обманывало ФОРТА И, ПА КАЗИЬ И У.
ВЕКА, ДАСТЪ ПУБЛИЧНЫЕ
ЧОСКОЙ ЗАЛВ ОДНОЙ ИЗТ
СТОЛИЦЪ ЕВРОПЫ. О ІСП
НА ГЛАЗАХЪ ПАНИХЪ, РАЗР:
ТОРЫЙ ХОТЯ И СОЗДАПЪ 1
ТАКЖЕ ОСОБЕНИАГО ПЛЕМЕН,
ОДПАКО ЖО ИБТЪ СОМИВНІЯ,
ТОЛЬКО ДО СВОСТО СОЗДАНІЯ
ДРОПИКЪ ЕВСТАФЬЕВНЧЪ, ДО
СТАРОВ ВРЕМЯ, ЦЫГАВЕ, К.
ЖАЛИ КЪ ЧИСТО-РОМАНИЧЕСКО
РВКОЮ ВОРОПЕЖЕМЪ.

Лодка, съ драгоциниымъ которую изъ себя представл извивалась между тяжелыми пежскими барками, которы: продовольствое во все повыя и Воронежу, и приста на виг

лыя и спокойныя кочеваго города. Въ то время на Песчанкъ кочевало болъе пятнадцати тысячь Цыгапъ: можно себъ представить, что, несмотря на всъ депутаціи, разосланныя на ярмарку и въ другія части Воропежа, здъсь было видимо-невидимо Цыганъ. Одни проъзжали предъ покупателями лошадей, другіе кричали: «Купи, баринъ!» и передъ любонытными глазами разпообразной публики встряхивали платокъ, шубу, серебряпный кубокъ, охотличій ножъ, даже связки барапокъ, благопріобрътенныхъ въ Воропежъ у хлъбной торговки. Въ разныхъ мъстахъ раздавалась цыганская музыка, передъ которой плясаль цъпной медвъдь, или колесомъ на рукахъ и ногахъ вертълся Цыганъ, или въ пляскъ извивалась миловидная Цыганка, не разукрашенная мериносовой мантіей съ мишурнымъ галуномъ, а въ грязной рубашенкъ, прикрытая дырявой плахтой (поэтически: enauчой). lle na Акатовъ, а туть собственно, тъснилась лучная воронежская публика и дворяне, хотя ихъ па Воронежъ было немного, и молодые купчики присматривали себъ пъвицъ, и нъмецкіе мастеровые, съ трубками въ зубахъ, и даже пъмецкія хозяйки съ дътьми всякаго возраста, и, паконецъ, нъсколько человъкъ солдать изъ полка, вступившаго въ тотъ день на Воронежь для заиятія приличнымъ гариизономъ только-что отстроенныхъ кръпостей. Цыгане знали, Цыгане видъли, что на новой бригантипъ Государь увхалъ въ Таврово, не только съ генералитегомъ и сподручинками, по забралъ съ собой бургомистра, оберъ-комендантера инъкоторыхъ

му пространству больн тотчасъ дали знать ком; Андропика Енстафьенича лецъ быль тайный совът тія благодътеля послы, с стоявшими изъ трехъ руб вой матеріи и двухъ кус будущихъ дътей Андроник сборной бакалін. Едва пока вышенности, въ сопровожд цы и придворнаго своего м рили въ бубны на всехъ пу слимсь вь ужасный ревъ, гостямь, и кланяясь низко, Андроникъ, не обращал на нія, шелъ дальше сь некоз

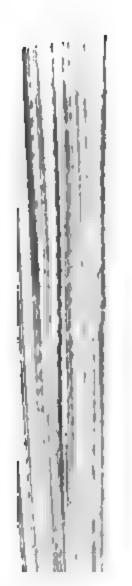
— «Чтожъ ты это, брат на. «Бери, коли дають. 1 приношеніе.»

- «Ilpn ne+v» '

вмъшались въ толпу, громко прославляя безкорыстіе Андроника Евстафьевича и возбуждая восторгъ во всемъ таборъ.

- «Слышшы, слышпиь, Савишна...» сказаль Андроникъ: » какую-миъ чинить печестивое племя сів публичную и тріумфальную аппробацію?»
- «А все-таки у тебя пичего пътъ: ты голъ, какъ соколъ!»
 - «Окажется...»
- Въ это время плечистый, дюжій Цыганъ, увидавъ Германна, проворно сорвалъ съ себя шапку и шизко поклопился Пъмцу. Тотъ узналъ тотчасъ утренпяго своего зпакомца и сказалъ ласково:
 - «Что же, другъ? Забылъ, что объщалъ?»
 - «Марыо Андревну?» сказаль, почесываясь, Цыгань: «Какъ же! Помню, бълый баринъ! Надо время, слухъ и духъ добыть, Стешкъ доложиться.»
 - «А гдъ Стешка?» спросили всъ трое.
 - «Въ своемъ таборъ, у своей кибитки: гостей много.»
 - «Проводи!» сказалъ Андропикъ съ неописуемымъ величіемъ и Цыганъ, держа шанку подъ мышкой, и какъ то согнувшись, граціозно выступалъ передъ почетными и страшными гостьми.

Черезъ Песчанку падо было перейти по шаткимъ, опаснымъ мосткамъ, и Германпъ опять имълъ случай оказать Савиннъ свою пъмецкую учтивость. За Песчанкой, между двухъ пебольшихъ деревъ, висъла на веревкахъ рогожа; на травъ раскинута была плахта; па пей товарный ящикъ, въ какихъ возятъ греческія конфекты; на

an olima nabanula перь мъдныя, но такой длин болтались па обнаженных баха, хотя и топкаго пол ко станъ ся и руки чуть довершался полосатой юбк пыхъ, глазетныхъ, сукопны Этоть занимательный нест жепицину, которая сама была ло подъ-тридцать льть; выраз было смугловато, но ужъ коричиеваго, грязнаго колор гимъ свидътельствамъ соврі иыганского лица составляехатный пушокъ пробивался і по примътенъ былъ только падаль солнечный лучь и по валь ея голову. Ротъ былъ бы толстоваты, по пріятно были, какъ прозе-

кую фигуру, что всъмъ журналамъ стало бы страшпо! Прибавьте ко всему этому умъренное, благообразное дородство: необыкновенно сильныя, костистыя и съ темъ вместе полныя руки, -- и вотъ вамъ Цыганка Стешка. Гостей, правда было много; гостинцевъ еще больше, потому что неотвязные молодые люди старались перещеголять одинъ другаго и обиліемъ взоровъ, и вздоховъ, и сладкихъ ръчей, и подарковъ. По Стешка сидъла, опу--стивъ свои чудпые глаза, закрытые большими черпыми ръспицами, и глядъла па какую-то страшпую фифуру, которая, въ изорванной рубахъ, прикрытая также не совстмъ опрятнымъ кафтаномъ, босая, лежала у ногъ Стешки на травъ и не спускала черныхъ, но глупыхъ глазъ съ красивой пиоописсы.

- «Матушка-Стешка, голубушка, загадай про нашу пропажу....» говорила какая-то старуха, стараясь взглянуть на Стешку черезъ плечи молодыхъ людей, окружавшихъ плотною стъпою красавицу.
- «Пе кричи, баба!» заговорила лежачая страшная фигура басомъ: «Погоди! Время не пришло. Цълый день гадать нельзя. Вотъ, какъ найдеть на нее, тогда подвернись ей на глазокъ: все разскажетъ.»

Въ это самое время проводпикъ подбъжалъ къ походной налаткъ и закричалъ:

— «Дорогу отцу пашему и благодътелю, Андронику Евстафьевичу! Дорогу и многія лъта!»

Страшпая фигура вскочила и стала натягивать

по молодну, пагн искала возль своего ящ насчная пъвица! Меня д и любовь — вода!»

- «Степка!... Ауша тебъ!.
 - - Ile Bapio. »
 - ~~ «Сегодня, коли хоч»
 - «Хочу.»
 - «Пе обманываень ?.
- «Пъть. Только Арму дишь, слова не даеть сказ дамъ на показъ держить, чтобы людей сманивать; а знай-плачеть въ кибиткъ. Т можетъ-быть и по зукавищ тебв, въ домъ чужой не пой Пу, отлегла душа моя! Поше встрачу. Только бы изъ таб. Lasa - Rom...

да приговариваль: «Ай да Стешка! ай да красавица!» И въ самомъ дълъ, баричъ не могъ налюбоваться на колдунью. То былъ точно молодой помъщикъ изъ тамбовскаго уъзда, лошадей на Воронежъ у Цыганъ покупалъ, на службу по старому обычаю собирался, снаряжалъ себъ барскій походный обозъ. Случай его на Стешку навелъ: не купилъ Посвистовъ ни одной лошади; на Акатовъ всъ лучшіе платки, всякія ткани, даже мъховъ часть толикую искупилъ; все Стешкъ отнесъ. Смотрълъ за нимъ Армусъ въ оба, да не усмотрълъ; Стешкъ баричъ полюбился; такъ тутъ, не только Армусъ, да и Аргусъ, въ дуракахъ останется.

Посольство ожидало Стешку въ отдаленіи. Андрошикъ зналъ всю власть свою на берегахъ Песчанки, по передъ Стешкей какъ-то ему было всегда пеловко. Красота ли, или душевныя качества Цыганки имъли на него какое-то истивно волшебное вліяніе, а можеть-быть, что всего въроятнъе, въ душъ его таился языческій страхъ; онъ боялся ея всезнанія. Пе углубляясь въ причины, скажемъ только, что онъ принялъ Стешку весьма почтительно.

— «Степапида Плыпишна!..» сказалъ онъ не совствить твердымъ голосомъ: «Резоны, то есть, причины, бываютъ разнаго сорта, то есть, рода. Одипъ изъ такихъ геперальныхъ, то есть, главныхъ, резоповъ повелъваетъ миъ просить у тебя вліанса, то есть, союза, противъ нъкоторыхъ интересовъ, то есть, дълъ.»

.... , PHIMOUTHE

•полпо вздоръ городит одинъ: я тебъ на унико придачей.»

— «Ай да уменца!» по въ духъ да въ ударъ, тан мендантера осъдлаетъ. Да что: вотъ, если бы она: ка, пілвицу поганую, змък приняла, да всякимъ стра отвадила!.. Въ нанкъ хо почью, цълую давку всяки кахъ тащатъ... Ай да Сте кафтану, что страхъ на прытягивается: словно вътр Надо этихъ попутчиковъ за къ не помъщали.»

Охъ, Армусъ, то, да благодътельнаго Андровика и говоритъ:

__ "Ba---

Благодътельный Андроникъ.

— «Пу, что жъ? поможешь?»

492

- «Степанида, Степапидушка! тебъ ли объ этомъ спрацивать? Ты знаешь, я благодътельный человъкъ! Вотъ, съ коихъ поръ лежитъ указъ, чтобы васъ на иять версть оть ръки отогнать; ну, что-жь? Лежить, а исполнить не трудно: теперь военное время...»
- «И падо исполнить, Андроникъ Енстафьевичъ, и падо!» сказала Стешка.

Тутъ ужъ всякое описаніе будеть невърно. Апдропикъ отступиль въ ужасъ, остаповился въ родъ Колоса Родосскаго и разверзъ руки и ротъ. Стешка продолжала:

- «Падо ихъ, разбойниковъ, воровъ, обманщиковъ, по-дальше! Знаешь ли, что они затъяли? За всъ твои поборы, что ты по субботамъ съ нихъ правишь, когда у тебя родится сынъ или дочь..» Стешка остановиласъ.
 - «Пу!.. Сынъ или дщерь?.,»
 - Украсть и продать въ татарщину!»

У Андроника прильне языкъ къ гортави; потомъ, по всемъ костямъ пошелъ трусъ и раздался скрежетъ зубовъ. Накопецъ, съ яростыо возгласилъ опъ:

- «Горе тебъ, язычница! Ты будень свидътельствовать противу нечестивыхъ софимильцевъ, то есть, сродпичей твоихъ!»
- «Пътъ, не буду! Я все это угадала по-своему. А если бы ты меня послушался, было бы лучше...»
 - «Гласи!»

илчего не пужно: тол Меня хочешь.»

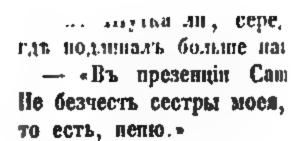
Апдроникъ ей разс. стратского подробност его Стенна и заплясал Этотъ припадокъ радо приступомъ къ колдов сталъ креститься.

- «Полио, нолио, Ан До, Золото, не случай! шай! Отпусти меня къ К муженька въ таборв при вомъ ихъ...»
- «Матушка Степапида, боту развъ ужъ изъ подъл нуть, что ли?»
- «Ты только ихъ пуги лучие: они тебя завтра...»
 «Матушка, да завтра в ужъ позволь, въ но

- «Вчетверо?.. По рукамъ, Степавидушка, по рукамъ! Тати, во истину тати! А вчера еще жаловались, что ни какого торга нътъ! Горе тебъ, племя вавилоиское! Прійдуть вон чуждіе и разграбять сокровищинцу твою... По рукамъ!.. Грядемъ!..»
- Пу, я готовъ, Стешка!..» сказалъ Армусъ, лукаво улыбаясь, потому что замътилъ печальный и разстроенный видъ Андроника: «Пойдемъ въ городъ, какъ начальство указываетъ.»
 - «Пойдемъ!» сказала Стешка, спокойно снимая съ дерева настоящую голубую епапчу, опушенную красивымъ соболемъ; закуталась и подошла къ Андропику.
 - «Пу, что-жъ? Пойдемъ! Я готова.»
 - «Грядите вы съ Сэвишиой, не медля; а мы съ Армусомъ потолкуемъ о важномъ казусъ, то есть, случаъ, и прійдемъ за вами. Ступайте! Время дорого.»
 - «Какъ прикажешь...» сказала Стешка: «Ты у насъ начальный. Пойдемъ, Савишпа!»
 - «Постой!.. Нельзя!» кричалъ Цыгапъ: «Безъ себя не пущу!»
 - «Умолкпи!.. Грядите, допдеже васъ не изжепу тростію.»

Хотя у Андроника трости никакой не было, однако-жъ угроза подъйствовала: женщины ушли, а Андроникъ, поймавъ за воротъ Цыгана, пачалъ гласомъ велінмъ:

— «Коптрибуцію!»

- «Чего же ты хочени
- «Миролюбія и бесв, какой таборъ стоить, какы вать его надлежить, гдв почему въ рапорть, то ег депутатовъ, показанъ дохі самомъ дълв у васъ вчетв Пунктъ второй: какіе умыс того, кого еще и на свътъ кто навелъ на супружницу Голендуху Демьяновну, безя тый: отчего оберъ-коменда не исполненъ, и вы пребыв лъв, пунктъ пятый: взалкахт неси чего нибудь!»

77 4

۲.

VI.

Какт иногда одинт хорошт, а другой лучше.

Какъ подумаеть, что пногда случается въ одинъ день, то не можешь не удивляться, какъ исторія огромпаго царств: можеть вмъститься въ нъсколько томовъ. А я зпаю мпогія, даже философическія, исторін, со всъми воззръпіями, причинами, поводами, последствіями и результатами, въ двухъ - а ужъ много въ трехъ томахъ!.. Съ одной стороны, удивительно; но ужъ за то, съ другой стороны, не удивительно, что изъ подобныхъ книгъ ничему пельзя научиться: я зпаю даже такихъ людей, которые. сь помощію этихъ исторій, совершенно разучивались и теряли послъднія свъдънія, пріобрътенныя было въ школахъ и оть чтенія историческихъ матеріаловъ. Кажется, довольно событій случилось на Воронежъ въ эту знаменитую пятинцу, по солице еще высоко. То ли еще окажется! По отбытін Савинны за Воропежь, въ домъ Ковригина десятникъ, отъ имени городинчаго, привель и поставиль на квартиру офицера, господина Фопа, съ тремя лошадьми, двумя деньщиками и одною повозкою. Ковригииъ защищался противъ такого нарушенія законовъ весьма слабо, потому, что пе зналъ законовъ, а по зерцалу таковымъ пезнаніемъ не смълъ отговариваться, да н потому можетъ-быть, что его крайне безпокоила - судьба и бользиь дочери и благодътельныя послъдствія, какихъ опъ ожидаль оть посъщенія Стешки. Винзу, въ главной комнатъ, накрытъ былъ столъ

--- ин слона ж стаканчикъ волки, встр гда при подобиыхъ сл себъ несьма спокойно . нзумленіемъ глядъль п роть и опустивъ руки. нутъ до-чиста съблъ заг днухъ персонъ, сълъ по амбары Андрея Александ но и отрывисто:

- «Пожалуй огонька.»
- «Что твоей милости
- • Orna. a
- «Середь бъла для огі
- «Да, пу, поворачивай рятъ! Пора и соснуть.»

Коврисииъ повиновался, 1 жепную свъчку, съ ужасомъ ролгио бы уронилъ подсвъчи пъливый фонрилъ, сълъ опять у окиа, и опять сталъ разсма-

- «Кавалеръ!» плчалъ-было опять Ковригинъ; но Фопъ спустилъ дымчатов колечко и сказалъ безъ всякой досады:
- «Ступай къ чорту! Мнв больше пичего не нужно.»

Ковригинъ не былъ трусъ, а сверхъ того имълъ амбицио не хуже чъмъ Андроникъ, почему и ръ- инлея униженно доложить, что онъ— не батракъ какой, а хозянпъ дома, первостатейный купецъ, магистратскій ратманъ, и тому подобное.

— «Тъмъ лучше, тъмъ лучше!» отвъчалъ отрывисто Фонъ: «Можень себъ хозяничать сколько хочень; только меня не трогай! Я терпъть не могу курить и разговаривать, а если тебъ скучно, толкуй себъ пожалуй, а я буду слушать.»

Ковригииъ посмотрълъ на Фона съ презръніемъ, сълъ возль него съ пеопредъленпою гордостью, отворотился и сталь глядъть въ другое окпо. Посидъли опи не мало; Фонъ пабилъ и выкурилъ другую и третью трубку. Ковригииъ, задыхаясь оть дыму, отперъ сначало окпо, потомъ и двери.

— «Спасибо!» сказаль Фонъ: «День такой былъ жаркій: душно!.. Эй, Семенъ! подай шицель и подушку.»

Сказавъ это деньщику въ окошко, Фонъ сталъ спокойпо раздъваться и складывалъ мундиръ, камзолъ и галстухъ на скамьъ, возлъ самаго Апдрея Александровича.

- «Ily, хозяинъ!» продолжалъ онъ, потягива-

погна спать хочется, шаеть. Что, ты женат. --Вдонъ...» Съ доса — «Все лучие, Богъ, какая скука! Уж мычь, женюсь; хоть въ АБТИ У ТЕБЯ ССТЬ?. - «Есть. » - "MHOTO?" — «Воть присталь! Оч - «lly, что жъ? много - •Одна, в — «Зиачить, дочь.... В. — «Въ началь третій.» — «За мужемъ?....» — «А, чтобъ тебя пелег ся!... Ивть, не замужемъ, гляди за мужемъ не будеть — «Видно, рожа скверная - «Что!... Рожа

Благодстельный Андропикъ.

- «Будетъ съ нее! Пока я живъ, тысячу ру виковъ ей на каждый годъ назначиль, домъ, в дозгъ все готовое; а послв моей смерти, все. у меня другаго дътища нътъ, да и родня 1 Дальняя.»
- «Да что за чортъ!» вскочивъ, закричал фонъ: «Отчено же пикто на ней не жепится? Ты видно, борода, много важничаень, да ломаенься. въдь такая певсста нашему брату, капитану, лодъ пару.

Ковригинъ вскочилъ, услышавъ, что фонь пленть капитанскій рангъ, потому что оберъ-комендатеръ воропежскій состояль въ томі же чинъ.

- «Какъ, ваше высокоблагородіе! Такой молодой, и ужъ капитанъ.»
- «Да чему ты это удпвился? Седьмой годъ на службъ. »
 - «Ла всего-то тебъ, чай, тридцати нътъ.»
 - —«Нътъ, братъ, подымай выпие; пятокъ накинь.» — «А изъ какихъ мъстъ, осмълюсь спросить?»
- —« [13 в далеких в! Я, какъ у васъ называють, выписной Пемецъ.»
- «Смъкаю, батюшка, смъкаю: изъ-за моря.» --«Ily, моря, признаться, я ни бакого не видалъ по дорогъ.»
- «Видно, зимою изволиль вхать.»
- —«Твоя правда, зимою: мнв это и не въ догадку. Пу, да что обо мпъ! Ты мпъ лучше, братъ, про себя скажи. Отчего же это дочку пикто пе береть?.

осождемъ. А я ужъ и Пельзя!.... Товарищи щай, братъ! Вели-ко с что пспорчена!... Пу, с

И Фонъ повалился. Н ну принисывалъ Савиши пвль. Ковригинъ печаль дваъ на калитку, откудблагодътельная фея.... литка распахнулась; Ков крыльця и протяпуль руг пропустивъ впередъ Савии свистову, который, получь всъхъ погь бросился по смотрвла ему вслъдъ, и к ду, тогда только перестуг литки и поспъшно взопала нуще залаяли; Фонъ просі ин по заперты, закричаль —«Семент [†]

- «Да чего разревълпсь, ваше благородіе! Туть въ домь, батюшка, такой содомь, что ни приве- ди Господи. Дай Богь только переночевать благополучно; да съ разсвътомъ, благо, въ походъ.»
 - ... «Какой содомъ?»
- «Да какъ же не содомъ! Дочку хозяйскую черный глазъ испортилъ.»
- . «Черный глазъ!...»

Фопъ опять вскочилъ.

- ---«Черный глазь, говорять люди. Видно по себъ молодца присмотръла, а отецъ у нея крутой: не хочеть ее замужь выдать, пока ей два съ поло-ловиною десятка не стукнеть. Воть и заныла красавица, стала чахнуть, да рваться. Простое дъло. Можетъ, и черпаго глаза пъть, а, какъ всякая молодая дъвчопка, больно замужъ хочеть.»
- «Пу, пътъ, Трофимычъ! можетъ быть, и тайная связника есть.»
- —«Что это вы, ваше благородіе! У насъ, на Руси, такого гръха и не въдають. Да тутъ и по двлу видно, что пичего такого нътъ. Сама проспла Цыганку привести; а если бы знала что за собою, такъ и на порогъ бы не перепустила колдуны: отъ пихъ, батюшка, ваше благородіе, и съ простымъ воровствомъ не укроешься.«
 - «Спасибо тебъ, Трофимычъ!»
 - «За что, ваше благородіе?»

Фонъ всталъ съ походной постеми и сталъ ходить по комнатъ съ опасностью для собственнаго лба и Трофимычева, потому что, по милости Семена, только и свъта осталось въ комнатъ что

омогов лио.... Послу или попрошусь на Хог мендаптомъ, или сюда, вли за чвиъ другимъ... мычь! Теперь я молодец ришь, что ин съ языка, похожь; а война дъло ог валъ убыотъ; на всегда з ложать; а еще хуже, как физіономію испортять, от руку. Право, Трофимычъ, и городовъ пътъ, и невъст тра въ походъ! Туть мышк не уходи, Трофимычъ; стой не выдасть дочки, тогда, Т, Анмъ себя знать.... Тсъ! 1 И точно, кто-то, не шелъ телки. Андрей Александрович «Погоди, погоди, Степ *Heyero Kom.

съ крылца, въ калитку; тамъ стояла удалая тройка, съ небольшой, но красивой колымагой. Кто-то высупулся изъ колымаги, принялъ Стешку за руки, свиспулъ, и тройка понеслась къ особенному удивлению Ковригина и не меньшему Савишны.

- «Ну что, Савишна?»
- «Пу что, Андрей Александровичъ! Благо узлы распутали; знаешь теперь, какой недугъ и жакъ пособить.»
- «А стыдъ какой! За Нъмца выдать!.. Провались она, въдьма проклятая! Да какъ стращаеть! Видишь, трехъ дней не проживетъ!»
- «Куда, батюшка! Дай Богь и три дия: чуть духь переводить. Стешка правду говорить: затомилась. Да самъ ты спрашивалъ у Машеньки: Хочень за мужь? «Умру, коли не отдашь!» За Пъмца? «За Нъмца.» Да за какого же я тебя Пъмца отдамъ? «Пошци, найдешь! На Воропежъ нъмецкихъ жениховъ разъ, два, п обчелся...»
- «А Стешка!.. Хоть-бы разсказала на порядкахъ. Придется опять за нею посылать.»
- «Пу, ужъ если такъ, Андрей Алексапдровичъ, такъ и я должиа тебъ сказать, что Стешка на большое колдовство оть насъ поъхала; будеть версть тридцать отсюда; куда, не сказывала, только говоритъ, что рапьше семи дней ни какъ ей быть назадъ цельзя.»
- «Вотъ тебъ разъ!.. Ну, а какъ я, да не того Пъмца ей засватаю?..»

- «Пу, для этого Стешки не надо. Туть ужъ Машенька сама смъкнеть.»
- «Правду ты говоришь. Лишь бы Пъмецъ: А полюбится, такъ и тотъ!.. Такъ знаешь что Савишна? Поди-ка ты, смани Машеньку въ садъ. Пока что будеть, падо ей провътрится, а не то, пожалуй, она Нъмцу не полюбится.»
 - «Воть что правда, то правда!»

II Савишна отправилась въ свътълку, а Ковригипъ трепетною стопою, вступилъ въ темную компату, гдъ оставилъ капитана сиящимъ; по къ удивлению, нашелъ его въ полномъ костюмъ; Трофимычъ что-то затягивалъ.

- «Довольно!» сказаль капитань: «Ступай, ставии отвори!»
- «Да не хотите ли, батюшка, ваше высокоблагородіе...» сказалъ Ковригинъ униженно: «эта изба у меня на солицъ; а въ опочивальнъ всегда прохлаждаться можно; и, для подкръпленія силъ, туда что-нибудь принесуть изъ погреба.»
- «Вы у меня хозяниъ, а я постоялецъ: повиненъ слушаться.»
- «Что вы это, батюшка, ваше высокоблагородіе, чишться изволите? Будьте какъ дома! Пожалуйте!»
- «Извольте, извольте, батюшка! Трофимычь, не отставай!»
- —• · Погодите, ваше благородіе... » шеннулъ Трофимычь, когда вошли въ другую свътлую комнату.
 - "YTO TANK TAKOE?"

— «Позвольте... 'сей часъ...»

И Трофимычъ руканомъ, съ великимъ усердіемъ, упичтожилъ дорожную пыль со всей одежды Фона.

— «Волоса-то, волоса!» продолжалъ Трофимычь: «Поправьте. Словно возъ съпа на головъ. Пе взрачно.»

Фопъ кое-какъ привелъ въ порядокъ свою шеве-

- «Того... еще, ваше благородіе... не держите рукъ по твамъ. Въдъ это не передъ полковникомъ. Вы дълайте, какъ будто вы полковникъ, а невъста капитанъ.»
 - «Спасибо, Трофимычъ, спасибо! Учи, учи!»
 - «И погъ въ шеренгу не держите, а будто на маршъ-маршъ.»
 - • Спасибо.»
 - «П рожу не мъшаеть, знаете, такъ скорчить, какъ вы дълаете, когда я къ вамъ съ графинчикомъ прихожу.»
 - · «Знаю, знаю!»

II фопъ вошелъ въ опочивальню гоголемъ.

- «Въ самомъ дълъ...» сказалъ Трофимычъ громко: «какая здъсь прохладность!.. и садъ!..»
 - «Да, и садъ!» повторилъ Фонъ.»
- «Фруктовый, батюшка...» подхватиль Ковригинь: «больше двухъ десятинь земли подъ нимъ; и уже есть, того, и нъкоторые, такъ-сказать, яблоки... рашие. Машепька! а Машепька!» крикнуль Ковригипъ, отворивъ окошко: «сорви съ яблопи своей парочку, которые поспълъе, да подай сюда!»

фонъ потянулъ за полу Трофимычя и шенталъ совсемъ осторожно:

- «Гляди, гляди, какая красавица!»
- «Видно сейчасъ, что хозяйская дочь...» подватиль Трофимычъ.»
- «Какъ же-съ, дочка моя, Марья Андреевна вригина, единородная. За нею все послъ меня останется. Хоть и въ раннемъ возрастъ, да на блоню свою похожа: скороспълка!»
- Марья Андресвна подала черезъ окошко яблоки, , глянула на Фопа, покраспъла и убъжала.
- «Такъ и есть!» подумаль Ковригинь: «Такъ есть! Суженый! Такъ и ожила, какъ увидала!... падо же, прохворала сколько времени! Женихъ дворъ, и прошелъ педугъ. Да тутъ и Стешки надо было. Экое диво, право!»
- «Господинъ Ковригинъ...» сказалъ Фонъ, пипаясь и не спуская глазъ съ аллен, куда пожала Машенька.
- «Что прикажень, ваше высокоблагородіе?»
- «Я человъкъ военной...»
- «И такого высокаго рацга!.. Не гитвайся тюшка, если я чтмъ не угодиль, или по-началу вобычно обошелся. Мы люди темпые; гдт намъ орядки знать!.. Пе взыщи, пожалуй!»
- «То есть, я хотъль сказать; то есть, я хоесть, жены не имъю.»
- «Ахъ, батюшки-свъты! Стоить тобъ кличъ ликнуть, такъ сколько ни есть на Москвъ боя-ышень...»
- «По то!.. Видинь, въ Турцін невъсть нъть.»

- «Да и гдв тамъ быть невъстамъ? Можно ли, чтобы у такаго бусурманскаго племени невъсты были! Чай, у нихъ и женщинь совсъмъ нътъ. Воть у насъ купцы бывають на Воронежъ, такъ говорять, что городъ въ три Воронежа, а все бородачи, вотъ какъ мы, да мальчишки, а женщины за депьги пе увидишь.»
- «Пе то!... Такъ видпо прійдется мнв здъсь въ Воропежъ....»
- «Что такое, батюшка! Да въ Воронежъ невъсть мало; почитай двъ три; бурмистерскія доч-ки—еще педоростки. Есть, говорять, у Сизобрюхова дочка, да мы не видали, а свахамъ, батюшка, пе върь! Всего лучше, какъ своимъ глазкомъ подмътишь; такъ ужь безъ обману!»
 - «Пе то!... Я уже видълъ....»
- -- «Кого ты видълъ, батюшка? Кого ты видълъ?... Не успълъ на Воропежъ прійти, ужъ и видълъ!... Ахъ ты, удаль молодецкая! А миъ такъ казалось, будто ты, окромя пашей Машецьки, пикого еще пе видълъ изъ женскаго пола.»
 - «Всекопечпо....»
 - «Такъ что жъ?»
 - «Какъ что?...»
 - «Я не знаю...»
 - «Да и я не совсъмъ....»
- «Какъ пе совсъмъ!» закричаль Трофимычъ: «Что это, право! Какъ со миой говорить изволите, такъ, небось, пи языкъ пи рука не заикаются, а тутъ пустое дъло такое, а ръчи словно цъдитъ. Право, Господи прости! я за васъ стапу Марью

Апдреевну сватать! Ily, что, борода, теперь знаешь?»

Ковригинъ въ свою очередь оторопълъ: сватовство было слишкомъ неожиданно; гаданье исполнилось такъ скоро; честь велика; одна бъда, что Пемецъ. Но жизнь Марын Андреевны стоила такой жертвы. Конечно, если бы не опасность жизни, Ковригинъ ни на какую честь не посмотрълъ бы; но въ такой кравности, въ какой быль Ковригинъ, ему казалось, что этоть Фоиъ прямо съ неба свалился. По съ другой стороны ин какъ въ такихъ случаяхъ пельзя, и не должно, показывать своей радости: а то еще Ивмецъ, того гляди, Богь знаеть, что о себъ задумаеть! Падо быть очень осторожнымъ, сохранить надлежащую магистратскую важность и не нарушить, по-крайнеймиръ видимо, старинныхъ обычаевъ. Положение ужасное! Да и кто опъ, этоть Фонь? Только и зпаль о немъ Ковригинъ, что онъ имъетъ каинтанскій рашть, а больше ровно пичего. Даже фамилія тестю неизвъстна. Спросить.... страшно! чего добраго, еще разсердится! А не спросить, нельзя.... Продолжительное общее молчаніе дало время Ковригину порядкомъ надуматься и прінскать приличныя средства къ выходу изъ такого затруднительнаго состоянія.

— «Знаешь, Трофимычъ....» сказаль Ковригинь: «ръчь твоя все одно что обухомь по лбу! И пынче по новому обычаю живу. Безь дочки не могу на такую честь отвътъ дать. Надо Машенькъ доложиться. Такъ ужъ позволь, чтобы все было на порядкв; надо ей всю подпоготную сказать, и кто, и по имени, и по отчеству, и какимъ прозвищемъ прозывается, и если есть какія за женихомъ художества или другія статьи, такъ и о семъ надо певъстъ въдать, поколику, какъ говорить Андроникъ Евстафыичъ, то ей принадлежить.»

- «Зовуть меня, по-русски Васильемъ Иванычемъ Фономъ.... Иу, и все тутъ! Больше я и самъ за собою инчего не знаю.»
- «Только и надобно, Василій Ивановичь, ваше высокоблагородіе, только и надобно! Пожалуйте въ чистую избу; а я туда и дочку кликиу. Эй, Маша! а Машенька! поди сюда!» кликнуль Ковригинъ черезъ окошко, и всъ вошли въ чистую избу, гдъ открылось дъйствіе предлежащей главы.

Духомь явилась Машенька съ Савишной. Увидавъ чужихъ гостей, она вскрикнула, будто перепугалась; а совстмъ не перепугалась, а такъ,
сдълала съ нарокомъ, ради дъвичьей скромности.
Фонъ стоялъ передъ нею на вытяжку, и ни какъ
не могъ распутать ни ногъ ни рукъ, какъ ни понуждаль его къ тому Трофимычъ. И съ Ментора
и съ Телемака нотъ ручьемъ валилъ. Но ръшительное миновеніе наступило, и Фонъ, который
слыхаль, что въ любви надо изъясияться на кольияхъ, упалъ на кольни передъ Марьей Андреевной. И Ковригинъ и Савишна бросились подымать
его, а Марья Андреевна на этотъ разъ виравду
перепугалась.

^{— «}Ахъ, батюшки-свъты что сь нимъ сдълалось? Чай, ушибся.»

- «Пичего-съ!» сказа ходя нь себя: «пичего-съ 4±но.... да ничего-съ! до - кА кого же твоя з волинь?» спросила Савиши — «Какъ кого! Да это **заль** фонь.
 - «Конечно ясно!» при
 - «Марью Андреевну!»
- «Меня!... Машеньку!. ARMSI.
- «Вотъ тебъ разъ!» прод чамъ же ты не полюбиль ес ВОЗДНО !»
- «Какъ поздпо!» воскани чая и Машеньки, которая оз окну, да и шепчеть ей: олуръла, что ли? За Гаврилу мли пътъ, а ужъ за капитана xopomenskaro

- «Пу, племячко! нечего сказать! Ни стыда, ни обычая!»
- «Полно, полно, Савинна!» сказалъ Ковригниъ: «Суженаго конемъ не объвдень! Ну, что, Машенька? Василій Ивановичъ тебя сватаеть. Что сказать ему?»
 - «Скажи, батюшка. Ты лучие въдаешь.»
 - «А я ему скажу: ладво?...»
- «А мив какое двло! Ввдь ты отецъ. Самъ знаснь.»
 - «Пу, такъ я скажу: ладно.»
- «.laдно, такъ ладио: я во всемъ тебъ послуния.»
- «Пу, такъ по рукамъ, Василій Ивановичь! Воть тебъ моя Машецька съ рукъ на руки.»

Успъхъ ободряеть. Фонъ совершенно пришелъ въ свою тарелку и бель дальнъйшихъ церемоній поцъловаль Марью Андреевну, потомъ такъ прижаль къ храброй груди своей Андрея Александровича, что у того косточки захрустъли; тогда отправился къ Савишнъ, но Савишна съ ужасомъ отъ него попятилась.

- «Что ты это, батюшка!» кричала она: «при встхъ цъловаться лъзешь. У насъ нътъ такого обычая.»
- «Не хочешь?... Богъ съ тобой! И мпъ-то пе очень хочется съ тобою цъловаться: рожа у тебя не взрачная; да не хотъгъ обойти и обидъть.... Ну, любезный тестюшка, дъло уладилось, да не совсъмъ; надо итти къ командеру, указа просить, чтобы жешиться позволилъ.»

И Фонъ съ Ментором нику.

> VI Какь блиенство

Ковригинъ, проводивъ же всю артель на дворъ и раз нимъ своимъ родственникам знакомымъ, оновъстить о и съ высокоблагороднымъ в воеводой, и прочая, и прочая, и прочая, вмъстъ съ женихо соли откунатъ. Въ это вре ка оставались въ чистой из лась вполиъ своей радости, иотокъ разнообразной били

шутка ли! Что я была?.. купчиха, да и полно! А теперь буду военная... Онъ, кажется, такой добрый, тихой. Пе пропадеть даромъ твое ученье; приму я его въ руки!..»

- «Сладишь ты съ такимъ медвъдемъ! Въ гробъ тебя вколотить.»
- «Пебось, Савишна! Ты сама говорила: «Только спачала поверии круто: будеть шелковой!..» Какъ только обвъпчаемся, такъ таки на другой день, первая, я драку и заведу.»
- «Ахъ, ты гръховодинца! Такъ ты, видно и Гаврила Андреевича не любила!. »
- «Какъ не любить! Да развъ при одномъ другаго любить нельзя?.. Въдь ты, Савишпа, кажись, трехъ за-разъ любила. Мив лишь бы Ивмецъ. У нихъ для женъ обычай лучше: на волъ живутъ; что хотять, то и дълаютъ; по улицамъ по покрывшись ходятъ; съ мужчицами безъ опаса разговариваютъ; пикто дурнаго и не подумаетъ. Вотъ почему, Савишпа, миъ за Иъмца хотълось.»
 - «Полио, Маша, такія страсти разсказывать.»
- «Что, Савишна, знать, завидно? Воть теперь ты и выходи замужь за Гаврилу Андреевича,
 коли возметь. А чай, расходится, какъ услышитъ;
 чай, тебя, Савишна, со злости искусаетъ, да и
 Стешкъ достанется. По-дъламъ! Пусть, не умъючи, за дъло не берется.»
 - «Воть дьяволь въ юбкъ!»
- «Говори себъ, Савиниа, что хочешь, а я себъ восиная канитанша и кончено!»

Въ это самое время въ избу со вздохомъ во-

SOURCE, HE. ко раздумался... Вдруга занумъли люди, и въ и: ля дыханіе, Армусъ.

— «Глъ Стенка?» заг в бросплея къ Савишив. Вся перепугались, а бе

— «Батюшка, Алдрей.

шка! Помилуй, не погуби — «Какъ, гдъ? Была

скајала, дъло уладила, да

— «Увхала!.. Какъ ув

- «За тридцать верстя колымага, на большое кол Армусъ схватиль зубаме зать, топая погою.

— «Увхала!» стопаль о щица! Лукапая!.. А н, олу А сердце сказывало: «Не і не пускай совстмъ, не слу

- «Какъ пе зпать, когда все съ уговора сдвлапо.»

И Цыганъ, въ припадкъ злобы и бъщенства, сказалъ Ковригипу все; по Цыганъ, какъ ни золъ, а все Цыганъ; про Андроника ни слова.

— «Милостивецъ; кормилецъ!» заключилъ Армусъ: «Видишь, я тебв все сказалъ. Помоги же и ты мпъ: выхлопочи мпъ указъ Стешку искать. Знаю, знаю, кто ее у меня стяпулъ! Доищусь я до всего, только ты мпъ помоги!»

По Цыганъ поступилъ неразсчетливо: Ковригинъ, въ свою очередь, пришелъ въ бъщенство, приказалъ скрутить Цыгана и посадить въ амбаръ, какъ участника въ заговоръ; Савишну изгналъ со всякимъ поруганіемъ изъ дома, и, когда она еще въ калиткъ оказывала приличное сопротивленіе, Ковригинъ присовокупилъ къ словамъ нъсколько толчковъ, и Савишна, поругапная, побитая, пришла также въ бъщенство, съ громкими ругательствами и угрозами, пустилась вдоль по улицъ, а Ковригинъ принялся за дочку.

- «Видишь, смиренинца! вздумала за Пъмца!.. Дамъ я тебъ Пъмца!.. За артельщика своего Андрюшку выдамъ, за магисгратскаго сторожа; а ужъ Пъмца не видать тебъ, озорпица!.. Отца обманывать!.. На отца сговариваться!.. Пошла въсвътелку! Посидинь ты у меня теперь на привязи, лица человъческаго не увидишь... Пошла!»
 - «Пе хочу! Жениха дождусь.»
- «Пе хочешь по добру, такъ я тебя за шею!..»

— «Андрей Александре фовнуъ! Самъ полковник детъ.»

Ковригинь оторопыль, несчастную жертву, а та 1 разскажи все жепиху. То Троенмычь, пришли въбъще висоть съ Машенькой, на азартомъ, что тоть пятился водъ самые образа.

- -- «Вздоръ!» кричалъ ф
 завтра же и певъсту и прид
 всякому бородачу шутить не
 если я не велю Трофимычу
 фельдшеромъ и бритвой бор
 У тебя въ бородъ вся честь
 питапская.»
 - «Батюнка, ваше высов
 - "Moryark! ""

Воронежь роту солдать: такъ вотъ и кстати. — Покорнъйше благодарю. — «Видно, невъста очень поправилась?» - Ужасть какъ поправилась: малина, просто малина! - «Ну, такъ я у васъ посаженымъ отцомъ, а сестра моей жены матерыо.» ---Много обязанъ. И въкъ не забуду. - «Я васъ не удерживаю, капитанъ. Пріятно побыть съ невъстой; передъ свадьбой есть о чемъ поговорить. - Есть о чемъ, ваше высокоблагородіе. Очень пріятно. Какъ прійду, тотчасъ ужинать сядемъ. Не угодно ли и вамъ, ваше высокоблагородіе? Хозяивъ человъкъ богатый; его пе раззоритъ; а ужъ мы вась угостимъ. — «Пожалуй.» — Много обязанъ! — Воть я и прихожу по-скоръе, чтобы распорядиться; а онъ туть драку завель, разбойникъ!... Я тебя уйму! Всю мою роту на твой дворъ поставлю. Даль слово, такъ и держись... Трофимычъ гляди за нимъ. А мы съ вами, Марья Апдреевна, пойдемъ по хозяйству хлопотать. Надо полковника какъ слъдуетъ припять, по чину. Пойдемте же, Марья Андреевна.»

- «Пойдемте, Василій Ивановичъ!»
- «Куда же мы пойдемъ, Марья Андреевна?»
- «Па кухню, Василій Пвановичь...»
- «Пътъ, я въ погребъ, а вы на кухию, Марья Апдреевна!»
 - «Ахъ, какой вы уминца, Василій Ивановичъ!»
 - «А какая вы красавица, Марья Андреевна!»
 - «II вы тоже, Василій Пвановичь.»
 - «Пе могу безъ слезъ смотръть на нихъ!» ска-

Что можеть во одку кочь пр. человька благод

Уже вечерало. Андропик: воротился визста съ друго своимъ. Оба усвлись, подъ Голендуха Демьяновна, съ Ц сылать съ кухин оладън съ : ку съ пол-курицы, да баран восточный манеръ, наконецъ сама пришла. Благодательнь совершенно счастливъ, устро ликую помощь, и пресытлсь ликую помощь, и пресытлсь ликъ жажду цальить кувшине — «Лушка!» сказалъ опъ

— «Душка!» сказаль онь касть! Не творить двла, такъ

всего! Сотвори себъ сокровищинцу, и тогда: зри спокойно па треволеніе міра сего. Какъ-только вступиць въ законное супружество, потребуй отъ тестя златницъ и сребрянциковъ. Сорочекъ, убрусовъ и всякаго тряпья по бери. А но дастъ, мнъ исповъдуй горе твое: и домъ оттягаемъ, если онъ, какъ пъкій осель, упрется и не восхощеть раздълить съ сыномъ своимъ стяжаніе земное.... Сокровищинцу, Гаврило, яко же азъ сотворихъ! Всякаго цыганскаго и городскаго добра у меня теперь на мпогіе таланты сребра лежить, и, мудръ бо есмь, хочу оставить міръ, то есть, магистрать, попеже паступаеть безвременье и строгое наблюденіе странниковъ, то есть, постороннихъ. людей. Хочу купить себъ домъ на выъздъ, огороды завести и жить въ вертоградъ моемъ съ миромъ и съ Голепдухой Лемьяновной, а наче того, въ другомъ градъ, а и того паче, на самой Москвъ. Здъ всегда опасность угрожаеть: могуть концы оказаться; певсегда бо можно магистратскія дъла погружать въ воду... Вкусимъ! •

И послъдиія капли настойки исчезли. Послъ толикихъ подвиговъ, Андроникъ впередъ восхищался сладостнымъ сномъ, который долженъ былъ пепремънно осъкить его; по Домна Савишпа вбъжала съ крикомъ и проклятіями.

— «Воть и видио, Дроня...» кричала опа: «что большь! Выпустиль Стешку, а Цыгань все и выболталь; Андрей Александровичь разсердился, да меня по боку, а Машеньку постояльцу своему, капитану отдаль.

не возможно. Пеутъш волосы, и отчаньемъ чаявіе и друга своего. рила Германну ужасны проглотить своей обид изобръсти какое-либо свасолить обидчику.

- «Ужъ ты не буде никъ Евстафычъ...» кри ховоднику, подлипаль, в годный, этакой! Какъ проходу отъ него не бъ

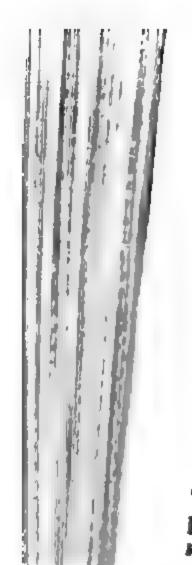
— «По ребрамъ длан
— «Кулакомъ, кулако
Говорить только не пр
польза какая отъ того «
ворила и того, чего и п
— «Что, что, Савиш
предъ судомъ но чото

- · Ilpucarny!»
- »Услышьте слово великое!»

Всв притихли. Андроникъ продолжалъ:

- «Ты, Гаврило Пъмчинъ, иди къ отцу и сиди дома смирно. Ты, Савишца, приходи заутра, а у меня не ночуй: да не будеть зазрвнія. Можешь у кого изъ родепьки пашей эту ночку провести. Гласи встмъ, что Марья Андреевна дщерь твоя и что ты на бракъ ея съ тъмъ постояльцемъ не соизволяешь, и что, того ради, Ковригинъ, соблазинтель твой и злодъй, въ нетрезвомъ видъ помолвиль дщерь твою съ тъмъ пришельцемъ, а тебя избилъ пещадно. Учини себъ на тълъ красныя и синія знаменья, а заутра иди въ магистрать съ допосомъ; чуть свъть, Палашка бумагу принесетъ; а вопросять, кто писаль, отвътствуй, писарь въ воеводской канцелярін, а имярекъ его не знасшь. Ты — допосъ, а я — просьбу подамъ. Посмотримъ, какъ Ковригинъ и гдъ обвънчаеть Машу съ пришельцемъ: узримъ! А оть стыда всею сокровищиицею не откупится. Ппо времени мало. Творите по глаголу моему!.. Ступайте, бъгите: да не узрятъ насъ вкупъ. .

Папрасно всв пристали къ Апдронику съ вопросами, какъ это онъ все сдълаетъ: Андроникъ
только улыбался, натягивая нанковой халатъ и
подпоясываясь набивпымъ платкомъ. Одълся Андроникъ, опустилъ въ глубокіе карманы свои два
полуштофа, и ушелъ. Германнъ и Савишна также
упли. Около полуночи уже, Андроникъ возвратился домой съ тріумфальной миной, бросыль на

у родимыхъ, по-близос Андроникъ спарядилъ Съ другою бумагой. отправивъ посольство, ги въ марь, заперъ их бъ шею и голову мокр постели, и сталь охати дей было слышно. Головохалась, но утихла залъ ей:

— «Душка! а Душка! парочно; я здоровъ: толи магистратскихъ дълъ ра Между тъмъ Палашка скаго дворца. Тамъ уже тому что уже было не что бурголистръ толькорова, куда проводилъ Го какъ Государь изволить

дроникъ, такъ и всъ домочадцы его, допускались къ бургомистру безпрепятственио и немедленно, потому что подобныя явленія шикогда безъ особенной пужды не пропсходили.

- «Что тамъ такое, Палашка?» спросилъ бургомистръ съ видимымъ безпокойствомъ.
- «Андропикъ Евстафьевичъ занемогъ, съ ногъ свалился, слегъ; только вотъ это ночью написалъ, такъ и бухъ на постель! Очень худъ!»
- «Господи, Боже мой!» возопиль бургомистръ: «Пропали наиш головушки! А туть время такое нужпое; ярмопка; войска проходять на войну; Государь по близости..., Ужъ какъ онъ себъ хочеть, Аидропикъ Евстафьевичъ, а хворать нельзя. Поди, Палашка, скажи ему, что никакъ цельзя; пускай, себъ похвораетъ зимпимъ времепемъ, а теперь, право, не можно... Поди, поди по-скоръй, Палашка, да скажи, что я изустныхъ указовъ царскихъ съ полдожины привезъ. Надо всъ еще сегодня исполнить. Я ужъ и сторожа послалъ, чтобы господъ членовъ по-скоръе въ магистратъ созвалъ. Такъ скажи Андропику Евстафьевичу, пусть опъ бользнь отложить, да прямо въ магистратъ цдеть... Ну, ступай же, Палашка.»
 - «Ла возьми же писаніе.»
- «Право не возьму! Это, въдь я знаю, лепорть о бользии. Какъ я лепортъ въ руки, такъ
 ужъ Андроникъ Евстафьевичъ но встанетъ. Пользя ему встать: отлепортовано. Ужъ это, Палашка, не въ первый разъ онъ насъ на мель са-

PHONE CS комъ Апароника Евс ли его и говорили: человъкъ; Абла у не шомъ порядка; да д руки. . А я на это: Ауша.» А они: «Да уз ки береть. • А я: «Бој кихъ, а по благополучі вая сторона подарочкоз не заэрительно... Такт страму не было! Отне добраго суква: пусть ка шьеть; да для Голендухи для тебя, Палаша, по пл песи-ка! Такъ сдвлай Боя савица, подыми-ка его! больше Голендухи Демьяної чего, что единородная дочь A0мой, а я въ магистратъ Палашка от...

поглядывая то на часы, то на двери. Отворились и двери: вошла Палашка.

- «Пу что? идеть?» спросиль бургомистръ. «Лежить!» отвъчала Палашка, и собраніе ах-
- нуло.
 - «И пе встанетъ?»
- -- «Послалъ Голепдуху Демьяновну за Гавриломъ Андреевичсуъ Ландышевымъ и говорить: «ужъ если онъ вылечилъ зобъ, такъ мою голову ему ни почемъ; а ты Палашка, ступай въ магистратъ, отдай мою просьбу отцу моему и благодътелю, а сама возвращайся въ домъ мой спъшно, да не отъпдетъ духъ мой отъ толикія немощи.» Такъ воть писаніе, а я бъгу. Шутка ли, если онъ безъ меня умреть! Тогда мнъ отъ сестрицы достанется.... Простите, пожалуйте!»

И Палашка, положивъ на столь передъ бургомистромъ просьбу, убъжала во-свояси. На смъну ей, въ присутствие ввалилась Савишпа, поклонилась икопъ, потомъ судилищу, и подала бургомистру жалобу.

- «Что такое, Савишна, что такое? Какое у тебя можеть быть туть дъло?» спросиль бургомистръ.
- «А воть, изволь, батюшка, глазкомъ бросить: тамъ все стоить.»
- «Пе разберу. Закорючекъ тутъ такихъ наставлено, что, я думаю, самъ Андроникъ Евстафьеничъ втупикъ станетъ. Глянь-ко ты, Андрей Александровичъ: у тебя глаза по-острве».
 - «Стапу я разбирать писанія всякой въдьмы...»

что значить въ судь на Савишну на этомъ но тать, да реши по закон написано.»

— «Что ты будень Евстафьевича! Да кто же — «Писарь въ воеводе

А Пу, ппинуть же ва Хоть бы одно слово мо Савинна, въ той избъ, а Андроникомъ послать... секлетаремъ; скажи, что не то... Да что ты ему са какихъ пе бонтся. Болъпъ: и лепортомъ себя очистила: и лепортомъ себя очистила:

Бургомистръ разпернулъ
она была панисана такъ че
— «Вотъ почеркъ!» восі

- -- «Пе увольнять!» воскликиули всв члены.
- «Да что же мы теперь-то будемъ дълать? Ужъ царскіе указы я передалъ изустно кому слъ-дуетъ, а бумаги опосля пришлемъ, какъ Андроникъ оздоровъетъ. По прочія дъла: вотъ загвоздка!»
- • А прочія дъла...» прерваль Ковригинь: «поръщимь ужо, на той педълв. Сегодня съпграемъ у меня свадьбу, денька три попируемъ; а къ тому времени и Андрошкъ Евстафьевичъ оздоровъегъ.»
- «Что ты это, Андрей Александровичъ? Чтоже, трое сутокъ магистратъ будеть стоять впустъ?»
- «Да что мы будемъ дълать безъ Андроника Евстафьевича!»
- «II то правда!.. Печего дълать, отложимъ присутствіе... Эй, сторожъ, позови Савишну;» Пришла Савишна.
- «Просьбу твою мы принимаемъ; но за отвътомъ приходи въ середу на той недълъ: по дълу требуются справки.»

Савишна лукаво улыбиулась, поглядывь на Ковригина съ инкоторымъ торжествомъ, и, поклонясь судилищу, вышла. Магистратъ въ разныхъ разговорахъ досидъль до урочнаго часа. Къ концу засъданія бургомистръ и говорить Ковригину:

— «Право, дивно все это, что ты намъ туть разсказываень; да ужь и то правда, канитанъ — не шутка: для всего Воронежа будетъ покровительство. Долго ли ему до боярскаго званія! Нынчо въ бояра можно дослужиться. Тогда всему Воронежу такая честь и вездъ защита! Папрасно тужить изволинь. По-мпъ, такъ на тебя счастье

бесталу учредить и устрог безвременье! Пу, время явился. Разойдемся!» И разопились.

LIABA X II I

Какь благодътельный челос характера и оздоровь

Non ti

Германиъ сидълъ у пост поиль его лекарствомъ изъ од. Голендука, по рецепту Налашкой, готовила объдъ и съ полу-гуся, канцу съ грисвину гуся на жаркое.

- «Дивный настой!» гове

дано; а метрическія книги здв, въ семъ ларв! Костыль быль пьянъ мертвецки и не зръль, како сотворихъ похищеніе. Такъ-то, другъ мой и благодътель! Не втунъ излечилъ еси зобъ у супружницы моея: какъ велій Пьмчинъ, ты уразумъль, что я человъкъ благодътельный.»

- «Да будеть ли изо всего этого толкъ, Андропикъ Евстафьевичъ?» сказалъ Германнъ печально:» Стоитъ ли хлопотать еще о такой невъстъ? Пе върго я Савишнъ; а она ужасы разсказываеть про Машеньку: будто съ-разу такъ и повъсилась капитану на шею.»
- «Великая лжица моя сестрица! Со злости, ты знаешь, на себя напраслину взводить. Самъ подумай, можпо ли, чтобы такая персона, то есть, особа, какъ ратманъ Ковригинъ, присталъ къ Савишпъ, когда она п въ молодости не была краше какъ нынъ?.. Постыдпо, да намъ всё-равно. Доносъ подацъ; книги подъ замкомъ; свадьбы не будетъ; а тамъ поглядимъ и узримъ... Вотъ и Савишна вернулась изъ судилища: слыну гласъ ея... Пу, что, сестрица?»
- «Ахъ, батюнки-свъты! Въдь онъ уже вънчаться поъхали!..»
 - «Kro?..»

Андрошикъ вскочилъ п продолжалъ кричать гласомъ велішмъ: — «А допосъ?.. А ты убоялась подать его?.. Пе остановила подвига супостатовъ пашихъ?»

— «Подала, батюшка-братецъ, подала, да пикто его пе читалъ!»

дождалась, пока жених — «Пе допустимъ! «Грядите за мною!»

Воронежъ пришелъ 1 Удивленіе, когда увидъл ное писствіе Андроника в вожденін Савинны, Герз Онъ шелъ съ обвязанны гими ручниками, въ кан сапогозъ. Спутники съ его, и то уже на порогъ счастіе Андроника, бурго объдъ свой; лошади были сл куда-то вхать. Увидав вскочная и съ крикомъ і бургомистръ струхнуль, а передъ инмъ въ приличной нередъ инмъ въ приличной — «Пачальникъ граза съ «Пачальникъ граза съ

чего ради не прочиталь до

сти тебя отъ посмъянія. Говорю тебъ толкомъ: та жалоба Савишны надвлаеть намъ неисходныхъ хлопоть: зачъмъ же ее пе прочитали? Я правъ: я лежать на одръ педуга и о томъ донесъ тебъ; а ты градопачальникъ... Спъщи скоръе во храмъ Господий и властію своею педопусти до беззаконія. Машенька Ковригина — дщерь Савишны: такъ гласить доносъ. Пусть прежде Ковригинъ очиститъ себя отъ сего показанія; пусть докажеть законными доводами, что она не дщерь Савишны; пусть представить документы, то есть, бумаги; но, пока все это не ръшено, нельзя быть браку.»

— «Ахъ, какой же ты, Андроникъ Евстафьевичъ! Такъ зачъмъ же ты хвораешь? Откуда мнъ все это знать! Поъдемъ же въ соборъ, или гдъ они въичаются. Можетъ быть, еще успъемъ. Только ты пріодъпься.»

Ручники въ-мгновеніе слътъли съ головы и шеи Андроника. Подали ему сапоги, кафтанъ и шляпу. Кафтанъ былъ маленько коротокъ и широкъ, по всё-таки въ немъ Андроникъ былъ несравненно благовидняе, чъмъ въ наиковой хламидъ. Съли они въ бургомистерскую таратайку; Савишнъ и Германиу приказано было не отставать, и послушныя жертвы мудросги благодътельнаго Андроника побъжали за таратайкой рысью, отчего у Савишны съ первой улицы духъ занялся, и она должна была шажкомъ продолжать путешествіе, а Германнъ не отставалъ. Вотъ и церковь: на паперти тма парода; выходятъ изъ церкви. Таратайка остановилась. И бургомистръ и Андроникъ поблъд-

нали. Съ ужасомъ посмотрвли они другъ на друга: помочь двлу было поздно.

- «Иу!» сказалъ бургомистръ: «ну Андроникъ! Что ты будень дълать?»
- «Не все еще погибе!..» отвъчалъ Андроникъ: «Пока было можно, я творилъ Гаврилу Нъмчину всякое добро. Не моя випа, и надо концы въ воду. Съ тобой доносъ?»
 - «Co Muoñ.»
- «Подай!..» II Андроникъ разорвалъ его въ мелкіе куски.
 - -- «Чго ты двлаешь?..»
- «Творю миръ и тишину на Воронежъ. Грядемъ на встръчу новобрачнымъ, грядемъ! Я чедовъкъ благодътельный: не хочу зла ни кому. Грядемъ!»

Апдрошикъ вышелъ первый; за пимъ бургомистръ. Они подошли къ паперти въ самое то время, когда новобрачные выходили изъ церкви, въ сопровождении полковника и знатиъйнихъ гостей. Андроникъ, снявъ шляпу, пизко наклопился и не разгибаясь сталъ говорить:

— «Оть лица градоначальника, и собственной своей персоны, приношу мое ноздравление съ благонолучнымъ учреждениемъ чрезъ бракъ законнаго супружества, которое есть всякому человъку верховный интересъ, то есть, выгода и блаженство. Съ одра болъзни воздвигся я, да принесу мой комилиментъ, то есть, поздравление, и того ради облачился въ лучиную одежду мою, которую градоначальникъ, но столь торжественному или паче

тріумфальному случаю, пожпловаль на бъдность мою. Въдаю, что судьбъ угодно было таковому празднеству положить препоны; но я возстахъ отъ одра и ополчихся на нихъ всъми законами, - и будетъ миръ и тишина. По на столь великой радости, достойно есть учинить нъкое знаменіе благорасположенія и щедрости: того ради просимъ Андрея Александровича, куппо съ градоначальникомъ, принять въ милость и любовь прежнюю Савишну, нашу родственницу, а Цыгана Армуса немедля сдать мит на руки, для произведенія падъ нимъ падлежащаго слъдствія и примъненія закоповъ. Гаврило же Апдресвичъ да не усомпится въ любви и разположении нашемъ, и съ сокрушеннымъ сердцемъ да изречетъ гражданскую притчу: «Ila пъть и суда пътъ!» такожде: «Плетыо обуха не перешибень!» такожде мпогія другія, того же содержанія, и вмъстъ съ пами да принесетъ новобрачнымъ поздравленіе.»

- «Оть души поздравляю жениха съ такою невъстой!..» сказалъ Германпъ со злобной улыбкой: «Очень радъ, что не мпъ досталась.»
- «Ахъ ты, пилюля нъмецкая!» сказала Марья Андреевна безъ малъйшаго смущенія: «Мы съ Савишной пошутили, а опъ и за-правду задумалъ.»
- «Правду сказать...» прибавилъ счастливый фопъ: «такая роза не по твоему рангу и не по твоей рожъ. Пойдемъ!»
- «Милости просимъ къ памъ, Андроникъ Евстафьевичъ!..» сказала Марья Андреевна, садясь въ полковничью колымагу.

везъ къ Ковригину въ ти остался только Гер — «Все къ лучшем; глубокою грустію: «Ка щины ; »

— «O! какъ ты му, " | a. Hindwall ovnd

— «Роза?.. Хороша Апдроникъ протянулъ - «II потому муді

притча: нъсть рожанаго

MOHTEKKH H KANJIETTH

HAH

чернышевский миръ.

Memopuneckiù anekzomv.

I.

Калужской посадъ и губерискій городъ Калуга не одно и тоже, хотя последній и стоить ныне на мъстъ перваго; хотя и таже Ока, тъже ръчки Калужка, Березуйка, Яченка, Жировка и теперь въ Калугъ, хотя тъже буераки, все тоже, да не то. Въ 1721 году Калужская провинція, составляла часть Московской губерпін, а Калуга была больпимъ посадомъ, съ двадцатью церквами и многимъ миожествомъ купцевъ и мелкихъ торговцевъ; огромпый оврагъ, образуемый ръчкой Березуйкой, раздълялъ почти весь посадъ на двъ части: Градскую и Заверхскую. Каменный мостъ, съ 28 каменными на немъ лавками, соединялъ объ части города и служилъ сборнымъ мъстомъ краснобаевъ, публичнымъ гульбищемъ и центромъ торговли. Пе смотря на столкновение торговыхъ пользъ и выгодъ, Калужскій посадъ паслаждался гражданскою тишиною и порядкомъ. Во всякомъ торговомъ городв, непримътно образуется купеческая аристократія; возможность располагать большими капиталами доставляеть большія средства къ обогащенію и вводить мелкихъ купцевь и торговцевь чуть не въ кабалу своему заимодателю; такъ случилось и въ Калугъ. Въ городской части купецъ Сбиркинъ выстроилъ себъ дворъ, который однимъ объемомъ уже обнаруживалъ непомърное богатство хозянна. За-верхомъ купецъ Яблочкинъ, разсердился за расточительность на Сбиркина и построилъ точно такой же дворъ, да въ придачу подняль изъ пра воду деревянными жолобами, такъ что на всю За-верховскую часть достало этого водопровода; а падо замътить, что въ этомъ оврагв течеть здоросець вода, въ которой, хотя кромв известковыхъ частицъ пътъ инчего особеннаго, но городская гордость принисывала ей цълительныя, чуть не чародъйствующія свойства. Довольно того, что этотъ подъемъ здоровца на гору, не на шутку огорчиль Сбиркина; онь взяль да и построиль у самаго моста харчевню; а Яблочкинъ у того же моста только на своей сторопъ погребокъ, для продажи разныхъдозволенныхъ питей, а пуще пълнаго кваса, который запрещенъ въ царствовате Екатерины II. Пусть бы себъ богатые люди дурачились, а то и бъдпые туда же; въ харчевню Сбиркина ни одинъ Заверховскій житель нейдеть: въ погребкъ не увидишь ни одного Городскаго. Великольшный мость съ двадцатью осьмые каменными лавками опустълъ совершенио; только протзжіе пользовались этимъ мостомъ, а свои по обониъ концамъ соберутся, да гурьбой и поютъ пъсни обидныя, тв про Заверховскихъ, а тв про Городскихъ. Бъда, если кому изъ Заверховскихъ приходилось ъхать въ Тулу; того гляди, городскіе мальчишки грязью вабросають, мли взрослые дубьемъ проводятъ; возникла нецависть, которую можно сраниить только съ ненавистью двухъ знаменитыхъ въ Исторін, еще спранедливье сказать, въ Литературъ, фамилій Монтекки и Капулетти. Въ этомъ срависии темъ больше правды, что Городскіе—Заверховскихъ, всвяъ, гуртомъ, называли Молочкицыми, а тъ Городскихъ Сбиркиными. Ни на той, щи на этой сторонъ, никто не пошималь, за что и какъ произопель такой страппый разрывъ; во это не мънало непависти усиливаться до такой стенени, что родство свойство и сватовство потерями свои привиллегін; тесть не ходиль къ вятю, жена къ матери, словомъ - Монтекки и Капулетти, Ромео и Юлія, —и кончено!

Да, Ромео и Юлія!—И вотъ какпиъ образомъ: Въ 3 верстахъ отъ Калуги лежало Государево Ново-Спасское село, изъ котораго, по указу еще Царя Алексъя Михайловича, повельно было крестьяпамъ переселяться на Калужскій посадъ и ваписываться въ тамошиее мъщанство; переселепіе производилось медленно, такъ, что нервые рекрутскіе наборы при Петръ Великомъ застали въ Пово-Спаскомъ сель пе мало крестьяпъ, и забрали между прочими въ солдаты Ильюшку Самовалова, молодаго мужа молодой Аксеньи и отца двухъ малольтинхъ дътей Андрюшки и Павлунки Само-

валовыхъ. Въ первыхъ же походяхъ, смътка, рабторопность и ничвыть исустранимая пребресть Самовалова отличили его отъ товарищей и деставили капральство. Плы себь на умъ; переваль скоро военный промысять со всями тогдашимий ств припадлежностями, и какъ Самоналову прилучилось воевать въ странахъ богатыхъ и депежилиъ, то онь и перехватиль того сего, а больше золетыхъ разныхь монетокъ, собственно не изъ корыстемобія, а пуще потому, что эта военная добыча требовала весьма мало маста и вполив согласовалась съ походнымъ положениемъ создата. Случнов Свмоналову понасть на корабли въ дессантное войско, случись побывать и въ Швецін; далеко зашель на чужую сторонку; нуля его въ правую погу обадвла; отнесли его на корабль, отвезли въ Питеръ, вылечили, да за увъчьемъ и многольтней службей домой отпустили. Не нашель Самоваловъ въ сель своемъ ни жены, ин дътей, ин сосъдей; всь на Калужской посадъ перебрамсь; на Калужскомъ посадв пеузпалъ Самоваловъ ин жены ин датей; Аксенья старухой стала, а Андрюха пребольника Андреемъ; Навлушка также было подпался, да 100 дорось до брата; сталь въ нармну рости. Аксенья какъ умела, такъ и пристрома датекъс однить у Соприния кучеромъ служных, а другой самъ въ ямицики пошель; и не было такить лепадей во всей Калуга, которыха Павлушка срему на всемъ бъгу не осаживалъ. Не поправилось Самовалову дътское ремесло.

— «Андріоха!» сказаль отепь нь первое сан-

даніе съ семействомъ: «Ступай ты къ своему командиру и возьми абшидъ?»

- «Какой абшидъ?»
- «Неуменчать! Теперь я у тебя командиръ. Дътямъ стараго и заслуженнаго капрала не приходится въ кучерахъ у бородачей служить. Ступай, подай въ отставку!..»
- «Какъ, батько, ты велишь отъ Сбиркина отойти?»
- «Экой безтолковой! Ужъ если въ отставку подать, такъ надо и отойти.»
 - «Да я не знаю, батька, какъ это сдълать?»
- «Какъ сдълать! Сказалъ: благодарствуй за службу, отецъ верпулся; поклопился, да и былъ таковъ.»
 - «А если Сбиркипъ осерчаеть?...»
- «Да какъ опъ смъетъ сердиться; не его дъло! Ступай, Андрюха!...»
 - «А коли Сбиркинъ не пуститъ?..»
- «Да какъ опъ смъетъ не пустить? не его дъло... Ступай!»

Жалостно посмотрълъ Андрей на отца, да и пошелъ, повъся голову, его нолю править. А Илья капралъ осмотрълся; плохая изба, бъдность во всемъ, и шти у Аксеньи плохіе и платье дурное, и образокъ одинъ только, да и тотъ въ темномъ углу чуть примътенъ сталъ, такъ почернълъ; воть Илья почесался въ затылкъ, взялъ костыль въ руки и пошелъ съ Аксиньей по городу бродить; осмотрълъ городъ, да и воротился къ оврагу, гдъ здоровецъ вода течетъ; сталъ на заверховской сторонъ, ударилъ костылемъ въ землю и молвилъ:

- --- «Туть, матушка капральша, туть будеть пашь домь; городская земля, солдату даромь отведуть; а ужь чудовое мьсто; такихь мьстовь и за моремь я мало видаль; а это чей домь на той сторонь?»
- «Сбиркина!»
- «Важный домъ! Мы съ нимъ одинъ другому въ глаза смотръть будемъ! А это кто, возлъ насъ, строится?»
- -- «Нблочкинъ, здъший купецъ.»
- «Важно! Богатый состдъ ничего неуворуетъ! Падо мит съ нимъ знакомство повести: чай цтны знаетъ; по состдски поможетъ; до обмана не допуститъ... Пу, да утро вечера мудренте. До завтра!»

II.

Илья капралъ прибыль въ Калугу, какъ изъ нвкоторыхъ вышензложенныхъ обстоятельствъ явствуетъ, въ то время, когда городская ненависть
была въ самомъ началъ; ему легко было получить
избранное мъсто, еще легче построить домъ и познакомиться со всъми именитъйними лицами Городской и Заверховской части; небольшаго труда
ему стоило войти въ дружбу къ Иблочкину, котораго Илья полюбилъ отъ души; денегъ оставалось
еще довольно у стараго солдата; онъ и завелъ
торгъ, а такъ, какъ говорится, онъ былъ уже
тертый колачь, то и торги у исго пошли на сла-

ву; Павлушка въ торговомъ промыслв оказывалъ пеобыкновенные успъхи, но за то Андрей, -- этотъ рослый, красивый и смътливый малый, оказался ни къ чему негоднымъ; куда дъвалась память н веселость: глаза его запали, онъ глубоко вздыхалъ и шикто не могъ догадаться о причинв. Илья капраль каждое утро съ обоими сыновьями отправлялся на рынокъ; проводилъ тамъ не малое время, оставляль Павлушку съ Андреемъ въ лавкъ, а самъ уходилъ на мостъ, куда еще собирались старики съ объихъ частей посидъть и поболтать о томъ о семъ... Завидъвъ издали капрала, старики съ удовольствіемъ потирали руки и обтягивали пояса, въ ожиданіи какого либо разсказа, па что Плья капралъ былъ неистощимъ и большой мастеръ; примъчая между стариками пріятное п лестное для него петерпъніе, Илья издали грозилъ имъ костылемъ и публика уже смъялась. Такъ подходиль онь одпажды утромъ къ дорогому мосту; по къ удивленію, мпогочисленная публика не обращала на него шкакого винманія; напраспо грозиль опъ имъ костылемъ, топалъ короткой погой, покрикивалъ. Пикто его не видълъ, не слушалъ... «Что за диво!» подумалъ онъ и прибавилъ шагу; на самомъ мосту стояла курьерская тельжка; на ней сидълъ солдатъ и что-то разсказываль; разсказь его прерывался громкимъ крикомъ: Ура!. Илья капралъ добъжаль на мъсто и по привычкъ прикрикнулъ вмъстъ съ другими «ура», самъ не въдая почему... Привычный къ военнымъ восклицаціямъ, голосъ его отдълился отъ сиплыхъ купеческихъ голосовъ... Всв вскрикнули: Илья Кузьмичъ! Въ это время курьеръ толкнуль ямщика, тотъ стегнулъ лошадей и телъжка укатила по дорогъ въ Тулу...

- «Слышалъ ты, Илья Кузьмичъ?» спросилъ Яблочкинъ.
- «Какъ же не слыпать? Чай за Окой было слышно, какъ вы безъ толку, безъ ладу ревъли.»
- «Да пе о томъ, Илья Кузьмичъ! Видишь тутъ курьеръ такую диковину разсказалъ, что еслибы па пемъ пе было царскаго мундира, такъ, призпательно сказать, надо бы въ нъкое сумнительство придти въ разсуждени такого извъстія...»
 - «А что опъ разсказывалъ?»
- «Это ужъ ты, Илья Кузьмичъ, поръши; ты всъхъ нашихъ супостатовъ знаешь, такъ тебъ, такъ сказать, можно быть въ извъстности про то...»
 - «Да про что?»
- «Какъ про что? Будто ты не слышалъ, кавалеръ разсказывалъ, будто батюшка Государь со Шведской короной замирился...»
- «Сказки! Пустяки! Кабы опъ сказаль, что батюшка Государь Короля, Королеву и все Шведское государство въ полопъ взялъ, было бы похоже на правду... А то миръ! Пътъ, сосъдушка, не такая это война... Самъ подумай, двадцать лътъ слишкомъ война идстъ, такъ какъ же сй въ одинъ годъ кончиться?»
- «Твоя правда, Илья Кузьмичъ! Твоя правда! Поди, върь, какъ разъ въ дураки попадешь: такъ

это мы задаромть ура жричали? Эхъ, надулъ кавалеръ!»

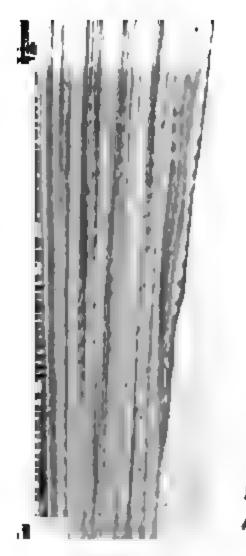
- «Отъ чего же и надуль!» замвтиль капраль: «Съ дороги его спомъ изломало: ему во сив и причудилось, что мирь сталъ, а опъ и повъриль самъ, что будто на яву видълъ.»
 - «Экіе спы бывають!»
- «Такое ли еще прилучается! Воть не дальше, какь миъ самому чудо, не чудо, а причудилось дивпое дъло...»
 - «Батюшка, Илья Кузьмичь, разскажи!..» закричали многіе.
 - «Пожалуй, только присядемъ! Чай вы слыхали про князя Аникиту Ивановича Реппица? Я у него въ Бутырскомъ полку ракомъ щеголялъ; въ красномъ мупдиръ ходилъ; не зпалъ Государь кого на встръчу Шведскому Королю послать; думаль, раздумываль, да и говорить: — Дай красныхь съ Решинымъ пошлю! — Да и послалъ, да киязю въ подмогу сще восемь итхотныхъ, да пять драгунскихъ полковъ прикппулъ. Зълье не войско; иной пороху отродясь не нюхалъ; каждой пулв, будто ядру, клаияется; у всъхъ лыжи подъ погами, а глаза на карауль; такъ и глядять въ лъсъ; другой бы заплакалъ, еслибы ему въ команду такое войско привели, а киязь только парикомъ тряхнулъ, да и прибралъ ихъ въ ежевыя рукавицы; пезнаю какъ это у пего дълалось, а походишь съ нимъ мъсяцъ, другой, такъ заецъ богатыремъ станеть. Ужь такая у него была привычка. Вотъ мы и пошли Короля искать; а тоть и самъ не любиль прятаться; шарахъ на насъ со всемъ

войскомъ словно волкъ изъ лъса; хотълъ за разъ проглотить. «Шутишь...» сказаль киязь: «подавишься! »и повель насъ на бой. Мъста на томъ концъ нашего царства лъсныя; земли мало, а какая есть, все полянами идеть; киязь такой задаль трезвонь, что Короля и одурачилъ; тому въ голову пришло будто въ лъсу вся русская сила; онъ то своихъ поприбереть, а мы тоже въ лъсъ, да въ другую сторону, да опять принялись за Шведа... Дошло до Короля... Онъ на насъ бъгомъ, а мы въдь не у чужихь, на своей сторонкъ, гдъ прыжкомъ, гдъ ползкомъ, подъ самой его фатерой на привалъ стали, кашицу сварили, да и расхлебали; пока вернулся Король, мы ужъ были далече. Видить Король: плохая встръча! Думаетъ себъ; этакъ они меня и въ гости къ себъ не пустять, а проводы справять. Давай выживать нась изъ льса; а намъ въ поле крънко нехотълось; а пуще князю, потому что за наше удальство и смътку, прислаль Государь князю «спасибо!...» Только прикинуль: «Киязь, держи ухо востро! На счастье, говорить, не изволь полагаться; счастье, что жестяной пътухъ на пъмецкой крышъ. Береги людей!» Туть прилучись Пъмецъ пришелъ, онъ у нашего Царя служилъ, за фельдмаршала; Репнинъ волей неволей, хоть и быль уже тогда генераломъ отъ пъхоты, а начало старшему подай; нъмецъ но своему, по нъмецки, подумаль, да и говорить: «Опасно туть подъ самымъ Шведомъ стоягь; сказано: своего берега держагься; поплемъ назадъ!» Воть мы и пошли, голову повъсивъ. Случись по-

томъ, такъ черезъ годокъ, али и по больше, лвтомъ, подъ Головчипомъ, мы опять сощлись со Шведомъ; самъ фельдмаршаль Шереметевъ начало держаль; разставиль нась стариковь на львомъ крыль, князь быль съ нами, да не старшимъ, опять дали намъ въ набольше другаго нъмца; то же у нашего царя за фельдмаршала служилъ; стоимъ мы на мъстахъ всю почь; передъ нами рогатки, позади ръчки и лъсъ; къ утру пошель не то дождь, не то тумань, дрянь такая право, что и гиплой осепи не падо; своихъ не видишь; правду сказать и насъ то къ утру не мпого осталось; то и дъло бъгають къ Киязю, да у него солдать выпрашивають, тамъ мость приберечь падо, тамъ до брода Шведа не пускать, тамъ за пушку боятся; мало, мало пасъ осталось, а тутъ ни свътъ ни заря, глядимъ, изъ тумана со всею Свейской силой, будто изъ земли, выходить Король. Мы и закричали: «Ахъ ты Шведъ, куда ты лезсиь?!» Туть ему прямо вь глаза пушки картечью брызнули; не слушаеть, идеть; Князь послаль къ пъмцу, чтобы въ одно место сойтись; ужъ пе зпаю почему, только тоть за - фельдмаршаль не пришель, а мы и попались въ просакъ. Мы то съ княземъ еще пичего, а новички, такъ гурьбой къ льсу и потяпули. Обрадовался Король, да семь пушекъ у насъ и стилиснулъ. Видитъ князь, бъда, шпагу на голо, да тъхъ-то бъглыхъ повичковъ на мость не пускаетъ; прикололь одного-другаго; сами видять, что оть Шведа коли и уйдуть, такъ ихъ всвхъ князь при-

колеть; со страху вернулись, съ перепугу построились, да съ княжой команды, давай вмъсть съ нами стрълять. Пошла потъха. Такъ и жаримъ, дружно! Строй подойдетъ къ намъ плотный, а отходить будто частоколь, изъ котораго мальчинки колья растаскали. Шведъ сердится; слышимъ, какъ по своему, по свейски, всякую брань загинаеть; да изъ пустяковъ горячится; мы пули, будто кормъ курамъ, сыплемъ. Разгулялись больно, безъ оглядки разстрълялись: глядь, зарядовъ не хватаетъ. Сами видимъ, что бъжать стыдно, а на мъств Шведъ насъ, какъ куропатокъ, забереть; говоримъ князю, тоть на насъ падулся, да самъ лучше нашего дъло разумъетъ. Перекрестился и вельлъ отступать... А падо вамъ знать, что на кождаго молодца по семи вороговъ, а восьмой за назухой. Правдивъ былъ килзь; что солдату, что фельдмаршалу, одинаково говориль; языка на разные лады не ломалъ; вотъ и обнесли князя передъ Государемъ; говорять, подъ Головчиномъ даромъ Шведу семь пушекъ отдалъ; Государь указаль суду быть; судьи и обрадовались; Государь хотъль закона, а судын свою волю справили; всякой свою обиду на счеты киязю и положиль; каждый ему другую випу придумаль; засудили въ рядовые. Какъ пришелъ батюшка князь ко миъ въ капральство солдатомъ, я такъ съ цълымъ взводомъ и заплакалъ; хотълъ я ему на свой страхъ, всякую льготу дълать; куда, не смъй! Всякую солдатскую службу, лучше старыхъ служивыхъ, исправляетъ... Пе долго въ опаль та-

кому орлу тосковать досталось. Не далече отъ Пропойска... чай Пропойскъ знаете?... Такъ на большой дорогъ тамъ есть дряшая деревушка: Лъсное; шли мы за Шведомъ по пятамъ; тотъ Шведъ Королю велъ большое войско и всякой казны миожество за собою тащилъ. Заскочили мы ему дорогу. Онъ больно на себя понадъялся. Мы подъ Голицынымъ въ самой серединкъ стояли, туть и Государь съ Меньшиковымъ и Брусинымъ (Брюсь) повхаль осмотръть супостата, а Голицыпъ подошелъ къ нашему князю. Инкогда опи прежде въ ладу не были, а тутъ Голицыиъ говоритъ киязю что-то тихо про войну и совъта просить; тоть ему что-то сказаль. Голицынъ и отьъхалъ, нахмурясь, и сталь на свое мъсто. Туть Государь прискакаль; говорить: «Шведы идуть! Ребятушки, побейте Шведа!» «Побьемъ, падежа Государь?» и ношло дъло аховское; послъ Полтавы, такого дъла у насъ не было; и Полтавское потому такъ гладко съ рукъ сошло, что мы подъ Атснымъ руку набили. Просто вамъ сказать, малина! Князь Голицынъ всъхъ удивнаъ. Куда ин пойдеть, будто гора валится, такъ Шведа и приплюспеть. Гдв опъ покажется, такъ самъ одппъ за цълый полкъ стопть; здоровъ, нечего сказать; отъ одного его голосу стали Шведы бъгать; разчесаль онь ихъ; тутъ, но командъ Царя, и мы впередъ малепько двинулись, и такъ пришлось, что эпое капральство возлъ самаго Царя стало. Кпязь началь было что-то говорить, да и запиулся. Государь на него посмотръдъ, да будто про себя

рости... Вели колоті задъ!...»

- «Товарищъ !» з
отъ тебя отъ перваго
ствую, что мы пе про
«За чъмъ проигр
«только съ горяча про
Бутырцы бы теперь пр
— «Справедлино!» си
— «Такъ и скоманд

Государь въ самый жар:

рогой: «Самъ Государь (

И печего сказать, дост месть, если не больше, ній ихъ, правда унесъ во Ами день но тон прав — «Прости Репнина!» сказаль Голицынъ на всю армію. Туть Государь не выдержаль, давай опять цъловать Голицына: «Спасибо тебъ, Михайло!» говорить Царь: «Спасибо тебъ за Реппина, много благодарствую: за эту ръчь дарю тебъ восемь соть дворовъ! Аникита Пванычь!..» кликнулъ Государь: «Поди сюда, ко Мнъ! Тутъ твое мъсто!»

Что они ужъ тамъ дальше говорили, нельзя было разслушать; чай больше часу всв мы ура кричали, будто опять на голову Шведовъ побили. — Праздпикъ сталъ по всему войску. Три дни поздравление князю посили. Вотъ видите, какое на свътъ бываеть....»

III.

Илья капраль давно пересталь говорить, а Калужское купечество все еще слушало....

- «Только-то!» накопецъ произнесъ Яблочкинъ: «А гдъ же диво, что тебъ причудилось?...»
- «Диво? А воть въ чемъ диво. На канунъ двла подъ Лъспымъ, я почитай всю продълку съ кпяземъ во спъ видъль!»
- «Быть пе можеть!» воскликнули нъкоторые изъ Сбиркипской партіи....
- «Ужъ коли Илья Кузьмичь разсказывать изволить....» замътилъ Яблочкииъ: «такъ не могло быть шаче. Въдь не кто другой, опъ самъ во сив видълъ....»
 - «Мало ли чего? Воть и я вчера во сив ви-

дълъ, что у тебя на крышу къ дому денегъ но хватило....»

Громкій смяхъ поддержаль оскор бительную рачь Сбиркина.... Иблочкинъ не на шутку обидался....

- «У тебя, не бось, заняль! Я брать не люблю пагинаться, чтобы воды зачерпнуть, а ужъ не то, чтобы кому займами клапяться ... » Иблочкинь съ удовольствіемъ посмотръль на водоподьемъ....
- «Я воды не жалую; у меня, и про чужих людей, въ харчевиъ, пиво водится.... Ужъ гдъ воду Богъ провелъ, тамъ ей и быть; а подымать ее къ себъ въ избу, ради прихоти, гръхъ; отъ лъпи, чего на умъ не взбредетъ.... Да Заверховскіе всъ лъптяи, дъло извъстное....»
- «Пъть, братъ, Городскіе и не лъпятся, а съ нашей стороны, что годъ, на бъдныхъ, съ каждаго двора милостыню правятъ; у насъ ницихъ пъть! А тамъ у васъ все ниціе....»
- »Потому что ваши барышники; на дорогъ сидять, да торгъ отбивають.»
- «Полно ссориться!» крикнуль Илья Кузь-
- «Да какая тутъ ссора. Пусть мы и ниціе, а Заверховскіе все же въ моей харчевнъ съдятъ....»
 - «Такъ вотъ же я ни погой за мостъ!»
- «Да не потому, брать, что пе хочень, а потому, что такого обидчика дубьемъ проводять...»
 - «Такъ вотъ же парочно пойду!»
 - -! alle nongemb!»

- «Пойду!» II Яблечкинъ пошелъ на градскую сторопу; Сбиркипъ со своими забъжали ему дорогу; Заверховскіе бросились на помощь Яблочкину. Пошла свалка. Папрасно Илья капралъ ушималь купечество и ръчью и костылемъ.... Драка завязалась не на шутку; на громкій крикъ сражаюпихся, сбъжались съ объихъ сторопъ вспомогательныя силы; откуда ни возьмись и Андрей и Навлушка, очутились на мосту в приняли участіе въ сей гражданской батали. Павлушка, пе долго думая, хлопъ самого Сбиркина, да такъ угодилъ, что тотъ съ ногъ свалился, и въроятно бы не всталь уже съ моста, потому что въ этомъ мъстъ **Молочкиныхъ больно много прибыло; по Апдрей** оттолкиулъ брата, поднялъ на руки Сбиркина и понесъ, къ общему удивлению, къ новымъ Сбиркинскимъ хоромамъ. Это зрълище прекратило сраженіе.... Яблочкины отступили съ пегодованіемъ, Сбиркины съ угрозами; Илья Кузьмичь остался одинъ посреди моста, махаль костылемъ и кричалъ во все горло:
- «Пу, пътухи, печего сказать! Пасилу, па великую удалось миъ пхъ упять! Смирно! Слушай! По домамъ!»

По толны противниковъ не слушали команды, не расходились. Яблочкины осынали проклятіями и ругательствами Андрея и требовали, чтобы онъ сейчасъ принесъ назадъ Сбиркина, а Сбиркины у воротъ дома его, также требовали, чтобы имъ выдали Андрея. Папрасно Илья капралъ бъгалъ съ конца въ конецъ моста и уговаривалъ; Сбир-

чувствъ па постели; вошу, отступиль и с дорогую Патанку, для в ромъ у Сбиркина; объ образъ его печально и для вся онь вынесь отт maro mpara choero.... Ilo разрушило его надежды; таши. Такъ ужъ за одно гляжусь на пепаглядную Думаль, да глядель; гляд варыдъ. По Сенькъ шапка оть его плача-вся семья и про отца, да къ Апдрег --- «Что съ тобой, Аид буракъ-буракомъ стала, и - «Ахъ, Паталья Семе Андрей: «Умирать приході «Какъ умират»

и дъвичій стыдъ и обычай позабыла; выскочила на крыльце, да и кричить: «Никто не смъй!» Да Андрея за руку, да въ избу, а тутъ Семенъ Семеновичъ и очнись.... Видитъ, глазамъ не въритъ, дочка самаго злаго врага выручаетъ; въдъ это братъ родной разбойника Павлухи; и боль и раны позабылъ Сбиркинъ; схватился съ постели, да къ Андрею съ кулаками, да кричитъ: «Держи его, лови, эй, сюда молодцы!...»

- «Сюда, Андрюша!» закричала дочь, не хуже батюшки и увела его изъ избы въ другія двери; Сбиркинь ц Сбиркины къ тъмъ дверямъ; заперты; давай ломать.... «Погодите!» кричить Паташа: «Я и такъ отворю.... Вотъ вамъ....» И точно отворила двери.
 - «Гдъ опъ?» кричить мужской полъ...
- «Пошель домой!» отвъчаеть Наташа покойпо: «Я его черезъ садъ въ оврагъ провела. Чай опъ уже за ръчкой!»
- «Ахъ ты стрампица!» завопиль Сбиркинъ и съ своею толпою бросился въ садъ, но къ общей досадъ, Андрей подымался ползкомъ по крутому утесу къ отцовскому дому, вскарабкался, сталъ на поги у себя въ саду, да снявъ шапку, низко Сбиркинымъ и поклонился... Это произшествіе можно взять катастрофой всей драмы; съ этихъ поръ мостъ опустълъ окончательно; Илья капралъ, дня три или четыре сряду, приходилъ въ обычное время на мостъ, садился на свое мъсто; ждалъ собесъдниковъ, никто не являлся; пересталъ и капралъ ходить на мостъ; нежду двумя частями

отпенное средство вы шель къ состанив, вилъ, да и объявилъ цего племянанцу Ябло точную невъсту...

- «Такъ за правду спросилъ Андрей, не сі
 - «По сгубить, а ж — «lle могу в жент
- «Врешь! Противу ходить!» сказаль Шлья: упрямыхъ давалъ мпъ А ральство; какъ мосії па. станеть шелковый! Такъ ты мив старину всномина CKAR CO MITOTO !»
 - «Отеңъ ты родной!.
- «Молчи! По артикул будеть вдвое... Пошель в тамъ смирно, в оп

- «Вотъ-те разъ!» говориль одинь: «Да можеть быть онъ на Калугу не повдеть...»
- —, «Да какъ же ему миновать Калугу, когда онъ отъ самого Царя въ Орелъ вдетъ; въдь я не съ чужихъ словъ говорю, а мнъ все это гренадеры его разсказывали. Въ Маломъ Ярославцъ денька два пробудетъ; тутъ у него по близости вотчина есть; управится, и прямо въ Орелъ...»
- «Ахъ ты бъда, право! Въдь онъ енераль, и говорять большой Царскій слуга...»
- «Кто такой?» спросиль Илья Кузьмичь, опускаясь въ погребокъ.
- «Воть кто знаеть!» закричали многіе голоса: «Спросимъ, спросимъ!»
 - «Что такое?»
- «Ла воть Плья Кузьмичь; вдеть изъ Питера въ Орель Григорій Петровичь Черпышевь. Ты чай зпасшь, большой опъ Царскій слуга или нъть?»
 - «Да какой на немъ чипъ?..»
 - «Еперальской!»
- «Пу, такъ какже небольшой? Послъ другихъ большехь чиновъ, этоть самый первый; больше и рапги пътъ; еперальская ранга одна, только прикладъ разный; вотъ какъ изъ бригадъровъ кто выйдеть, его уже и возьмутъ въ генералы. Тутъ опъ служи мајоромъ, поручикомъ, потомъ анчеомъ, а ужъ анчеов чуть чуть не фельдмаршалъ; а фельдмаршалы тоже разные бывають: за-фельдмаршалъ пониже, а фельдмаршалъ на-чисто, это уже братцы послъднее генеральство; тутъ и стой; дальше и дороги нътъ...»

- «Такъ что же? Можетъ статься, Черныневъ себв хоть и епералъ, да только маіоръ...»
- «Все равно, братцы, ецераль такъ енераль; съ Государемъ говорить...»
- «Что ты это, Илья Кузькичь! Мало ли енераловъ, такъ всъ съ Государемъ и говорятъ...»
- «Вст до одпого! Это ужъ такой чинъ, для того и сдъланъ; а то сами подумайте, съ къмъ же Государю было бы и бесъду вести, и компанію держать; скучио стало бы...»
- «Правда твоя, Илья Кузьмичъ! Такъ ужъ сдълай дружбу, не откажи, присовътуй, какъ намъ такому большому царскому слугъ встръчу справить! Денегъ теперь подпосить не указано. Такъ мы его хлъбомъ да солью поздравимъ...»
- «Медку только да барапковъ подкипьте! Такъ насъ съ Ашкитой Иванычемъ въ разныхъ городахъ встръчали.»
- «Ну, медку и баранковъ... А еще не надо ли чего? Не прикипуть ли по штукъ холста, да по штукъ ситцу.»
- «Пеуказано! Право неуказано, а ужъ развъ, лътняго времени ради...» замътилъ Яблочкинъ самодовольно: «золотую кружку Здоровца съ моего водоподъема...»
- «А если опъ!..» подхватилъ одинъ изъ собестдниковъ: «Сбиркинскаго обычая держится; воды не ньетъ; такъ чтобы по обидълся.»
- «Какая туть обида! Пашь Здоровець дарь Божій; разный цедугь гоцить...»

- «А если гость здоровъ, такъ гляди, что бы за что дурное не принялъ!»
- «Пу такъ поставимъ на подпосъ другую кружку съ инвомъ изъ моего погреба!» сказаль Монтрания изъ моего погреба!» сказаль Монтрания и ра-
- «Копечно ратафін!» замътиль Плья капраль: «Какой епераль станеть пиво пить; въдь это все одно, что брага; и для простаго человъка пиво пить можно ради бъдности одной; а высшей ран-гъ оно не пристойно.»
- «Быть по твоему, Илья Кузьмичъ! Только теперь падо придумать распорядокъ; первый под-посъ, пожалуй, я попесу, а второй кто?»
- «Пусть Илья Кузьмичъ песеть!» закричало пъсколько голосовъ.
- «Эхъ вы, головы, головы!» прервалъ Яблочкипъ: «а кто же будетъ ръчь держать; гдъ ръчь, тамъ ипой разъ надо и рукой подмахиуть, а подносъ того гляди вывалится...»
- «Твоя правда, твоя правда, сосъдъ! Да небудь у меня еще костыля, такъ я бы справился, а то и костылемъ управлять, и подносомъ и ръчыо... пе берусь...»
- «А ужъ ръчь отхватаень чай важную? Что ты ему скажень, Илья Кузьмичъ?»
- «Да что я ему скажу? Здраствуй батюшка епераль! Именитые люди со всего Калужскаго посада вышли къ тебъ встръчу править, хлъбомъ солью поздравить. Здравья желаемъ, ваше превосходительство!»

- «Только то! Эй смотри, Илья Кузьмичь, обидится! Того гляди еще плюпеть; скажеть, было чего за этимь изъ города выходить, могли это и на паперти соборной сказать. Ужъ коли говорить, такъ говорить, чтобъ уши у него разбъжались...»
- «Да ужъ полно, сосъдущка, меня учить! Это у меня только для начала, а тамъ дальше я его уважу; часъ на дворъ продержу. Ахпеть, какъ заслущаеть...»
- -- «Сдълай дружбу, Илья Кузьмичъ, красныхъ словъ не жалъй! Мы то тебя всего прослушали, а енералъ чай никогда такого песлыхивалъ. Зпаень, ты уже на встръчъ, про военныя старыя дъла что ни есть ему разскажи, вотъ я чай обрадуется...»
- «Да что-бы разсказать? про Полтаву, ам Переволочну, али про Лъсное, Калишь... Чай онъ это все знаеть; ну, да не бойтесь, что ближе подъ руку попадеть, то я ему и разскажу. Останется доволень!»
- «Все кажется на ладъ идетъ! Одного бонось, чтобы до городскихъ не дошло. То-то будетъ любо! Мы енерала встръли, проздравили; а городскіе Царскаго слугу прозъвали. Такъ смотрите , же ребята, что бы какъ ии есть...»
 - «Да развъ итица имъ эту въсть черезъ оврагь перепесеть, а ты знаешь, наши за мостъ, будеть скоро годъ, никто не ходить.»
 - «Даль бы то Богь, что бы не узнали; намость имъ енераль голову; да можно, Илья Кузьмичь, и въ ръчи намекъ на пихъ бросить, что-де

заважинчались, старшихъ не уважають, то да се, зпаешь, этакое...»

- «Молчи, молчи, сосъдушка! Говорять тебъ, уважу. Да чтобы разумомъ раскинуться, не худо бы, знаешь, енеральской ратафіи отвъдать. Чай съ перваго глотка угадать можно, что не для простаго народа придумапа.»
 - «Ла ужъ не куда піло. Эй, ратафін!..»

II собесъдники совъщались до поздней ночи; вст распоряженія сдъланы; на колокольню, которая стояла на самомъ вывздъ, отправленъ Павлуха, яко растороппъйшій и сильпъйшій; сопъ его не возьметь, глаза завидять еперальскій поъздъ далече, звопить не паказано, что бы городскіе пе заслышали; а велъно веревку протянуть на колокольню; ту веревку привязать за руку сторожу; какъ дериеть Павлуха веревку, тоть сторожъ, толкпи другаго сторожа, тотъ другой бъги по улицъ, да покрикивай, а въ каждомъ переулкъ свой сто рожъ; тъ пріударять въ доски, весь народъ собирайся на Московскій конецъ и поджидай Яблочкипа... Важно уладили дъло. Илья Кузьмичъ видно ратафін перехватиль, пришель домой, поставилъ Андрея середь избы, да и давай ему свою завтрашиною ръчь повторять:

- «Да что ты, Андрюша!» сказалъ Илья Кузьмичъ, окончивъ ръчь: «Что-жъ ты стоишь, будто простой мужикъ? Въдь ты у меня теперь енералъ, т. е. за ецерала. Вотъ ты мив и отвъчай!»
 - «Да что же я тебъ отвъчать стапу?»

- «Какъ что? Спасноо, ребятушки, за клюбъ за соль! Ну!»
- «Спасибо ребятушки за каббъ за соль! Ну!»
 - «За вашу красную ръчь и проздравленія.»
 - -- »За вашу краспую ръчь и проздравленія.»
 - «II вамъ того же желаю!»
 - «II вамъ того же желаю!»
 - -- «Ради стараться, ваше превосходительство!»
 - «Ради стараться!..»
- «Экой ты, глупой, въдь это ужъ мы кричать будемъ! Мы крикнемъ, а онъ скажетъ: Иу, пътъ ли у васъ какой до меня просьбы... Есть, скажу я, какъ пебыть. Вотъ я батюшка. командъръ, хочу сего дня старшаго сына женить. Будь отщемъ роднымъ, посиди за меня... А онъ и скажетъ на это: Изволь! Солдатъ солдату поневоль другь... Ухъ, ты, батюшки, и тебъ честь на всю Калугу. Сбиркинъ съ досады трехъ дней не проживетъ. Уморю, не я буду, уморю... Что ты, Андрей...»
- «Пичего!» отвъчаль Андрей, присъвъ на прилавокъ: «Пичего! Да развъ твой гость такой большой человъкъ? Можетъ быть и ты его слушаться долженъ?»
- «Какъ же не долженъ! Все одно, что отца роднаго, такъ какъ ты меня... Пу, Апдрей, правду тебъ сказать, у меня все готово; только голова что-то тяжела; надо соснуть, чтобы завтра лицемъ въ грязь не ударить. Пу, ступай съ Богомъ, нотерии до завтра, прощай!»

Илья капраль пошель спать, а Андрей бросился въ садъ, и самъ не свой, глядълъ со слезами на освъщенныя окпа Сбиркипыхъ хоромъ. Лътняя темпая ночь зажглась безчисленными звъздами... Но къ общему и взаимному удивленію объихъ сторонъ, во всъхъ домахъ, и по ту и по сю сторону оврага, горъли огни; одинъ Андрей не замъчаль этой небывалой странпости; до самаго утра проспдълъ опъ на высокомъ утесъ и глядълъ · на яркія окпа... Но раздался благовъстъ къ заутренив. Андрей очнулся и сталъ раздумывать о своемъ положеніи. Жениться на неизвъстной ему племяницъ Яблочкина, опъ не имълъ никакой охоты; впрочемъ онъ пенавидъль ее всею душою, ненавидель себя и готовь быль броситься съ утеса, при одной мысли объ этой свадьбъ. Думалъ Андрей, раздумываль, и наконецъ на что-то ръшился... Ръшился — но внимание его увлечено было необыкновеннымъ шумомъ на объихъ сторонахъ посада; по встмъ переулкамъ стучали въ доски, изъ домовъ валиль на улицу старъ и младъ, и все это стремилось на Московскую дорогу; за-Верхомъ стало тихо; съ утеса своего Андрей видълъ, какъ сосъди и ближије и дальнје слились въ одну толпу и пошли за городъ; не успълъ Андрей проводить ихъ глазами, какъ на мосту показались городскіе въ праздинчныхъ одеждахъ. Сбиркинъ тащиль передъ собой огромный подпосъ, покрытый парчею; миновали они мость и потяпулись также по Московской дорогъ... Апдрей оглянулся; въ саду Сбиркина, въ открытой бесъдкъ, стояли жен-

щины и глядтли на встръчальный ходъ; голова у Андрея закружилась; ноги подогнулись, оступился опъ и съ кампя па камепь побъжалъ випзъ, какъ будто влекомый невидимой силой. Папрасно хватался опъ за кустарники; опи вырывались изъ рукъ, бросались ему въ глаза; опъ бъжалъ далте и дальше и наконецъ упалъ въ быстрыя волны Березуйки. Какъ бы то нпбыло, это полу-воздушпое путешестие совершилось довольно благополучно; опъ ушибъ только погу, когда уже свалился въ воду, и то ушибъ слегка; но опасность въ какой опъ находился, самое паденіе, которое оптически казалось смертельнымъ, все это вырвало изъ устъ Паташи произительный крикъ; опа бросилась по дурной лъсенькъ, выбитой въ утесъ къ источнику, и прибъжала на помощь къ Андрею въ самое то время, когда онъ подымался изъ воды...

- «Что съ тобой, Апдрюша!» кричала опа: «Чай больпо ушибся?»
- «Самъ Богъ насъ свелъ, Наталья Семеновна, что бы уже больше никогда не видаться!»
- «Это почему? Дасть Богь наши помирятся...»
- «Пикогда! Да и что мив миръ! Меня хотятъ женить сегодия...»
- «И меня, Андрюша!» закричала Паташа и залилась слезами. «И меня хотять выдать замужъ сегодня! И женихъ то не здъпній; изъ Малаго Ярославца; вчера пріъхаль и про енерала разсказаль; ахъ Боже мой, чай теперь Семень Семельный просить гостя въ посаженые режень

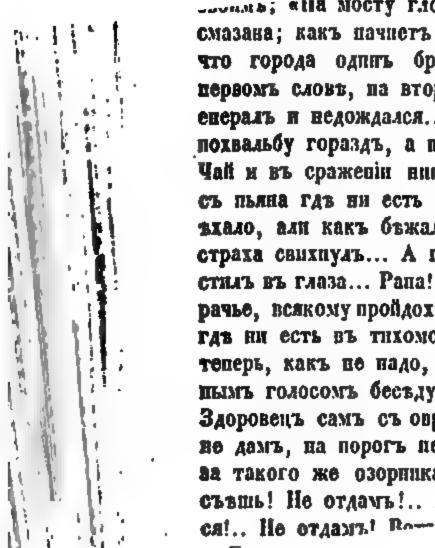
- «Не увижу я твоей свадьбы, Наталья Семеновна! Воть те Христосъ, не увижу. Иду по доброй волв въ солдаты! Противу этого и у отца пътъ воли. Прощай!»
- --- «Пе бывать моей свадьбъ, Андрюша! Коли такъ, я иду въ монастырь; видпо опъ ужъ для меня парочито на нашей стороцъ и выстроенъ...»
- «Да изъ! чего-же ты замужъ не хочешь? Развъ другаго любинь?..»
 - — «A ты, Андрюша?...»

Обое смутились, долго не могли взглянуть другъ на друга, помолчали, да и вздохнули разомъ; вздохнули и будто сердце сердцу въсть подали.

- «Погоди, Паталья Семеновиа! Видно и эту мысль Богъ послалъ... Прощай!»
 - «Куда ты, Андрюша?»
 - «Боюсь опоздать... До свидапія!»

И Андрей поползъ вверхъ съ особенной поспъшпостью, сще разъ поклонился изумлениой Паташъ съ утеса, и пропалъ между построекъ своего двора.

. Андрей не шель, а бъжаль къ Московскому концу, по тамь уже церемонія была кончена. Григорій Петровичь Чернышевъ шель по улицъ пъшкомъ; по правую отъ него руку, хромаль Илья капраль; по лъвую, съ ноги на ногу переваливался Сбиркинъ. Горожане шли за ними; но партія съ партісй пе смъшнвалась; они тъснились къ бокамъ улицы такъ, что по пространству ихъ раздълявивему, ъхали экипажи Григорія Цетровича совершенно свободно, и еще бы могли ъхать дру-

Sounds; «HE MOCTY FAO смазана; какъ пачнетъ ј что города одинъ бра. первомъ словъ, на вторс енералъ и недождался... похвальбу гораздъ, а па Чай и въ сражени нигдъ съ пьяна гдв ни есть пог вкало, али какъ бъжалъ . страха свихнулъ... А глуп стиль въ глаза... Рапа! Виг рачье, всякому пройдохъ въ гдв ни есть въ тихомолку теперь, какъ по падо, слы нымъ голосомъ бесъдуетъ. Здоровенъ самъ съ опрага не дамъ, на порогъ не пу аа такого же озорника от съвшь! Не отдамъ!.. Храг

держали. На дворъ Чернышевъ остановился; объ партін, никакъ не смъшиваясь, окружили его; гренадеры, бывшіе при Чернышевъ, хлопотали около экппажей, которые также въъхали на дворъ...

- «Пу, спаснбо, спаснбо!» сказаль Григорій Петровичь: «Много доволень! Хорошо, что дъло позволяєть у вась погостить. Благо теперь въ а дмиральтецъ-коллегін за миромъ дъла стало меньше. Могу день другой на Калугу поглядьть и вашему житью-бытью присмотръться...»
- «Какъ, батюшка-командъръ!» спросиль Илья Кузьмичь, не выдержалъ: «Такъ миръ за правду сталъ?»
- «Такъ вы объ этомъ и не слыхали? Экая глупь, а кажется отъ Москвы и двухъ сотенъ нътъ. Миръ, да еще какой! На славу, первый въ свътъ миръ!»
- «Да ужъ какому и быть съ такимъ Царемъ! Чай больше ста городовъ за Государемъ осталось.»
 - «Будеть побольше!»
- «Ахъ, досадно, что меня не было! А все жаль, что войны нътъ. Знатное дъло война!»
- «Да и мив что-то сдается, что вся Калуга войну любить, и воть все хотьль спросить, оть чего не всъ горожане мив одну и туже хлъбъсоль выпесли?»

Всъ молчали, потупивъ голову.

- Видпо вы меня, дътушки, не отъ сердца встрътили, коли не хотите мив признаться отъ чего это прилучилось?»

- твердымъ голосомъ Андрей, выступая впередъ.
 - «Какъ отъ ссоры!»
- «Да воть старики про межь собой стали тягаться: кто кого богаче? а мелочь за ними пошла; завелась вражда не на животь, а на смерть; больше году паши за мостомъ не были, а тъ заверхъ не ходили. Охъ, батюшка командъръ, не будь той вражды, не жепилъ бы меня отецъ, не выдавалъ бы Сбиркинъ своей дочери замужъ, насильно. А все ссора!..»
- «Ссора?..» спросилъ Григорій Петровичь гнъвно: «Ссора? Одного города жители, одной церкви христіане, одного Государя подданные, и въ такой враждв! Такъ-то вы исполняете законъ Божій и Государеву волю! Вотъ я васъ! Дамъ я вамъ ссориться! Гей! Плетей!...»

Магическое слово привело всъхъ присутствующихь въ ужасъ; они не знали върить ли ушамъ своимъ, да по неволъ повърили уже глазамъ, потому, что гренадеры собирались приступить къ исполнению генеральскаго приказанія. Нечего дълать. Какъ снопы новалились купцы въ ноги Чернышеву и завопили: «Помилуй, батюшка, помилуй!»

- «Васъ миловать мив, старому слугь царскому? Вы мятежники! II въ примъръ другимъ. васъ должно паказать безъ пощады!»
- «Воть-те Христосъ, не буду!» вопыть Сбиркинь...
 - «Рамопия вперать пачь вызватия;» вра-

чаль Яблочкинъ: «помилуй, не паказывай неповинныхъ! Съ чего опъ па меня взъвлся? Онъ меня обиделъ...»

- «Пе върь, батюшка, государь милостивецъ! Яблочкины чуть меня до смерти не уходили...»
- «Да ужь мив туть разбирать некогда!» сказаль Григорій Петровичь: «На то есть Государевъ судь и расправа, а ссориться и враждовать я васъ отучу.»
- «Пе будемъ, пе будемъ!» кричали и Сбиркипы и Яблочянпы хоромъ.
- «Гръхъ васъ и простить; да и кто поручится, что вы при мив помиритесь, а потомъ пучие поссоритесь. Ивтъ, безъ острастки въ вашемъ миръ проку не будетъ. Вы все одно, что Шведы...»
 - «Покляпемся и присягнемъ!»
- «Пу, пожалуй! Только въ послъдий разъ! Слышите, въ послъдий разъ! А заслышу про ссору, такъ изъ Питера указъ привезу; ужъ тогда плетей вамъ мало будетъ; всъхъ разошлю; все гиъздо до тла раззорю... Эй ты, какъ тебя зовутъ, добрый малый, что на ссору миъ пожаловался?»
 - «Андрей Самоваловъ!..»
- «Попроси протојерея, пусть потрудится, ножалуеть сюда со крестомъ и Евангеліемъ. Надо ихъ на въки замирить...»

И объ стороны принесли присягу никогда не ссориться.

- «Ну, теперь, родные, поцвлуемся!»

- «Хорошъ и ты луя Самовалова... «А вить хочень?»

— «Ахъ, батюшка

я виновать, что Сбирі
не отдаєть; а холосто
— «Да что ты, Лі.
Сбиркинь: «Да ты разі
таль? Мив Андрей съ

— «Батюшка Семенъ Андрей, обнявъ Сбиркии. ма меня любитъ...»

заль Григорій Петровичь: посаженые сегодня просим же певьсту поздравлять... ше насъ всехъ сегодня то шать мое двло. Пойдемъ!...

построю миръ въ Калугв. Молодые двти мон, берегите вашихъ горожанъ! Чуть зашумаркаютъ, пишите ко мив! Я сей часъ съ указомъ прівду.»

Въ тотъ же депь сыграли свадьбу и въ тотъ же депь Григорій Петровичь утхаль въ Орель. Съ ттхъ поръ до пынъ Калуга наслаждается миромъ; теперь онъ сталъ уже въ привычку, а въ первые пятьдесятъ лътъ послъ этого произшествія, тишина и спокойствіе Калуги — назывались Чернышевским миромъ.

повъсти и разсказы:

I.

І. Авдотья Петровна Лихончиха	стр.	1.
П. Жанъ Батистъ Людо	>	32.
Ш. Новый Годъ	>	153.
IV. Аврора Галиган	*	201.
У. Надипька		
VI. Полковникъ Лесли	*	289.
VII. Психея	*	389.
VIII. Благодътельный Андроникъ	•	437.
IX. Монтекки и Капулетти или Черны-		
шевскій миръ	>	536 .

